

Annotation

Что нужно для счастья Верховной Ведьме самой обычной долины, населенной самыми обычными вампирами? Любимая работа? Успешная карьера? Степень архимага? Или... Друзья бессильны дать верный ответ, зато враги живо помогут во всем разобраться!

Итак, черная кобыла оседлана, волшебный меч заточен – и Вольха Редная снова отправляется портить настроение нежити, а заодно конкурентам, рыцарям и даже святым...

- [Ольга Громько](#)
 -
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ПЯТАЯ Бессмертный бой](#)
 - [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
-

Ольга Громыко

Верховная Ведьма

Черная кобыла с подозрительно невинным видом стоит у крыльца, лениво помахивая роскошным хвостом. Рановато ее заседлали и привели; вернее, это они припозднились с проводами. Зная эту неугомонную нахалку – час она на одном месте не простоит... значит, успела где-то погулять и вернуться. Только-только рассвело, долина еще спит, укутанная одеялом тумана, не по-весеннему густого и холодного. Если кобыла где-то нашкодила, обнаружат это не скоро, так что отдуваться придется ему – хозяйка лошади решительно встряхивает головой, отбрасывая волосы за плечи, и примеряется к стремям.

– Не уезжай.

Она опускает занесенную было ногу, оборачивается. Укоризненно и вместе с тем понимающе смотрит на него. Глаза в глаза, не пытаясь укрыться за ресницами или сторонними мыслями. Мало кто на это осмеливается. Ветер встрепывает ее длинные, золотисто-рыжие волосы – единственное светлое пятно посреди этого серого, зябкого утра.

– Почему?

– У меня нехорошее предчувствие.

– Брось! – Она беспечно усмехается, похлопывая лошадь по холке. – Мы же все давным-давно обсудили. Мне нужно собрать практический материал для диссертации и получить звание Магистра 3-й степени, для такой ответственной должности это просто необходимо. Я же твоя Верховная Ведьма, забыл?

– Нет, как и то, что ты еще и моя невеста, – невесело шутит он.

– Я вернусь, ты же знаешь.

Он нежно проводит кончиками пальцев от ее виска к подбородку, попутно заправляя за ухо выбившуюся прядку. Она шутливо уворачивается, нашаривает стремя и вспархивает в седло.

– Знаю.

Черная лошадь охотно трогается с места. Слишком охотно, а значит, вскоре жди незваных гостей, весьма недовольных столь же неожиданным визитом черной лошади в их только что засеянный огород, сад, а то и на чердак с опрометчиво приставленной к нему лестницей...

Если он окликнет ее, шагнет вперед или хотя бы опустит голову, выдавая, как тяжело у него на сердце, она тут же вернется.

Он знает и это. И молчит.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Житие святого Фендюлия

Каков дайн, таков и храм.

Старинное белоруское присловье

Весной даже дремучий бор, кишмя кишаций диким зверьем и упырями, язык не поворачивается назвать темным и зловещим. Мрачный скрип обомшелых стволов утонул в птичьем щебете, а земля – в цветущих пролесках, придавших старому лесу непривычно радостный, чарующий и таинственный вид. Так и ждешь, что во-о-он из-за той кучи бурелома сейчас появится прекрасная дриада верхом на белоснежном единороге (можно по отдельности) или добрая волшебница, разомлевшая на солнышке и посему готовая безвозмездно осчастливить первого встречного исполнением трех его заветных желаний (ну хотя бы одного, самого-самого!).

Впрочем, на худой конец сойдет и злобная ведьма на черной кобыле.

– Итак, Смолка, что мы имеем?

Кобыла прижала уши и неопределенно позвенела уздой. На данный момент ее хозяйка и впрямь отличалась редкостной злобностью – пару минут назад у нее в довершение ко всем бедам отвалилась подметка на совсем казалось бы новом сапоге. Стремя неприятно холодило босую ногу; отпустив поводья, я крутила в руках провинившуюся обувку, размышляя, то ли плюнуть на все и подклеить ее с помощью магии, то ли вернуться в село и устроить разнос жуликоватому сапожнику с гнилой дратвой. Возвращаться, хоть и не слишком далеко, не хотелось. Трех кладней [\[1\]](#) тоже было жалко, а заклинание придется подновлять ежедневно. Ладно, заеду к этому халтурщику попозже, на обратной дороге. Помнится, он с пеной у рта заверял: дескать, «сто лет износу не будет!», так что до конца гарантийного срока еще далеко.

С отвращением пошептав на сапог, я натянула его на ногу. Вроде держится и даже удобнее стал, в носке не жмет. Слегка подобрев, я наконец-то соизволила оглядеться по сторонам, но любоваться оживающей природой было поздно – лес закончился, а трава на опушке только-только

пустилась в рост, робко выглядывая из-под сухих прошлогодних гривок.

– А имеем мы вот что, – задумчиво сказала я, так и не дождавшись ответа от кобылы.

В пяти саженьях от опушки, прямо к стволу стоящей на отшибе березки была приколочена растрескавшаяся шильда с отломанным носом. Мне так и не удалось толком разобрать полустертые дождями и временем руны – то ли «Малинники», то ли «Малые Липки». Ни малины, ни липок я с ходу не заметила и на карте ничего похожего не отыскала. Странно, вряд ли моя карта древнее этой шильды... Надо будет расспросить кого-нибудь из местных, куда это меня занесло – вчера вечером я для разнообразия доверилась незнакомой дороге, логично рассудив, что в чистом поле она вряд ли оборвется, а работа для ведьмы найдется везде. Ну или почти везде.

Под первой доской висела вторая, новехонькая, с витиеватой надписью: «Колдовать, ворожить и творить прочий бесовской промысел возбраняется под страхом смертной казни».

– Не больно-то и хотелось, – вполголоса проворчала я.

Вероятно, где-то поблизости обретался крупный храм, таким нехитрым способом отваживающий конкурентов.

И это несмотря на королевский указ, уравнивающий в правах магию и религию! Увы, только на бумаге. Если в столице и городах маги с елейными улыбочками раскланивались с дайнами [2], то в более отдаленных местах власть Ковена Магов заметно ослабевала, переходя к священнослужителям. Неудивительно – ведь стать дайном мог практически любой, а должность эта легкая и хлебная, так что желающих хватало на все села, даже самые глухие. Магические же способности проявлялись далеко не у каждого, а единственная на всю Белорию Школа Чародеев Пифий и Травниц находилась в столице, где и оставалась работать большая часть выпускников.

Денег у меня пока хватало, а по опыту я знала: стоит проехать пару-тройку негостеприимных селений – и в четвертом ведьме окажут самый теплый прием, причем туда тайком сбегутся жители из трех предыдущих. Запретить-то магию можно, но заклинания молитвами не заменишь, и слова «значит, так было угодно богам» служат слабым утешением для молодого вдовца, чья жена приглянулась упырю или скончалась от родильной горячки.

Я огляделась, привстав на стременах. Так, вот и Липки-Малинки – довольно большое село, даже с ярмарочной площадью, в настоящий момент пустующей. Храма что-то не заметно. Левее, за березовой рощицей, небольшое озерцо в низинке, правее – пересеченная речушкой

пустошь, по которой маленькими группками бродят коровы и овцы, печально изучая бурую землю с редким вкраплением зелени. А дальше, за селом, на лесистой горочке... ого!

Замок был огромен. До него оставалось не меньше пяти верст, а макушки всех восьми башен уже горделиво возвышались над лесом, притягивая взгляд яркой кирпичной кладкой. На шпилях трепетали заостренные язычки флагов. Не верилось, что все башни обнесены одной стеной – места между ними хватило бы на восемь замков, – но кому придет в голову ставить их рядком?!

Я мигом сообразила, где нахожусь. Не Малинки, а Маел-ине-киррен, по-гномьи – Вороньи Когти, название крупнейшего в Белории рыцарского замка. А село, вероятно, называется «Перекрестье» – вон на столбе у околицы виднеется еще одна шильда.

Подъехав поближе, я убедилась в своей правоте. Перекрестье было одним из тех селений, что взяли начало от постоянного двора на скрещении дорог. Одной дорогой – той, по которой я приехала, – сейчас уже почти не пользовались, и она превратилась в обычную сельскую улочку, зато вторая с годами расширилась почти до размеров тракта и вела в гору, к замку.

Селяне глядели на меня неприязненно, не выходя за калитки, но и не отлипая от оных. Многие демонстративно крестились и плевали через плечо, кто-то даже показал шиш, якобы отводящий порчу (я не осталась в долгу, продемонстрировав другой, не менее символичный палец). Скрывать свою профессию я и не подумала, напротив – откинула капюшон куртки и гордо выпрямилась в седле, чтобы всем хорошо были видны трепещущие на ветру рыжие волосы и рукоять висящего за спиной меча. Проезжать-то через село мне никто не запрещал, как и рекламировать «бесовской промысел». Я подметила парочку заинтересованных взглядов и довольно усмехнулась. Может, выехать за околицу и остановиться в ближайшей рощице, поджидая клиентов?

Но тут я заметила корчму и мигом изменила планы. Тряское седло и черствые бутерброды уже сидели у меня в печенках – неплохо бы в кои-то веки побаловать и желудок, а заодно размять ноги и местечко повыше.

Ни чистотой, ни обилием посетителей корчма похвастаться не могла. При моем появлении она обезлюдела окончательно, а корчмарь, даже не поинтересовавшись, чего я изволю, брякнул передо мной наполненную едой тарелку.

Картошка оказалась пересоленной, огурцы дряблыми, а отбивная подозрительно напоминала мою отлетевшую подметку. Кое-как насадив сей кулинарный шедевр на вилку, снять его я уже не смогла. Укусить тоже

не рискнула, красочно представив два ряда зубов по соседству с вилкой. И потом, с одного края ее, кажется, уже грызли, но тоже не преуспели... Я в последний раз трянула вилкой, и отбивная неожиданно поддалась. Со зловещим свистом рассекая воздух, она на бреющем полете пронеслась через корчму и шлепнулась в ведро с помоями, где и затонула. Корчмарь тоскливо скривился – видимо, уникальное кушанье кочевало со стола на стол с самого утра и входило в меню не только обеда, но и ужина.

Вилка освободилась, и я занялась печальным размазыванием картошки по тарелке. Есть захотелось еще больше, но, увы, не настолько, чтобы заставить себя проглотить хотя бы кусочек этого месива, порочащего доброе имя еды.

Отложив вилку, я посмотрела в окно. Возле корчмы уныло слонялись какие-то мужички, то и дело поглядывая на дверь и перебрасываясь парой слов. Кажется, они были совсем не прочь пропустить по кружечке пива, но привязанная у дверей кобыла одними своими желтыми глазами отпугивала страждущих, не говоря уж о засевшей в корчме ведьме.

Корчмарь уже несколько раз прошелся мимо моего стола, в последний раз так и оставшись стоять рядом, выразительно сопя над моим ухом. Я, откинувшись на спинку стула, делала вид, что ничего не замечаю. Да и вообще, похоже, собралась малость вздремнуть...

– Эй, уважаемая! – Не выдержав, мужик выдвинулся на передний план. Уважения в его голосе я что-то не заметила, только досаду, несколько сдерживаемую страхом перед ведьмой. – Вы расплачиваться собираетесь али как?

– Собираюсь, – охотно подтвердила я, для наглядности прокручивая в пальцах серебряную монетку. Корчмарь протянул было руку, но денежка исчезла так же внезапно, как и появилась. – Но разве это надлежит делать не перед самым уходом?

Мужик неохотно, но утвердительно кивнул.

– Ну так идите, любезный, занимайтесь своими делами, я никуда не тороплюсь, – благодушно заверила я, поуютнее устраиваясь на стуле. – У вас такое милое заведение и так вкусно кормят, что хочется растянуть это удовольствие подольше. Скажем, до вечера. А может, и заночевать? Вы ведь ничего не имеете против, верно?

Корчмарь засопел, как дракон, похитивший принцессу, а в логове обнаруживший, что перепутал ее с девяностолетней служанкой. Причем выпроводить польщенную бабу оказалось не легче, чем наглуую ведьму, мешающую травить более покладистых клиентов. Не знаю, как там выкручивался дракон, а передо мной уже через пятнадцать минут стояла

тарелка с эксклюзивной куриной грудкой в густом соусе, свеженькая, еще дымящаяся.

– Надеюсь, этим госпожа ведьма насытится быстрее, – мрачно буркнул мужик.

Нежная курятина и впрямь таяла во рту. Я хотела из вредности растянуть удовольствие еще на полчаса, но, позорно проиграв здоровому аппетиту, проглотила все за несколько минут и с сожалением бросила в опустевшую тарелку искомую монету.

Отвязав кобылу, я с некоторым трудом взгромоздила на седло свое сытое тело и выехала за ворота, собираясь действовать по ранее намеченному плану, но не тут-то было.

Как оказалось, алчущие пива мужички не теряли времени даром. Пока я сидела в корчме, они сподобились послать гонца и хуже того – он успел вернуться с подкреплением.

На меня надвигалось по меньшей мере пять пудов железа – два скрывали под собой рыцаря, еще три – его верного коня, медленно и величаво переставляющего ноги. Из-под длинного серебристо-серого чепрака виднелись только мохнатые бабки с массивными копытами. Верхняя часть боевого скакуна была надежно упакована в шлем с прорезями для глаз, ушей и ноздрей, от которого до самой луки седла спускался воротник из начищенных до блеска пластин. Круп прикрывал крупноячеистый каркас из стальных полос, так что единственным уязвимым местом остался раздраженно помахивающий хвост.

Всадник экипировался еще основательнее – его проще было сплющить, чем ранить. Кольчужные элементы чередовались с литыми, у седла висел огромный двуручный меч, едва не царапавший землю. Все это весело дребезжало и лязгало при малейшем движении, распугивая кур и приводя в ярость собак.

За рыцарем, почтительно приотстав на полкорпуса, на низкорослом мышастом коньке трусил оруженосец – темноволосый паренек лет пятнадцати со смешливым, еще безусым лицом. Никакого оружия, правда, он не нес и не вез, да и из доспехов на нем была только легкая кольчужка до середины бедра, перехваченная в поясе простым кожаным ремнем. Замыкали процессию два десятка деревенских шавок, тщетно пытавшихся перелаять издаваемое рыцарем бряцанье.

Я уважительно хмыкнула, заметив золотой орден на серебряной цепи, удобно лежащий в выемке нагрудника. Как и у магов, высшие чины рыцарского ордена именовались магистрами. Впрочем, не стоило обольщаться – рыцари были беззаветно преданы храму и называли магию

не иначе как «мерзким колдовством» или «гнусной волшбой». К ведьмам они относились соответственно.

Я посторонилась было к обочине, но оба коня вильнули мне навстречу и остановились, недвусмысленно перегораживая дорогу. Магистр, явно рисуясь, заставил своего «горячего» тяжеловоза привстать на дыбы и вяло помахать передними копытами. О землю они лязгнули с таким грохотом, что я всерьез испугалась, как бы всадник с конем не рассыпались на отдельные сегменты. Стоит ли добавлять – мы со Смолкой даже не шелохнулись, взирая на рыцаря с таким искренним изумлением, что оруженосец смущенно потупился.

– Уа веваю веваить с вованой вевой! – гулко, с подвыванием донеслось из-под шлема.

Изумление перешло в не менее искреннее недоумение, кобыла даже по-собачьи повернула голову набок, вслушиваясь в гуляющее по доспехам эхо.

– Вероятно, господин магистр имел в виду, что желает говорить с ведьмой, – пришел на помощь парнишка.

– Вованой? – подозрительно уточнила я.

– Истинно так! – Рыцарь наконец сообразил откинуть забрало. – Ибо ведьма суть порождение тьмы, рассадник зла и средоточие мракобесьей силы на сей грешной земле, а посему иначе чем поганой называть ее недопустимо!

– Польщена, – пробормотала я. – И что с того? Вы решили разнообразить унылую жизнь этого добропорядочного села моим образцово-показательным сожжением?

– Увы, нет, – с искренним огорчением признался магистр. – Мы, то есть орден Белого Ворона в моем лице, желаем тебя нанять.

Я повнимательнее пригляделась к золотому ордену. Честно говоря, птичка больше смахивала на курицу, причем далеко не в лучшей форме. Создавалось впечатление, что несчастная покончила жизнь самоубийством, удавившись на серебряной цепи, где и болталась поныне с развернутыми крыльями, вытянутыми лапами и неестественно искривленной шеей.

Основной смысл сказанного дошел до меня чуть позже.

– Нанять? Меня?! Вы что, шутите?

По мрачной физиономии магистра было видно, что он тоже хотел бы так думать, но, к сожалению, не может.

– Очень не хочется вас огорчать, – вкрадчиво начала я, – но на выезде из леса висит весьма многообещающая табличка...

– Знаю, – отмахнулся рыцарь. – Я сам ее там приколотил.

– Оригинальный же у вас способ оповещать проезжих магов о свободной вакансии, – фыркнула я. Кобыла с готовностью поддержала меня аналогичным, но куда более ехидным и раскатистым звуком.

– Избави нас боги от вашего бесовского племени! – раздраженно повысил голос магистр. – Нам нужна ОДНА ведьма для выполнения ОДНОГО задания. Потом, хоть это и претит нашим убеждениям, мы ее отпустим...

Рыцарь и оруженосец растерянно переглянулись, не понимая, что меня так насмешило. Согнувшись от хохота над лукой седла, я с трудом выдавила:

– То есть вы хотите сказать... что вы меня... поймали?! Ой, не могу...

– Ну почти поймали, – поправился оруженосец, сникая под тяжелым взглядом старшего по званию. – Так сказать, в процессе...

– Ага. – Я легонько похлопала себя по груди, изгоняя остатки клокочущего там смеха. – Но, если я не ослышалась, изначально речь шла о найме, а это слово вроде бы предполагает оплату моей бурной деятельности, не так ли?

– Верно, – высокомерно подтвердил магистр, – ты оказываешь нам кой-какую услугу, а мы дарим тебе жизнь и свободу. По-моему, это вполне достойная цена за твои богомерзкие деяния.

– То есть вы хотите расплатиться со мной из отобранного у меня же кошелька? Нет, не пойдет. Попробуйте его сначала отобрать.

У рыцаря нервно дернулась щека. Видимо, до сих пор он сталкивался только с деревенскими знахарками, не способными сотворить даже простенький пульсар. Проверять, на что способен боевой маг с высшим образованием, ему очень не хотелось. Но отступить было поздно.

Магистр опустил забрало и пафосно бухнул шпорами по стальным конским бокам. Верный скакун, отреагировав скорее на привычный звук, с нарастающей скоростью двинулся вперед.

– Трещи, нечисть, ибо в оголовье моего меча заключен ноготь с левой ноги святого Фендюлия и одно прикосновение к нему обратит тебя в прах!

– Трещу, – честно призналась я. – Пакость какая, вот уж к чему мне совершенно не хочется прикасаться!

Рыцарь возмущенно взревел и бросился в атаку.

В моем мече никаких Фендюлиев не содержалось, да и обнажать его я не собиралась. Во-первых, честный бой (в моем понимании) проводился на самом удобном для каждого противника оружии, отнести к каковым меч я, увы, не могла. А во-вторых, из ножен торчала всего лишь рукоять с

обломком клинка, которому я никак не могла подыскать замену. За полтора года работы на трактах я сменила по меньшей мере дюжину всевозможных мечей – от гномьих до эльфийских. Зловредные клинки категорически отказывались работать со мной в паре: они терялись, ломались, гнулись или оплавлялись в ядовитой крови нежити; их крали, нечаянно путали на постоянных дворах, одалживали и забывали вернуть, а то и забирали с собой в могилу, оставляя меня «безутешно» скрипеть зубами и снова развязывать кошелек.

Так что я просто-напросто щелкнула пальцами, и рыцарь с Фендюлием пронесли мимо, вхолостую махнув мечом над моей макушкой. Отвести глаза человеку – простейший трюк, мы освоили его еще на пятом курсе, таская яблоки у скаредных торговков. Проскакав до конца улицы, магистр натянул поводья, озадаченно потряс головой и, нацелив меч, как копье, зашел на второй круг... третий... четвертый...

Пыль вдоль улицы стояла столбом. Селяне, разбившись на две группы поддержки, восторженными и разочарованными воплями встречали каждый забег. Мы со Смолкой только заинтригованно поворачивали головы туда-сюда, не двигаясь с места.

Наконец магистр решил сменить тактику и пошел на нас с грозной медлительностью тяжелой баллисты, заряженной двухаршинным мечом. Выглядело это весьма эффектно, я даже слегка забеспокоилась, но тут Смолка кокетливо изогнула шею и тоненько, вопросительно заржала.

В охоте на ведьму произошла небольшая заминка – конь действительно оказался конем и проявил к Смолке немалый интерес, загарцевав так, что рыцарь зазвенел всеми суставами. Магистр сердито рванул поводья, но жеребец решил проявить норы и начал крутиться на одном месте, порываясь встать на дыбы уже по собственной инициативе.

Мне было очень любопытно, как же они все-таки собираются меня ловить, поэтому я не спешила отговариваться срочными делами, требующими моего немедленного бегства с поля ловли. Оруженосец подъехал поближе, и мы синхронными охами-ахами встречали каждый взбрык жеребца. Магистр уже отчаялся его обуздать, бросил поводья, меч и, припав к конской шее, судорожно цеплялся за нее обеими руками.

– Э-э-э-э... госпожа ведьма, – неуверенно начал парень, не отрывая взгляда от увлекательного зрелища. – А может, вы добровольно сдадитесь?

– Ни за что, – рассеянно отозвалась я, одобрительно наблюдая, как рыцарь начинает потихоньку сползать влево. – Буду бороться до последнего...

– А если мы назначим за вашу поимку некоторую сумму и вы первая

захотите ее получить?

Я поглядела на оруженосца с куда большим интересом и вниманием, чем вначале. Простоватое, добродушное и открытое лицо, но с волевым подбородком. Карие глаза, слишком серьезные для столь юного возраста. Из таких мальчишек со временем вырастают верные соратники или грозные враги. Впрочем, пока что он даже не удостоился права носить собственный меч, а мышастый конек привык скорее к водовозной тележке, нежели к седлу.

– Это зависит от размера суммы, – осторожно сказала я.

Парень с готовностью отцепил от пояса кошель и перебрросил мне. Мешочек неожиданно приятно оттянул руку. Я развязала, заглянула. Ого! Навскидку не меньше пятидесяти кладней золотом. Посмотрим, конечно, что за работенку они мне подсунут, но в случае чего всегда можно потребовать надбавку за риск. Ибо ловить ведьму, как оказалось, весьма опасное, сложное и неблагодарное занятие... Грохот! Магистр распластался на земле, впечатавшись в нее на добрых полпяди. Конь тут же перестал выписывать кренделя и застыл как вкопанный, любуясь результатом.

– Ладно, – коротко сказала я, запихнув кошель в сумку к снадобьям. – Ничего не обещаю, но попробую изловить эту мерзавку.

Бросив на меня благодарный и извиняющийся взгляд, парень соскочил с коня, торопливо подбежал к распростертому рыцарю и, присев на корточки, почтительно поднял ему забрало:

– Вы победили, господин, она сдается!

– Очень хорошо, – пробормотал магистр, барахтаясь на спине, как перевернутый жук. – Помоги мне подняться, Тивалий!

Парень с готовностью подхватил рыцаря под мышки и, покраснев от натуги, с грехом пополам установил в вертикальном положении. Даже не глянув на столь успешно изловленную ведьму, магистр с пыхтением полез на смиренно замершего коня. Самым сложным оказалось задрать ногу до стремени, а вдевать ее туда пришлось оруженосцу, благо железный носок был предусмотрительно заострен. Немножко попрыгав на одной ноге, магистр угнездился-таки в седле и лишь тогда соизволил обратить на меня внимание.

Я одарила его обворожительнейшей улыбкой. Рыцарь покраснел, но на провокацию не поддался.

– И еще, – сухо бросил он. – Если уж мы, помолясь и скрепя сердце, решили прибегнуть к помощи нечистых сил, то это должны быть силы высшего качества, а не жалкие потуги бродячих шарлатанов!

Я пожала плечами. Вполне закономерное требование, хоть я и

предпочитала, чтобы его высказывали иным тоном. Порывшись в чересседельной сумке, я достала изрядно потрепанный свиток с жирными пятнами и налипшими крошками – свидетельство об окончании Школы Магов с последующим послужным списком – и протянула его магистру.

Рыцарь брезгливо, двумя пальцами цапнул свиток за уголок, встряхнул, чтобы тот развернулся, и начал читать. После первой же строчки его глаза изумленно полезли на лоб, после второй пергамент выскользнул из ослабевших пальцев и, на лету свернувшись, скакнул в мою подставленную ладонь.

– Ну так что, господин магистр, мои рекомендации вас устраивают? – самым невинным тоном поинтересовалась я.

– Д-да, поган... госпожа ведьма, более чем.

– Отлично. – Я тронула повод, и потрясенный магистр безропотно позволил мне возглавить «ловчий» отряд.

* * *

Вблизи замок не просто впечатлял – ошеломлял своими размерами, возвышаясь надо мной, как скала. Разумеется, неприступная. Вдоль крепостной стены тянулся широкий ров, заполненный водой с врытыми в дно кольями. Поскольку врагов в ближайшее время не предвиделось, ров находился на реконструкции и воды в нем было курице по колено. Согнанные из Перекрестья мужички споро орудовали широкими лопатами, вычерпывая скопившуюся за годы тину. У края рва стояла телега с обтесанными кольями на замену подгнившим. По горкам выброшенного на берег ила возмущенно скакали крупные лягушки. Ржавых доспехов, черепов и прочих свидетельств славных битв я что-то не заметила. Враги (обычно степные орки, хотя, бывало, на Белорию зарились и ее ближайшие соседи – Винесса с Волменией) подходили к замку, задирали, как и я, головы, присвистывали, говорили: «Нашли дураков!» – и, даже не пытаясь начать осаду, шли воевать в другое место. Рыцарям, ругаясь, приходилось вылезать из-за крепостных стен и догонять недобросовестного противника в чистом поле или напрямик маршировать на соединение с регулярной армией.

Строили замок гномы, неспешно и капитально. Целых сто тридцать лет, пока очередной король не сообразил заменить временную плату на сделную, и не прошло трех месяцев, как Вороньи Когти были

торжественно сданы в эксплуатацию. Но, поскольку враги не оценили проделанную ради них работу, оборонительный бастион переквалифицировался в рыцарскую школу, исправно поставлявшую Белорскому легиону храбрых воинов.

Попасть на тот берег можно было по одному-единственному подъемному мосту (не считая, разумеется, тайных ходов, которыми изобиловала любая уважающая себя крепость). Помимо массивной, укрепленной стальными полосами двери, вход в крепость защищала решетка с торчащими наружу шипами длиной в ладонь. Это еще не все – за решеткой начинался длинный узкий коридор, в котором тоже виднелись распахнутые створки. Под потолком чернели прямоугольные окошки бойниц, из которых стоящие во дворе лучники могли без помех расстреливать опрометчиво сунувшихся в коридор захватчиков. Держать здесь оборону было одно удовольствие; жаль, что враги ни разу его не доставили...

Сейчас мост был опущен, все двери открыты, а решетка поднята. Возле нее, прислонившись к стенам и вяло беседуя, бдели на страже двое рыцарей. При виде нас они торопливо выпрямились, зазвенев доспехами.

Я неожиданно спохватилась, что больше не слышу топота и лязганья за спиной. Осадила лошадь, обернулась. Рыцарь и оруженосец стояли в пяти шагах от моста, наблюдая за мной с каким-то подозрительным, жадным любопытством.

– В чем дело? – недоверчиво поинтересовалась я. – Только не говорите, что вы подпилили его специально ради моей скромной особы!

– Нет, что вы, госпожа ведьма! – поспешил заверить парень и, объехав Смолку, первым пересек мост. Остановился у дверей, развернул коня и снова уставился на меня.

Что любопытно: на лицах стражников застыло то же самое выжидательное выражение. Они даже коротко перешепнулись и ударили по рукам, заключая какое-то пари.

Мимо меня, демонстративно не торопясь и не оглядываясь, проехал магистр.

Упираться дальше было глупо. Обычный мост, широкий, надежный, на двух толстенных цепях. По нему свободно могли промаршировать четыре ряда конных всадников в увесистой броне, а он бы даже не шелохнулся. Пожав плечами, я повелительно причмокнула и тряхнула поводьями. Работа есть работа, причуды клиентов меня волновать не должны.

Стоило кобыле ступить на тот берег, как все облегченно вздохнули, перебрались многозначительными взглядами, и магистр, дав знак

следовать за ним, направил коня под островерхий свод длинной темной галереи.

– Может, все-таки объяснишь? – шепотом попросила я у приотставшего, поравнявшегося со мной оруженосца. Парень покосился на магистра и тоже вполголоса ответил:

– Считается, что на этом мосту лежит проклятие, которое приносит ступившим на него женщинам мгновенную смерть.

– Что?! – От возмущения я даже остановилась, и рыцари вслед за мной. – А раньше нельзя было сказать?

– Ну вы же ведьма, – смущенно пробормотал парень.

– Вот именно! Ведьма, а не колдун! Или «средоточия зла» для вас на одно лицо?

– Да нет, – поспешил исправиться Тивалий, – вы, разумеется, еще и очаровательная женщина, но разве ведьме может навредить какое-то там проклятие?

«Еще как может!» – чуть не вырвалось у меня, но я вовремя прикусила язык. Не стоит подрывать собственную репутацию, тем более что проклятие не сработало и никакой магии у моста я не почувствовала. Вероятно, этот слушок пустили сами магистры, чтобы помочь остальным рыцарям соблюдать священный обет целомудрия – хотя бы в пределах замка.

– А вдруг я бы от неожиданности отразила проклятие на кого-нибудь из вас? – нашлась я.

Эта заманчивая перспектива рыцарям почему-то не понравилась. Парень поспешно отступил к стене, магистр так вообще на всякий случай опустил забрало.

Коридор кончился, замок так и не начался. Крепостная стена соединяла восемь сторожевых башен – Когтей, а в промежутке между ней и собственно замком без труда умещались кузница, конюшни, огороженное ристалище и приземистая пекарня с двумя трубами, от которой вкусно веяло свежим хлебом.

Подъехав к замковым воротам, ничем не уступающим крепостным, мы спешили. От конюшни уже бежали двое паренюков, принявших у нас лошадей. Еще один длинный коридор (на сей раз без бойниц, но с тремя решетчатыми дверями), и я очутилась в самом сердце Вороньих Когтей – внутреннем дворе.

Здесь было тихо и прохладно, сверху доносилось нежное воркование горлиц. Пышные вечнозеленые плющи забрасывали плети до самого карниза. В центре двора стояла небольшая шестиугольная беседка с

черепитчатой крышей, увенчанной деревянным изображением ворона. Приглядевшись, я сообразила, что это колодец с высоким срубом посередине.

Центральный двор четырьмя арками открывался в дворики поменьше. В замок вели шестнадцать одинаковых дверей с крылечками в три ступеньки (у меня тут же возникло подозрение, что половина из них фальшивая и заложена кирпичом, чтобы сбить с толку штурмующего противника). К одной из них магистр и направился.

Казалось бы, в таком огромном замке и коридоры должны быть широченные – ничего подобного! Высокие – да, в три моих роста, но идти по ним пришлось цепочкой. Правда, они частенько расширялись в такие же небольшие комнатки со сводчатыми потолками и дверями в боковых стенах. Некоторые из них были открыты, давая начало точно таким же коридорам, отличавшимся только способом освещения – настенными факелами или солнечными лучами сквозь зарешеченные окошки. В одиночку я заблудилась бы тут уже через несколько минут, и кто знает – не постигла ли эта печальная участь десятков-другой рыцарей и не наткнемся ли мы за поворотом на их истлевшие останки...

– А где все? – поинтересовалась я, удивленная царившей в коридорах тишиной.

– Обеденное время, – пояснил паренек. – Братья пребывают в трапезной, куда мы и направляемся.

Направляться предлагалось по винтовой лестнице, штопором закручивающейся в каменный мешок. То ли гномы, забывшись, построили ее по себе, то ли в планах она значилась как ловушка для упитанных врагов, но уже после первого витка я испытала на себе все прелести клаустрофобии.левой стены я касалась слегка отставленным локтем, а центрального столба – боком, инстинктивно пригибаясь, чтобы не стукнуться головой о низкий потолок. Магистр, видимо, забывал это делать, ибо спереди периодически доносился немелодичный звон и такая же неблагозвучная ругань.

– Это что, единственный путь наверх? – пропыхтела я, когда десятая дюжина ступенек наконец-то увенчалась дверью и мы остановились, чтобы перевести дух.

– Нет, госпожа ведьма. Это потайной ход, им пользуются только магистры либо почетные гости. Прочие поднимаются на второй этаж по четырем обычным лестницам. А вот на третий, где живут магистры, ведут только винтовые.

– А четвертый есть?

– Да, башня. Там мы вас и поселим... в смысле, заключим, – торопливо поправился паренек, глянув на магистра.

Я мысленно застонала, представив три лестницы подряд. Мы снова тронулись в путь, оруженосец вдохновенно продолжал:

– У нас есть предание о славном рыцаре, коий первым заметил вражеское войско, аки тать в ночи крадущееся по лесу в обход замка. Дабы поскорее принести молящимся в башне магистрам эту важную весть, сей доблестный муж без остановки пробежал все триста восемьдесят семь ступеней и пал бездыханным!

– А у вас нет комнаты... то есть темницы... где-нибудь в подвале? – жалобно спросила я. – Застенок там какой-нибудь пыточный, а?

– Есть, но умертвие бродит только по верхним этажам, так что вам все равно придется... – Парень осекся, сообразив, что сболтнул лишнее.

– Какое уме... – начала я, но тут магистр, не сбавляя хода, раздраженно толкнул двустворчатые двери.

Те неожиданно легко распахнулись, звучно грохнув о стены, отскочили от них и понеслись обратно. Прошмыгнуть вслед за рыцарем я не успевала и вскинула руки, привычно заменяя обычный толчок магическим. Чуточку не рассчитала или створки оказались с гнильцой, но в результате они неожиданно для меня самой с треском разлетелись в крупную щепу, усыпавшую пол на двадцать локтей вперед.

Разумеется, столь эффектное появление не прошло незамеченным. На меня уставились по меньшей мере четыре сотни глаз, причем два десятка – из-под ближайшего стола. Обладатели последних, видимо, сидели в засаде, ибо рыцарь и трусость – вещи несовместимые, хотя бы по рыцарскому уставу, имеющему ту же силу, что и королевский приказ о магах и дайнах.

– Извините, – кашлянув, пробормотала я в наступившей тишине. – Я нечаянно...

Вытянувшиеся лица окружающих выражали глубочайшее сомнение на этот счет.

– Это ведьма. – Магистр брезгливо ткнул в меня пальцем.

Я так задумчиво покосилась на вышеозначенный орган, что магистр поспешил его отдернуть и, стянув железную перчатку, украдкой проверить на предмет ущерба.

Особого удивления эта новость не вызвала. Видимо, все прекрасно знали, куда и зачем поехал магистр. Молодежь разглядывала меня с боязливым интересом, рыцари постарше безуспешно пытались скрыть это же чувство за высокомерным презрением. Впрочем, было и несколько прямых, спокойных, оценивающих взглядов. Эти даже слегка поклонились,

приветствуя даму.

Зал был огромен, даже больше королевского. За ближайшими к стене столами сидели оруженосцы, во втором ряду – молодые рыцари, в третьем – матерые воины, вальяжно развалившиеся на стульях. В центре столовались магистры. Пять стульев из девяти пустовали, один выделялся более высокой и массивной спинкой, инкрустированной драгоценными камнями. «Мой» магистр, не останавливаясь, прошествовал к стулу поскромнее, оруженосец почтительно выдвинул мне соседний и встал за его спинкой.

Гул голосов неожиданно утих. Даже магистры вскочили с мест и вытянулись по струнке, провожая глазами седовласого мужчину лет шестидесяти, неторопливо шествующего к центральному столу. Ни оружия, ни доспехов на нем не было – только белая длинная ряса с золотистой вышивкой на груди. Ворон, разумеется.

Я недоуменно глянула на Тивалия.

– Это глава ордена, Верховный магистр, – благоговейно прошептал парень. – Последние две недели он усердно умерщвляет плоть голодом и самобичеванием, моля святого Фендюлия избавить нас от напасти!

Плоти в Верховном магистре и впрямь было многовато, хватило бы еще на полгода умерщвления. Эдакий добродушный толстячок, давным-давно отмахавший свое мечом и заслуженно почивающий на лаврах. Пересекая зал, он мимоходом потрепал по голове смущенного подростка, перекинулся парой слов с мгновенно зардевшимся рыцарем и, как ни странно, довольно приветливо кивнул мне. Нахально сидящей, разумеется.

Прежде чем занять свое место, Верховный сложил руки на груди и склонил голову.

– Помолимся, братья, и возблагодарим святого Фендюлия за ниспосланную нам пищу!

Я обвела взглядом стол. Похоже, святой состоял в близком родстве с корчмарем из Перекрестья: на большинстве блюд лежали четвертушки лука, крупно нарезанный хлеб и сыр сомнительной свежести, а в расставленных между ними кувшинах плескалась обычная вода (я без зазрения совести наклонила один и понюхала).

Кое-где сиротливо чахли жареные куры, наводившие на мысль о птичьем море, когда первыми издыхают цыплята и почетные пенсионеры. Одинокая щука в ужасе взирала на ораву голодных рыцарей, которые уже собирались устроить турнир за обладание ее хладным телом.

Рыцари, видя такое дело, тоже не затянули с благодарностями. Но только они опустили руки и нацелились на ближайших цыплят, как

Верховный магистр еще более торжественным голосом объявил:

– Братья мои! Когда я гляжу на это изобилие, я одновременно радуюсь и скорблю, ибо мы пребываем во грехе чревоугодия...

Я на всякий случай еще раз осмотрела стол, тщетно пытаюсь обнаружить пропущенное изобилие.

– ...кой тяжким камнем ложится в и без того переполненную чашу грехов наших, давая угнездившемуся в замке злу дополнительные силы. А посему предлагаю объявить трехдневный внеплановый пост во славу святого Фендюлия и на погибель умертвию. Конечно, сие дело сугубо добровольное и мы ни в коем разе не станем осуждать малодушных...

Малодушных не нашлось, хотя одобрительная улыбка магистра была слабой заменой уплывшим из-под носа калориям. Прислуживающие в зале мальчишки быстро собрали и унесли на кухню злокозненных кур, уличенных в пособничестве умертвию. Рыцари мрачно хрустели луком, стараясь не глядеть и не дышать друг на друга. Я еще не успела проголодаться, Верховный магистр усердно самоистязался, так что ничто не мешало нам начать деловой разговор. После витиеватого вступления на тему моей мерзопакостной профессии, разумеется. Помня, что клиент всегда прав, я выслушала его с превеликим вниманием, но переучиваться на дайншу вежливо отказалась. Впрочем, магистр не слишком и настаивал, ибо ведьма ему сейчас была куда нужнее.

Как выяснилось, пресловутое умертвие бродило по замку отнюдь не с прогулочной или развлекательной целью. То есть оно, возможно, и развлекалось, но весьма своеобразно. За три месяца орден лишился семи человек! Особенно не везло магистрам и рыцарям, оруженосец умертвию подвернулся только один, да и то за компанию с господином.

– А вы точно уверены, что это умертвие, а не, скажем упырь? – уточнила я.

– Упырь, умертвие, призрак – сие нам неведомо, – вздохнул Верховный магистр. – Но оно появляется по ночам, в ржавых доспехах, верхом на полуистлевшем коне, проникая даже в замковые башни, после чего бесследно исчезает, проходя сквозь стены.

Я задумалась надолго. С одной стороны, сквозь стены... с другой – полуистлевшее... Да еще на коне, поднять которого из могилы можно только с помощью магии, ибо лошади не имеют дурной привычки являться с того света ради охоты на рыцарей. Нет, надо самой посмотреть на это чудо природы. Желательно из-за угла, а там подумаю, не потребовать ли молочка за вредность

– Оно их ест? – деловито поинтересовалась я. – Ну, хотя бы

надкусывает?

Половина рыцарей отложили ложки, возблагодарив святого Фендюлия, что не позарились на более сытную пищу, которая с удвоенным энтузиазмом рванулась бы обратно.

Верховный магистр медленно покачал головой:

– Только убивает. Отравленным клинком, прямо в сердце, но удар наносит со спины.

«Похоже, все-таки мертвые. То есть ходячий труп, почему-то покинувший уютную могилку. Упырь не удержался бы, хоть немного, да поглочал, а призраки не пользуются материальным оружием».

– А прежде чем нанять... то есть поймать меня, вы сами не пытались отыскать на него управу?

– Разумеется, мы испытали все мыслимые и немыслимые способы: трижды тридцать раз прочитали очистительные молитвы, окропили замок святой водой и окурили бесогонными благовониями, а также дали множество славных обетов, но тщетно...

– А капканы у дверей ставить не пробовали?

Магистры возмущенно загалдели, но глава ордена остановил их одним движением ладони и неожиданно усмехнулся:

– Признаюсь, меня посещали подобные мысли. Но, поскольку мертвые в замке одно, а живых братьев в тысячу раз больше, сработавшим капканом я подверг бы их искусству сквернословия, и, полагаю, мало кто сумел бы устоять перед оным...

По залу прокатилась волна смеха, подтверждавшая, что глава ордена полагает правильно.

– Хорошо, а если просто запереться изнутри?

– Запоры мертвию не помеха. Оно может явиться прямо посреди комнаты, пару раз нам доводилось выбивать запертые изнутри двери. А иногда, несмотря на строжайший запрет, братья открывали ему сами! Сие мне совершенно непонятно...

Мне, честно говоря, тоже. Все мертвые, с которыми мне доводилось сталкиваться, совершенно не располагали к близкому знакомству и дружеским объятиям. Хорошего в них было только одно – непроходимая тупость, позволявшая без особого труда упаковать их обратно в могилу. Пройти сквозь стену они тем более не способны, если, конечно, там нет магического портала или банального потайного хода. Я больше склонялась ко второму варианту – судя по доспехам, при жизни мертвые сиживало за одним из этих столов, а значит, знало Вороньи Когти как свои две сотни костей.

– Вы дадите мне карту замка?

Верховный магистр сокрушенно развел руками:

– Увы, у нас ее нет. Гномы передали нам один-единственный экземпляр, но во время ложной тревоги он вместе с планом местности был доблестно съеден одним из наших братьев, дабы эти секретные документы не достались врагам. Восстановить его так и не удалось, ибо замок огромен и коридоры его неисповедимы...

– Заметила.

Я мрачно подумала, что после здешней кормежки карта вполне могла сойти за деликатес. Значит, идея с потайным ходом отпадает. Зная гномов, я поняла, что искать его можно до посинения – вернее, пока заинтригованное умертвие не похлопает меня сзади по плечу. Проверить замок на следы магии куда проще – с этого и начну. В любом случае отсыпаться придется днем, чтобы у вездесущего скелета не было шанса отравить мне ночной отдых. Большинство рыцарей так и поступали, сейчас украдкой позевывая в кулаки.

– Но мы дадим вам кое-что получше, – торжественно пообещал глава ордена, сияя отработанной на «братьях» улыбкой. – Тивалий! Пока госпожа ведьма пребывает в замке, ты будешь повсюду ее сопровождать.

У нас с оруженосцем одинаково отвисли челюсти:

– Он?! Зачем?!

– Я?! За что?!

– Для безопасности, – туманно пояснил Верховный магистр.

Чья безопасность имелась в виду, он так и не уточнил, но явно не моя. Возражать было бесполезно, я и так диву давалась, как они решились пустить лису в курятник, то есть ведьму в замок. Тивалий с самым несчастным видом кивнул, подтверждая готовность следовать приказу. Ладно, в случае чего помешать он мне все равно не сможет, а если будет ежечасно бегать к магистрам с докладом – на здоровье, я не против. Особенно если вспомнить о...

* * *

– ...двести девяносто одна... двести девяносто две...

Оруженосец покорно плелся следом, позвякивая кольчугой и сопя мне в спину.

– Вот леший! – Я споткнулась и сбилась. – Сколько там было?

- Триста семь, госпожа ведьма.
- Уверен?
- Желаете вернуться и пересчитать заново?

Я так выдохлась, что спустила ему эту колкость. На четвертый этаж я выползла буквально на четвереньках. Чем нарезать круги вокруг столба, неужели нельзя было построить нормальную лестницу? Она получилась бы в пять, а то и в десять раз короче! На втором и третьем этаже потолки были ниже, чем на первом, в два человеческих роста с подскоком, но, по ощущениям, я поднялась на добрых сто саженой. Не столько ноги устали, сколько голова закружилась.

На последнем этаже, плавно переходящем в собственно башню («до смотровой площадки осталось всего-навсего четыре дюжины ступеней, а оттуда открывается прекрасный вид на окрестности!» – заикнулся было парень, но мой собственный вид понравился ему куда меньше), находилось всего пять комнат, точнее, келий размером полторы на две сажени. Мне предложили любую на выбор, причем разница между ними была примерно такая же, как между пресловутыми хреном и редькой. Я уныло оглядела более чем скудное убранство в виде единственной деревянной лавки с березовым поленом на краю, в которых я запоздало опознала кровать с подушкой.

– Вы бы еще доску вместо одеяла положили! – не на шутку возмутилась я. – И это гостевая комната?! Специально, чтобы гости не засиживались, то есть не залеживались?

– Что вы, госпожа ведьма, магистры оказали вам великую честь! В эти кельи братья поднимаются, когда желают уединиться от суетного мира, помолиться и подумать о вечном.

– А если у меня несколько иная культурная программа?

– Хорошо, я сейчас принесу вам подушку и тюфяк, – обреченно вздохнул парень, поворачиваясь к трехсотступенчатой дыре.

Я методом тыка выбрала одну из келий и, подняв с пола сумки (в одной вещи, в другой снадобья, парочка книг и разрозненные клочки путевых заметок, в перспективе долженствующих стать диссертацией), затащила их внутрь. Из единственного окна открывался довольно-таки унылый вид на внутренние дворики, ристалище и крепостную стену с кусочком неба. Странно, если до макушки башни осталось всего полсотни ступенек, неужели оттуда можно разглядеть что-нибудь поинтереснее? Может, там ступеньки в мой рост?!

Первым делом я простучала стены – не все, разумеется, а пяток наиболее подозрительных камешков; досадливо подула на отбитые

костяшки и, решив не тратить – попусту время и пальцы, наложила на стены цементирующее заклинание. Пусть умертвие теперь попотеет в своем потайном ходе, пытаюсь открыть «заклинившую» дверь!

Парень вернулся подозрительно быстро, как будто вниз он скатился кубарем, а наверх его сопровождая скачущее по пятам умертвие. Застелив постель, я щедрым жестом предложила ему полено («подложишь под голову сразу два, будет помягче!»), но оруженосец смущенно признался, что мысли о вечном его пока что-то не посещают, а посему он принес одеяло и для себя.

– Госпожа ведьма, а чем мы сейчас займемся? – не выдержал парень, видя отсутствие какой-либо деятельности по подготовке к отлову умертвия.

Я, сбросив сапоги, успела растянуться на кровати поверх одеяла и теперь лишь недовольно приоткрыла ближайший к Тивалию глаз:

– Лично я собираюсь вздремнуть. Так что будь добр – выйди и закрой за собой дверь.

– А как же умертвие? – опешил парень.

– Если встретишь, скажи, чтобы зашло ко мне попозже.

– Но...

– Послушай, – с максимальным терпением начала я, – вчера у меня выдался очень тяжелый день в охваченной коровьим мором деревне, ночью я чем-то не понравилась стае лесных расквыр, а до обеда протряслась в седле и сейчас совершенно не расположена гоняться за вашим обнаглевшим скелетом. Так что до утра ты свободен.

– До утра?! Но еще даже не смеркается!

– Вот и отлично, как раз успею отоспаться за обе ночи, эту и предыдущую.

Оруженосец помялся возле кровати, укоризненно повздыхал, но настаивать не решился.

* * *

Где-то около полуночи я тихонько приоткрыла дверь. Осмотрелась. Ага, поверил! Ишь как храпит в соседней келье, даже сквозь стену слышно. Брать парня на охоту не входило в мои планы – больше сил потрачу на его защиту, да еще завопит в самый неподходящий момент.

С собой я прихватила только пару амулетов. Хорошо бы, конечно, и меч... но чего нет, того нет. Впрочем, против призрака он бы все равно не

помог.

Умертвие, разумеется, и не подумало ошибаться возле моей двери в ожидании конца тихого часа. Убедившись в этом прискорбном факте, я спустилась на третий этаж. Бесконечный коридор уходил вправо и влево, черные проемы боковых ответвлений чередовались с пятнами света вокруг настенных факелов. Шелест пламени придавал и без того гнетущей ночной тишине особенно зловещий оттенок.

Для начала я решила просто пройти по коридору взад-вперед, никуда не сворачивая. Если он тянется по периметру всего замка, замыкаясь в кольцо, – тем лучше. Где-то по этажу должны были бродить два рыцарских патруля из пяти человек, но, учитывая размеры Вороньих Когтей, за ночь они могли ни разу не встретиться ни мне, ни друг другу. Умертвию они тоже совершенно не мешали.

Сапоги на кожаной подошве позволяли мне ступать по каменному полу практически бесшумно и чутко улавливать малейший посторонний шорох. В полосах теней возились и попискивали невидимые крысы, подвывал залетающий в окошки ветер. Один раз мне почудились такие же осторожные шаги где-то за стеной, я даже остановилась и прислушалась, но, видимо, померещилось. Зато слева от себя я заметила дверь с незатейливой руной, понятной даже неграмотным. Под ней знакомым каллиграфическим почерком было выведено: «Только для магистров».

«Как кстати», – с ехидцей подумала я. Звание Магистра 4-й степени по боевой магии я получила недавно, этой зимой, и еще не успела до конца прочувствовать все полагающиеся ему льготы. В частности, такие, как пользование внутренней уборной рыцарского замка. Впрочем, кто сказал, что я не воспользовалась бы ею и любом случае?! Поиски умертвия (особенно увенчавшиеся успехом) – дело нервное и хлопотное, на дорожку не помешает...

Приоткрыв дверь и оглядевшись, я убедилась, что комната поступает в мое полное распоряжение, – видимо, умертвие заставило магистров в спешном порядке обзавестись ночными горшками. Внутри я увидела четыре дощатые кабинки вдоль дальней стены, умывальник с подставленным внизу ведром и два наполовину прогоревших факела в кольцах на подставках. Растроганная таким неслыханным комфортом, я направилась к крайней кабинке, но не успела сделать и десяти шагов, как с изумлением обнаружила, что уже не иду, а лечу, причем куда-то вниз и со все увеличивающейся скоростью.

Заклятие левитации вырвалось у меня совершенно машинально, как выверт у соскользнувшей с крыши кошки. Беда в том, что ночью оно

работало только у некромантов, стихийные маги вроде меня... додумать я не успела.

Сработало.

Зависнув в воздухе в полулежачем положении, с задранными вверх ногами, я с замиранием сердца опустила руку вниз и пощупала холодные макушки булыжников. До земли оставалось не больше полутора локтей. Батюшки-светы... Судорожно сглотнув, я потеряла концентрацию и чувствительно приложилась лопатками о камни. Что ж, могла и куда чувствительнее...

Воздух медленно возвращался в легкие, глаза постепенно привыкали к сумраку. Похоже, я свалилась в один из внутренних замковых двориков – маленький закуток со стенами в два моих роста и единственной дверью, крест-накрест укрепленной полосами железа. Посреди дворика пышно и ароматно цвела багряная эльфийская слива, журчал маленький фонтанчик и стояла лавочка для отдыха. Замковую стену оплетал неизменный плющ.

Надо мной – сажень в пяти, не меньше, – живописно чернела прямоугольная дыра два на три аршина. Я любовалась ею около минуты, не в силах собраться с мыслями и хотя бы сесть, не говоря уж о более достойном положении. Надо признать: к кабинке я шла довольно безопасно – да и кто может ожидать подвоха в таком месте? – но не настолько, чтобы при свете факелов не заметить огромной дырищи в полу. Может, я наступила на какую-то скрытую пружину?

И тут сверху донесся непонятный, но от того не менее противный скрежет. Дыра начала медленно затягиваться, словно ее с немалыми усилиями задвигали тяжелой крышкой. Пружина пружиной, но на место ее возвращали вручную, не торопясь выражать соболезнования распростертому внизу телу. Напротив, сверху что-то подозрительно загрохотало, глухо и зловеще, словно к дыре катили здоровенный камень. Эта мысль мигом поставила меня на ноги, вернее, на четвереньки. Не претендуя на большее, я резво уползла в центр дворика. Вовремя – на то место, где я только что лежала, упал... нет, не камень, а горящий факел, ярко высветив землю под дырой.

Я затаила дыхание, но таинственный метатель оставил эмоции при себе. Крышка со щелчком встала на место, и все стихло.

Поколебавшись пару минут, я вернулась и подобрала факел. Просмоленная ветошь на его конце не успела даже почернеть, и пламя радостно обволокло ее со всех сторон. Видимо, его зажгли об один из настенных факелов и тут же сбросили вниз. Интересно, кому взбрело в голову бродить по замку с запасным факелом, если они здесь на каждом

углу?

Я покосилась вверх и пробормотала заклинание левитации еще раз. Безуспешно. Страх – страшная сила, другого объяснения я не видела. В любом случае назад меня все равно не пустят. Хотя совсем не помешало бы с возмущенным «эй, что за дурацкие шуточки?!» помолотить по плите кулаком, а утром послушать, кто из рыцарей заикается...

Опустив факел, я пошла к калитке, но там меня ожидало очередное разочарование. Дверь оказалась заперта. Я дернула за кольцо, и снаружи неподкупно брякнул железный засов. С крючком, замком или легкой щеколдой я бы еще справилась, но отодвинуть эту тяжеленную орясину магией вряд ли удастся, проще саму дверь выбить.

Решать проблему выхода столь радикально мне не хотелось, как и объяснять сбежавшимся на шум рыцарям, как я сюда попала. Можно, конечно, открыть телепорт и пройти сквозь дверь, но кто может поручиться, что там нет второго такого же дворика? Это тоже больше дневное заклинание, ночью его хватит только на два-три раза. Я досадливо поглядела вверх, где призывно покачивало ставнями окошко на четвертом этаже. А что, не так уж и высоко – саженой восемь. И уж точно ближе, чем по лестнице.

Я подергала за плющ обеими руками. Вроде крепкий. Узловатый комель был не тоньше древесного, правда, состоял из нескольких сросшихся стеблей, которые расходились в стороны на высоте около аршина.

Зажав в зубах конец факела, я с опаской начала восхождение. Лезть оказалось удобно, хоть и страшновато. Плющ намертво врос в кирпичную кладку, гибкие веточки так прочно и часто переплелись, что я с трудом засаживала в них носок сапога. Зато потом нога стояла как влитая. Главное – вниз не смотреть.

До второго этажа я долезла быстро и без приключений. Остался третий, самый короткий, то есть низкий. Я перебралась ближе к столбцу окон, удобно пристроила ногу на краю подоконника третьего этажа и только собралась чуть передохнуть, как вдруг в глубине комнаты мелькнул слабый огонек – свеча или лучина. Раздавшийся вслед за тем визг чуть не отправил меня в повторный полет. Покрепче уцепившись руками за ветки, я заглянула в окно и увидела толстую бабу в белой ночной сорочке, застывшую посреди комнаты с надкушенной бараньей ляжкой в волосатой руке. Баба, кажется, увидела меня немного раньше...

Не успела я удивиться, что делает в замке еще одна женщина, как опознала в ней Верховного магистра, пример святости, аскетизма и

верности обетам, ревностно умерщвляющего, как оказалось, не только свою плоть, но и баранью.

Не придумав ничего умнее, я приветственно помахала ему рукой и полезла дальше.

Визг грянул с новой силой, по коридору загромыхали шаги, но я уже перевалилась животом через край подоконника и тяжело рухнула на пол своей комнаты. Выплюнув факел и отдышавшись, я с размаху зашвырнула потухшую палку подальше в темноту и тихонько прикрыла ставни. Вот гхыр собачий, лучше бы я действительно не вылезала из постели!

...Паника не стихала еще добрых два часа, да и потом во всем замке до самого утра хлопали двери. Естественно, умертвие категорически отказалось являться в такой нервной обстановке. На всякий случай дождавшись рассвета, я с чистой совестью улеглась и попыталась предаться мыслям о вечном, но возмутительно быстро уснула.

* * *

На завтрак хлебосольный Фендюлий ниспослал собственно хлеб и соль, причем у ломтей был такой вид, словно святой кромсал их собственноручно еще в молодости. Зато духовная пицца оказалась на высоте! Верховный магистр, стоя посреди трапезной с воздетыми к потолку руками, вдохновенно вещал:

– Братья мои, внимайте и содрогнитесь, ибо ночью меня посетило умертвие! Оно парило перед окном, но было бессильно переступить через стоящий на подоконнике ларец с зубом святого Фендюлия и лишь оставило на нем отпечаток своего копыта!

Рыцари с изумленными оханьями передавали пресловутый ларец по рукам. Хм, а я-то в темноте приняла его за ящик для цветов...

– Госпожа ведьма, – Тивалий с заметным усилием разжевал и проглотил кусок хлеба, поскорее запив водой, – неужели вы ничего не слышали?

Я неопределенно пожала плечами, заворачивая свою порцию в платок и запихивая в карман. Надеюсь, Смолке удастся подзакусить щедрым фендюлинским даром с меньшим ущербом для зубов и желудка.

– И никуда не выходили? – насторожился парень, не спускавший глаз с моего лица.

– Только в уборную, – невозмутимо призналась я. – А что?

– Но если бы вы пошли куда-нибудь еще, вы бы меня позвали, верно? – продолжал настырно допытываться Тивалий.

– Всенепременно. – Я поднялась с места. – Предупреждаю: сейчас я иду на кладбище.

– Зачем?! – поперхнулся оруженосец.

– Хоронить свои мечты о завтраке, – съязвила я, направляясь к двери. – Так что забирай его скорбные останки и замыкай процессию!

* * *

– Да-да, вы не ошиблись – это я, ваша постоянная и самая любимая клиентка! – жизнерадостно воскликнула я, успев сунуть носок сапога в щель между косяком и дверью, которую не иначе как по недоразумению попытались захлопнуть у меня перед носом.

Корчмарь не настолько преуспел в искусстве фальшивых улыбок. С такой гримасой ему была прямая дорога к цирюльнику.

– Как приятно, что вы меня подождали! – Я, продолжая лучиться не хуже королевской лысины на солнышке, небрежно перевернула висящую на двери табличку «Закррито».

Корчмарь неохотно выпустил бесполезный засов, пропуская нас в заведение. Я напрямик направилась к облюбованному столику у окна, сев вполоборота к пустому залу. Тивалий робко пристроился на краешке стула, сложив руки на коленях.

– Ну-с, уважаемый, чем вы меня сегодня побалуете?

По мрачному сопению можно было предположить, что крысиной отравой, но на поданном блюде золотистой горкой возвышалась жареная рыба.

– Угощайся. – Я передвинула блюдо на середину стола.

Парень сглотнул набежавшую слюну:

– Но Верховный магистр сказал...

– Не переживай, для тебя он сделал исключение. За вредность работы.

– Правда?! – оживился Тивалий.

– Правда-правда, можешь сам у него спросить. Только сначала передай ему, что я очень интересовалась, распространяется ли пост на баранину в темное время суток.

Следующие десять минут за столом царили торопливое чавканье и жадное причмокивание. За пять часов я успела осмотреть целых два

кладбища – рыцарское и сельское, а также найденный в леске лошадиный череп, – но умертвием и его верным скакуном там и не пахло. Зато мы с оруженосцем так зверски проголодались, что, выскочи из кустов какой-нибудь опрометчивый гуль или мроед, еще неизвестно, кто бы кем поживился.

– А почему именно ворон? – Утолив первый голод, я бесцеремонно ткнула пальцем в чеканный орденский знак, приколотый к кольчуге Тивалия. – Мне кажется, название «Орден святого Фендюлия» подошло бы вам куда больше.

– Но, госпожа ведьма, Фендюлий сам основал этот орден! Не мог же он назвать его своим именем.

– Ну, увековечил бы верного коня или даму сердца. Розу какую-нибудь на худой конец. А при чем тут этот прихлопнутый щитом альбинос?

– Ворон символизирует мудрость, а белый цвет – добро. – Парень честно попытался воспроизвести одухотворенный взгляд и голос магистра, преподававшего ему устав ордена. С набитым рыбой ртом это оказалось не так-то просто. – Фендюлий был первым Верховным магистром, коий голова для всего ордена, а магистры – когти, то бишь его опора и грозное оружие.

– А крылья? – заинтересованно уточнила я.

– Как перья в крыльях, большие и малые, так и простые рыцари с оруженосцами несут Белого Ворона к священной победе над врагами.

– Гениально. Про хвост и прочие органы, полагаю, спрашивать не стоит. Фендюлий наверняка предусмотрел какое-нибудь высокопарное определение и для них.

Я откинулась на спинку стула, поглаживая сытый живот. Несмотря на все старания и неподдельный энтузиазм, съесть всю рыбу мы не смогли. На этот раз корчмарь действовал по принципу «чтоб тебе подавиться, проклятой!», не преминув требовать с меня полную стоимость добрых шести фунтов рыбы.

Расплатившись, я выставила полупустое блюдо на подоконник, где им тут же заинтересовалась черная лошадиная морда со всеядной ориентацией. Корчмарь скорчил такую рожу, словно я лишила ужина не пару-тройку поросят, а по крайней мере его дорогую матушку.

– Куда теперь? – Тивалий, видя, что я встаю, чуть не опрокинул стул, торопясь распахнуть передо мной дверь.

– В замок. Раз мы не обнаружили физических следов умертвия, значит, нужно искать магические. – На пороге я обернулась. – До свидания, уважаемый! Было очень приятно иметь с вами дело.

Отчетливый зубовный скрежет дал понять, что корчмарь не разделяет

моего восторга ни по поводу нашего знакомства, ни следующей встречи.

* * *

За оставшиеся полдня я едва успела осмотреть первый этаж. Зато очень добросовестно: коридоры так петляли, ветвились и сходились, что по некоторым из них я проходила дважды, а то и трижды, не замечая разницы. В один здоровенный зал с ведущими наверх лестницами я вообще попадала раз десять, из чего заключила, что он находится в центре этажа.

Тивалий, думая, что так и надо, молча топал за мной. Правда, в некотором отдалении, чтобы никто не заподозрил его в причастности колдовским жестам и словам, изредка срывавшимся с моих губ вперемежку с более понятными и сочными.

Магические следы я действительно нашла, причем во многих местах. Во-первых, на треклятых винтовых лестницах. Гномы, вынужденные в конце концов сдать замок под ключ (и это после того, как несколько их поколений благополучно кормились с долгостроя!), мстительно наложили на лестничные столбы заклятие утروения. Реально на каждом этаже оказалось по тридцать—сорок ступеней. Зато башенная лестница за счет этого ужалась почти впятеро – не зря я удивлялась несоответствию между ее высотой и количеством ступенек. Но, поскольку межэтажными лестницами пользовались куда чаще, гномам этой нехитрой перестановкой удалось-таки здорово напакостить жильцам. Снятие заклятия отняло бы у меня слишком много сил и времени (возможно, потом, за дополнительную плату...), так что я ограничилась индивидуальным порталом.

Во-вторых, магией так и разило от проходивших мимо рыцарей. «На Фендюлия надейся, а сам не плошай», – благоразумно рассуждали они и на всякий случай заговаривали мечи от иззубривания, а доспехи от ржавчины и скользящих ударов (с прямыми дела обстояли хуже, ибо «против лома нет приема»). Естественно, о своих визитах в «обитель зла», то бишь в лавку мага, рыцари скромно умалчивали.

А в-третьих – и это уже куда интереснее! – по всему замку, кое-где едва заметно, а местами довольно отчетливо, ощущались магические возмущения совершенно непонятного мне происхождения и назначения. Похоже на чистую стихийную магию, но словно уже кем-то отработанную и для другого мага непригодную.

Я в раздумье остановилась напротив высоченной дубовой двери в

обрамлении косяка с затейливой резьбой. Сосредоточенно прикусив губу, пробежалась по створкам чуткими кончиками пальцев.

– Госпожа ведьма, вам сюда нельзя! – неуверенно попытался протестовать парень.

– Почему?

– Ну... здесь находятся святые мощи отцов-основателей ордена, в том числе самого Фендюлия!

– И что? – равнодушно отозвалась я, обеими руками дергая за литое кольцо в виде ворона с сомкнутыми над головой крыльями. Дверь со скрипом поддавалась, пахло могильным холодом. – Они будут против моего визита?

– Они – не знаю, а вот магистрам это точно не понравится! Они решат, что вы оскорбляете святых!

– Что же это за святые, если их можно оскорбить одним взглядом? – хмыкнула я, скептически изучая ряд из пяти саркофагов.

Над каждым висело полотно в позолоченной раме, запечатлевшее святого в наиболее ответственный момент его жизни. Кто-то старательно исцелял целую толпу безногих и безруких нищих, кто-то с укоризненным лицом и добрыми-предобрыми глазами насквозь пронзал дракона светящимся копьём, кто-то вдохновенно читал прослезившемуся упырю молитвенник...

– А вы что, смотреть на них собрались?! – пришел в еще больший ужас паренек. Закрывать за собой дверь, кстати, не забыл, молодец.

– А как иначе мы узнаем, не сдвигает кто-нибудь из них по ночам крышечку? – Я бестрепетно постучала костяшками пальцев по мраморной плите. Святой Фендюлий хранился в центральном саркофаге, запертом на огромный замок амбарного типа (видимо, чтобы рыцари не растащили его на амулеты подчистую). Картина над ним принадлежала кисти другого художника, более раннего и реалистичного: Фендюлий, в виде исключения, просто ему позировал, сложив руки на оголовье вертикально установленного меча. Никаких нимбов, белых крылышек и общественно полезных деяний – темноволосый мужчина в простой кольчуге устало улыбался с портрета, при этом так лукаво прищурившись, словно видел меня насквозь.

Я не могла поклясться, что странная магическая сила исходит именно от него, но возле гробницы ее следы были намного отчетливее.

– Что вы, госпожа ведьма! – ужаснулся оруженосец. – Святые оберегают покой жителей замка, а не разъезжают по нему в непотребном полумистическом виде!

– Вот сейчас и проверим, – непререкаемым тоном объявила я, снимая с саркофага серебряную вазочку с пролесками.

Поставив ее на пол, я наклонилась и внимательно осмотрела замок. Скважина-то в нем была, но залитая оранжевым воском с оттиском орденой печати. Я аккуратно покрутила замок, подергала за петли, прикидывая, каким бы заклинанием воспользоваться. Проще всего, наверное... что за ерунда? Нижняя петля как-то подозрительно болталась из стороны в сторону. Я усилила нажим и с изумлением обнаружила, что ее то ли забыли прикрепить, то ли отвинтили позже.

– Отойди-ка. – Я засучила рукава и пошире расставила ноги, словно собиралась открывать саркофаг голыми руками.

– Ой, госпожа ведьма, а может, все-таки не надо? – обреченно пискнул оруженосец. – Вдруг святой Фендюлий возмутится, что вы без спросу потревожили его покой?

– Извинюсь и совру, что ошиблась крышкой. Выйди в коридор, если боишься.

Тивалий зажмурился и отвернулся. После парочки пассов крышка беззвучно сдвинулась в сторону, и я, подсвечивая себе факелом, с интересом склонилась над щелью шириной в две с половиной ладони.

– Неудивительно, что в замке нечисто, – пробормотала я, изучая внутренность глубокого мраморного ящика. – Фендюлий-то тью-тью...

Оруженосец подскочил как ужаленный. Впился в саркофаг такими вытаращенными глазами, что я всерьез обеспокоилась, как бы он их туда не уронил.

– Как?! А где же он?

Я пожала плечами:

– Полагаю, выехал на прогулку. У вас здесь нет случайно саркофага со святым конем?

Но Тивалий был не в том состоянии, чтобы воспринимать мои шутки:

– Какой ужас! Надо немедленно сообщить Верховному магистру!

– И признаться, что мы без приглашения вломились к Фендюлию в опочивальню? Не советую. – Я для верности еще раз заглянула в саркофаг. Святой, разумеется, не появился.

– Мы?! Это вы туда полезли!

– А почему ты меня не остановил?

От такого вероломства у парня отвисла челюсть. Возможно, через пару минут он и сумел бы дать мне достойную отповедь, но тут из коридора послышались чьи-то оживленные голоса. Лицо оруженосца, и без того не пышущее румянцем, приобрело нежный зеленоватый оттенок.

– О боги, это магистр Терен! Утром он обмолвился, что приведет в святилище нескольких паломников, нижайше испросивших разрешения помолиться в святом месте! Если он обнаружит вас здесь, он меня убьет!

Я вздохнула. Ведьму-то магистр не тронет – побоится, а вот парнишке действительно может влететь. Второго выхода из святилища не было, расставленные повсюду свечи освещали каждый уголок. Как на грех, в этом месте коридор не удосужился сделать ни одного изгиба, и, выйди я тем же путем, магистр меня сразу увидит. Плести заклятие невидимости было некогда, но кое-что я все-таки успевала.

Приняв решение, я не любила медлить и смело закинула ногу на бортик саркофага.

Оруженосец издал трепещущий стон, по тональности схожий с предсмертным. Оборачиваться и проверять, не хватил ли его удар от такого кощунства, времени не было. За правой ногой последовала левая, а с ней и все мои три с половиной пуда, плюхнувшиеся на живот. Крышка со щелчком встала на место.

В саркофаге, к моему огромному удивлению, оказалось весьма комфортно. Мраморные прожилки, снаружи угольно-черные, пропускали в гробницу тусклый голубоватый свет. Воздух и звуки проникали сквозь аккуратно высверленные в изголовье дырочки. Я перевернулась на бок и прислушалась.

Как раз в этот момент алчущие фендюлинских мощей паломники шумной гурьбой ввалились в святилище.

– Что ты здесь делаешь, Тивалий? – несколько удивленно, но без раздражения поинтересовался Терен. Я вспомнила его по голосу – высокий костлявый мужчина лет сорока, с черными вислыми усами, придававшими лицу унылый вид.

– А... я... принес святому Фендюлию свежие цветы! – нашелся паренек, ставивший на место вазочку.

– Весьма, весьма похвально. – Магистр благосклонно потрепал Тивалия по макушке. – Из этого отрока выйдет достойный муж, отважный и великодушный!

Паломники одобрительно загалдели. Судя по голосам, у саркофага их столпилось не меньше дюжины. Парень, не дожидаясь, пока магистр вспомнит о вверенной его заботам ведьме, поклонился и выскочил из святилища, прикрыв за собой дверь.

Паломники приблизились и обступили саркофаг со всех сторон. Магистр, заняв почетное место у меня, то есть у Фендюлия, в ногах, скромно кашлянул, привлекая общее внимание, и начал прочувственную

речь:

– Братья мои! Вы видите перед собой величайшую реликвию и святыню – в этой скромной гробнице черного мрамора покоится основатель ордена Белого Ворона святой Фендюлий...

На несколько мгновений его голос потонул в восхищенных вздохах и шепотках. Меня так и подмывало поправить, что в данный момент тут покоюсь я, ничем не хуже, к тому же молодая и красивая собой. Кстати, черный мрамор в Стармине шел на вес серебра, святому грех было жаловаться.

– ...образец благочестия, целомудрия, кротости и смирения, – входя во вкус, со все большим упоением вещал магистр, – а также прочих добродетелей, неисчислимых и неизмеримых, коих с избытком хватило бы на всех наших братьев! И даже когда я просто стою рядом с местом его последнего упокоения, я чувствую, как на меня снисходит благодать, а душа переполняется неземной радостью!

– Да, да, брат, мы тоже это чувствуем! – благоговейно подхватил нестройный хор.

– Иногда мне даже кажется, – с надрывом продолжал магистр, выжимая слезу, – что я слышу его дыхание...

Семь ушей одновременно приложились к крышке. Я инстинктивно замерла на вдохе, хотя отлично понимала, что сквозь увесистую мраморную плиту можно услышать разве что храп.

– Да! Я слышу его!!! – по прошествии напряженной минуты раздался чей-то экзальтированный вопль, заставивший меня вздрогнуть.

– И я! И я тоже! – загомонили паломники. Кто-то, возрыдав от счастья, пал на колени и начал биться лбом о боковину саркофага. Братья бросились его оттащить (больше радея о священной гробнице, нежели о лбе) и, воспользовавшись оказией, тоже стукнулись по разочку...

– Ну а теперь, – деловито прозвучал голос магистра, – пожертвуйте святому Фендюлию кто сколько может, и его благодать навсегда останется с вами!

Паломники охотно зазвенели кошельками. Деньги для передачи святому собирал магистр, и что-то подсказывало мне, что процент за посредничество мало отличается от общей суммы пожертвований.

Восторженный обмен впечатлениями потихоньку переместился в коридор. Магистр одобрительно похлопал Фендюлия по крышке, благодаря за сотрудничество, и вышел следом.

Выждав для верности пару минут, я вылезла из саркофага.

– А был ли Фендюлий? – задумчиво спросила я портрет.

Кого-то он мне напоминал, но вот кого именно... Леший его знает, может, и был, но не здесь. Запаха тлена я в саркофаге не учуяла и, судя по идеальной чистоте стенок, оказалась его первым постояльцем. Похоже, святые фендюлинские мощи были всего-навсего приманкой для легковерных паломников с тугими кошельками. И знали об этом лишь единичные посвященные, скорее всего, магистры. Кто-то же изредка полеживал в «запертом» саркофаге, старательно сопя, вещая или просто подглядывая в щелочку...

Тивалий околачивался возле двери, изнывая от волнения:

– Ну что, госпожа ведьма?!

– Если ты о Фендюлий, то я его так и не дождалась. Может, записку стоило оставить? – задумчиво прикинула я.

– Это не он!!!

– Не поверю, пока лично с ним не побеседую.

Парень обиженно насупился. Открыл было рот, но, раздумав, так ничего и не сказал.

– Брось дуться, – примирительно сказала я, легонько толкая его локтем в бок. – Давай сначала найдем вашего святого и убедим его вернуться на место, а потом уже расскажем обо всем Верховному магистру. Пока что, думаю, у него и без Фендюлия головной боли хватает.

Оруженосец еще немного помолчал, рассеянно теребя свой вороний знак, но потом все-таки кивнул и попытался улыбнуться.

* * *

Эльфийская слива зацвела на пару недель раньше обычной, помня о теплой весне своей родины, Ясневого Града. Невысокие раскидистые деревья, сплошь усыпанные багряными цветами размером с кулак, традиционно украшали дворцовые и храмовые парки, но, прихваченные коварными белорусскими заморозками, плодов не давали. А жаль – эльфы гнали из багряных слив отменную наливку, которую потребляли на каком-то ритуальном празднике, собственно ради потребления и затеваемом.

Стоя у широкого окна галереи, я задумчиво любовалась пламенеющим деревом. Закатные лучи, расплесканные по камням мостовой, создавали для него изумительный фон из оттенков алого и оранжевого, словно вокруг огромного костра.

Осмотр второго и третьего этажа мы отложили на завтра. Тивалий,

выклянчив у меня честное рыцарское слово (ха-ха!), что через десять минут застанет меня на том же месте, куда-то умчался. Впрочем, я никуда и не торопилась. Постояю немного, уложу в голове сегодняшние впечатления и поднимусь в свою комнату. Авось удастся вздремнуть часок-другой перед второй попыткой свести знакомство с загадочным умертвием.

Оруженосец что-то запаздывал. Посчитав себя свободной от обещания, я оторвалась от окна и пошла к лестнице.

– Госпожа ведьма, погодите! – окликнул меня чей-то голос. Я удивленно покрутила головой и заметила пристроившегося в уголке живописца, полускрытого мольбертом. Видимо, он стоял здесь давно, еще до моего прихода, в порыве вдохновения успев перепачкать красками не только руки, но и лицо. – Не могли бы вы еще немножко постоять в этой позе? Да, и голову влево поверните, чтобы свет на лицо падал! Вот так, чудненько!

Рыцарь с удвоенным энтузиазмом зашуровал кистью. Польщенная, я послушно замерла еще на пару минут. К сожалению, уделить процедуре запечатления моего милого облика больше времени я не могла и, обойдя мольберт, с любопытством заглянула художнику через плечо.

Великая сила искусства заставила меня оцепенеть с открытым ртом.

Вверху, как пришпиленный булавками, распластался белый ворон. По бокам порхала парочка окрыленных святых, вдохновенно тренькающих на гусях. Посреди пестроцветного поля кружком расположились коленопреклоненные магистры, умиленно взирающие на разгоравшийся костер. На лице привязанной к столбу ведьмы застыло жесткое, ехидное и вместе с тем мечтательное выражение, которого я от себя никак не ожидала.

– Вы не волнуйтесь, это только набросок! – торопливо начал оправдываться живописец. – И вообще, всего лишь художественный образ!

– Ах, набросок? – От моего задумчивого тона творческая личность как-то погрузтелла и сникла, не мешая мне отдирать полотно от мольберта. – Ах, образ?!

Рыцарь понял, что я безнадежно далека от искусства, и, подхватив кисти, дал деру, пока я не порвала его вместе с полотном, которое, кстати, я аккуратно скатала в трубку и сунула за пояс. Подарю Школе Чародеев – то-то смеху будет! Особенно если я наконец соглашусь прочитать там курс лекций по практической магии и лично поведу студентов на экскурсию в музей...

* * *

Судя по догорающей свече, проснулась я около полуночи. Бесшумно оделась, распихала по карманам заранее выставленные на стол флаконы и амулеты, волосы скрутила и заколола на затылке. По привычке потянулась к мечу, но, уже коснувшись ножен, досадливо отдернула руку.

Стоило мне вроде бы осторожно потянуть на себя дверь, как с той стороны что-то зазвенело, загромыхало, и я с возмущением обнаружила рухнувшую конструкцию из стального рыцарского сапога, насаженного на прислоненную к двери палку. Тивалий выскочил из соседней кельи, как камень из орочьей пращи.

– Ага, так я и знал! Нет уж, госпожа ведьма, дважды вы меня не проведете, сегодня я пойду с вами!

– Пошли, – охотно согласилась я, – А ты спать не хочешь?

– Нет, ни в одном гла... – Под моим пристальным взглядом оруженосец поскущел, зевнул и, шагнув назад, медленно осел на кровать.

– А по-моему, все-таки хочешь, – с усмешкой заключила я, накрывая его одеялом. – Тоже мне герой выискался! Как будто без тебя не разберусь...

...С умертвием, может, и разобралась бы, но здешние коридоры оказались мне не по зубам. Спустившись на третий этаж, я опрометчиво свернула в боковой коридор и, разумеется, уже через десять минут окончательно и безнадежно заблудилась. Поплутав еще с полчаса, я сдалась и присела на краешек одной из стенных ниш, под горящим факелом. Разумеется, смерть от голода и жажды мне не грозила, но стучаться в двери и долго доказывать, что это не коварное умертвие, я постеснялась. В конце концов какая разница, где устраивать засаду? Вдруг нежить решит выгулять свою бесплотную животинку как раз в этом коридоре?

Погасив факел, чтобы избавиться от предательской тени, я забралась в нишу целиком, с ногами. Скошенные боковые стенки хоть и закрывали от меня большую часть коридора, зато не менее надежно защищали от чужого взгляда, давая возможность увидеть его владельца на секунду раньше. Пользоваться маскирующими заклинаниями я не рискнула – иная нежить чует магию еще лучше, чем запах живых существ.

Только я успела смириться с мыслью о долгом нудном ожидании, как ближайший факел сердито фыркнул, чихнул дымком и угас. Я торопливо выставила вперед ладонь. Так и есть! Следы простенького, но

эффективного заклинания, растаявшие прежде, чем я успела определить уровень мастерства и основную стихию мага. Оно пришло откуда-то издалека, слева, за считанные секунды погрузив коридор во тьму.

Я замерла, как мышь под веником, вся обратившись в слух. И почти сразу различила неспешный цокот копыт. Странный, очень непривычный и в то же время знакомый звук. Слишком громкий для призрака, слишком тихий и потусторонний для настоящего рыцаря. Лошадь как будто шла на цыпочках, причем неподкованных, а тихое позвякивание, изредка вплетающееся в постукивание, никак не могло принадлежать рыцарскому броненосному коню. И больше ничего! Ни храпа, ни сопения, ни скрипа седла... ни какой-либо магии.

Не удержавшись, я выглянула из-за краешка ниши. За шиворот скользнул мерзкий холодок, пупырышками разбежавшийся по спине. Что-либо разглядеть в царившей снаружи темноте не смогла бы и кошка. Я дрожащей рукой сотворила поисковый импульс, пустила вдоль коридора... и тут-то мне стало по-настоящему жутко!

В коридоре никого не было. Да что же это за дрянь, если не порождение магии и не живое существо?!

Стук копыт участился, как будто я свистнула, выдавая свое местонахождение. Лошадь целеустремленно рысила ко мне, уже не отвлекаясь на обнюхивание пола!

До источника звука оставалось не больше сажени, когда мои нервы не выдержали. Факелы полыхнули чуть ли не до потолка, ярко высветив коридор, по которому неспешно топала... Смолка. Видимо, она шла по моим следам, а почуяв знакомое заклинание, уже без колебаний поскакала навстречу. И я же сама на днях заплела ей в хвост заговоренную ленточку, чтобы эту паршивку нельзя было засечь с помощью колдовства!

Выбравшись из ниши, я изловила кобылу под уздцы. Растерянно почесала ее за ухом:

– Ты-то как сюда попала, подруга?

Смолка загадочно прищурила желтые глаза. С ременного недоуздка свисал обрывок цепи, на конце словно расплющенный молотом. Он-то и звякал в такт шагам. Поскольку рыцари пользовались исключительно жеребцами, в общую конюшню кобылу не пустили, привязав в закутке возле кузницы. Оборвать цепь и отправиться на ночную прогулку вполне в ее духе, как и взобраться по ступенькам. Но кто открыл ей ворота? Решетки? Входную дверь? И как она умудрилась протиснуться по винтовой лестнице?!

По крайней мере теперь я хотя бы приблизительно знала, в какой

стороне эта самая лестница находится. Снова лезть в нишу не было смысла. Неведомый маг больше не покушался на факелы – видимо, я его спугнула, а для полного успеха засады на умертвие мне не хватало только ошивающейся рядом кобылы! Надо поскорее выгнать эту поганку из замка, но как?

Мы со Смолкой прошли не меньше сорока сажений, а коридор все не кончался. Лестница соответственно не начиналась. Наконец, к моей величайшей досаде, мы очутились в галерее с окнами, выходящими во внутренний двор. Я точно помнила, что лестниц возле нее нет. Лучше бы я помнила, где они есть...

Пока я пыталась сориентироваться, кобыла отошла в сторонку и, беззвучно взвившись на дыбы, потянулась к еловому веночку, приколоченному над одной из дверей. Я торопливо шикнула на бандитку, и Смолка, разочарованно фыркнув, опустилась на все четыре ноги, успев-таки подцепить венок клыками.

Мы немножко поперетягивали ее добычу. Не сказать чтобы мой авторитет победил... скорее веночек проиграл, разделившись на две неравные части. Меньшая немедленно исчезла у кобылы в желудке, а большую я с четвертой попытки забросила обратно, и она криво повисла на гвоздике.

Кстати, а куда ведет эта дверь? На жилую комнату не похоже, да и засов снаружи. А внутри... я поспешно, но совершенно напрасно отскочила назад. В просторной келье стояли всего лишь пустые доспехи, надетые на сколоченные из палок каркасы.

Я на всякий случай приподняла рыцарю забрало, но умертвия под ним не обнаружила.

– «Сие есть броня и оружие святого Фендюлия и его благословенного коня», – прочитала я, поднеся потрескивающий факел к стоящей рядом табличке. – Надо же, даже конь у него сумел отличиться. Смолка, не хочешь взять пример?

Кобыла скептически фыркнула, давая понять, что с такой хозяйкой в «благословенные» ее все равно не возьмут.

– Ну примерь хотя бы. – Я сняла с подставки железную конскую морду с аршинным рогом во лбу и нахлобучила ее на Смолку. – Знаешь, а тебе идет!

Лошадь мрачно покосилась на меня сквозь треугольные прорези. Я, увлекшись, заодно переложила на нее кольчужную накидку и седло с широкими стремянами на цепях. К задней луке была приварена изогнутая стальная полоса с гребнем вроде драконьего, доходящая до трети хвоста.

Возмущенно махнув оставшейся частью, кобыла развернулась и, неуклюже поднимая ноги, потопала к двери.

Мое внимание переключилось на еще один уникальный экспонат. Возле рыцаря, на подушке с кистями, лежал здоровенный меч. Судя по нему, у Фендюлия было как минимум три оруженосца – двое надорвались бы при переноске этой орясины, а один бы ее попросту не поднял. Как и доспехи, меч выглядел совсем новехоньким, словно только что из кузницы. Или из ювелирной мастерской – драгоценных камней на нем было не меньше фунта, плюс золотая рукоять. Враги небось становились в очередь, чтобы сразиться именно с Фендюлием и захватить этот заманчивый трофей. Постойте-ка... а что это за клеймо на ее торце? Свернувшийся клубком василиск, метка известного гномьего оружейника, здравствующего и поныне, если не ошибаюсь. По крайней мере, три месяца назад он был очень даже жив и втридорога содрал с меня за якобы «вечный» меч из «особого» сплава. Я нарочно не выбрасывала рукоять, чтобы при следующем визите в кузницу сунуть ему под нос как бирочку на скидку. Фендюлию повезло больше: он не дожил до гномьего клиента каких-то ста лет. Иначе, возможно, геройски пал бы в бою куда раньше...

– Похоже, Смолка, это такая же фальшивка, как и саркофаг. Еще одна приманка для доверчивых паломников. – Я задумчиво повертела в руках шлем с двумя серебряными крылышками по бокам. Не удержавшись, нацепила на голову и попыталась рассмотреть себя в начищенный до блеска щит. – М-да... с другой стороны, просто бесценная вещь для психической атаки... да и о прическе можно не беспокоиться. А ты как считаешь, Смолка? Смолка! Эй!

Кобыла исчезла. Я торопливо выглянула в коридор. Никого! Неуверенно посвистела. Тишина! Как, куда она могла бесшумно ускакать в такой куче железа? А что, если она попадет кому-нибудь на глаза?!

– Смолка!!! – завопила я, забыв о конспирации. – Иди сюда сию же секунду, а то хуже будет!

Коридоры еще не успели переварить раздробившееся в них эхо, как в противоположной стороне зародился и начал быстро нарастать знакомый лязгающий грохот.

– А, вот ты гд... – Я обернулась, и слова застряли у меня в горле. На макушку что-то мягко шмякнулось, но сегодняшней лимит удивления был исчерпан, и я даже не потянулась проверить, кто и чем меня осчастливил.

Это была не Смолка! На меня, потрясая огромным мечом, на здоровенном коне в шипастых доспехах мчалось долгожданное умертвие, тускло светясь всеми костями, в том числе лошадиными. Глаза всадника

горели алым огнем, коня – зеленым. Звон доспехов смешивался с сухим стуком костей.

Мне бы подпустить сладкую парочку поближе и бить наверняка, но им удалось произвести на меня такое неизгладимое впечатление, что я пальнула в них, не задумываясь и даже почти не целясь.

Пульсары срикошетили от доспехов и пошли зигзагами скакать вдоль коридора, от стены к стене, высекая из камней искры. Умертвие торжествуяще, но, увы, напрасно взревело – и без того перепуганный конь с истошным ржанием взвился на дыбы, после чего развернулся и поскакал в обратную сторону. К явному неудовольствию всадника, который выразил свой протест, свалившись на пол.

Пару минут мы ошеломленно пялились друг на друга, затем умертвие (видимо тоже составившее обо мне не лучшее представление) ловко вскочило на ноги, подхватило меч и бросилось наутек, точнее, наупрыг из окна.

Остановить его я все равно не успевала и, метнувшись к ближайшему проему, опасно перевесилась через подоконник.

Как раз в этот момент умертвие без раздумий сигануло вниз.

Прицелилось-то оно хорошо, профессионально, вот только не учло, что под окном стоит не его костлявая скотина и даже не флегматичный рыцарский тяжеловоз.

Подозрительно знакомая лошадь в рогатом шлеме в последний момент коварно шагнула вперед, и мертвец приземлился чуть подальше задней луки, на гребне.

Скелет скелетом, латы латами, а от последовавшего за прыжком вопля на впечатлительной эльфийской сливе осталось не больше половины цветков. Смолка, в первую секунду присевшая на задние ноги, резко их распрямила, заодно от души поддав задом. Умертвие, описав красивую дугу, вместе с отломившимся гребнем головой вперед улетело под арку, где, судя по звуку, раскатилось на отдельные кости. Запустить в него пульсаром я не успела. Ругаясь последними словами, втянулась обратно в коридор и со всех ног побежала в ту сторону, где, по моему мнению, должна была находиться лестница. Как ни странно, там она и оказалась. Прыгая через три ступеньки, а в одном месте оступившись и пролетев целых семь (спасли перила, взамен чуть не вывихнув уцепившуюся за них руку), я за каких-то пять секунд преодолела оба пролета. На первом этаже я худо-бедно ориентировалась и без колебаний свернула налево, а потом направо и в среднюю дверь.

Естественно, умертвия в бессознательном или любом другом

состоянии я под аркой уже не застала. У стены валялся только гнутый кусок ржавого железа, в котором я после долгих размышлений опознала налокотник с оторванной дужкой. Чуть подалее мертвым сном почивали в обнимку два стражника и одна пустая бутылка. Связка с ключами от трех коридорных дверей-решеток торчала в скважине последней. Разумеется, все они были открыты. Призывно свистнув Смолке, я вскочила в седло и, заранее пригнувшись, ударом пяток послала ее в галоп. С ветерком пролетев коридор, я притормозила, повертела головой. Никого! Наружный двор тонул в темноте, на фоне крепостных стен светилась лишь прореха наружных, ворот, тоже распахнутых настежь. Полегшие возле моста стражники не менее успешно провели дегустацию загадочного алкогольного напитка. Успокоенная разноголосым храпом, я не стала возле них задерживаться, но по ту сторону рва снова натянула поводья. Разгоряченная кобыла приплясывала на месте, ей не терпелось мчаться дальше. Вот только куда?

И тут вдалеке мелькнул силуэт всадника, скачущего прочь от замка. Правда, откуда-то со стороны леса, но возможно, там он разживался запасным конским скелетом. Я помотала головой, прогоняя дурацкую картинку: запыхавшееся умертвие торопливо отрывает своего верного скакуна ржавой лопатой, загодя припрятанной в кустах.

Кобыла его тоже заметила и, стоило поводьям провиснуть, сорвалась в карьер. Доспехи подняли невообразимый грохот, я мгновенно оглохла. Железное седло, рассчитанное на бронированный рыцарский зад, нещадно пинало мой собственный. В довершение всех бед я, не знакомая с устройством конских доспехов, не закрепила как положено кольчужную накидку на лошадином крупе, и теперь она летала вверх-вниз, хлопая то меня по спине, то кобылу по заду.

Впрочем, Смолку это только подгоняло. Обычного коня мы бы уже давным-давно настигли, а этот словно бы не слишком и торопился, однако расстояние между нами почти не сокращалось. Несколько минут назад я могла поклясться, что это такой же призрак или умертвие, как и я, но теперь снова засомневалась. Уж больно плавно и бесшумно он двигался, хотя судить о последнем под окружающую меня какофонию было весьма затруднительно.

Впереди замаячило давешнее озеро. Прекрасно, справа лес, слева – дорога на село, деваться ему некуда! Лесная нежить пришлую не жаловала, а сельские собаки с удовольствием подключатся к погоне за бродячими костями.

Умертвие это тоже отлично понимало, а посему на полном скаку

въехало в озеро и... исчезло. Без малейшего плеска, словно мгновенно растворившись.

Натягивать поводья не было нужды – кобыла сама почуяла что-то неладное и перешла на шаг, осторожный и бесшумный. Подкравшись почти к самому берегу, Смолка всхрапнула и отпрянула назад. Не слишком испуганно, но давая понять: пусть хозяйка сначала разведает обстановку, а верная кобыла в случае чего отнесет скорбную весть друзьям и близким.

Поняв намек, я спешила, шагнула вперед... и точно так же шарахнулась от неожиданности.

Это было не озеро, а... туман. Белый и плотный, словно молоко, он плескался вровень с краями лощины, изредка ощупывая их короткими язычками волн. Над ним, как и над водой, клубилась легкая дымка, веяло теплом. И магией. Той же самой, что и в замке, у фендюлинской гробницы. Только здесь ее было много – так много, что у меня заныло под ложечкой от сконцентрированной в лощине мощи.

Я попыталась зачерпнуть ее и выпить, однако туман неожиданно сгустился еще больше, став почти осязаемым, и вежливо, но непреклонно увильнул от моей руки. Не для тебя. Извини.

А для кого? Умертвия? Нет, эта магия не имела ничего общего с некромантией. На природный источник тоже не похоже. Она существовала словно сама по себе, как живое существо, снисходительно поглядывая на озадаченную ведьму.

Похоже, умертвие в нем попросту спряталось, как в обычном тумане. Заехало поглубже и остановилось, ехидно хихикая себе под нос или что там у него осталось.

Намотав на запястье шнурок амулета, я решительно шагнула в туман. Но, когда он за клубился вровень с моей макушкой, поняла, какое это гиблое дело. В нем не то что умертвие – собственных коленей нельзя было разглядеть.

«Ладно, голубчик, – мрачно подумала я, давая задний ход. — Ложбина небольшая, все края просматриваются. Посмотрим, сколько ты там высидишь. Лично я никуда не тороплюсь, а вот у тебя с рассветом будут ба-а-альшие проблемы!»

Утро выдалось ясное и безветренное. После ночного заморозка,

добросовестно выбелившего траву, прорезавшееся на горизонте солнышко выглядело откровенной насмешкой над окоченевшей в зюзию ведьмой.

Стоит ли добавлять, что умертвие и не подумало явиться пред мои светлые очи?!

Дальше торчать у озера не было смысла. Если умертвие не вылезло из него ночью, то днем тем более не посмеет. Прямых солнечных лучей ни живые мертвецы, ни призраки не любят, а тенька, которым оно могло бы пробраться к замку, рядом не было. Скоро в Вороньих Когтях протрубят побудку, нас хватятся и вряд ли поглядят по головке за самовольный прокат фендюлинских доспехов.

Спохватившись, я стащила с головы шлем и сунула его под мышку. На одном из крылышек висел пожеванный веночек – видимо, он-то и свалился на меня в момент появления нежити. Размахнувшись, я со злостью зашвырнула его в туман, надеясь попасть умертвию по черепашке. Ладно, вернусь вечером, никуда ты от меня не денешься!

Я вскочила на лошадь, и мы потрюхали обратно, громыхая, как целая вереница каторжников в ножных кандалах.

Вот леший! У рощицы на полпути к замку маячила одинокая фигурка, что-то напряженно высматривающая в чистом поле. Что именно, долго гадать не пришлось.

– Госпожа ведьма, так нечестно! – издали завопил Тивалий и, спотыкаясь на кочках, побежал мне навстречу. – Вы опять меня обманули!

– Заколдовала, – невозмутимо поправила я, подъезжая поближе. – В замке все в порядке? Стражники оклемались?

– А что с ними было? – опешил парень, временно забыв о своих претензиях.

– Если бы знала, не спрашивала.

– Полчаса назад они бдели как должно! А вот вы... – Тивалий наконец-то обратил внимание на Смолкину экипировку и снова сбился с мысли. – Но это же...

– Да, – резко оборвала я. – Ты можешь сгонять в деревню и раздобыть какой-нибудь мешок?

– Зачем?

– Чтобы запихнуть туда этот хлам и отнести его на место.

– Это не хлам! Это...

– Я знаю, что это такое, – перебила я. – И тоже не испытываю никакой радости от соприкосновения с их благодатью! Да, и попроси мешок погрязнее, из-под картошки, чтобы стража у ворот не вздумала его проверять.

– Какое неслыханное святотатство! И они все равно туда не влезут!
– Я могу уменьшить их раз в пять, но легче они от этого не станут. Так что поторопись, пока кто-нибудь из рыцарей не вздумал спозаранку помолиться этому крылатому ведру.
– Это не ведро!!!
– Ладно, убедил. – Я небрежно бросила шлем ему в руки и спешила. – Садись на мое место и поезжай в замок как есть. Не сомневаюсь, магистры будут в восторге!
Тивалий тоже не питал иллюзий на этот счет.
– Госпожа ведьма, куда же вы? – растерянно завопил он мне вслед.
– Куплю мешок и заодно позавтракаю. Если ты соблаговолишь меня дожидаться, принесу тебе пару бутербродов.
Оруженосец дал мне отойти саженей на тридцать и заорал еще истошней:
– С колбасой!!!
Я только усмехнулась, ускоряя шаг.

* * *

– Чего изволите, госпожа ведьма?
Я изумленно уставилась на корчмаря, подобострастно переминающегося с ноги на ногу возле моего столика. Даже полотенце на локоть накинута, надо же! Правда, оно больше смахивало на половую тряпку, но какой неслыханный сервис... Мужик явно нервничал, глаза бегали, как тараканы по пустой тарелке.
– Странно, – вслух подумала я, не спуская с корчмаря испытующего взгляда, – утром я проезжала через лес, но не заметила, чтобы там сдохло что-то настолько крупное...
Тот натянуто захихикал. Может, видел наши ночные гонки и наконец-то проникся уважением? Грех не воспользоваться.
– Ну... тогда, пожалуй, утку с яблоками.
– Один момент! – Корчмаря как ветром сдуло. И с той же скоростью принесло обратно.
Я заглянула в миску и с еще большим удивлением обнаружила там здоровенный кус утятин в обрамлении рассыпчатых ломтиков. Так быстро?! Он ее на драконьем пламени жарил, что ли? Или опять у кого-нибудь из клиентов отобрал, чтобы поскорее от меня отвязаться? Впрочем,

блюдо выглядело нетронутым и пахло весьма аппетитно.

Поколебавшись, я принялась за еду. Корчмарь продолжал торчать возле моего стола, как вбитая в пол оглобля, провожая взглядом каждый кусок.

– В чем дело, уважаемый? – не вытерпела я. – Если вам так уж невтерпеж, берите вторую вилку и присоединяйтесь!

Мужик затряс головой, как немой в ответ на грозный вопрос стражника: «А это не тебя ли я видел ночью с окровавленным топором над трупом усекновенного купца?!»

– Тогда идите мне лучше бутерброд с колбасой на дорогу сделайте, – вспомнила я.

Заказ, выполненный в столь же рекордные сроки, выглядел не менее впечатляюще: целое кольцо колбасы в располовиненной ковриге белого хлеба, даже веревочка сбоку болтается.

– 3-за с-счет 3-заведения! – с кривой улыбкой выдавил корчмарь.

Я окончательно перестала что-либо понимать и, поскорее употребив утку, поспешила покинуть излишне гостеприимное заведение. Ну его к лешему, куплю мешок у кого-нибудь из селян, а то этот ненормальный мне двухсаженный чехол от веялки принесет! Но интересно, что же его так напугало?! Даже на крыльцо проводить вышел, только что полотенцем вслед не помахал...

* * *

Подбросить доспехи на место удалось на удивление легко. К побудке мы все-таки опоздали, но на время завтрака замок словно вымер. Стражники у ворот, правда, попытались сострить: мол, госпожа ведьма работу с кладбища на дом взяла? Я изобразила удивление такой прозорливостью, и у них мигом пропало желание шутить.

Ухватив тяжеленный мешок за углы, мы потащили его по винтовой лестнице, периодически застревая на поворотах и поминая святого Фендюлия отнюдь не в молитвах (то есть я поминала в полный голос, а парень мрачно пыхтел, выражая мне свою солидарность).

У самой двери Тивалий неожиданно уперся, до глубины души оскорбленный моим очередным распоряжением:

– Нет, госпожа ведьма, и не просите! Стояние на стреме недостойно истинного рыцаря!

– А ты представь, что стоишь в почетном карауле, – подмигнула я, волоком затаскивая мешок в комнату.

Развесив доспехи (в последний момент я спохватилась – кажется, что-то не то, и поменяла рыцарский и конский шлем местами), я поскорее выскочила обратно и захлопнула дверь. Мы с Тивалием одинаково привалились к стене по обе стороны косяка и облегченно вздохнули. Переглянулись, рассмеялись и поспешили в трапезную, пока магистры не заметили нашего отсутствия на очередном диетическом проставлении Фендюлия.

Но там и без нас не скучали. На сей раз в центре внимания оказался прыщавый рыцаренок лет девятнадцати.

– Братья мои! – пронзительно верещал он, для лучшего распространения звука взобравшись на скамью. – Сегодня ночью мне не спалось – меня обуревали мысли о несовершенстве этого мира, и я, бесплодно проворочавшись до полуночи, вышел из замка погулять, надеясь, что ночной воздух окажет на меня должное умиротворяющее действие...

На щеке у парня отчетливо виднелся отпечаток самодельной свекольной помады, из чего я заключила, что в процессе умиротворения принимал участие не только воздух, да и обуревало его кое-что другое.

– И вот, лежа в кустах возле роци, мы увидели – то есть я и мой верный конь, которому тоже почему-то не спалось! – как из замковых ворот выехал святой Фендюлий, преследующий умертвие!

Рыцари внимали ему с восторгом ребятишек в ярмарочном балагане. Даже Тивалий приоткрыл рот от восхищения, но потом покосился на меня и обиженно его захлопнул.

– Они пересекли поле, – вдохновенно вещала жертва юношеской бессонницы. – И скрылись в лощине!

Я подумала, что, пожалуй, стоит занести в мой трудовой свиток очередную запись: «Маел-ине-Киррен. И. о. св. Фендюли.!!».

– А возвращаясь в замок, я подобрал вот это! – Рыцарь торжествующе потряс злосчастливым гребнем.

Он тут же пошел по рукам, как давешний ларец. Потрясенные рыцари благоговейно, а кто и истово, по всей длине, лобызали священную реликвию, сыпя обетами, как сушеным горохом из худого мешка. Приобщиться к оной благодати не пожелал только Верховный, да и остальные магистры отнеслись к этому развлекательному мероприятию без особого энтузиазма, звучно чмокнув воздух в полувершке над железякой.

С явным облегчением избавившись от улики очередного

фендюлинского чуда, Верховный магистр поманил меня пальцем:

– Госпожа ведьма, вы покидали ночью пределы замка?

– Да. – Все равно караульные расскажут

– Мальчик был с вами?

– Да. – Я и бровью не повела, зато Тивалий залился жарким румянцем по самый воротник.

Глава ордена продолжал буравить меня взглядом:

– Странно, стража у ворот вас не заметила.

– Разумеется, она была не в том состоянии, чтобы вообще кого-либо заметить.

– Наглый поклеп! – вскочил из-за соседнего стола рыцарь, только что сменившийся с караула. – Мы с товарищами всю ночь не смыкали глаз! Да, каюсь, мы распили бутылочку легкого красного вина, но исключительно в целебных целях, для повышения бдительности! Клянусь святым Фендюлием!

Меня так и подмывало брякнуть, что святой, увы, не может засвидетельствовать его клятву по причине отсутствия на рабочем месте, но я сдержалась. В самом деле, не такие же они дураки, чтобы напиться на посту. Да и маловато для этого одной бутылки, пусть даже чистойшей винесской горилки. Видимо, в нее что-то подмешали.

Я ограничилась пренебрежительным движением плеч, не собираясь что-либо доказывать или оправдываться. Рыцарь, еще немного поворчав, но тоже не горя желанием связываться с ведьмой, сел на место.

– Так, выходит, святой Фендюлий уже избавил нас от умертвия? – сообразил кто-то из его коллег. – На кой тогда нам эта...

«Эта» обернулась и одарила нахала таким выразительным взглядом, что он решил не торопиться со своим частным мнением.

Увы, зерно упало в благодатную почву и буйно заколосилось сразу в нескольких местах, так что я узнала-таки о себе много нового и интересного. Не привыкать, конечно, но удовольствие маленькое.

– Давайтеждемся ночи и проверим. – Верховный магистр сказал это мягко и негромко, но нарастающий ропот сразу утих. – Госпожа ведьма, не могли бы вы зайти ко мне сразу после завтрака?

Я угрюмо кивнула и, резко развернувшись, вышла из трапезной. Ради богов, мне же меньше проблем. Пусть сами ловят свое умертвие, только потом не жалуется, что оно возражает против поимки еще решительнее, чем оплеванная ведьма!

* * *

– Проходи. – Глава ордена сам открыл мне дверь. – Тивалий, иди пока потренируйся с мечом. Мы с госпожой ведьмой немного побеседуем.

Я уже собиралась присесть на колченогую табуретку, единственную напарницу неизменной лавки с поленом, но Верховный магистр, отдернув висящий на стене гобелен с еще одной вариацией на тему великих деяний здешних святых, жестом пригласил меня во вторую комнату.

– Уютненько тут у вас, – хмыкнула я, переступая порог.

На полу лежал ковер, в углу стояла огромная кровать под балдахин, а на стене висела картина с пышнотелой русалкой, игриво прикрывшей грудь хвостом. Впрочем, хвост отставал от груди по меньшей мере на два размера, так что особо не мешал.

Глава ордена благодушно развалился в кресле, вытащил из-под стола бутылку с вином и щедро плеснул из нее в серебряный кубок. Отпил, одобрительно посмаковал, глядя на меня, и неожиданно спросил:

– Надеюсь, ты вернула доспехи на место?

– Вернула... – ошеломленно подтвердила я. – Как вы догадались?!

– Дорогая моя! – Верховный магистр откровенно веселился. – Мы оба прекрасно знаем, что Фендюлий не имеет к этим доспехам никакого отношения. Так с чего бы его духу в них облачаться? Наши братья не осмелятся на такое святотатство, у умертвия есть свои, значит, остаешься только ты!

– И что? – с вызовом поинтересовалась я. – Мне начинать собирать хворост или сами подсуетитесь?

– Сколько тебе лет, ведьмочка? – вместо ответа спросил глава ордена. – Двадцать, двадцать пять?

– Двадцать два, – привычно округлила я.

– Что ж, в твоём возрасте я тоже был уверен, что мир делится только на черное и белое. Но с годами понимаешь, что излишняя святость, увы, ближе к первому. – Наместник владений святого Фендюлия задумчиво покрутил кубок в пальцах. – А посему идея пригласить тебя в замок исходила именно от меня, причем я прекрасно представлял себе последствия этого решения. И сейчас я хочу всего лишь попросить тебя вести себя более... э-э-э... осмотрительно. То есть не попадаться никому на глаза ни под видом Фендюлия, ни... умертвия. Ибо далеко не все магистры разделяют мою точку зрения, а регулярные ночные переполохи мало способствуют моему авторитету...

Я почувствовала, что краснею. Смущенно кашлянула:

– Постараюсь. Но не могли бы вы рассказать мне поподробнее об этом прокля... то есть святом Фендюлий?

Верховный магистр вздохнул и, недолго поколебавшись, подлил себе вина:

– Я бы и сам не отказался побольше о нем узнать. Увы, наши сведения запутанны и противоречивы, ибо подлинных рукописей тех лет почти не сохранилось, а описанные в них деяния столь приукрашены, что вызывают сомнение. Кто пишет, что Фендюлий мог уложить дракона одним ударом кулака, кто – что он брал верх умом и ловкостью, умел предсказывать будущее, а также обожал всевозможные шутки и розыгрыши. Есть даже легенда, что его дух до сих пор бродит по коридорам замка в облике одного из братьев и на того, кто его узнает, снизойдет неопишуемая благодать. Кхм... помнится, в юности я и сам приставал к встречным рыцарям с вопросом, не Фендюлий ли он... Летописцы сходятся лишь в одном: он был достойным человеком, отважным воином и основал орден Белого Ворона, призванный защищать простых жителей Белории от зла и несправедливости. Но мы даже не знаем, где его могила, ибо однажды он вышел из замка на ежевечернюю прогулку и не вернулся. Вероятно, он наткнулся на передовой отряд орков и пал в неравной битве – спустя несколько часов рыцарям пришлось спешно собираться в поход против целой армии этих тварей, без предупреждения пересекшей границы Белории. Израненное тело Фендюлия могло выдать их раньше времени, поэтому, скорее всего, его где-то прикопали. В воцарившейся суматохе искать его не было времени, потом выпал снег, а по весне выросла новая трава и окончательно скрыла все следы.

– Но это не помешало вам установить в замке копилочку из черного мрамора, – не удержавшись, ввернула я.

– Что поделать?! – усмехнулся Верховный. – Рыцарям тоже иногда хочется кушать. На какие только ухищрения не приходится идти, чтобы накормить целую ораву здоровых парней хотя бы черным хлебом! Замок нуждается в ремонте, да и гномы не желают отпускать нам сталь для кузниц бесплатно. И потом, нам нужен был символ, реликвия, которая сплотила бы братьев ордена. Фендюлий прекрасно подошел для этой цели. Управлять таким огромным замком не так-то просто, девочка... Конечно, магистры по мере сил помогают мне, но с недавних пор даже среди них наметился раскол. Увы, на всех, как ни старайся, не угодишь – и тебе это должно быть известно лучше, чем кому-либо! – а на таком высоком посту даже мелкий промах оборачивается катастрофой... Так что не разочаруй

меня, ведьмочка.

– Постараюсь, – повторила я уже куда искреннее.

– Тогда не смею больше тебя задерживать. Иди, чадо мое, и да пребудет с тобой святой Фендюлий! – машинально добавил и тут же рассмеялся Верховный магистр.

* * *

– Ты должен был поторговаться с ней, Тивалий! – доносившийся из-за двери голос показался мне смутно знакомым. Ага, отважный охотник на ведьм из комитета по встрече! – Ведьмы алчны, и сразу предлагать ей всю выделенную орденом сумму ни в коем случае не следовало. А теперь она, похоже, решила, что может вить из нас веревки! За это ты...

Я поскорее распахнула дверь. Магистр с явным сожалением закрыл рот, не успев огласить задуманную гадость.

– У вас тут мой охранник не завалился? – нахально поинтересовалась я. Тивалий поскорее прощмыгнул в дверь, ко мне за спину. – Вот хорошо, а то я как раз побег собиралась организовать, а пресечь это безобразие некому.

Магистр злобно сверкнул глазами, но возражать не стал. Я, посчитав разговор оконченным, вежливо прикрыла дверь.

– Вы меня правда искали? – с надеждой поинтересовался Тивалий.

– Нет, случайно мимо проходила. Тебе же вроде тренироваться велели?

Парень снова начал краснеть, как незрелый помидор на окошке. Все ясно, улучил свободную минутку и понес господину вести с полей. Сокращенный вариант, разумеется, иначе магистра вообще бы удар хватил.

– Ладно, – сжалилась я, не настаивая на ответе. – У тебя еще будет время, я с ног валюсь и до обеда из комнаты не выйду.

– Честное рыцарское? – недоверчиво уточнил паренек.

– Честное ведьминское! – с усмешкой поправила я.

* * *

Пролистав книгу до конца, я разочарованно хмыкнула и, повертев ее в руках, бросила на кровать к уже просмотренным. Как развеять обычный туман, я и сама знала. Про магический там ни слова не говорилось.

Один маг в замке есть – это точно. Но его заклинание не имело ничего общего с туманом. На кой ему понадобилось гасить факелы? Просто развлекался, хотел попугать стражу? Или выбрал укромное место и ночное время для оттачивания навыков? Магия-то в замке под запретом.

Да еще это разваливающееся на куски умертвие... Я внимательно изучила налокотник – ему было лет триста, не меньше, но ржавчина покрывала его только снаружи. Внутри сталь блестела, словно отполированная курткой или рубашкой. Оно что, перед нападением специально разделось до костей и черепа?

А если это был человек со столь оригинальным чувством юмора, как он умудрился сигануть вниз с высоты пятнадцати саженей, не располовинившись о гребень? И потом скакать быстрее Смолки, а не с оханьем семенить в раскорячку на своих двоих? Коня-то во дворе не было, а до леса пара верст...

О своей собственной кобыле я вообще молчу. Либо Смолка взяла у умертвия дурную привычку проходить сквозь стены, либо план замка съели не так добросовестно, как меня уверяли. И кто-то им нахально пользовался.

Я устало потерла лоб. Мозги объявили забастовку, требуя компенсации за бессонную ночь. Леший с ними, вечер утра мудренее. Я поставила на колени сумку и начала запихивать книжки обратно, освобождая кровать.

Это меня и спасло. Иначе я просто не успела бы ее развязать. Боль в животе скрутила так внезапно и жутко, что я даже не успела охнуть – горло словно перехватило тугой петлей, не пропуская ни воздуха, ни крика.

Глупая надежда на несварение или внеплановые женские дни промелькнула и тут же исчезла. Вместо нее перед глазами всплыл параграф «Яды» из учебника по травоведению.

«Главное – не паниковать», – поучал магистр Го-ральт, у нас на глазах отпивая из украшенного скрещенными костями флакона и так же неторопливо вытаскивая пробку из второго, с зеленым трилистником на этикетке. (На перемене, когда преподаватель вышел, я на спор повторила опасную дегустацию и с возмущением обнаружила в обеих бутылочках чистую воду; правда, шутки ради изобразила такие достоверные конвульсии, что магистр, прибежавший на испуганные вопли моей компании, навсегда зарекся разыгрывать адептов.)

Но на этот раз с первой бутылочкой не обманули, значит, и со второй ошибиться нельзя.

Думай, ведьма, думай... яд подействовал как минимум через три часа – после возвращения из корчмы я ничего не ела и не пила... без вкуса, без запаха, иначе я бы его заметила... режущая боль почти непрерывными

приступами... Настойка нетопыриных когтей или «Эликсир Кратколетия», как иронично называли эльфы вытяжку из бутонов рыжелепесгной мандрагоры, растущей только в чащобах Ясневого Града?..

В сумке у меня лежали противоядия к обоим ядам, но смешивать их нельзя было ни в коем случае. Смерть от «Эликсира» наступала спустя полторы минуты после появления симптомов, от настойки – через пять-шесть. Что ж, скоро узнаю наверняка... или не узнаю. Если кто-то решился отравить ведьму, он должен был действовать быстро, чтобы она не успела даже пикнуть. Точнее, прочитать заклинание или добраться до сумки с зельями.

Значит, «Эликсир». Где же у меня это треклятое противоядие?! Я негнуцимися пальцами поворошила содержимое сумки; она выскользнула у меня из рук, шлепнулась на пол и флаконы раскатились в разные стороны.

Всхлипнув от обиды, я наклонилась и криво, боком сползла с кровати. Из последних сил протянула руку к вертящейся в каком-то локте от меня бутылочке, но, уже коснувшись холодного стекла, поняла, что не успею...

* * *

Я очнулась от холода. Возле протянутой руки валялась пустая бутылочка. Потеклов возле нее не было, видимо, потекло все-таки в меня. Угадала. Но убей не помню, как я сумела ее открыть и выпить!

Каменный пол нравился моему боку все меньше и меньше. Я со стоном перевернулась на живот и конечностью за конечностью попыталась перевести себя хотя бы в сидячее положение. Мышцы кое-как подчинились, но так вяло и бесчувственно, что я было заподозрила, не стало ли в замке одним умертвием больше. Впрочем, судя по нарастающей в них боли, тело просто затекло от неподвижности.

В дверь постучали. Я недобрым словом помянула свое заклятие, не дающее умертвию без лишних церемоний пройти сквозь стену и избавить меня от страданий самым радикальным способом.

Пришлось лично добираться к двери по стеночке.

– Чего тебе, юный фендюлинец?

– Госпожа ведьма, уже смеркается. – затараторил Ти-валий. – Вы не вышли к вечерней трапезе, и я забеспокоился, как бы...

– Мне утренней хватило, – поморщилась я, пропуская его в келью. –

Помолчи минутку, ладно?

Оруженосец послушно присел на краешек кровати, глядя, как я смешиваю в стакане четко отмеренные капли из различных бутылочек. От снадобья свело скулы, зато результат наступил почти мгновенно – я снова почувствовала себя живой, хотя мертвым завидовать мне было рановато.

– Вы себя хорошо чувствуете? – запоздало спохватился парень, как-то странно разглядывая мое лицо. Ну, бледная. Возможно, даже белая как полотно, с расширенными зрачками и отпечатком камня на щеке. Самый подходящий видок, чтобы в полночь поскрестись в окошко корчмы и, обнажив накладные клыки, вкрадчиво поинтересоваться у хозяина, где он раздобыл такие дивные специи. Все как на духу выложит!

– Нет, – отрезала я, убирая склянки обратно в сумку. К корчмарю я еще успею, а сейчас надо спешить к туманному озеру. При дневном свете умертвие не осмелится и носа оттуда показать; значит, будет сидеть в нем до сумерек.

Мага и вездесущую кобылу я тоже отложила на потом. У этого узла слишком много кончиков; возможно, если упрямо тянуть за один, он и распутается.

Парень словно прочитал мои мысли:

– Госпожа ведьма, а куда мы сейчас пойдем?

– Мы? – саркастически уточнила я, поворачиваясь к нему.

Тивалий на всякий случай зажмурился. Наивный! Ведьме совсем не обязательно смотреть своей жертве в глаза, усыпить я могу и на расстоянии. Но не в своей же комнате! Потом тащи его в соседнюю келью... Надо придумать какой-нибудь предлог, чтобы он сам туда убрался.

Усмехнувшись, я отвела глаза и подобрала с пола флакон из-под противоядия. Да так и застыла, стиснув его в кулаке. Магия... опять эта туманная магия! Она обволакивала флакон, как отпечаток чьей-то ладони, легонько пульсируя под моими пальцами. Я торопливо сделала пасс свободной рукой. Других следов чужого колдовства я не обнаружила, но поручиться, что их совсем нет, тоже не могла. Что-то смутное и ускользающее висело в воздухе, как аромат листовых дриадаских духов. Спокойно вдохнешь – почувствуешь, а начнешь принюхиваться – исчезает.

Я задумчиво заткнула флакон и бросила в сумку. Тивалий, не дождавшись усыпления, робко приоткрыл один глаз:

– Но Верховный магистр велел мне...

– Ничего подобного, – фыркнула я, резко затягивая горловину сумки. – Если я не ошибаюсь, ты отвечаешь за то, чтобы я не нашкодила в замке?

Парень смущенно промолчал. Я безжалостно закончила мысль:

– Значит, можешь с чистой совестью подождать меня у ворот. Только раздобудь мне нормальный меч, а то сам видишь... – Я вытряхнула бутафорскую рукоять из ножен.

Тивалий замялся:

– Я сомневаюсь, что кто-нибудь из рыцарей согласится доверить вам свой клинок, а в оружейной хранятся только тренировочные мечи и боевые двуручники. Но...

– Но?

– У меня есть меч, доставшийся мне по наследству. Правда, до посвящения в рыцари я не имею права к нему прикасаться, но, если вы возьмете меня с собой, я могу вам его одолжить!

– Покажи, – заинтересованно велела я.

Тивалий метнулся туда-обратно и приволок длинный сверток, обмотанный куском пожелтевшей холстины. Бережно распеленал, протянул мне на вытянутых руках, как свадебный каравай на рушнике.

– Надеюсь, без ногтей? – пробормотала я, разглядывая оголовье.

Осторожно подняла, второй рукой придерживая за середину лезвия. Странно, сделан явно по заказу мужчины – простая крестовина, оплетенная узкими кожаными ремешками, лезвие без гравировки, только с серебряным клеймом у самого основания. Но предназначен скорее для дамской руки – легкий, тонкий, прекрасно сбалансированный.

Парень покачал головой:

– Оберегом ему должна служить рука, его держащая!

– На сей раз тебе не повезло, – мрачно сообщила я мечу, делая пробный взмах.

Серебристый росчерк беззвучно мелькнул в воздухе. Клинок нравился мне все больше и больше. Пожалуй, встретить я его на торжище – купила бы без размышлений. Да и в ножны ко мне за спину он скользнул, как к себе домой. Я повернулась к Тивалию и милостиво объявила:

– Ладно, уговорил. Но чтобы не смел даже чихнуть без моей команды!

Парень просиял, благополучно пропустив последние слова мимо ушей.

– Госпожа ведьма, а какой у вас план?

– Подберемся к озеру, заляжем в кустах и будем ждать. – Я проверила шнуровку на сапогах и, подхватив с кровати куртку, на ходу набросила ее на плечи. – Беги седлай свою клячу. Тебя, в отличие от умертвия, я ждать не намерена.

«А в случае чего вздремнешь и в засадных кустиках».

* * *

Отыскать подходящие для залегания кусты оказалось не так-то просто. Лозняков на краю ложбины хватало – но в виде жалких, едва припорошенных зеленью прутиков, прятаться за которыми было откровенным неуважением к врагу.

– Эх, жаль, до леса далеко... – размечтался парень, алчно поглядывая на еловый подрост вдоль опушки. – Уж в нем-то могло укрыться целое войско, даже конное.

– А почему бы и нет? – оживилась я, вытаскивая меч.

Спустя полчаса в лозняке выросли три пушистые елочки, тесно прижавшиеся друг к другу. Смотрелись они очень мило, хоть и несколько диковато.

– Госпожа ведьма, а вы уверены, что это сработает? – вслух выразил парень наши общие сомнения.

– Ну, по крайней мере, он увидит елки, а не нас, – резонно возразила я. – Возможно, захочет посмотреть на них поближе, подъедет, тут-то мы его и прищучим!

– А вдруг он догадается, что за ними кто-то прячется?

– А тебе бы пришло в голову, что кто-то станет прятаться за вкопанными посреди поля елками?

– Нет, – честно признался парень. – Я бы ни за что не поверил, что боги ниспослали мне настолько глупого противника!

– Вот и прекрасно, – усмехнулась я. – Будем надеяться, у всех выпускников здешнего ордена мозги работают в одном направлении. Даже если от этих мозгов остался только череп под рогатым шлемом!

* * *

За два часа мною успели поужинать все окрестные комары. К счастью, поздней весной их было немного, но качество оголодавших за зиму тварей успешно переходило в количество, а плотоядный писк то над одним, то над другим ухом периодически отвлекал меня от цели ночного бдения, заставляя остервенело хлопать себя по открытым частям тела (за закрытые тоже кусали, но чуть реже).

– Госпожа ведьма, – робко нарушил тишину парень, – пока у нас есть

немного времени, давайте я прочитаю молитву, и, возможно, ваше сердце смягчится, а душа повернется к свету! Ибо по вашим глазам я вижу, что тьма еще не успела поглотить вас без остатка, а путь искреннего покаяния способен привести на небеса самого отъявленного грешника...

– Давай лучше я прочитаю заклинание и буду поджидать призрака в одиночестве, как и планировала, – раздраженно перебила я, давя очередного комара.

Оруженосец смиренно вздохнул, возвел глаза к небу и беззвучно зашевелил губами. Видимо, решил пообщаться с богами без моего участия, но при случае замолвить за меня словечко. В далеком селе чувственно заорали коты, присоединяясь к воззванию.

Я обреченно подперла щеку рукой, угрюмо вглядываясь в кольшующийся над лощиной туман. Сегодня было немного теплее, да и Тивалий грел мне левый бок, но симпатии к задерживающемуся умертвию это не прибавляло. А если оно и сегодня не вылезет? Закопалось там до лучших времен от греха подальше... Может, пойти на ощупь поискать? Хотя если действительно нащупаю, мало не покажется...

Я так усиленно высматривала умертвие, что первым его заметил Тивалий:

– Госпожа ведьма! – пропищал он на пределе ультразвука. – Гляньте туда!

Я глянула и почувствовала, что начинаю тихо сходить с ума. В указанном направлении умертвие действительно наличествовало, только ехало оно... в туман! И скрылось в оном при полном моем попустительстве.

– Ни гхыра себе! – вырвалось у меня.

– Ворра та кындык, – машинально поддакнул Тивалий и, ойкнув, обеими руками зажал себе рот.

Я тоже – чтобы не расхохотаться. Все не так уж безнадежно, из парня еще может выйти толк!

Нам ничего не оставалось, как продолжить наблюдение из-за елок. Правда, скучать уже не пришлось. Слышно было, как умертвие бродит по лощине, звеня доспехами. То ближе, то дальше. Над ним, как спинной плавник кружащей под водой акулы, двигался горбик тумана.

Можно было рискнуть, стрельнуть пульсаром вслепую, но неизвестно, что произойдет при столкновении двух магий. Ничего, терпением я запасалась на всю ночь, хватит и еще на полчаса. Подождем.

Горбик замер и медленно опал, как хлеб в не вовремя открытой печи. Зловещий всадник выехал из лощины прямо перед нами и остановился на

ее краю, медленно поворачивая голову из стороны в сторону.

Тивалий так вжался в землю, словно надеялся в нее врасти, но отважно молчал. Мне лицезрение умертвия тоже не доставляло особого удовольствия. На фоне луны оно казалось черным и огромным, лишь глаза светились двумя раскаленными углями. Конь с утробным хрипом грыз удила, мотая тяжелой башкой.

Зато целиться в него было очень удобно. Чем я и занялась, сцепив пальцы обеих рук «арбалетом» – мизинцы и безымянные в общем кулаке, средние отставлены в стороны «дугой», большие и указательные выпрямлены, как прицел и ложе для стрелы. После нужного заклинания из этой конструкции можно выпустить до двенадцати скоростных пульсаров подряд, и гхыр уклонишься!

Парень дернулся словно ошпаренный. Толкнул меня в плечо:

– Госпожа ведьма, что вы такое бормочете?

Я сбилась, беззвучно выругалась и сквозь зубы, чтобы не вырвалось чего лишнего, прошипела:

– Колдую, разве не понятно? И не смей больше меня перебивать, иначе я не ручаюсь за результат!

– Ой, погодите, я отползу в сторонку, дабы не осквернять свой слух звучанием бесовских словес!

– Так заткни уши! – огрызнулась я.

Парень и в самом деле прижал ладони к голове, зажмурившись для пущей надежности. Впрочем, хватило его ненадолго. Только я собралась с мыслями и приготовилась повторить «словеса», как Тивалий снова встрепенулся:

– А что вы хотите с ним сделать?

– Отправить на небеса несколько иным путем, – съязвила я. – Сомневаюсь, конечно, что его туда пустят, но до тамошних ворот подкину...

– Но сие несовместимо с рыцарской честью! – растерянно пропищал парень, порываясь вскочить на ноги. – Нам надлежит вызвать его на поединок и одолеть в честном бою, после чего облегчить душу молитвой и обеспечить ему достойное погребение....

Я в последний момент успела изловить парня за рукав и что есть силы дернула вниз, заставив снова лечь.

– А нападать на безоружных женщин верхом на лошадином скелете – совместимо? И один раз его уже хоронили – не помогло!

Как раз в этот момент скелет задрал хвост и навалил кучу. Судя по звуку и запаху – очень качественную и здоровенную.

Мы мигом прекратили перепалку, ошеломленно внимая вышеозначенному процессу.

– Госпожа ведьма, а вы уверены, что это наше умертвие?

– Да уж явно не случайный прохожий, – шепнула я в ответ, пытаясь разглядеть, откуда в конском скелете могло взяться столько ценного удобрения. Кости костями, но за ними темнела какая-то плотная масса, как будто их... нацепили сверху. – А наше или не наше – умертвим до нужной кондиции и разберемся!

С этими словами я нахально выпрямилась во весь рост, походя концентрируя между ладонями боевой пульсар, и издевательски поинтересовалась: – Что, не спится? Убаюкать?!

Но умертвие не пожелало меряться со мной молодецкой силушкой. Круто развернув попятившегося коня, оно без лишних слов (но не совсем уж молча, ибо «гхыр» лишним никогда не бывает) помчалось прочь, обогнув елки так близко от меня, что я уловила даже терпкий запах мужского пота, не говоря о лошадином.

Обернувшись и хищно оскалившись, я резко развела руки, разделяя и одновременно швыряя вслед умертвию светящиеся сгустки пламени.

Пульсары слаженно стукнулись в бронированный лошадиный круп и снова отвилънули. Похоже, дело было не в рикошете, а в наложенном на доспехи заклятии. Из «арбалета» с близкого расстояния я бы его почти наверняка пробила, а так не стоило и пытаться. Конь задрал тлеющий хвост и с удвоенным энтузиазмом помчался к замку, оставляя за собой черную струю дыма, как подбитый дракон.

Я торопливо повернулась к роце и что есть мочи свистнула в два пальца. Черная стремительная тень скользнула по полю и замерла возле меня, нетерпеливо перебирая ногами. Я вскочила в седло, не тратя времени на поиск второго стремени и подбор поводьев, обеими руками вцепилась в переднюю луку и с ходу скомандовала:

– Давай, Смолка!

Кобыла по-волчьи взвизгнула и рванулась вперед.

Умертвие успело ускакать довольно далеко, едва виднеясь на полпути к замку. Мы нагоняли его, и очень быстро, но в ворота оно шмыгнуло в десяти сажнях перед моим носом, и решетка тут же начала опускаться. Смолка едва успела затормозить, чтобы не наездиться на торчащие из нее шипы.

– Зараза! – Я спешила и досадливо пнула толстый стальной прут. Покричать, что ли? Может, любители свежего воздуха, спящие с открытыми окнами, и услышат. Вот только выйдут ли? Решат, что какой-то

пьяный тролль у ворот безобразничает, да и караульные на что?

Той же ногой, но уже поделикатнее, я пошевелила храпящих возле решетки стражников. Бесплезно. Нет тут не в вине дело – ребят усыпили заклинанием. Пожалуй, покопошившись четверть часа с подбором нужного заклятия, я бы сумела их разбудить, но толку? Барабан с цепью все равно по тут сторону решетки. Разве что кричать втрое громче будем. Умертвие сто раз успеет скрыться в замке, а то и безнаказанно выедет на охоту, злобно хехекая над оставшейся с носом ведьмой.

Я рыкнула так, что какая-то мелкая собачонка, истошно брещущая по ту сторону стены, резко умолкла, словно околева на месте. Если этот гхыровый замок не сумели взять за столько сотен лет, какие у меня шансы управиться за несколько секунд?!

И тут Смолка развернулась и неторопливо потрусила по краешку рва вдоль замковой стены. Я отрешенно наблюдала за кобылой, пока та не уперлась в каменный выступ, преграждающий дорогу. Ничуть не огорчившись, Смолка повернулась мордой к стене и... вошла прямо в кладку.

Я бросилась за лошадью и успела заметить только быстро смыкающуюся щель. Не раздумывая, я ткнула в нее выхваченным на бегу мечом. Каменные створки с лязганьем сомкнулись на лезвии, за стеной что-то хрустнуло и с клекотом оборвалось, но меч, кажется, выдержал. Я налегла на рукоять, пытаюсь отжать потайную дверь. Под пальцами потеплело, стена начала медленно раздвигаться. Я ногой подпихнула в щель парочку валявшихся поблизости булыжников и, резко выхватив меч, шмыгнула внутрь. Камни потайную дверь надолго не удержали – створки звучно сошлись прямо за моей спиной, брызнув по ногам гранитными осколками.

Затаив дыхание, я немного постояла на месте, привыкая к темноте. От медленно проступавших из мрака стен веяло холодом и плесенью. Откуда-то спереди доносился далекий стук копыт, двигавшихся как будто слева направо. Но Смолка стояла возле меня, посвечивая желтыми глазами, как кошка. Нас окружал узкий, но довольно высокий коридор, как раз по размеру лошади с всадником. Со стен свисали пустые кольца для факелов.

Стук затих. Скрипнула и тут же хлопнула дверь, вдоль стены прошмыгнула испугнутая крыса.

Решившись, я показала кобыле прижатый к губам палец и крадучись двинулась вперед по коридору. Похоже, он тянулся под всем замком, и вскоре я поняла, почему никто до сих пор не смог заново составить точный план Вороньих Когтей.

Замков было фактически два. В толще стен первого находился второй. Такие же коридоры, лестницы и кельи (большей частью – без дверей или с гнилыми, распахнутыми настежь створками), только сырые, неосвещенные и неоштукатуренные. Зато со скелетами, живописно прикорнувшими вдоль стен, как сторожевые псы на цепях.

Мне стало жутковато. Как будто на минутку отлучилась из замка, а, вернувшись, застала его внезапно обезлюдевшим и постаревшим на несколько сотен лет. Правда, дверей здесь было поменьше, да и комнатки совсем маленькие. Видимо, это была последняя линия обороны Вороньих Когтей – зная потайные входы-выходы, рыцари могли партизанить в толще замка еще долгие годы после его захвата, но за ненужностью забросили эти коридоры и напрочь о них забыли. А может, секрет изначально был известен только строителям да Фендюлию, приберегавшему его на черный день да так и унесшему с собой в могилу...

И тут из-за одной из дверей до меня донеслись приглушенные голоса:

– Ты же уверял меня, что ведьма умерла!

– Да, господин. Я слышал, как она застонала и упала на пол, а потом из комнаты целый час не доносилось ни звука. Дольше подслушивать было опасно – там крутился этот проклятый мальчишка.

– Тогда кто, по-твоему, подпалил моему коню хвост?! Умертвие?

– Может, Фендюлий? – робко предположил голос.

Презрительное фырканье дало понять, что я не одинока в своем мнении насчет святого. Помолчав и чем-то позвякав, «господин» продолжал:

– И дернул меня леший соваться в этот туман! Но уж больно хотелось поглядеть, какого гхыра ведьма торчала там всю ночь, как нанятая.

– И что, господин?

– А ничего! Поплутал на ощупь, трава за ноги цепляется, кочки какие-то, на одной чуть ногу не сломал... Еле выбрался, не видать ни зги! А эта проклятая баба тут как тут, и щенок с ней. Если бы он ее не отвлек, прибила бы, как пить дать! Все, хватит с меня. Пусть наш колдун сам за ней гоняется, я уже сыт по горло этой рыжей дрянью!

– Сам ты колдун, – лениво отозвался третий голос. – А я наделен божественным даром, дабы творить чудеса во славу и процветание ордена. Лучше бы спасибо за амулеты сказал, без них гхыр бы ты вчера из замка выбрался!

– Я что, виноват, что она из окна на меня таращилась? Не мог же я у нее на глазах потайную дверь открывать, пришлось за замковую стену мчаться, к запасному входу. Только в коридор нырнуть успел – она мимо

пролетела, к туману этому. Даже яд ее, хвыбу рыжую, не взял... а может, корчмарь напортачил? Денежки хапнул, а в последний момент струсил?

– Божился, что всыпал все до последней крупинки. Но, видимо, от его стряпни ее стошнило раньше, чем яд успел всосаться...

– Но она могла что-то заподозрить. Он не проболтается?

– Разве что некроманту, – гнусно хихикнул «божественный» колдун. – Ладно, заканчивай и будем расходиться. Скоро она растолкает стражников и снова перебудит весь замок.

– А что со стариком?

– Я займусь им ближе к рассвету, когда паника поутихнет и все разбредутся по кельям. Как обычно – постучусь, скажу, что у меня важное сообщение, подсуну какой-нибудь свиток, а когда он повернется к факелу, чтобы прочесть, – ткну кинжалом и уйду через потайной ход. Умертвие снова в замке, ведьма подтвердит. Хорошо бы, конечно, чтобы сегодня его увидел кто-нибудь еще, но не будем рисковать.

Заскрипели стулья, и я решила, что дольше тянуть не стоит. Сейчас они разбредутся – потом лови их поодиночке и доказывай, что не обозналась! Вряд ли у мага-самоучки достаточно высокий уровень, чтобы со мной тягаться. А с тремя противниками я как-нибудь управлюсь, хоть и придется попотеть.

Ухватившись за дверное кольцо, что есть силы дернула его на себя. Как я и ожидала, дверь оказалась заперта изнутри, но засов прошел сквозь ветхие доски, как нож сквозь масло. Я эффектно распахнула ее на всю ширину и замерла на пороге, подавившись вступительной речью в духе: «Что, не ждали?!»

В комнате находились не трое рыцарей, а добрая дюжина! Один как раз стаскивал с себя доспехи с намалеванными светящейся краской костями, давешний живописец поспешно отмывал от них же коня со все еще дымящимся хвостом. Смуглый длинноволосый брUNET, мельком виденный мною в столовой, лениво перекидывал из руки в руку боевой пульсар мертвенно-зеленого цвета. Был среди них и магистр, «изловивший» меня в Перекрестье.

Онемевшие от такой наглости рыцари и пораженная их количеством я некоторое время не предпринимали никаких действий, даже конь перестал брыкаться и удивленно насторожил уши.

Смуценно кашлянув – мол, извините, если помешала, зайду в другой раз! – я захлопнула дверь и двинула наружный засов в пазы. После короткой удивленной паузы за ней вскипела такая бурная деятельность, что ее живо можно было представить по звукам! Рыцари одновременно

вскочили с мест и всей своей возмущенной массой штурмовали дверь, выбив ее с первого удара, но тут же закупорив спрессованными телами. Когда они, побарахтавшись, вывалились в коридор, я уже успела добежать до винтовой лестницы. Несущиеся вслед крики мало походили на приветственные. «Голыми руками на части порву заразу!» – было из них самым приличным и гуманным.

Лестница потайного замка закручивалась вокруг обычной (а я-то думала: на кой гномы заключили ее в такой массивный корпус?!). Витки получились в два раза шире, соответственно прибавилось и ступенек. Гномьи заклинания действовали и здесь, как и мои порталы, так что мне удалось немного оторваться от погони.

Гхыр его знает: то ли я не заметила двери на второй этаж, то ли лестница непрерывно тянулась до третьего, но я очутилась сразу на нем. Покрутила головой, высматривая, нельзя ли чем подпереть дверь, но задерживаться и более тщательно искать не стала, продолжив забег уже по прямой.

Оказалось, что винтовой лестницей воспользовалась только часть рыцарей. Остальные бросились к обычной, покороче, и разъяренным скопом вывалились в коридор в десяти саженях передо мной.

Не мешкая, я развернулась и помчалась в обратную сторону, мимо двери на винтовую лестницу, откуда как раз с оханьем, на четвереньках выползали жертвы гномьего зодчества. Балансируя мечом в отставленной руке, я с гулом пробежалась по их бронированным спинам, окончательно разложив бедолаг по полу. Над головой с мерзким, въедливым шелестом пронесся пульсар, расплескавшись о стену. Камни беззвучно вскипели, вниз от выемки потянулось несколько мгновенно застывших потеков.

Не заставляя повторять дважды, я поспешно свернула в ближайший боковой коридор, такой же темный и заплесневелый, как предыдущий. Впрочем, о крошечной тьме речи не шло – свет просачивался в потайной замок сквозь щели между камнями, с той стороны казавшиеся простыми трещинками в рассохшейся замазке. Натянутую у пола веревку не разглядишь, но и в стену с разгона не врежешься.

Но только я, приноровившись, помчалась во всю прыть, как поперек коридора скользнула огромная белая птица, вылетев прямо из каменной кладки и в ней же исчезнув.

Я резко затормозила. В ту же секунду перед моим носом слаженно свистнуло и ударилось в противоположную с гену около дюжины длинных арбалетных болтов. Несколько штук засело в щелях между камнями, остальные отскочили, с дребезгом усыпав пол.

Стряхнув секундное оцепенение, я кинулась дальше. Эта ловушка уже разряжена, и вряд ли за ней меня поджидает вторая, куда вероятнее нарваться на нее в соседнем коридоре. Если бы не птичка... стоп, откуда здесь взяться птице? Еще одно умертвие с навыками стено-пролетания? Или просто магическая ловушка, сработавшая чуть раньше арбалетов? Тут, как тролли говорят, «и на привале без сушеного мухомора не разберешься», а уж на бегу...

На время выбросив птицу из головы, я продолжила свое триумфальное убегание. Кой леший дернул меня соваться в это осиное гнездо?! «Старик» – это, скорее всего, Верховный магистр, чем-то не угодивший заговорщикам. Ох, дурья моя башка, куда проще было поймать их с поличным, устроив засаду в комнате с русалкой! А теперь изображай зайца, которого попросили поработать загонщиком в облаве на волков...

Как вскоре оказалось, не одна я совершенно не ориентировалась в здешних коридорах. Преследователи раздробились на автономно бегающие по этажу группы по пять-шесть человек, периодически сталкивающиеся друг с другом и со мной. В обоих случаях встреча вызывала искреннее недоумение, а дальше по ситуации. Пока что удавалось отделяться моральным ущербом и парочкой простых пассов, валящих рыцарей с ног и дающих мне небольшую отсрочку.

Но все хорошее в конце концов кончается. Я в том числе. Когда на меня выскочила тройка лидеров колдун – магистр – умертвив, мои запасы оптимизма, как и магии, несколько поубавились. Читать заклинания наперегонки с конкурентом помешали его спутники, с радостным ревом бросившиеся на вожделенную мерзавку. Еще один пасс, не слишком удачный, но отправивший более резвое умертвие под ноги магистру. Колдун резко выбросил вперед правую руку, разжимая кулак. Я приняла пульсар на середину меча, готовая откинуть рукоять, как только лезвие начнет плавиться, но оно выдержало и, завибрировав, отшвырнуло сердито искрящийся шарик обратно. Колдун метнулся за угол, пульсар пропахал борозду в камне и, отклонившись, прыснул дальше по коридору, взорвавшись уже где-то в его конце.

Второй конец был в двух шагах от меня, прорезанный одной-единственной дверью, за которой виднелись уходящие во тьму ступени. Впервые в жизни я пожалела, что их так мало – каких-то двести штук, а на закуску – сплошная стена, о которую я больно стукнулась коленом.

Я лихорадочно ощупала влажные камни, нашарила какой-то рычаг, дернула, и часть стены бесшумно отъехала в сторону. Холодный ветер с такой радостью ринулся в проем, что чуть не сдул меня вниз по

ступенькам. Упрямо наклонив голову, я переступила порог и очутилась в центральной башне Вороньих Когтей. Стен как таковых здесь не было – восьмиугольная смотровая площадка напоминала огромную беседку: массивная крыша, восемь колонн и соединяющий их бортик высотой не больше полутора аршин. Да лестничный столб в центре. Рядом с потайной дверью находилась обычная, ведущая в жилой замок и, увы, запертая с той стороны.

Я отступила к бортику, глянула вниз и судорожно сглотнула. Саженой тридцать, не меньше. На такой высоте не поможет даже левитация, в лучшем случае – внизу окажется живописно распластанный труп, а не мокрое пятно на булыжнике.

К ветру добавились редкие косые капли. С юга на замок напознала первая в этом году гроза, устелив все небо клубящимися облаками и жадно раззявив алую пасть горизонта с клыками-молниями.

– Прыгай, ведьма, – ласково посоветовал колдун за моей спиной. – Уверю тебя, существуют куда более неприятные способы расставания с жизнью!

Помедлив, я убрала меч в ножны и легко вскочила на бортик. Побалансировала, выровнялась и, не торопясь изображать «ласточку», повернулась лицом к преследователям, как раз столпившимся в башне в полном, хоть и несколько потрепанном составе.

– Но попрощаться-то с ней хоть можно?

– Чего? – опешил колдун.

– Перед своей мученической смертью я желаю помолиться святому Фендюлию, – пояснила я, смиренно складывая ладони и возводя глаза к небу. – Надеюсь, вы не посмеете отказать мне в этой просьбе?

– Посмеем! – в один голос рявкнули магистр и колдун, но их заглушило одобрительное бормотание остальных рыцарей.

– Молись, ведьма! – велел один из них, опуская меч. – Ибо наш священный долг – не умертвить плоть врага, а спасти его душу!

– О святой Фендюлий! – проникновенным речитативом завела я, подражая Тереку. так блестяще выступившему перед паломниками. – Услышь свою недостойную дочь, вспомнившую о тебе только в час тягот и испытаний! Прости меня! Я была плохой ведьмой! То есть хорошей, и посему принесла много горя и страданий ни в чем не повинным людям, искушая их богомерзким колдовством и творя с его помощью всевозможные пакости! Я провела свою жизнь в гнусных злодеяниях и греховных утехах, но сейчас, перед лицом неминуемой кончины, я оглядываюсь на нее, и мое сердце разрывается от стыда и скорби! О, если

бы я только могла исправить совершенное мною зло! Я молилась бы сутки напролет, ходила в рубище из крапивы, питалась одной лебедой и бичевала все доступные места по утрам и вечерам, а по праздникам – и после обеда!

Рыцари откровенно заслушались. Кое-кто даже опустился на одно колено, крестясь в такт моим прочувственным завываниям. Один особо впечатлительный паренек зажал меч между коленями, вытащил из рукава кольчуги огромный клетчатый платок и начал громко в него рыдать и сморкаться.

– Идиоты, она же издевается над вами! – не выдержав, заорал магистр, выбегая вперед и заслоняя мою одухотворенную фигуру. Я, не растерявшись, патетически воздела руки к небу. – Никакого Фендюлия нет и не было, и она это прекрасно знает!

– Как это нет?! – возопила я, охваченная праведным гневом. – Братья мои, вы слышите, что говорит этот человек?! Он посмел усомниться в нашем святом! В нашей духовной надежде и опоре!

Рыцари недовольно заурчали, поворачиваясь к магистру.

– Кого вы слушаете?! – Тот резко охрип, осознав, что ребята не шутят. – Нет, вы не так меня поняли! Я имел в виду, что Фендюлия никогда не было для этой ведьмы, ибо она недостойна даже осквернять его светлое имя своими лживыми устами! Убейте ее!

Рыцари снова повернулись ко мне.

– О святой Фендюлий, ты видишь этот произвол? Мне, слабой женщине, не дают облегчить душу чистосердечным покаянием!

Парни окончательно смутились и, плюнув на нас обоих, отступили к двери и сбились в шушукующуюся кучку, предоставив нам самим разбираться друг с другом и со злосчастным святым.

– Кончай ломать комедию, ведьма, – прошипел магистр сквозь зубы.

С другой стороны надвигался колдун, выразительно разминая пальцы. Н-да, недооценила я его «божественность». Стихийный маг вроде меня, только специализируется по воздуху. На профессионала, правда, не тянет, один на один я бы с ним живо расправилась, но вряд ли эти хмурые ребята станут философски наблюдать за нашим поединком. А магистр вообще успел подобраться на длину меча...

Я еще раз посмотрела за бортик. Ниже не стало.

– Магистр, неужели вы приволокли меня в этот замок, только чтобы посмотреть, как я летаю?

– Я выполнял приказ главы ордена. – Рыцарь скривился, но тут же снова просветлел лицом: – Зато это – моя личная инициатива!

– Ну ладно, я вам не нравлюсь, а остальных-то за что?

– А за то же самое. Они лезли не в свое дело и не слушались добрых советов... пока не становилось слишком поздно.

– А вам, как я погляжу, нравится давать советы? И куда приятнее делать это в белой рясе с золотым вороном, заблаговременно позаботившись об устранении других желающих ее примерить?

– Видишь ли, ведьма... – Магистр неторопливо, со вкусом вытащил из-за спины свой двуручник. Пошире расставил ноги, поудобнее перехватил рукоять. – Ты не только слишком назойливая, но и слишком догадливая. А такие, увы, долго не живут...

– Полагаю, мы и впрямь увидели уже достаточно. – Спокойный, мягкий голос прозвучал не хуже удара грома. – Слезай с подоконника, ведьмочка, простудишься!

Заговорщики торопливо оглянулись, пяясь и расступаясь перед густым частоколом ощеренных мечей. Я поскорее воспользовалась любезным предложением Верховного магистра и, спрыгнув на пол, прислонилась к колонне, переводя дух. Тивалий, бесцеремонно растолкав заполонивших площадку рыцарей, бросился ко мне.

– Госпожа ведьма, вы в порядке? Мой Василек не угнался за вашей кобылой, я потерял вас из виду и побежал напрямик к Верховному магистру!

– Мальчик сообщил, что вы выследили логово умертвия, – подтвердил тот, поворачиваясь ко мне и так добродушно улыбаясь, словно мы по-прежнему разговаривали в его благоустроенной келье, а не в продуваемой ветром и все обильнее заливаемой дождем башне. – И я подумал, что небольшая помощь вам не повредит. Правда, я и предположить не мог, что умертвий здесь так много... Как ты мог, Гес? Я же сам рекомендовал тебя ордену пять лет назад...

Один из рыцарей опустил глаза, а затем и меч.

– А ты, Торак? Неужели годовая отсрочка посвящения в рыцари стоила... этого?

Клетчатый платок снова подвергся нещадной эксплуатации. Верховный магистр молча переводил взгляд с одного лица на другое – испуганное, растерянное, ненавидящее... бесстрастное, как у колдуна.

– Если вы и впрямь были так уж недовольны моим правлением, почему бы вам не высказать свои претензии лично мне, на совете, куда помимо магистров свободно допускается любой из братьев? Если они были бы справедливы, я и сам ни на минуту не задержался бы на этом высоком, но, увы, и весьма ответственном посту. Вы же предпочли ударить в спину – подло, тайно, недостойно истинных рыцарей... и вот что я вам на это

скажу: пока я жив, умертвив этим орденом править не будет! Взять их!

Сопровождавшие его рыцари угрюмо шагнули вперед, и тут колдун не выдержал, одним длинным звериным прыжком метнувшись к краю площадки. Слаженно вскинулись прихваченные пятью-шестью парнями арбалеты, три болта с глухим чавкающим звуком поразили цель, но остановить ее не успели.

Раскинув руки, маг покачнулся, перегнулся через бортик и медленно рухнул вниз. Я дернулась было поглядеть, но в ту же секунду припустил такой ливень, что у площадки словно выросли белесые стены, а раскатисто рывкнувший гром мог заглушить даже падение самой башни.

Зато звон летящих на пол мечей я услышала очень четко. Только магистр-отступник, размахнувшись, со злостью швырнул свой двуручник через бортик и, надменно скрестив руки на груди, не трогался с места, пока двое угрюмых рыцарей не подхватили его под локотки и без лишних церемоний не потащили к выходу...

* * *

– Госпожа ведьма!

Я оглянулась и придержала лошадь. Мышастый конек рысил за нами во всю прыть своих коротких толстых ножек.

– Погодите, я провожу вас хотя бы до развилки! – Паренек поравнялся со мной. – До захода солнца осталось меньше часа, почему вы не согласились переночевать в замке?

– А что, меня кто-то упрасивал?

– Ну...

Я скептически хмыкнула, трогая поводья. Да, благодарственная речь Верховного магистра была на высоте, рыцари вежливо преклонили колени, но богомерзкой ведьмой я от этого быть не перестала. Слова словами, – а мысли мыслями. Впрочем, а оно мне надо?

«...тебе это должно быть известно лучше, чем кому-либо...»

– Ничего, я за день выспалась, теперь прокачусь ночным трактом. А вы чем занимались?

Оруженосец только того и ждал, аж ерзая в седле от распирающих его новостей:

– Заговорщики во всем признались, Верховный магистр с подручными сейчас исследуют второй замок... вернее, их жалобные крики уже битый

час доносятся сквозь стену третьего этажа, так что туда отправился второй отряд, на сей раз снабженный мотком шнура и куском мела для отметок на развилках. Представляете, потайной ход у стены открывался только под весом лошади, которая наступала на присыпанную песком плиту! А стражники ежедневно ходили взад-вперед и ничего не замечали!

– Его так и не нашли, – невпопад сказала я, думая о своем. – Тридцать саженей, ровнехонькая, отвесная стена и мощный двор у подножия... Куда же он мог исчезнуть?! Он не левитировал и не трансгрессировал – я проверила. Не ветром же его в лес отнесло...

Паренек виновато замолчал, как будто был главным материально ответственным лицом замка и пропавший труп проходил у него по ведомостям.

– Да, чуть не забыла. Спасибо. – Я вытащила меч и, перевернув в броске, рукоятью вперед протянула Тивалию. – Прекрасный клинок. Пожалуй, лучший из всех, что я держала. Вот только объясни мне, с чего ты взял, что я побегу именно в башню? Тоже мне нашелся святой Фендюлий!

Оруженосец чуть заметно вздрогнул. Помедлив, иронично хмыкнул, поднимая на меня глаза:

– Угадали.

Черты лица укрупнились, волосы вытянулись до раздавшихся плеч и чуть посветлели, не утратив сочного каштанового оттенка. И только взгляд остался тем же – слишком серьезным для подростка, слишком прямым и открытым для стоящего передо мной мужчины.

И я наконец-то сообразила, кого мне напомнил висящий в святилище портрет.

– Вам спасибо, госпожа ведьма. – Рыцарь торжественно и вместе с тем непринужденно, словно делал это сотни раз, опустился на одно колено и легонько коснулся губами моей безвольно обвисшей руки.

Я почувствовала только легкое тепло и знакомый укол магии.

– Ой... вы что, этот... как вас там... э-э-э... святой умертвий, ой, то есть Фендюлий? – ошеломленно пролепетала я.

– Я далеко не святой. – Губы рыцаря тронула легкая улыбка. – Как, впрочем, и вы. Но это не мешает нам добросовестно выполнять свою работу, во что бы мы ни верили.

– Я – да. – Нарастающее возмущение помогло мне взять себя в руки и перейти в атаку: – А вот вы что-то халтурите! Замок – ваш, орден – ваш, значит, и умертвие тоже было ваше! Меня-то вы зачем в это дело втравили? Поиздеваться над глупой ведьмой?!

– Увы, я все-таки... – Рыцарь прикусил губу, сдерживая горьковатый смешок. – ...Святой, а не мертвие.

И не могу вмешиваться в события столь радикально. В моей власти лишь слегка повлиять на них, придав нужное направление.

– Предложив ведьме столько золота, чтобы она не смогла отказаться от подвернувшейся халтуры? Заманив ее к озеру и заставив проторчать там битую ночь? Постоянно путаясь под ногами и мешая колдовать? А эта ваша дурацкая магия, следы которой я находила только там, где вы этого хотели? – Я запнулась, вспомнив, что ощутила ее и на флаконе с противоядием. Эх, жаль, уборную не догадалась проверить... – А может, вы и моей кобыле потайной ход показали? Да нет, какое «может» – точно!

Рыцарь положил руку на холку мышастого конька... нет, серого в яблоках боевого жеребца, ласково ткнувшегося храпом в хозяйское плечо.

– Каюсь, я несколько переиграл. Но с «озером» вы погорячились – я изредка должен возвращаться в него, чтобы восстановить силы. С вашей погоней за мертвием это совпало совершенно случайно. А если бы я не остановил вашу руку и мертвие пало на месте, остальные заговорщики остались бы безнаказанными и продолжали творить зло.

– В этом мире даже святым нельзя верить, – проворчала я. – Так и норовят загрести жар чужими руками!

– Безобразие! – поддакнул рыцарь. – В этом мире ведьмы не желают поспособствовать торжеству добра даже за шестьдесят кладней!

Я машинально коснулась сыто звякнувшего кошель. Все верно, все честно, но... меня, как сопливую адептку, обвел вокруг пальца какой-то Фендюлий... еще и бутерброд на халяву схарчил! Я насупилась, так и не смирившись с этим фактом, но исчерпав все возражения.

– Увы, молока за вредность я вам налить не могу, – продолжал нахальный святой, словно читая мои мысли. – Но, надеюсь, этот скромный подарок хоть немного испкупит мою вину?

Не успела я поинтересоваться, какой именно, как рыцарь легко вскочил на коня. Отсалютовал мне поднятой рукой, едва заметным движением коленей посылая жеребца в лощину, и тот беззвучно потрусил вниз по пологому склону. Туман быстро поглотил всадника, и уже оттуда до меня донесся дрожащий от смеха голос:

– А молитесь вы куда лучше, чем колдуете! Может, все-таки подумаете о карьере проповедницы?

Я мрачно показала туману шиш, и в тот же миг белесая дымка начала таять, оседая и просветляясь на глазах. Спустя пару минут от нее не осталось и следа, как не осталось следов от копыт призрачного жеребца.

Посреди лощины возвышался травянистый холмик— почти неприметный, если бы не торчавший из него меч.

Я медленно подошла, пробежалась пальцами по ремешкам рукояти, еще хранившим легкое тепло. Потом решила, сжала ладонь, и меч словно живой пополз вверх. Под крестовиной лезвие потускнело, но погруженная в землю часть ярко блестела в лунном свете, как будто только что отполированная.

Серебряная паутина клейма мигнула и переплелась заново. Ворона сменил шестиконечный пульсар, две руны поменялись местами.

Я усмехнулась и с опасной небрежностью перекинула меч за спину, с первого раза попав в ножны.

«Да будет он оберегом руке, его держащей!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Отпускные СКИТания

Дракон – это не только ценная шкура, но и два-три пуда высококачественных клыков!

Методичка по снадобьям

Утопленник плавно покачивался на мелких волнах, прибившись к плавниковой отмели в десяти сажнях от берега.

– Вытаскивать надуть, – в который раз неуверенно повторил Гдынь, почесывая белобрысую макушку.

В кольчуге было жарковато, но отставной сотник упрямо носил ее даже в изнуряющий летний полдень, дабы односельчане не забывали, кто в их деревне главный вояка. Те и не забывали, но втихомолку подсмеивались.

– Надуть, – эхом откликнулся староста, высокий костлявый мужик с угольно-черными, несмотря на солидный возраст, волосами и бородой. Гдыня он привычно слушал вполуха, бросая редкие реплики, только чтобы тот отвязался.

– Да поскорее, – гнул свое Гдынь, переступая с ноги на ногу – вернее, на обтесанную деревяшку, заменяющую левую голень. – Ветер подымается, щас волной его от берега отгонит, и тю-тю!

– Ну и пущай тю-тю, – цинично пробасил плечистый детина в красной рубахе и выпачканных навозом штанах. – Ему-то уже без разницы, нам он тоже ни на что не сгодится, куда-нибудь да прибьет, а там местные прикопают.

– А ты почему знаешь, что не сгодится? – так и подскочил сотник, выискивая глазами нахала. – Про себя что хошь думай, а за всех не говори!

– Так вон она, лодочка, на берегу, – ехидно заметил детина. – Садись да гребь, я тебя и подпихнуть могу, чтобы шибче плылось!

Гдынь неохотно замолчал, опасаясь, как бы ему действительно не поручили это общественно полезное дело.

Девять пар глаз продолжали мрачно любоваться недоступной отмелью.

– Не-а, не отгонит, – авторитетно заявил кузнец, опуская обшлюнявленный палец и вытирая его о подол рубахи. – Наоборот, еще дальше на плавник затянет. А денек-то жаркий, к вечеру душок пойдет... и ветер на деревню...

По правде говоря, некоторое подозрительное благоухание имело место уже сейчас. К сожалению, извлечение утопленников из природных водоемов не входило в число любимых занятий ни одного из присутствующих. Тем более из этого конкретного водоема – широкой реки с прозаическим названием Пеструшка. На пологих берегах, плавно переходящих в заливные луга, колыхалась выбеленная солнцем трава, кое-где зеленели низкие камыши, по мелководу стайками шныряли мальки, а вверху вилась мошкара. Но ни одного купальщика, прачки, рыболова или хотя бы плещущихся у берега гусей.

Увы, девять алчущих взглядов не могли заменить один хороший толчок. Труп продолжал безмятежно загорать на отмели, и не думая грести к комитету по встрече, весьма опечаленному этим обстоятельством.

– А вона ведьма трактом едет, – заметил кто-то. – Может, ее попросить?

Идея загрести труп чужими руками пришлась всем по душе. Пошептавшись, на переговоры отрядили старосту на пару с Гдынем. Первого – собственно для беседы, второго – чтобы хоть ненадолго от него избавиться (по официальной версии – для моральной поддержки).

Черная кобыла плелась нога за ногу, и селяне успели выскочить на тракт перед самой ее мордой. Взаимной радости от встречи не последовало: возмущенная лошадь лязгнула клыками не хуже волка, чуть не оттяпав старосте нос. Дремлющая в седле ведьма тут же встрепенулась, недоуменно обвела мужиков серыми заспанными глазами.

«Совсем молоденькая, – удивленно отметил Гдынь. – Поди, и третью дюжину не разменяла. Хотя кто их, ведьм, разберет – может, снадобий своих наглotalась и враз на полвека помолодела. Одета неброско, по-дорожному, меч, судя по рукояти, совсем простецкий. Длинные рыжие волосы небрежно рассыпались по плечам, челка заплетена в две тонкие косички, заправленные за уши».

– Экий денек нынче славный выдался, госпожа ведьма, – заискивающе начал староста. – Прямо благодать, чего и вам от всей души желаю. Вы нам с утопленничком не подсобите?

– Кого топить? – невозмутимо поинтересовалась девушка.

Гдынь на всякий случай попятился, но староста разглядел, как легонько подрагивают в улыбке уголки губ, подкрашенных серебристой

эльфийской помадой, и уже смелее продолжал:

– Да у нас один уже имеется, может, соблаговолите к берегу подогнать?

Ведьмочка прищурилась, разглядывая столпившихся у реки людей и объект их общего интереса. Недоуменно, но согласно пожала плечами и молча тронула поводья.

Лошадь не спеша потрусила к берегу. В отличие от деревенских кляч необычное оформление отмени ее ничуть не смутило – напротив, она приняхалась, облизнулась и, наклонив голову, жадно припала к воде.

Хозяйка потрепала ее по холке и спешила.

– А на кой он вам, уважаемые?

– Сгодится, – упрямо повторил Гдынь, по-прежнему держась в отдалении как от ведьмы, так и от воды.

* * *

В дриадских сапогах можно смело зайти в воду по колено, но я не без оснований опасалась, что, сделав еще один шаг, провалюсь туда вместе с головой. Пеструшка – мелкая, но подлая река, изобилующая омутами. Один из них как раз примыкал к самому берегу, черное размытое пятно резко выделялось на фоне общей прозрачной голубизны с там-сям просвечивающими сквозь воду корягами.

Почуднее утвердившись ногами на самом краю берега, я вытянула руку и сделала круговое движение кистью, словно наматывая на нее веревку. Труп шевельнулся и начал медленно сползать с отмели. Толпа восторженно засопела. Интересно, что они с ним будут делать?! Столкнули бы на стремнину – и вся недолга. Или боятся, что соседи ниже по реке воспримут спущенный на них труп как личное оскорбление?

Вышеупомянутый тем временем величаво дрейфовал к берегу. Я опустила руку, присела на корточки и со второй попытки подцепила голову за краешек левого рога. Подтянула поближе, ухватилась за правый и приготовилась к заключительному рывку, но тут вода взбурлила и утопленник почти целиком – за вычетом башки – исчез в зубастой пасти, плавно перетекающей в черное скользкое туловище. Маленькие, красные, глубоко посаженные глазки буравили меня далеко не ласковым взглядом.

Как оказалось, от неожиданности люди не только цепенеют, но и нагледят. Тем более что пасть у чудовища была занята, а лап или щупальцев

не наблюдалось вовсе.

– Пшла вон, гадина! – злобно рыкнула я, упираясь каблуками в песок.

Чудовище возмущенно засопело и покрепче стиснуло челюсти, перекусив тонкую шею добычи. После чего, довольное, исчезло под водой, а я в обнимку с головой кубарем покатила по земле. Плеснувший хвост мстительно окатил меня водой, на макушку шлепнулась и живописно обвисла прядь черных спутанных водорослей.

– Что это было?! – ошеломленно выдохнула я, глядя на расходящиеся круги.

Селяне, как ни странно, и не думали предаваться панике. При виде твари они всего лишь отступили на несколько шагов от воды, чтобы не искупаться вместе со мной, и теперь корчились от смеха, разглядывая промокшую насквозь ведьму и ее боевой трофей.

– Да так, водится в этой заводи чевой-то, – философски заметил староста. Подумал и добавил: – Не шибко злобное, только нервное чуток и ведьмовства не любит. Нарочно небось слопало, чтобы вам не досталось. Так-то оно падаль не жрет, да и вообще больше птицу промышляет...

Я задохнулась от возмущения:

– Что, предупредить трудно было?!

– А чего там предупреждать? – запоздало расхрабрился белобрысый мужик в кольчуге. – Днем-то оно в омуте у берега сидит, никого не трогает, однако ж лодок не любит, а вплавь – раздеваться неохота, пиявок тут тьма-тьмущая. А козел знатный был, здоровущий, бросать жалко. Глядишь, на что-нить и сгодился бы...

– Сгодился, говоришь? – Кое-как поднявшись, я раздраженно сунула ему в охапку черную рогатую башку. – Так забирай себе на запасную! Ничем не хуже будет!

Развернувшись, я зло рванула за повод ехидно скалящуюся кобылу и поволокла ее к зарослям ивняка. Вслед полетели сдавленные смешки.

* * *

– Не уехала она, – таинственно сообщил Гдынь, без спроса цапая за ручку вторую кружку, обильно обтекающую пеной. – В кусты пошла платье отжимать, а кобыла, гадость такая, как встала поперек дороги – ни пройти, ни проехать!

– Это которая дорога – к Пади или на Крюковичи? – наивно уточнил

корчмарь, не забывая, впрочем, щелкнуть костяшками счетов.

– К кустам! – Гдынъ зачерпнул из миски горсть подсоленных сухариков и начал по одному кидать в рот, как семечки. Бдительный корчмарь щелкнул еще раз. – Сказывают, у всякой ведьмы сзади хвостик ма-а-ахонь-кий имеется, вот бы поглядеть!

– Токо кобыла его самого за зад цапнула, – хохотнув, добавил староста, припадая к своей кружке. Корчмарь только вздохнул – старосту в селе уважали и побаивались. Впрочем, тот не злоупотреблял своим положением и, хоть заходил ежедневно, на вторую кружку никогда не покушался. – Не укусила, а так, придержала чуток. Кабы сам с воплем не рванулся, может, и уцелели бы штаны-то...

– А потом вышла – мы так и сели! – продолжал слегка смущенный Гдынъ, стараясь держаться спиной к стойке. – Платье сухое, будто час на солнце провисело, волосы длиннющие дыбом, сама мрачная, как теща в три часа ночи, что со сковородником чугунным зятя любимого на пороге поджидает. «Где тут, – спрашивает, – постоялый двор у вас?» Ну мы ей на «Драконью берлогу» и кивнули. Еще и про твою корчму словечко замолвили... хоть и не следовало, – насупившись, добавил бывший сотник, по неумолимому щелчку отдергивая руку от третьей кружки.

Корчмарь флегматично двинул костяшку обратно. В «Рыбаке и Пивке» дела неплохо шли и без ведьмы. Правда, удушливая колосеньская ^[3] жара несколько умерила аппетит завсегдатаев, зато подстегнула жажду. А чтобы драгоценная влага не испарялась из кружек еще по пути к столам, две недели назад корчмарь находчиво перенес свое заведение вниз, в просторный подвал. И хотя там здорово пахло огуречным рассолом, зато царила вожденная прохлада, а пиво можно было разливать прямо из огромной бочки, в которой оно выдерживалось с весны. Так что благодарные клиенты пили и сразу занюхивали, прекрасно обходясь без закуси.

По крутым ступеням уверенно зачастили дриадские сапоги. Местные модницы нарочно ставили на них гулкие стальные подковки, но хозяйка этой пары предпочитала не привлекать к себе излишнего внимания. Она и так от его отсутствия не страдала.

– Легка на помине, – вполголоса констатировал прежде молчавший детина в красной рубахе, утыкаясь в свою кружку.

– Тоже мне ведьма! – разочарованно хмыкнул корчмарь, разглядывая хрупкую женскую фигурку, вдоль стенки проскользнувшую к дальнему столику. Гдынъ, воспользовавшись моментом, ухватил еще парочку сухариков и торопливо сунул за щеку. – Снимает сглаз, вешает на уши!

Ладно, пойду обслужу.

Корчмарь, к величайшему неудовольствию Гдыня, смахнул на поднос все наполненные кружки, в центре водрузил сухари и неторопливо пошел к новой клиентке, по пути обнося старых.

* * *

Ну почему у меня не может быть отпуска, как у всех нормальных людей и нелюдей?! Конечно, никто не заставляет меня трудиться от темна и до темна, но стоит мне взбунтоваться и, облюбовав какое-нибудь симпатичное местечко, с воодушевлением приступить к отдыху, как начинается: «Ой, госпожа ведьма, раз уж вы в наши края завернули, не посидите ли ночку во-он в том буераке? Ей-ей, до того там воздух целебный – лучше, чем на Окменских Грязях оздоровитесь, заодно и упырей тамошних по крапиве погоняете, а то уже трех человек вусмерть загрызли, безобразники!»

И я, безотказная идиотка, оздоравлиюсь то крапивой, то болотной тиной, то наисвежайшей могилой посреди жальника...

Я мрачно подперла щеку ладонью, ожидая заказанную окрошку на квасу – по такой жаре ничего существеннее в горло не лезло. В скит податься, что ли? Только и там, уверена, до меня доберется какой-нибудь ушлый селянин, льстиво уговаривая «с вурдалаком чуток подсобить, тута совсем рядышком, и двадцати верст не будет»... А стоит мне смириться с мыслью, что недосыгаемость моего отпуска соперничает только с невидимостью ушей и неукусимостью локтя, и снова выехать на тракт, как работодателей словно ветром сдувает! Еще и подсмеиваются из-за заборчиков: и не лень ведьме дорожную пыль месить в такую-то жару?

Подавая на стол, корчмарь не удержался и, наклонившись ко мне, шепнул, давась от смеха:

– Сказывают, вы сегодня порыбачили знатно?

Я только презрительно фыркнула. Запомните: бескорыстно творить добрые дела вредно для здоровья! И утверждаю я это вовсе не потому, что такая алчная и злая, а просто по опыту знаю – бесплатных услуг люди не ценят. Вот если бы я потребовала за этого гхырового козла хотя бы одну серебряную монету, они бы трижды подумали, нужен он им или нет!

– Да, – медленно ответила я и, с многозначительным прищуром глядя на мужика, добавила: – Мне сегодня просто удивительно везет на козлов!

Тот мигом стер с лица ехидную улыбку и, смущенно кашлянув, поспешил вернуться за стойку.

Но спокойно поесть мне не дали. Не успела я размешать островок сметаны, одиноко дрейфующий среди зеленого лука, петрушки и отчаянно барахтающейся мухи, как краем глаза уловила в полупустой корчме некое оживление и подняла голову.

К моему столу целеустремленно двигалась знакомая троица из общества любителей дохлых козлов: невозмутимый староста – вразвалочку, руки в карманы, кудрявый детина типа «сажень косая, стоеросовая» и одноногий белобрысый тип в кольчуге сотника, но без легионерской бляхи. Дошли, выстроились в рядочек и, потолкав друг друга локтями, предоставили слово старосте.

– Госпожа ведьма! – Мужик подумал и стянул шапку. – Мы того... спасибо вам хотели сказать. Не всякий свояк нам бы так-то охотно и бескорыстно подсобил, а вы, человек пришлый, не погнушались. И это при том, что сами до того бледная, худая да устамшая, что прям сердце от жалости разрывается!

Выловленная было муха снова шлепнулась в миску вместе с ложкой. Я уставилась на старосту, не веря своим ушам. Насчет бледной и худой, конечно, можно было поспорить, ибо не унимавшееся с траворода [\[4\]](#) солнце добросовестно покрасило все подставленные ему места, а моя фигура меня очень даже устраивала. Но спорить я ни в коем случае не собиралась, польщенная льстивым сочувствием в голосе собеседника.

– Вот мы и хотели вам предложить, – староста, воодушевленный моим одобрительным хмыканьем, снова нахлобучил шапку и присел на соседний стул, – пожили бы вы у нас в селе с недельку, развеялись: в лес там за ягодами сходили, позагорали, на рыбалку сплавали – я как раз лодочку наново законопатил, пользуйтесь когда хотите, мне не жалко. А столоваться здесь можете, я корчмарю словечко замолвлю, чтобы вам как завсегдатаю считал.

«А почему бы и нет? – подумала я, воспрянув духом. Места здесь живописные, погода отличная, а рыбалку я с детства люблю. И люди такие милые, отзывчивые – надо же, как о совершенно незнакомой женщине, да еще ведьме, заботятся!»

– У нас тут и остров посередке реки имеется, – продолжал соблазнять староста, – а на нем скит разрушенный. Сказывают, там раньше дайны жили, которые от мирских сует в отшельники подались. Кто навсегда, а кто так, на недельку передохнуть и с новыми силами в те суеты окунуться. Молились помаленьку, рыбку ловили, огородик свой вели, боевые

искусства изучали, шоб, значится, не только кадилом на бесовское отродье помахать, но и руками-ногами для верности добавить. Ну и людишек местных, ежели что, отпевали там, венчали али исповедовали. От болезней возложением рук лечили, а с глазу на глаз – и от бесплодия... Все бы хорошо, да завелся на Мариной Пади – пустошь овражистая, в пяти верстах к северу – дракон, а к острову на водопой летать повадился. Рыжий, здоровущий, целый двор тенью накрывал, ну и вел себя как положено: выпил – закуси! То в одном селе овцу заглотнет, то в другом корове крылья приделает. Мужики уж и дубье на него заготовили, да все никак на ту Падь выбраться не могли: то посевная, то уборочная, то боязно. Мялись-мялись, покуда дракон дайновскую козу не схарчил и на храмину ихнюю, пролетая, сверху не нагадил. Тут уж отшельники за него взялись; жаль только, с нами посоветоваться не удосужились, мы бы им живо разъяснили, отчего именно на пустошь топать надобно, а не ждать, покуда он к ним явиться соизволит. Ну спервоначалу помолились они на дракона, пожелали ему хворей разных, нутряных и наружных, но гад из всего списка токо чихнуть на них удосужился. Увидели дайны, что не берет дракона святое слово, и давай его из луков совестить! Тот сначала во грехе упорствовал, над островом кружил да огнем плевался, а потом раскаялся-таки: издох и прямо на скит рухнул. Что раньше не спалил, то поломал и тушей своей отъевшейся придавил намертво. Ну отшельники и решили, что им легче новый скит отстроить, чем этот из-под дракона добывать. Тем паче оный поболе козла будет, за полчаса не закопаешь, а то лето не в пример жарче было. Сгребли, значит, дайны пожитки свои немудреные, расселись по лодочкам, благословили всех наспех с того берега да на весла скорее налегли, потому как наши парни, такое дело видя, тоже уключинами закрипели. До Русалочьего Пlesa проводили, словами всяческими напутствуя, да так и не догнажи. Не зря, видать, отшельнички по утрам трусцой вокруг скита бегали и по камню десятифунтовому каждой рукой выжимали... Ну а дракон, знамо дело, на свежем воздухе долго храниться не пожелал и давай в знак протеста энто самый воздух портить. Долго, с месяц... с тех пор наше село Духовищами и кличут, раньше-то оно Удилищем прозывалось... Ну да то дело прошлое, а нынче там благодать неопиcуемая! Тишина, никто не беспокоит, птички поют, клев у берега просто бешеный, заодно и кльков драконьих на зелья свои надергать сможете. Ну дык как? Остаетесь?

Я сделала вид, что размышляю, хотя больше всего мне хотелось с радостным визгом кинуться старосте на шею и смачно расцеловать его в обе щеки. Бывает же такое везение! Вожденный скит, да еще на острове, с достопримечательностью в виде дракона!

С трудом выдержав приличествующую паузу, я улыбнулась и кивнула:
– Что ж, спасибо за предложение – принимаю с благодарностью!
– Отлично! – просиял староста. – Заодно и проверите, чаво там по ночам так воеет и бухает, что аж спасу честным людям нет!
Я застонала и уронила голову на руки.

* * *

– Струсила, поди, ведьма, – после долгого молчания пробасил детина, с опаской ощупывая макушку. Чуб уже не дымился, но паленым еще пахивало.

– А молоньями-то швыряться зачем было? – Староста подобрал с земли запоздало вылетевшую из корчмы шапку. Неспешно и тщательно оббил пыль о локоть. – Ну сказал я ей, коль такое дело, не ведьма она, а одно слово... дык показывать же, чаво она еще окромя козлов умеет, не просил!

– Баба, что с нее возьмешь... – уныло поддакнул Гдынь, облакачиваясь на плетень. На всякий случай – с противоположной от корчмы стороны, чтобы при виде разгневанной ведьмы быстренько за ним укрыться.

Друзья постояли еще немного, посудачили, опасно косясь на распахнутую дверь, но вернуться в корчму так и не решились. Как, впрочем, и разойтись по домам...

* * *

Перекусив и остынув в холодном полумраке погребя, я успокоилась и даже похихикала над незадачливыми «жалельщиками». Вот халявщики! Нет бы честно сказать: мол, так и так, посреди близлежащего озера имеет место некая звуковая аномалия, от коей мы хотели бы избавиться путем найма магистра практической магии с последующей выплатой одному оговоренной суммы. Ибо я не имею дурной привычки «заодно» обшаривать воюющие по ночам острова. А помня плачевный опыт по добыванию козлов – тем более. Может, там кто-нибудь по ночам бражку варит, а староста шутки ради решил меня на местную пьянь натравить, чтобы зареклись злоупотреблять?

А природа здесь действительно замечательная – напротив села

Пеструшка разливается до размеров небольшого озера, правда, мелкого и илистого, но довольно внушительного. На том берегу темнеет еловый бор, им же сплошь зарос пресловутый остров. В селе есть пара лавок, и, если я остановлюсь в Духовищах на три-четыре денька, местный портной вполне успеет сшить мне новую куртку. По такой жаре, правда, о ней даже думать противно, но надо. На днях я рассмотрела старую куртку на свет и, обильно этот самый свет сквозь нее увидав, обратно уже не надела, пожертвовав выгребной яме (нищие расценили бы подобное подаяние как издевательство). Лето же в Белории очень коварное – сейчас зной, а через полчаса дождь, так что без куртки никак.

Да и снадобья у меня подходили к концу, надо поспрашивать, нет ли в округе травника, и закупиться. Некоторые эликсиры долго не хранятся, а стоят довольно дорого, поэтому делают их только на заказ, и порой это отнимает не меньше времени, чем пошив куртки. Конечно, кое-какие зелья я могу сварить и сама, но за результат, честно признаюсь, не ручаюсь. Как и травник не поручится за исход схватки с упырем, хотя оба мы гордо именуемся дипломированными магами.

Пока что мои вещи лежали в одной из клетушек «Драконьей берлоги», а лошадь целеустремленно уминала овес в конюшне при этом сомнительном заведении, и впрямь больше напоминавшем берлогу, чем постоянный двор – причем медвежью, ибо за постой там драли три шкуры. Хорошо бы подыскать местечко подешевле, почище и потише – скажем, хатку какой-нибудь одинокой бабки, желательнее на отшибе и возле самой реки, чтобы без помех загорать и купаться, а то и лодку у кого снять. Но на остров назло не поплыву! Нашли дурочку...

Расплатившись с корчмарем (он сочувственно мне подмигнул: видимо, жуликоватая компания и у него стояла поперек горла), я с неохотой окунулась в еще усилившуюся жару. Солнце стояло в самом зените; казалось, если я задержусь на одном месте, то рубашка задымится. Потеребив ворот и с трудом удержавшись от искушения распусть шнуровку еще глубже, я побрела вдоль улицы, безуспешно высматривая тенек. Даже собакам не вмоготу было меня облаивать: они с таким издыхающим видом распластались в пыли возле ворот, что приходилось их обходить или перешагивать. Редкие прохожие косились на меня как на ненормальную – судя по блестящему навершию крестовины, клинок в ножнах за спиной должен был раскалиться добела, но на деле он приятно холодил лопатки.

Улица в точности повторяла береговую линию Пеструшки, плавно изгибаясь то вправо, то влево. По одну сторону дороги стояли дома, по

другую – доходящие до самой воды огорода. Мелкие гребешки волн заманчиво искрились на солнце. Я невероятным усилием воли заставила себя отвести взгляд от вожденной реки и начала высматривать портняжную лавку, мельком увиденную при въезде в село. Сначала разберусь с делами, а там уж можно и искупаться. Как раз и водичка прогреется.

Разморенный жарой портной даже не стал торговаться и лишь вяло махнул рукой, когда я предложила сбросить пару кладней. Куда больше времени заняло снятие мерки (мне даже не единожды казалось, что он сейчас так и заснет с веревкой в руках, согнувшись над моей замеряемой талией и уткнувшись макушкой мне в спину). Фасон я выбрала самый простой, облегающий, с капюшоном, попросив мастера расположить серебряные заклепки на вороте под горло, локтях и тремя полосами от них к кистям, чтобы защищали от чересчур близко подобрившейся нежити. Далеко не вся она боится серебра, но удар в глаз шипастым локтем испортит аппетит кому угодно. Портной пообещал управиться за пять дней, так что я внесла задаток и отправилась искать себе более достойное жилье.

Увы, одинокие бабки со свободной жилплощадью все никак не попадались. Я дошла почти до конца села, дальше дорога круто ныряла вниз, истончаясь до избитой овечьими копытами тропки и теряясь в густых зарослях тростника, далеко за которым голубела вода. Последний дом оказался избушкой травника, о чем извещал нарисованный на двери знак – лист папоротника с остро-лепестным цветком в центре.

По такой жаре взбираться на высокое крыльцо было выше моих сил (а вдруг хозяина нет дома, потом еще и спускаться?! Ну уж нет...). Подойдя к нему сбоку, я протянула руку и деликатно постучала по двери костяшками пальцев.

– Пошли вон, – мрачно и неприветливо отозвался молодой женский голос. – Сто раз говорила – любисто-ками не торгую!

Несколько смутившись, я тем не менее повторила попытку наладить знакомство. Внутри раздался приглушенный рык, и дверь распахнулась так резко, что, стой я на крыльце, а не возле него, меня попросту смело бы в сторону. Впрочем, на пороге возникло нечто настолько жуткое, что я сама, ощутив небывалый прилив бодрости, с воплем отскочила на добрую сажень, споткнулась и плюхнулась на пятую точку, не в силах отвести взгляд от духовищенской травницы.

А поглядеть было на что! Невысокий рост местной специалистки успешно компенсировали стоящие дыбом волосы, больше напоминавшие вылепленные из грязи сосульки. Половину безбрового, бугристо-алого лица

с крупитчатыми вкраплениями занимали огромные светло-зеленые глаза с темным ободком. Ноги чудища лаково переливались синюшными разводами, а покрытые коростой руки сжимали огромный, заляпанный кровью нож. Из одежды на травнице был только старенький, латаный-перелетанный халатик, в талии перехваченный пояском другого цвета.

Я начала тихонечко отползать назад, надеясь свалиться с горочки и затеряться в тростнике.

Тем временем хозяйка избушки смущенно кашлянула, нашарила глаза, отлепила их, засунула в рот и смачно захрустела.

– Ой, девушка, извините, я думала, это опять те проходимцы... Вольха?!

До меня запоздало дошло, что это всего лишь кружочки огурца с прорезанными в середине дырочками. Я собрала остатки мужества и всмотрелась в обнаружившиеся под овощами глаза сочного карего цвета.

– Велька?! Боги, что с тобой случилось?!

– Леший, совсем забыла... Заходи скорее, пока еще кто-нибудь не увидел! – заторопилась травница, боязливо оглядываясь по сторонам. – Жара, клиентов нет, ну я и решила слегка омолодиться. Никакой алхимии, все исключительно натуральное – масочка с огурцами и малиной, яичный белок, крем из голубики... не хочешь попробовать?

– А валерьяночки у тебя нет? – Я кое-как подперлась дрожащими ногами и пошла обратно к крыльцу. Велька честно попыталась покраснеть, но дальше уж некуда было.

– Просто так полчаса в намазанном виде стоять скучно, дай, думаю, заодно борщ сварю, – смущенно пояснила она, бросая нож на стол рядом с располовиненной свеколкой. – Увлеклась, а тут ты стучишь... погоди, сейчас я все это смою и переоденусь!

Велька подхватила ведро с водой и скрылась за занавеской. Слышно было, как она торопливо плещется и фыркает. Я тем временем разглядывала небольшую, но очень уютную кухню, насквозь пропитанную щиплющим в носу духом, знакомым мне еще по спецпрактикуму по травоведению. Вдоль стен тянулись многочисленные полки с рядами разнокалиберных флаконов, склянок, деревянных жбанов и берестяных туесков с готовыми снадобьями и отдельными их компонентами. В центре, на круглой каменной плите, стоял непрременный треножник с небольшим котелком сверху. С потолка, исключительно в рекламных целях, свисало чучело летучей мыши с растопыренными крыльями.

Отмытая и омоложенная Велька наконец вышла из-за занавески, на

ходу заплетая косу. Заклинание мгновенной сушки волос всегда получалось у нее намного лучше, чем у меня, как и прочая бытовая магия. Я уж не говорю о названиях тысяч растений, без труда хранившихся в ее памяти, а также об их основных признаках и способах использования, которые я успешно позабыла через год после окончания Школы Магов. Впрочем, каждому свое – Велька с таким же уважением покосилась на мой меч.

Мы не виделись около двух лет, но моя бывшая однокурсница почти не изменилась – те же густые каштановые кудри, задорная улыбка, пухленькая, несмотря на все диетические ухищрения, фигурка и изумительно ровный загар, которым Велька щеголяла с ранней весны и до поздней осени.

Травница разглядывала меня с не меньшим интересом и восторгом:

– Вольха, ты прекрасно выглядишь! И волосы какие длинные отрастила, тебе очень идет... Как ты здесь оказалась?

– Собираю материал для диссертации. А ты что в Духовищах делаешь? Тебя же вроде как в главную стар-минскую лечебницу распределили?

– А тебя – в королевский дворец, – хмыкнула Велька. – Не менее престижное и не более качественное заведение, как выяснилось. Правда, я продержалась дольше – целых три недели. Потом мне надоело выдавать подкрашенную воду за эликсир для похудения, и я накапала туда слабительного... эффективность зелья значительно повысилась, но клиенты почему-то остались недовольны, и мне дали расчет. Где ты остановилась? В «Драконьей берлоге»? Да ты что, там в прошлом году какой-то маг из постояльцев клопогонный экзорцизм прочитал, так клопы трехсаженной колонной вдоль улицы к лесу маршировали, а когда он уехал – обратно! Немедленно перебирайся ко мне!

Я с преогромным удовольствием утвердила Вельку на должность неуловимой бабки и отправилась за вещами и лошадью.

* * *

В ассортимент предоставляемых «Драконьей берлогой» услуг входили не только клопы, но и «бесплатный» ломоть хлеба (включенный в стоимость ночлега по тройной цене), а также собственно ночлег в отдельной комнатке с запирающейся изнутри, но до того хлипкой дверью, что стучать в нее следовало с крайней осторожностью. Гости победнее довольствовались общей комнатой, вповалку укладываясь на полу. Зимой в

ней горел камин, а увеселительную программу обеспечивали заезжие гуслиеры и сказители, делясь гонораром с хозяином.

Сейчас народу в корчме было мало – по такой погоде даже в поле под кустом не замерзнешь... если, конечно, боишься только мороза. За Мариной Падью начинались официальные владения орков – Волчья Степь. Беда в том, что сами орки об этом не знали и регулярно пересекали существующие только на карте границы отнюдь не с туристической целью (и хорошо, если по доброте душевной оставляли жертве своего уголовно наказуемого деяния хотя бы трусы). Легконогие степные волки серебристо-песчаного цвета тоже проявляли повышенный интерес к экономным путникам, рискнувшим обойтись кустами. «А чтоб тебе на Мариной Пади заночевать!» – в сердцах говорили местные жители и, отправляясь туда пасти коров, торопились вернуться до темноты. А уж что творилось за самой Падью...

Хозяин корчмы, больше для вида шуровавший по полу стертой до самой палки метлой, вполуха прислушивался к беседе гнома неопределенного возраста и профессии, обтрепанного старика-паломника, селянина из соседних Крюковичей, что у восточного края Мариной Пади, тощего скупщика рыбы, жующего бесплатный ломоть, и русоволосого парня, настраивающего лютню (толстую торговку с глуповатым лицом, попеременно издававшую «охти, господи!» и «свят-свят!», можно было не считать). Только что расплатившаяся ведьма заинтересованно остановилась у порога, опустив на пол сумки.

– ... а еще сказывают, – тем же таинственным тоном продолжал селянин, – будто в полнолуние вылазит энтая баба из своо склепа и бродит по округе, и ежели попадетс я ей кто навстречу – руки раскинет... – мужик наглядно продемонстрировал широкий размах умертвия, заставив соседей отшатнуться, – ...обхватит и давай середку выгрызать, покуда одни сапоги не останутся!

Захват был не менее впечатляющ. В него совершенно случайно попала неучтенная торговка, начавшая так истошно визжать и отбиваться, словно ее и в самом деле пытались употребить в пищу.

– ...грызла ручки ее, грызла ножки ее... – хорошо поставленным баритоном пропел парень, аккомпанируя себе на лютне.

Увлечшийся рассказчик поспешил выпустить «жертву», но от оплеухи увернуться не успел.

– А-а... – Гном презрительно махнул рукой. – Дедовы сказки. Нечего темнотой по пустошам шастать, а рукастую бабу и поближе найти можно, дома на печи...

Компания громко расхохоталась.

– Не скажите, юноша. – Старик степенно переплел руки на верхушке клюки. Бородатый гном удивленно уставился на паломника, но тот, очевидно, был подслеповат и ошибки так и не заметил. – Я пришел с юга, и там мне тоже рассказывали байки о некоем – да простят меня дамы (старик сделал церемонный жест в сторону длинноволосого лютниста) – кладбищенском гхырище, которое якобы заволакивало припозднившихся путников к себе в могилу и обгладывало дочиста, так что больше их никто никогда не видел...

Паломник говорил тихо и серьезно, поэтому его рассказ впечатлил слушателей куда больше наглядной демонстрации крюковичанина. Повисла тяжелая тишина. Скупщик увяз зубами в хлебе, баба торопливо перекрестилась, гном скептически фыркнул, а парень, поразмыслив, выдал из лютни низкий воющий звук, заставивший всех подскочить и с руганью накинуться на юное дарование. Ведьма подхватила сумки и вышла. Хозяин презрительно сплюнул на только что «подметенный» пол. Чего только люди не придумают, языками не наплетут. Смех один. Хвала богам, у них, в Духовищах, все спокойно... ну почти.

* * *

Подходя к конюшне, я привычно прислушалась, но все было тихо. То ли Смолка в кои-то веки решила побыть покладистой лошадкой и не гоняться за опрометчиво сунувшимся к ней в стойло конюхом, пока тот не оседлает балку под крышей, то ли он там уже сидел, боясь шелохнуться или подать голос. У порога лежала крупная собака, черная с рыжими подпалинами и обрубленным хвостом. В отличие от прочих шавок от жары она как будто не страдала – пасть была плотно сомкнута, а бока, кажется, вообще не шевелились.

Я в шутку посвистела. Собака подняла тупую морду с ушами-топориками и уставилась на меня желтыми немигающими глазами. Враждебности, как, впрочем, и дружелюбия в них не было, но мне почему-то стало не по себе.

– Эй, милейший, чей это пес? – окликнула я какого-то мужичка, дремлющего сидя в узкой полоске тенька под стеной конюшни.

– Который? – Селянин лениво приподнял сползшую на глаза шляпу.

– Вон... – Я вернулась глазами к порогу и вздрогнула. Собака исчезла.

На пыльной земле осталось несколько крупных отпечатков лап и десяток коротких шерстинок. – Леший, куда же она подевалась? Вот только что тут была! Ладно, извините, что побеспокоила...

– Да ничего, от жары и не такое примерещится, – добродушно заметил мужик, снова прячась под широкие соломенные поля. – Я вон давеча видал, как корова по небу летела! Лежу я, значит, полем, что к северу за селом, потому как идти уже мочи нет – у свояка на похоронах винцом домашним за его здоровье угостился, ну и развезло чуток. Слышу – мычит откуда-то. Глядь на небо – летит, родимая! Ногами перебирает, будто прямо по воздуху скачет, а хвостом того, направление задает... И к чему бы это, а? Может, знамение какое?

– Ага, что закусывать надо, – вполголоса буркнула я, заходя в конюшню.

* * *

Пока я разбирала вещи и привязывала кобылу на полянке за домом (Смолка с ехиднейшей мордой наблюдала за этим заранее обреченным на провал мероприятием), Велька успела развести в котле какое-то зелье и теперь сосредоточенно помешивала его дубовой лопаточкой, неотрывно глядя на всплывающие со дна пузырьки. Снадобье тускло мерцало, отчего лицо склонившейся над ним травницы казалось мертвенно-зеленым. Отвлекать подругу от этого ответственного занятия очень не рекомендовалось, чтобы не пришлось, как на восьмом курсе, с боевым кличем «Спасайся, кто может!» вылетать из густо задымленной аудитории, под потолком которой ревело и шумно плескало крыльями что-то незапланированное.

Так что я переделалась в легкие берестяные шлепки и вытащила из сумки полотенце.

– Вель, я пока схожу искупаюсь.

– Ага, – не оборачиваясь, рассеянно поддакнула подруга, – там в тростнике дощатая кладка до самых мостков, но сразу за ними дно обрывается, мелководья почти нет.

– Отлично. – Я хорошо плавала и любила чувствовать под собой глубину. – Здесь вирники или озерницы водятся?

– Нет... хотя в омуте напротив площади обитает какая-то тварь, но она на людей не нападает и далеко от него не отходит. Там ключи со дна бьют,

вода холоднее и чище; наверное, это ее и привлекает.

– Видела я, что ее привлекает, – хмыкнула я, забрасывая полотенце на плечо.

Кладку я нашла почти сразу – несколько косо состыкованных досок, прибитых к полузатопленным останкам лодок. В тростнике попахивало сыростью и гнильцой, доски скользили под ногами, а приветливо жужжащие слепни так и норовили продегустировать мое аппетитно вспотевшее тело (тело категорически возражало, ругаясь и отмахиваясь).

Хлипкая кладка перешла в широкие мостки, и солнце снова хлынуло на меня с мощностью драконьего пламени. Отсюда Пеструшка еще больше напоминала озеро – слева и справа русло терялось в тростниках, а до противоположного берега было не меньше версты. Сквозь зеленоватую, но прозрачную воду просвечивали все камушки на далеком дне. У поверхности шныряли сотенные косяки мальков, издавываясь одной огромной серебристой рыбиной.

Не в силах больше сдерживаться, я на бегу сбросила полотенце и, подбодрив себя визгом, ухнула с края мостков, подняв тучу брызг.

Дно оказалось неожиданно глубоко – я ушла под воду с головой и лишь тогда коснулась его ногами. Оттолкнувшись и вынырнув, я отфыркалась, откинула волосы с лица и поплыла вперед. Первое ощущение холода быстро прошло, сменившись упоительной прохладой и изумительной легкостью во всем теле.

Через полчаса, набултыхавшись властью и придя к выводу, что жизнь огхырительно хороша, я перевернулась на спину, раскинула руки и начала умиротворенно дрейфовать вниз по реке, наслаждаясь тихим шелестом тростника и плавным покачиванием на волнах.

Я успела сплавиться саженой на пятьдесят, когда в окружающую гармонию вклинился какой-то подозрительный плеск. Ведьминские рефлексy мгновенно перевели меня в вертикальное положение; усиленно работая руками и ногами, я торопливо огляделась по сторонам, и мое благостное состояние мигом улетучилось.

Навстречу мне двигалась лодка. Вернее, пыталась. Трое гребцов, неведь как уместившись на одной скамье, тщетно старались обуздать два щербатых весла, норовивших то нырнуть на дно, то унести лодку в небеса.

Левым орудовал Гдынь, правым – молчаливый детина, а в середине, обхватив дружков за плечи, в такт песне-подобным воплям в духе «Не ходите, девки, замуж!» раскачивался староста. За кормой волочилась сеть, а за ней – длинный хвост из водорослей, запутавшихся в ячейках.

Из результатов бурной рыболовецкой деятельности в лодке

наблюдалась только огромная бутылка самогона с плещущимися на дне остатками, заткнутая надкушенным малосольным огурцом. Она стояла на носу лодки и, похоже, служила гребцам путеводным маяком, ибо прочие несущественные ориентиры вроде берегов они презрительно игнорировали. В итоге и без того не шибко устойчивое суденышко выплывало по водной глади замысловатые кренделя, двигаясь вперед всеми сторонами попеременно. Общее направление задавало слабое течение Пеструшки, которое медленно, но неуклонно увлекало лодку за собой.

– Га-а-аспажа ве-э-эдьма!!! – Гдынь, не раздумывая, бросил весло и встал во весь рост. Лодка закрипела и опасно накренилась влево, а поскольку детина продолжал грести, величаво закрутилась вокруг своей оси. – Ой, где ж она? Никак утопла?! (Лодка сделала еще один виток.) А! Как водичка?

– Великолепно, – сквозь зубы процедила я, переходя с расслабленного барахтанья на целеустремленный «эльфийский клинок». Естественно, устремлялась я отнюдь не к лодке.

– Куда ж вы? – разочарованно завопил мне вслед староста. – Тута до острова совсем чуток осталось, и ста саженой не будет! А там пять-шесть часов, и смеркаться начнет!

Но я уже нашарила ногами дно и, не оглядываясь, скрылась в тростнике. Кладка осталась далеко в стороне, так что на берег я выбралась исцарапанная, покусанная мошкаррой и по пояс вымазанная вонючим илом. Мнение о жизни вообще и некоторых личностях в частности упало с «огхырительного» до «гхырового».

Кое-как ополоснувшись во впадающем в озеро ручейке, я кустиками, чтобы не привлекать нездорового внимания селян, пробралась к Велькиному дому... и изумленно застыла возле калитки.

У крыльца сидела черно-рыжая собака. При моем появлении она презрительно сплюнула на землю забытое мною на мостках полотенце, развернулась и потрусилась к тростнику, заменявшему четвертую сторону плетня. Я неуверенно посвистела, но зверюга даже ухом не повела, словно растворившись в шуршащих стеблях.

– Что? – выглянула в окно Велька.

– Ничего. – Я наклонилась и подобрала полотенце. – Ты не знаешь, кому принадлежит такая здоровенная, подпалая псина с обрубленным под корень хвостом? Вроде бы породистая, но я таких никогда не видела.

– Нет. Может, кому-то из приезжих? – равнодушно предположила подруга. – Слушай, Вольха, у меня появилась прекрасная идея: давай

устроим девичник по случаю встречи! Я знаю неподалеку чудное местечко: тихое, живописное, прохладное, озеро вокруг. Разведем костер, испечем картошку, поболтаем, ну и заодно...

– Велька!!!

Подруга осеклась и недоуменно уставилась за меня.

– Скажи мне, что ты имеешь в виду не остров! – взмолилась я.

– Ну... вообще-то...

– И ты туда же? Вы что, сговорились?! – возопила я, до глубины души возмущенная таким предательством. – Ничего я «заодно» делать не буду!

– При чем тут ты? – в свою очередь обиделась Велька, не понимая, с чего я так разъярилась. – Я хотела сказать, что заодно кой-какие травки там пособираю... на твои зелья, между прочим!

– Извини, – неподдельно смутилась я. – У меня выдался тяжелый день, я очень устала и не хочу плыть ни на какой остров.

– Ладно, – смягчилась подруга, – устроим девичник в ближайшем леске, а завтра я сама туда съезжу. Хотя гребу отвратительно, да и лодка не ахти...

– Попроси кого-нибудь из рыбаков, – предложила я. – Я слышала, что у острова хороший клев, значит, там наверняка ставят и сети. Утром высадят тебя на берег, а вечером приплывут за уловом и заберут.

– Местные к острову и на пятьдесят саженей не приблизятся, – мрачно буркнула травница. – Они считают, что на нем лежит страшное проклятие и по ночам там якобы воет неуспокоенная душа дракона...

– А что, действительно воет? – поинтересовалась я, про себя недобрим словом помянув старосту с «неописуемой благодатью». Впрочем, в одном он не соврал – там меня бы уж точно никто не побеспокоил!

– Да так, подвывает иногда, – пожалала плечами Велька. – Но лично я считаю, что это чьи-то глупые шутки. Во-первых, на драконий рев не похоже ни капельки, разве что по громкости. Во-вторых, никто этого призрака никогда не видел. А что это за привидение, если оно ни разу ни отравило отдых кому-нибудь их местных? Оно же без подпитки эмоциями через пару месяцев само дестабилизируется и развеется!

– А на что похоже? – не удержалась я, хотя поклялась себе даже пальцем не шевельнуть во благо спокойного сна старосты.

– Какой-то странный гул... то ли всхлип, то ли плеск, как будто кнутом по воде хлещут. По озеру далеко разносится, а на острове, возможно, сохранились пещеры скита, звук резонирует и очень сильно искажается.

– Неужели в округе нет ни одного толкового мага-практика? – досадливо заметила я. – Я-то им на кой сдалась?

Велька неожиданно расхохоталась:

– А, вот в чем дело! Староста с помощничками уже и к тебе подкатывались? То-то ты такая нервная... Видишь ли, тут такая история: местные жители к вою худо-бедно притерпелись, но коровы – ни в какую: нервные, тощие, еле доятся, поэтому селяне решили в конце концов скинуться на мага. Собрались в корчме, пустили шапку по кругу и результат двадцать три кладня – торжественно вручили старосте. Тот справедливо рассудил, что три кладня погоды не сделают, и предложил пропить их за успех предстоящего мероприятия. Народ охотно согласился, всем досталось по кружке, а старосте, как автору гениальной идеи, – две, после которых он начал хвалиться: мол, не нужен нам никакой маг, я сам этого призрака голыми руками! Ну народ и за это выпил. Раз пять, чтобы наверняка. Короче, к утру в шапке ничего не осталось, кроме храпящего на ней старосты. Когда его разбудили и поставили в известность о предстоящем подвиге, совершать оный он почему-то не побежал и вообще поспешил замять тему. Так это дело до сих пор и тянется. Пили-то все, а старосте теперь из собственного кармана платить неохота, да и несолидно – обещал же! Вот он теперь и ходит, ищет добровольцев-энтузиастов, но что-то безуспешно. Местные маги от него уже прячутся, а проезжие открытым текстом сообщают, с какого места старосте следует начать знакомство с драконом...

Травница случайно глянула на мою правую руку и осеклась:

– Вольха!!! Ты что, того?!

– Нет, это обручальное. Свадьба осенью, а ты подружка невесты и только посмей отказать! Но, кажется, я действительно того...

Велька, уже готовая с восторженным визгом броситься в расспросы, поздравления и обсуждение предстоящего мероприятия, отпрянула и удивленно поглядела на меня.

– А в чем дело?

– Свадьба! Ужас! Кошмар! – Я сорвалась с места и нервно прошлась по комнате. – Да мне от одного слова плохо становится... Это же уже навсегда, как могила!

– Зато какая! – глубокомысленно заметила Велька.

– Но я-то еще пожить хочу!

– Я не пойму, чего ты так переживаешь? – пожала плечами подруга. – Верни ему кольцо, скажи, что передумала и вообще он тебе никогда не нравился!

– Но он мне нравится!

– Тогда выходи за него!

– Не хочу!

– Почему?

– Боюсь. – Я прикусила губу и отвернулась к окну.

– Чего?

– Что мы слишком разные. Он – вампир, Повелитель Догевы, а я – обычная человеческая ведьма в драной куртке. Он видит меня насквозь, а мне остается только гадать, что у него на уме. И вообще, через пятьдесят лет я состарюсь и он меня разлюбит!

– О боги... – простила Велька. – Вольха, тебе всего-то двадцать два осенью исполнится! Как ты можешь загадывать на полвека вперед? Может, ты столько еще и не проживешь!

– Ну спасибо, утешила! А моя работа? Я же с первого курса мечтала стать архимагом, как Учитель!

– Так становись, кто тебе мешает? – не поняла травница.

– Где ты видела мужа, который позволит жене разъезжать по трактам в компании незнакомых упырей?!

– Ну пока же позволяет, – резонно заметила подруга.

– Вот именно, пока! А потом он меня накроет крышкой и, довольный, сядет сверху!

– А может, уляжется рядом? – хитро прищурилась травница. – Вольха, в браке есть и светлые стороны! Лучше представь, как эффектно ты будешь смотреться в свадебном платье...

– Погребальный саван!

– А праздничный пир?

– Поминки!!

– Э-э-э... Первая брачная ночь?

– Торжественное внесение гроба в склеп и введение в эксплуатацию!

Вместо того чтобы проникнуться сочувствием к умирающей подруге, Велька глянула на мое страдальческое лицо и покатила со смеху. Я обиженно поджала губы.

Предложение «могилы» я получила еще в прошлом году, по возвращении из Арлисса, но на скорой свадьбе он почему-то не настаивал. Я тоже не намекала, предпочитая обходить эту тему стороной, и, не спроси Келла в лоб, что мы себе думаем, дело так и не сдвинулось бы с мертвой точки. Мы как-то неуверенно переглянулись и сказали, что нам в общем-то все равно, и тут же были поставлены перед фактом осеннего бракосочетания.

Через неделю я подло дезертировала из Догевы под предлогом сбора материалов для диссертации. Одно дело – гордо продемонстрировать

знакомым золотое кольцо с замысловатой печаткой и эдак небрежно называть Лена женихом, и совсем другое – на самом деле заполучить его в мужья. Эта проклятая свадьба выросла между нами, как стена, и если раньше мы запросто валялись на одной кровати, обсуждая дела на завтра или залиvisto хохоча над чьей-то шуткой, то теперь как-то диковато косились друг на друга, боясь встретиться взглядами! А что ж дальше-то будет?!

– Вольха, успокойся. Это нормально, – отсмеявшись, попыталась утешить меня подруга. – Все молодые перед свадьбой нервничают. Главное, реши для себя – тот ли он человек... тьфу, вампир, с которым ты согласна провести всю оставшуюся жизнь? Или уже через полгода будешь готова придушить его подушкой за надрывный храп под ухом?

Я только вздохнула. Лён не храпел. А некоторые вредные привычки вроде брошенной где попало куртки, перекусов всухомятку и увиливания от должностных обязанностей (присутствие Повелителя и Верховной Ведьмы на еженедельных совещаниях было чисто символическим, Старейшины прекрасно справлялись с текущими делами, а о серьезных проблемах мы узнавали и без нудного трехчасового отчета), я горячо поддерживала и разделяла, к праведному возмущению Келлы. Но муж... брр! Я и в ведьмы-то пошла, чтобы избежать этой плачевной участи! Кто ж знал, что на меня все равно польстятся?!

– Ладно, – сменила тему Велька. – Заходи и переодевайся, а я пока корзинку соберу. У меня как раз вишневая наливка настоялась, мы тебя живо от хандры вылечим!

* * *

Кнутом по воде?! Меня подбросило на кровати и вжало обратно, да так, что доски прогнулись! Пару секунд я ошеломленно таращилась в непроглядную тьму, пытаюсь сообразить, на каком я свете, потом кубарем скатилась на пол и, схватив лежащий под боком меч, метнулась к окну.

Это было не похоже ни на что вообще – истощный вопль, перетекший в клопочущий удар, как будто озеро приподняли и бросили обратно. И – затихающий, удаляющийся свист.

Гулкие отзвуки раскатились по реке и затерялись в шелесте тростника. На смену им пришло кое-что более понятное, но такое же зловещее.

Вельку, безмятежно проспавшую привычный духовищенский

феномен, разбудил звон флякона, нечаянно задетого моим локтем.

– Вольха, что ты там бродишь?

– Собаки, Вель. – Я стояла сбоку от приоткрытого окна, чтобы в случае чего наотмашь полоснуть незваного гостя, пренебрегшего дверью. – Ты слышишь? Во всем селе воют собаки.

– Ну и что? – сонно пробормотала травница. – Они часто шум поднимают, чуть где стукнет – накрывай голову подушкой...

– На обычный стук они бы просто лаяли. Псы воют на нежить, Велька.

Подруга подошла к окну, немножко послушала и, зевнув, сонно привалилась к моему плечу.

– Вольха, это у тебя профессиональное. Пошли спать, здесь нет никакой нежити. Сегодня полнолуние, собаки просто воспользовались поводом продрать глотки.

Я не ответила. Песьи голоса звучали хрипло и приглушенно, как будто из глубин будок или из-под крылец, откуда луной не полюбуешься. Осторожно вытянув меч из ножен, я подтолкнула оконную створку острым кончиком. Та охотно качнулась вперед-назад, и мне на мгновение почудились желтые немигающие глаза в тростнике, черной гривастой стеной колышущемся напротив избушки. Этот пес не выл. Я вообще пока не слышала от него ни единого звука.

– Что ты делаешь? Ой... – Велька открыла глаза и увидела у себя перед носом тускло поблескивающее лезвие.

– Ставлю защитный контур. – Подняв меч острием вверх, я свободной рукой начертала пару знаков.

– Не валяй дурака! – Подруга попыталась подцепить меня под локоть и уволочь от окна, но я раздраженно вырвалась.

– Вель, ну я же не плюю к тебе в зелья? Не мешай мне работать!

Подруга махнула рукой и вернулась в постель. Собаки тоже помаленьку успокоились. Что бы там ни было, оно обошло село стороной, иначе в одном его конце стояла бы мертвая тишина, а в другом – коллективная песья истерика. В отличие от волков собаки панически боялись ночных тварей и выли на них только издали.

Тихонько приоткрыв дверь, я вышла во двор и присела на крылечке, положив меч на колени. Больше для очистки совести пустила парочку поисковых импульсов и смущенно кашлянула, обнаружив, что в соседском саду превосходно обходятся без Велькиных любистоков.

Ладно, посидим, подышим свежим воздухом. Отпуск как-никак.

И дождалась – перед самым рассветом все повторилось, но в обратном порядке. Сначала невесть с чего заголосили собаки, потом снова взревело и

бухнуло, пустив эхо по воде. Меч ощутимо нагрелся, клеймо в основании лезвия замерцало и медленно угасло.

На месте старосты я бы не сэкономила на магах.

* * *

Уснуть я смогла только с восходом солнца, когда в духовищенских курятниках поочередно заорали петухи, сорвалась на ежеутренний облет крикливая грачиная стая, а на улице закрипели тележные колеса. И уже через два часа меня разбудил сработавший контур и очень красочное Велькино высказывание по этому поводу (кажется, я немного перестаралась – сделала его двусторонним и вдобавок замкнула на себе, так что травница слегка дымилась и горела жаждой мщения).

Битва двух магов, примерно одинаковых по уровню, – захватывающее зрелище, и когда мы, истощив резерв, вничью разложили друг дружку по травке, за плетнем бурно зарукоплексали и даже бросили во двор пару мелких серебряных монеток. Велька пристыжено скрылась в доме, я невозмутимо подобрала. Будь травница немного посмелее, ей бы цены как магу-практику не было – мы с ней частенько тренировались, а то и спускали пар, в четверть силы закидывая закадычную противницу боевыми заклинаниями. Увы, при одном взгляде на нечто зубастое и когтистое – будь оно даже Вельке по колено и при последнем издыхании, – все ее практические навыки испарялись в неизвестном направлении, оставались только визжательный и убегательный.

Среди зевак оказались Велькины клиенты, девушка приняла парочку заказов и снова занялась зельеварением. Едкая вонь выгнала меня из дома, и день я провела, валяясь на травке у реки, под квасок лакомясь закупленным на рынке копченым линем и приводя в порядок свои записи, на данный момент больше смахивающие на сборник юмористических баек, чем на диссертацию. Когда солнечные лучи приобрели приятный оранжевый оттенок и жара начала спадать, меня разыскала Велька.

– Вот. – Подруга поудобнее устроила на плече два длинных весла и, освободив правую руку, начертала в воздухе светящийся, быстро истаявший знак. – Ключевая руна от заклятия на входной двери. Я через пару часов вернусь, сготовь себе сама что-нибудь на ужин, ладно? Мне можешь не оставлять, я после вчерашнего на диете.

Лично я «после вчерашнего» украдкой сгрызла завалявшуюся в сумке

краюху, потому что пять печеных картошин на двоих, даже с гарниром из трех салатных листьев, мой желудок расценил как издевательство и горестно возопил о продолжении банкета. Но спорить с Велькой на эту тему было бесполезно.

– Ладно. А ты куда?

– На остров.

– Погоди. – Я начала торопливо запихивать пергаменты в сумку. – Я с тобой.

– Вот староста обрадуется! – ехидно напомнила травница.

– Не дождетя, я даже из лодки выходить не буду. Просто покараулю, чтобы с тобой ничего не случилось.

– Во-о-ольха... – укоризненно выдохнула подруга. – Ты опять за свое? Думаешь, если бы здесь водилось что-то опасное, его бы давным-давно не заметили? Да я уже несколько раз туда ездила!

– Несколько раз? – Я недоверчиво уставилась на травницу. – И что?

– И ничего. Походила по берегу, набила сумку травами и уехала. И сейчас так собираюсь. Ты же в отпуске, не морочь себе голову, загорай дальше.

– В лодке позагораю. – На одно плечо я забросила ляжку сумки, на другую – ремень ножен.

Судя по довольной физиономии подруги, отговаривала она меня просто ради приличия, втайне надеясь, что я составлю ей компанию. И больше рисковать не стала.

* * *

Велькина лодка стояла в тростниках возле давешней кладки. Неудивительно, что вчера я ее не заметила – в ней было впору купаться, а не загорать. До середины заполненная водой, она практически лежала на дне. Цепь с висячим замком скорее не давала ей утонуть окончательно, чем оберегала от угона. Впрочем, днище казалось целым, и, пока моя подруга возилась с ключами, я опустила свои пожитки на мостки, закатала рукава и сосредоточилась на формуле быстрого осушения.

– Вольха, нет! – случайно оглянувшись, так истошно завопила Велька, что я потеряла равновесие и, весьма достоверно изобразив руками ветряную мельницу, плашмя рухнула с мостков. – Не смей колдовать возле лодки! Я ее заговорила, но заклинание очень нестабильное и разрушается

от малейшего всплеска посторонней магии. Возьми вон ковшик под скамьей, повычерпывай.

– Ты бы еще в трубу у меня под ухом подула, – проворчала я, забираясь в подводное судно. Конечно, лишнее омовение при такой жарнице не повредит, но не помешало бы перед этим хотя бы сапоги снять.

Через десять минут объединенных усилий лодка всплыла и с явной неохотой изобразила готовность к старту, по собственному почину развернувшись носом к открытой воде. За весла пришлось взяться мне – результат Велькиных усилий мало отличался от зигзагообразного дрейфа приснопамятной троицы.

– И от чего ты ее заговорила, если не секрет?

Травница смущенно почесала нос:

– От протекания. Видела бы ты ее раньше!

У меня не нашлось слов.

* * *

По пути Вельке то и дело приходилось браться за ковшик, но, в общем, все оказалось не так уж плохо. Лодочка, пусть ветхая, чутко и охотно слушалась весел. Слабый ветер дул к острову, помогая грести. Мокрая рубашка прилипла к телу, приятно холодя, сапоги вразвалочку сохли на корме. До берега оставалось не больше пятидесяти саженей, когда я решила сделать перерыв и, пристроив весла на бортах лодки, с наслаждением прогнулась назад, массируя поясницу.

– Вель, а почему ты с утра не съездила? Мы же в корчму хотели пойти, там вечером какой-то менестрель выступать собирался. Если вчерашний лютнист – будет весело!

Велька покосилась на ту часть своего тела, которую мужчины единогласно признавали самой привлекательной, а сама травница – наиболее нуждающейся в диете, и я живо представила, как она, к неудовольствию корчмаря, весь вечер будет уныло чахнуть над пучком принесенной с собой петрушки.

– Еще успеем. Мне нужна одна редкая травка, а ее положено рвать на закате.

В принципе за весла можно было уже не браться – течение и ветер медленно влекли лодку в нужном направлении, но я хотела побыстрее закончить с делами и вернуться на тот берег. Экономный староста добился

прямо противоположного эффекта: если раньше я бы из чистого любопытства заночевала на острове, то теперь назло не собиралась этого делать. Не хочет платить – пусть спит под подушкой, его проблемы!

– Ведь, ты же не станешь ковыряться там до темноты, верно?

– За полчаса управлюсь! – клятвенно пообещала травница, беря на изготовку железный совочек собственно для ковыряния.

Я обернулась [5], высматривая удобное местечко для пристани, и только прицелилась в удобный заливчик среди камышей, как вдруг перед самым носом лодки вынырнула и с торжествующим видом бдительного сторожа, застучавшего у дыры в заборе двух жуликов, нависла над нами знакомая черная тварь.

Проклятые рефлексы!!! Нет бы, как все нормальные люди, завизжать и огреть ее веслом!

О нет, лодка не протекла – она попросту развалилась на части, да так эффектно, словно под днищем рванул боевой пульсар. Вещи попеременно с досками, веслами и пассажирами полетели в разные стороны, сапоги вообще ласточками воспарили в небеса, как будто их поманило к себе какое-нибудь поизносившееся божество.

Тварь (судя по ее ошарашенной морде, не ожидавшая от нас такой самоликвидаторской подлости) шарахнулась в сторону и от греха подальше скрылась под водой.

– Вольха, я не умею пла... – трагически булькнула травница, следуя ее примеру.

«Вижу», – мрачно подумала я, ныряя следом. Что-то нащупав (очень надеюсь, что не тварь или какого-нибудь постороннего утопленника), я отчаянным рывком выдернула это на воздух, сама с головой уйдя под воду. Угадала. Велька закашлялась и так судорожно уцепилась за мою шею, словно я была буйком, а она пыталась его оседлать. Вода щипала глаза и заливалась в рот, я едва успевала отплевываться, не говоря уж о выразительной декламации заклинаний. Правильнее всего, конечно, было бы стряхнуть подругу и, выровняв дыхание, наложить на нее чары непотопляемости, но я не гарантировала, что успею сделать это, прежде чем она исчезнет под водой. И что я смогу снова ее там нашарить. А посему, сцепив зубы, я героически тонула за компанию, пока травница (видимо, вдохновленная моим самопожертвенным примером) не разжала руки.

Такой оборот дела меня совсем не устраивал. Я торопливо развернулась и... уткнулась носом в пряжку Велькиного пояса.

– Кажется, я уже не тону... – смущенно объявила подруга, протирая

глаза. Столь блестящие успехи в плавании сразили меня наповал, от неожиданности я перестала барахтаться и... села на дно. Как оказалось, лодка развалилась у самого края омута, откуда я выудила Вельку, и достаточно было пары гребков, чтобы выбраться на мелководье. Вместо этого мы на протяжении пяти саженей отважно боролись за жизнь над пучиной в полтора аршина глубиной.

– Прекрасно, – пробормотала я и, не в силах подняться, на четвереньках поползла к берегу. Подруга, спотыкаясь, шлепала следом.

Повалившись на траву, мы минут двадцать пролежали пластом, тупо глядя на сгущающийся над озером закат, потом Велька виновато шмыгнула носом:

– Вольха, а я ведь тоже не удержалась, засветила в нее заклятием Арварден... вернее, только начала плести...

Я рассмеялась и села. Закат, кстати, был изумительно хорош – особенно если учесть, что он не стал для нас последним. Вода, подражая небу, окрасилась во все оттенки золотого и медного, к которым уже начали примешиваться алый, малиновый и пурпурный. Непромокаемые сапоги стояли где-то на дне омута, а местная плотва с интересом ознакамливалась с моей диссертацией. Зато меч по-прежнему висел в ножнах за спиной. С неимоверным облегчением нащупав рукоять, я возвела глаза к небу, дабы возблагодарить святого Фендюлия, но вспомнила его ехидную физиономию и сдержалась.

Велька отделалась еще меньшим ущербом – она не раздевалась, а сумку для трав, в которой на всякий случай болталось несколько флаконов со снадобьями, еще на мостках пристегнула к поясу. Высушиться было делом пары секунд.

– И что же нам теперь делать? – жалобно спросила травница. – Лодка развалилась, а рыбаков поблизости не видать... сомневаюсь, конечно, что они бы сюда добровольно подплыли, но ради такого дела можно и принудительно.

– Придется тут заночевать, – со вздохом решила я. – Утром, пожалуй, я смогу доплыть до того берега и взять напрокат лодку, но сейчас вряд ли способна на такой подвиг. Да и волны что-то разгулялись.

– Ночевать? Здесь?! – пришла в ужас Велька. В Школе ее даже в двухдневный поход было не затащить, прелести шалашей в комплекте с комарами мою подругу совершенно не вдохновляли.

– Ну не прямо на этом месте. Можно пойти поискать развалины скита, пока светло. Будет хоть крыша над головой. Заодно...

– Вольха!!!

– Ладно, молчу. – Я встала и протянула Вельке руку. – Будем надеяться, сегодня оно не завоет.

* * *

Если бы я собственными ушами (да что там ушами, до мозга костей пробрало!) не слышала, что здесь творится ночью, лучшего местечка для отдыха не стоило и желать. За каемкой пологого берега, идеально подходящего для шашлыков и сопутствующему им веселью, начинался редкий березняк, переходящий в частый ельник. Пока Велька, углядев какую-то пышную флору, упоенно выколупывала ее из земли, я прогулялась по леску, разведывая обстановку. Незаметно от подружки разослала несколько импульсов, сплела стандартное заклятие зова, провоцирующее нежить на близкое знакомство с нахальной ведьмой, но его вопиюще проигнорировали. Впрочем, это еще ничего не значило – тварь могла дремать в подземном логове или вообще обладать иммунитетом к поисковой магии. Но, по крайней мере, обычных упырей или гарпий, как и волков с медведями, можно не опасаться.

Я задумчиво прошлась вдоль елок, выискивая просвет, но тщетно. Деревья так плотно переплелись колючими лапками, что даже зайцу не проскочить. Неужели вся сердцевина острова столь безнадежно заросла?

Поисковый импульс угверждал обратное. Сажени три добротнейшего плетня, а дальше пустота. Похоже, дайны целенаправленно сеяли не только «зерна истинной веры», но и банальные шишки. Но как-то же они сами сквозь них пробирались!

Ко мне присоединилась торжествующая Велька с добычей. Я присмотрелась и возмущенно ахнула:

– Это и есть твоя редкая травка?!

– Ага. – Травница с блаженным лицом молодой матери прижимала к груди огромный куст лопуха с длинным копьевидным корнем.

– Бель, да на пустыре за селом его целые заросли, мы со Смолкой еле продрались! Я потом полчаса штаны от репьев чистила!

– Да? – несколько смутилась подруга. – Надо же, а я и не знала... С моей стороны села он не растет. Зато посмотри, какой красавец!

Я покорно любовалась уникальным экземпляром, услужливо подсунутым под самый нос.

– А елка тебе не нужна?

– Ну, смола и семена используются в некоторых зельях... – всерьез задуматась травница.

– Так выкопай несколько штук, заодно и дорогу расчистишь.

Велька выразительно погрозила мне кулаком, попутно изучая неприступный ельник.

– А если заклятием раздвинуть?

– Не пойдет, слишком плотно переплелись. И стволы вон какие толстые, сломаются. Надо искать лазейку.

– Может, лучше в березнячке заночуем? – робко предложила подруга. – Не нравятся мне эти елки...

– Мне тоже. Поэтому и надо посмотреть, что же за ними такое... пока оно не вылезло посмотреть на нас.

Велька тоскливо покосилась на озеро. Увы, отважных рыбаков, наперегонки спешащих к нам на помощь, там не обнаружилось, а волны все решительнее атаковали берег. Травнице ничего не оставалось, как догнать меня и пойти рядом, вздрагивая от каждого шороха.

Либо сегодняшняя полоса невезения наконец-то закончилась, либо, напротив, стала набирать размах, а мы об этом еще не догадывались, но через каких-то сто шагов я наткнулась на лаз высотой около локтя и вершков десять в ширину. Возле самой земли, ровнехонький, словно его с разгону пробило требушетное ядро. Намертво сцепленные ветки не дали обезноженным стволам упасть, а иглы пожухли, привлекая внимание.

Странная дыра понравилась нам еще меньше ограды.

– Ты уверена, что это парадный дайновский вход? – дрожащим голосом попыталась сострить Велька.

– Разве что для перебравших знаменитого храмового вина. – Я щелкнула по веточке пальцем, и она мгновенно облысела. – Ему не больше года, иначе иглы осыпались бы сами, а ствол начал подгнивать. Но и не меньше месяца.

– А выть стало примерно полгода назад, – сориентировалась Велька. – Думаешь, это связано?

Но я не любила строить догадки на пустом месте и уже присвоила себе сомнительную честь первопроходца, точнее, первопролазца, на всякий случай выставив перед собой меч.

По ту сторону он снова вернулся в ножны. За елками оказалась огромная поляна, выше колена заросшая бурьяном, как бывает с заброшенными огородами. Видимо, некогда ее середину занимал невысокий холм, но отшельники трудолюбиво обгрызли его по кругу, срыв пологие склоны до отвесных стен в полтора человеческого роста и укрепив

их гранитной кладкой. Между крупными камнями были вмурованы осколки помельче, слагавшиеся в причудливые узоры, – особенно вокруг низких, в гномий рост, проемов. В одном месте даже сохранилась дверь, а прямо перед нами – приставленная к крыше лестница в виде дубового бревна с зарубками.

Дракон не так уж здесь и напакостил, скит провалился всего в двух или трех местах. Видимо, больше всего дайнов удручила гибель храма, с трудом угадывающегося в живописном ворохе обугленных бревен, поросших травой и кустами.

Проверив импульсом один из проемов, я пригнулась и юркнула внутрь. Коридорчик длиной в сажень вывел меня в небольшую, довольно уютную комнатку с камином, ошметками истлевшего коврика на глиняном полу, широким столом и позабытым на нем подсвечником и с деревянной кроватью из цельного бревна, сверху донизу обросшей блеклыми поганками на тонких кривых ножках. Вполне пригодное для ночлега местечко.

На выходе я столкнулась с Велькой.

– Ну что?

– Пока ничего.

– И почему бы тебе не ограничиться вторым словом? – вздохнула подруга. Я только усмехнулась и, балансируя руками, легко взбежала по бревнышку-лесенке.

– Ого! Велька, иди скорей сюда!

Травница, не расставаясь со своим ненаглядным лопухом, подошла к стене, закрыла глаза и медленно воспарила вверх.

– Перелет, – ехидно сообщила я, любуясь ее пятками. Велька торопливо подкорректировала заклинание и опустилась на траву рядом со мной.

Макушки у холма не было. Внутренние склоны плавно стекали вниз, к идеально круглому озерцу в центре. Небольшому, от силы пять саженей в диаметре, но казавшемуся бездонным, а благодаря закатному небу – словно заполненному гречишным медом, темным, вязким и неподвижным. Между берегом и склонами оставалась полоска ровной земли, поросшая березами.

– Красота какая... – Велька заворожено пошла вокруг озерца, не отрывая от него взгляда.

А я тем временем обнаружила еще кое-что интересное. Опустилась на колени, ощупывая землю мгновенно за-зудевшими кончиками пальцев. Так и есть! Внизу живота прокатилась знакомая, сладковатая и в то же время болезненная волна. Впрочем, ничего необычного – дайны нарочно

выбирают подобные места для храмов. Здесь их молитвы, как и наши заклинания, куда успешнее достигают цели.

– Вель, тут энергетическая точка. И мощная какая!

– Тут тоже! – удивленно отозвалась Велька. – Я как раз на ней стою!

Я подняла голову, прикинула расстояние и торопливо махнула подружке рукой, торопясь подтвердить свою догадку.

– Пройди еще немножко вперед и посчитай шаги!

– Зачем? Ой, еще одна... Семнадцать, но как ты узнала?!

– Предположила. А теперь – до меня.

– Семнадцать с половиной. – Велька остановилась рядом со мной, и ее запоздало осенило: – Природный треугольник! Мечта любого мага – три симметричных источника силы, никаких внутренних затрат, становись в центр и колдуй!

– И как ты себе это представляешь? – Я с досадой покосилась на темную воду. – Посторонней магии в центре треугольника, как и возле твоей лодки, быть не должно, а плот, даже на двух якорях, начнет раскачиваться, и заклятие дестабилизируется или выйдет из-под контроля.

– Ну, озеро можно и осушить.

Велька подсказала мне прекрасную идею:

– А можно и вырыть. Посмотри, как резко обрывается дно. Либо кто-то здесь уже колдовал и слегка перестарался, либо озеро создали нарочно, чтобы никто не смог воспользоваться треугольником.

– Дайны?

– Возможно. Скит не храм, где священники толкуют о духовном, но предпочитают материальное, то бишь кошельки доверчивой паствы. Тут наверняка обретались опытные дайны, и впрямь наделенные колдовск... божественной силой. Сами они вряд ли бы стали проводить магический ритуал, но прочитать десяток молитв и затопить «бесовский искус» от греха подальше – вполне в их духе. Чтобы конкурентам, то есть нам, не досталось.

Велька огорченно покрутилась на бережку и махнула рукой:

– Может, так оно и к лучшему. Мало ли кто на него набредет, дураков среди магов тоже хватает.

Впрочем, польза от источников все-таки была: мы быстро восстановили магический резерв и вернулись на поляну куда более уверенные в своих силах.

До темноты мы успели осмотреть весь скит – вернее, я поочередно лазила в кельи, а Велька стояла у входа, периодически интересуясь, съел меня уже кто-нибудь или нет. Увы, я неизменно ее разочаровывала, а когда

шутки ради завyla в ответ, на выходе от души получила лопухом по загривку. Изнутри все кельи выглядели одинаково, отличаясь только количеством пыли и плесени. Лучше всех сохранилась комнатка с дверью, ее-то мы и заняли, натаскав внутрь лапника.

За день воздух, земля и вода так прокалились, что даже сумерки не принесли прохлады. Пока я соорудила лежак, рубашка намокла от пота, босые ноги исхлестало крапивой, а за шиворот насыпались еловые иголки. К счастью, недостатка в воде мы не испытывали, скорее наоборот. Но возвращаться на островной берег я не стала – далеко, к тому же мне не хотелось снова лезть в дыру, а потом искать ее в потемках. Куда быстрее и – удобнее искупаться в центральном озере.

Велька увязалась за мной, не желая подвергать соблазну так и не снизошедшую до нас нежить, если та все-таки надумает покинуть свое укромное логово и с восторгом обнаружит на поляне упитанную травницу.

Луна скрылась за лохмами туч, в тусклом свете звезд озеро казалось черным бездонным провалом. От него так пахло родниковым холодом, что я мигом раздумала принимать ванну и решила ограничиться быстреньким ополаскиванием. Но только я потянула через голову рубашку, как Велька ахнула:

– Вольха, ты только глянь на это!

Рубашка поспешно вернулась на место, да и купаться мне мигом расхотелось: сквозь воду просвечивались полупрозрачные драконьи кости, тускло лучившиеся изнутри. Несмотря на огромную глубину, был виден каждый позвонок – от длинной шеи до шипастого хвоста, обернутого вокруг тела, – аккуратно сложенные по бокам крылья и длинная морда, покоящаяся на передних лапах.

– Смотри, как странно, – шепнула Велька. – Свернулся клубочком, словно дремлет...

– А должен бы лежать на ските. – Я тоже почему-то понизила голос. – Вернее, давным-давно раскатиться на отдельные кости. Такое ощущение, что он издох прямо под водой.

– Может, дайны все-таки оказали селу любезность и спихнули драконью тушу в озеро?

– Тогда бы оно до сих пор называлось Удилищем, И попробуй-ка сдвинь эту махину, тут одни кости целый день таскать!

– Ну маг бы за пару часов справился. Ты глянь, даже все клыки уцелели! А у меня как раз на днях последний кусочек вышел...

Драконьи клыки, а также кости, когти и гребень входили в состав множества зелий, использовались для закалки мечей и как основа для

амулетов. Спрос на них значительно превышал предложение, ибо живые драконы относились к идее изъятия клыков весьма отрицательно, и магам приходилось довольствоваться выпавшими, трофейными или застрявшими в выплюнутых доспехах не столь удачливых драконосеков. А посему стоили они довольно дорого – не каждому травнику по карману.

– Я попробую достать парочку, – решила Велька, закатывая рукава и пошире расставляя ноги. Нахмутив лоб, травница немигающе уставилась в воду, для пущей важности протянув к ней руку со скрюченными пальцами. Спустя несколько секунд кисть начала мелко дрожать, кренясь все ниже и ниже, пока бессильно не обвисла.

– Не поддается, – выдохнула травница, смахивая проступивший на лбу пот. – Разве что вместе с челюстью, но я одна такой вес не потяну. Поможешь?

– Конечно.

В воде заклятие сильно рассеялось (она вообще хорошо поглощает магическую энергию, хотя и добыть из нее оную легче всего), но мне все же удалось «зацепить» дракона за верхний глазной клык.

– Раз, два – взяли!!!

Клыки и в самом деле сидели мертво; похоже, при жизни дракон обращался к цирюльникам только с гастрономической целью. Наши объединенные усилия заставили череп лишь слегка приподняться и тут же шмякнуться обратно, подняв мутное облачко ила.

– Зараза... – Я потрясла дымящейся кистью. Колдовать по такой духоте было не легче, чем ворочать мешки с картошкой.

– Не понимаю, что его держит? – Велька, ухватившись за ствол березки, рискованно нависла над водой, пытаясь получше разглядеть вожделенные ингредиенты.

Я слишком хорошо знала этот хищный взгляд – точно с таким же Келла, панически боящаяся высоты, лезла за какой-то редчайшей омелой на верхушку десятисаженного дуба (снимать пришлось нам с Леном – он полчаса уговаривал ее прыгнуть в натянутое под деревом покрывало, а я в это время коварно надламывала с помощью магии облепленную травницей ветку). А Велька того и гляди нырнет!

– Может, еще раз попробуем? Усилим через уравнение Шесс, две постоянные у нас есть, а вектор можно на глаз прикинуть...

– Чего уж там мелочиться, давай сразу озеро осушим, – пошутила я. – Получишь своего дракона в полном комплекте!

И тут в пустых глазницах вспыхнули зеленые огоньки, скелет шелохнулся, резко взмахнул крыльями и, набирая скорость, ринулся к

поверхности.

* * *

Мы еле успели отшатнуться, как вода по краям озера вздыбилась стеной в два моих роста, изогнула края и обрушилась на наши головы, оглушая, отшвыривая и впечатывая в землю.

«Полный комплект» с воем ввинтился в небо, описал дугу, сложил крылья за спиной и с удвоенной скоростью понесся к земле, на лету разевая пасть.

Я первой сообразила, что обратно нырять он не собирается.

– Велька, берегись!!!

Язык бесцветного трепещущего марева прошелся между нашими телами, едва успевшими раскатиться в разные стороны. Вода вскипела, все заволочло паром.

Дракон в последнюю секунду расправил крылья и на брющем полете пронесся над холмом. Выплеснутая вода устремилась обратно в озеро, увлекая меня за собой. Я извернулась и попыталась уцепиться за редкие пучки травы, помогая себе коленями, но напор был слишком велик. Ледяная вода накрыла меня с головой и, на аршин вдавив в озеро, начала медленно выталкивать обратно.

Я разжала полные травы кулаки и, слаженно дрыгнув руками и ногами, рванулась к серебристому зеркалу поверхности. Надышаться и осмотреться помешал истошный Велькин вопль:

– Вольха, ныряй!!!

Я не оставила дружеский совет без внимания и уже сквозь воду увидела, как всплывшая трава вспыхнула, словно сухая. На спину будто плеснули кипятком, быстро погашенным родниковым холодом озера. Водичка стала куда приятнее, но затягивать омовение совершенно не хотелось. Во второй раз мне повезло больше: дракон попытался зайти на очередной вираж, но, не успев набрать высоту, по-птичьи заскакал на коротких кривых лапах, тормозя хлопающими крыльями. В несколько гребков достигнув берега, я уцепилась за протянутую Велькой ногу (руками травница намертво прилепилась к березке; разжать сведенные пальцы помог только вид разворачивающегося в нашу сторону дракона) и выкарабкалась на твердую почву.

Березовые ветви почернели и скукожились, дерево словно начало

оплавляться, но в последний момент передумало и полыхнуло от корней до макушки. На поляне посветлело. Мы наконец сумели худо-бедно разглядеть атаковавшую нас тварь, и вот тут-то нам действительно стало худо. Дракон был крупнее нашего Рычарга раза в полтора (правда, тощий и долговязый, как помойный кот) и состоял отнюдь не из одних костей. На воздухе они перестали светиться, почти исчезнув за прозрачной, как горный хрусталь, плотью, отбрасывающей мутную тень.

Я попробовала применить заклятие ночного зрения – и выругалась. Дракон вообще исчез. Торопливая деактивация заклинания доставила еще меньше удовольствия, ибо гад не терял времени даром и уже радостно разевал пасть в какой-то сажени от меня, предлагая на выбор два ряда ценных ингредиентов. Не мудрствуя лукаво я выбросила вперед руку, вкладывая в удар чистую, не оформленную в заклятие силу. Зубастая морда дернулась, словно от пощечины. Тварь поперхнулась пламенем и раскашлялась клубами черного дыма. Я пригнулась и нырнула у нее между лап, проскочив под брюхом, и начала было карабкаться вверх по склону... как вдруг заметила Вельку, весьма успешно изображавшую статую из бледно-зеленого мрамора, вкопанную на берегу озера.

Отдышавшись, дракон гневно взревел и переключился на более сговорчивую добычу. Травница хладнокровно дождалась, пока он повернет к ней голову, и метко плеснула ему в глаз из какого-то флакона, после чего с чувством выполненного долга начала оседать в обморок. Успешному завершению этого процесса помешала я, за шиворот выдернув подругу из-под новой струи пламени – к счастью пущенной вслепую. Парочка пощечин живо помогла Вельке взбодриться и, не чуя под собой ног, рука об руку со мной помчаться к вершине холма. Вслед летел жуткий вой, хлопали крылья и стегал по земле хвост, заставляя оную ощутимо вздрагивать под нашими ногами; кажется, радикальные методы Велькиного целительства не привели дракона в восторг. Естественно, на гонорар ей рассчитывать тоже не стоило. Достигнув края скита, мы, не раздумывая, спрыгнули вниз. Я бросилась к своему мечу, опрометчиво воткнутому в землю возле скита, а Велька (видимо, по инерции) – к лежащему рядом лопуху. Впрочем, атаковать дракона с одноручным клинком отважился бы разве что начитавшийся сказок дурак, так что шансы усечь гада подручными средствами у нас с травницей были примерно равные.

Дракон проморгался скорее, чем мы надеялись. С ветерком пронесшись над нашими головами, он гулко хлопнулся на землю и, видя, что добыча вот-вот исчезнет в узкой норе скита, кинулся следом, от спешки проскальзывая лапами на месте.

У порога я притормозила, вырвала у Вельки целебный лопух, развернулась и охапкой бросила в разъявленную для очередного пламяизвержения пасть. Травница горестно охнула, дракон рефлекторно сомкнул челюсти и тут же начал отчаянно плевать. Я толкнула остолбеневшую Вельку в спину, загоняя в лаз, и нырнула следом.

Только мы успели проскочить коридор и прислониться к стенам по обе стороны проема, как из него хлынуло трепещущее марево, дотягиваясь почти до середины пещерки. Бока обдало жаром, лежаки вспыхнули высоким трескучим пламенем, ярко осветив келью.

– Вовремя мы... – выдохнула Велька, по стеночке сползая на пол.

– Ага. Беру свои слова обратно, редкостная травка, и впрямь выше всяческих похвал!

Травница мрачно покосилась на меня, по промолчала. Снаружи яростно взревел дракон, тоже оскорбленный в лучших чувствах.

– Может, объяснишь мне, Магистр практической магии, что это за дрянь?

Я тоже села, обхватив руками колени:

– Судя по всему, кладбищенское гхырище на пару с загребущим умертвием.

– Что?

Немного отдышавшись, я привела мысли в порядок и попыталась объяснить более связно:

– По селу ходят слухи, что в округе неладно – бесследно пропадают люди, самовольно улетает домашний скот... и у меня есть такое нехорошее подозрение, что эти невинные шалости на совести вон той милой ящерицы, резвящейся у скита. Днем она сидит в омуте, а по ночам приделывает крылья коровам, а то и незадачливым прохожим. Охотится вдалеке от своего логова, чтобы никто ничего не заподозрил, а заметить его в полете практически невозмож...

Я осеклась, давая высказаться третьему участнику «задушевной» беседы. По стенкам коридора заскребла когтистая лапа, затем послышалось отчетливое сопение, и над полом за клубилась потревоженная пыль. К великому огорчению дракона, этим его возможности и ограничились. Плевать сгустками пламени, от столкновения с преградой расплескивающимися во все стороны, он, видимо, не умел, да и вообще особым умом не отличался – наш Рычарг не унился бы до выколупывания людишек из сомнительных дыр и уж тем более не стал бы так откровенно беситься от злости. Дракон – существо хитрое, коварное и терпеливое, он изыщет тысячу иных способов испортить вам жизнь.

– Сюда бы этого старосту, – в сердцах бросила Велька. Травница не хуже меня знала, что драконы практически неуязвимы для заклинаний, а слоистую чешую пробивает только тяжелый двуручный меч или гарпун баллисты. У стрел и обычных клинков всего несколько шансов-целей – под нижней челюстью, в основании крыльев и лап, каковые дракон, естественно, предпочитает не демонстрировать агрессивно настроенным рыцарям и магам. – Пусть бы он этого гада «заодно» издохнуть агитировал... Слушай, а давай этой твари несварение с летальным исходом устроим? У меня в сумке несколько эликсиров завалялось, если смешать и парочкой заклятий усилить...

– У нас еще одна проблема, Вель, – со вздохом перебила я.

– Какая?

– Он и такдохлый.

* * *

– А вы говорили – не стодится! – Гдынть торжествующе отцепил от козлиной головы очередного рака и перебросил его в лодку.

Староста только вздохнул. Эту фразу сотник повторял по числу трофеев, пропустив только один раз, когда очередной рак умудрился извернуться, цапнуть ловца за палец и дезертировать обратно в воду. Впрочем, тогда Гдынть тоже не смолчал...

Полная луна ярко высеребрила успокоившуюся к полуночи воду. Вокруг клиновидной отмели, заваленной принесенным течением хламом – колючими тяжами водорослей, ветками, камышинами и горделиво торчащим в центре пнем, – мерцали маленькие волны. На пне, с выражением вселенской скорби на лице, восседал детина в красной рубахе, мучительно размышляя, способны ли два десятка раков благотворно повлиять на настроение супруги, которая, поди, уже час как вернулась из гостей и обнаружила, что мужнины хлопоты по дому ограничились поисками и последующим хищением тщательно припрятанной ею бутылки самогона.

– А вы говорили!

На дне лодки закопошился еще один рак. Староста поджал ноги и покосился на остров, издаleка казавшийся черной зубчатой скалой, поверху облитой серебристо-зеленым фосфором. До сельского берега было еще дальше, но выглядел он не в пример уютнее – россыпь сочившихся сквозь

окна огоньков и костер-маячок на пристани, специально для любителей ночной рыбалки.

Мало-помалу все покусившиеся на ведьмин трофей раки перекочевали в лодку, и Гдынь заскучал.

– Может, место сменим? – предложил он, выживая и критически изучая слегка пощипанную приманку. – Вон у той отмели тоже хорошо берутся, ежели с наветренной стороны пристать...

Детина молча перелез на гребную скамью, Гдынь устроился на кормовой, делая вид, что даже не подозревает о назначении весел и уж тем более не умеет ими пользоваться. Староста начал вытягивать якорь – крест-накрест обвязанный веревкой булыжник.

Но не успел он разок перебрать руками по мокрой бечеве, вторым концом привязанной к вбитому в нос лодки кольцу, как она змейкой дрогнула в кулаке и стрельнула обратно.

В следующее мгновение лодка клюнула носом, одновременно взбрыкнув кормой не хуже ведьминой кобылы, и, стряхнув «седоков» себе на дно, ринулась вперед, то выпрыгивая из воды, то распахивая ее глубокой бороздой, расходящейся пенными валами.

Натянутая веревка вибрировала, как струна. Если какой-то из богов и слышал воззвания в свой адрес, то что-то не торопился на них реагировать, явно не веря подозрительно щедрым обещаниям взамен бросить пить, шляться по девкам, починить жене все кадушки и выплатить первому же попавшемуся магу не двадцать, а все сто кладней.

Детина прилежно изображал монотонный охотничий рог, прерываясь только для вдоха, сотник не оставлял надежды уговорить капризное божество (видимо, еще не знающее, что проще выполнить Гдыневу просьбу, чем от него отвязаться), староста тихонечко лежал на самом дне, среди мстительно щиплющихся раков, и хладнокровно (ибо вышеозначенная жидкость стыла в жилах у всех троих) обдумывал ситуацию. Русалки, если и заплывали в Пеструшку, ограничивались деловыми контактами со здешними купцами и подобных шалостей себе не позволяли. Водяной, мелкая кочкообразная нежить, изредка выползавшая на мелководье и клянчившая у рыбаков чекушку, лодку с тремя здоровенными мужиками не утянет. Омут местного козлоода остался верстой дальше, да и не водилось за ним подобных грешков. Просто так со всей дури лодку перевернуть, а потом с ехидцей на невольных купальщиков порявкать, чтобы руками-ногами веселей перебирали, – да, бывало дело. Что ж тогда? Староста, правда, слышал, что в море за Элгаром водится лютая рыба-зверь с тысячью клыков, но та вроде как предпочитала

употреблять рыбаков внутрь, а не с ветерком катать их по реке. Неужто какой дурной сом польстился на камешку на веревке?! Авось подергается-подергается да издохнет. Заодно и агромад-ной рыбиной разживутся, домой приволокут, насолят, накоптят... Староста аж облизнулся, покрепче ухватился за борта и зажмурил глаза. Ради такого, пожалуй, стоило и потерпеть!

Терпеть, кстати, осталось совсем недолго. Днище лодки натужно закрипело по каменистому дну, а потом суденышко со всего размаха врезалось во что-то твердое и, с хрустом содрогнувшись, остановилось. Вокальное сопровождение мигом утихло, мужики, в первую секунду приготовившиеся отбыть на небеса, теперь лихорадочно соображали, забирают их все-таки туда или нет.

Наконец Гдынь робко приподнял голову над бортом и икнул от удивления.

Лодка стояла на земле, в пяти саженях от берега. Роль тормоза сыграл кряжистый дуб. Тащивший лодку «сом» с разбегу... проскочил сквозь ствол, оставив в нем огромную дыру, куда лодка все же не вписалась, в щепу размозжив нос. По ту сторону валялся выпавший из веревочной оплетки камень с четырьмя отчетливыми вмятинками, от которых змеились трещинки.

А собственно дуб стоял на берегу острова.

* * *

– Вот поэтому, – простонала травница, – я и не пошла в магии-практики! Только вы в ситуации «хуже не бывает» способны жизнерадостно заверить, что очень даже бывает и, более того, сейчас будет! Да еще со вкусом объяснить, как именно!

Мне действительно не терпелось поделиться своими соображениями:

– Вспомни систематику: нечисть бывает условно живая – которая способна к размножению, имеет жизненно важные органы и более-менее типичный обмен веществ, – призрачная и собственно мертвая: зомби, умертвия. На призрака, согласишься, не похоже, а ночное зрение, основанное на ауре живых клеток, его не взяло!

Что-что, а на память Велька не жаловалась:

– А как же аксиома Олешера? Умертвие такого размера нестабильно и помимо пищи для поддержания плоти нуждается в постоянной магической

подпитке. И ни одному магу еще не удавалось слепить зомби из дракона!

– Потому что у них не было треугольника, – торопливо возразила я, боясь упустить мысль. – А магическое средоточие приходится как раз на центр озерца, что еще нужно умертвию для счастья?!

– Парочка девиц на десерт, – вздохнула травница и, внезапно насторожившись, заметила: – Что-то уж больно тихо!

Дракон и в самом деле прекратил, как выразился бы один знакомый тролль, «суетиться под клиентом». Снаружи воцарилась непривычная и оттого зловещая тишина. Лежак прогорел до тускло переливающихся угольков, в горле першило от дыма, неспешно уползающего в черную дыру лаза. Разглядеть, что творится снаружи, было невозможно.

– Как ты думаешь, он еще там? – Велька глазами показала на проем.

Сопение утихло, но это еще ни о чем не говорило – нежить не нуждалась в воздухе, дракон пользовался дыхательной системой только для пламяизвержения, приноживания или изложения увертливой добыче своего честного нелицеприятного мнения.

Я неуверенно пожала плечами: С одной стороны, нежить отличается непроходимой тупостью, с другой – редкостным упрямством и так просто от добычи не отказывается – разве что переключившись на другую. А уж в соединении с драконьей злопамятностью...

Травница, решившись, глубоко вздохнула, зажмурилась и перебежала на мою сторону кельи.

Никаких возражений со стороны дракона не последовало. То ли он и впрямь убрался восвояси, то ли выжидал более удобного и верного случая окучить нас огнем. Драконье пламя невозможно сбить даже с железных доспехов, не говоря уж об одежде. Велька здорово рисковала, но клацать зубами в одиночку было еще страшнее.

– Есть два варианта, – решительно объявила я, подбадривая подругу, а заодно (чтоб этого старосту леший побрал!) и себя. – Первый – подождать до утра. Возможно, солнечные лучи загонят его обратно в воду.

– Возможно?

– Не гарантирую. Далеко не все ночные твари боятся света. Стрыга, увлекшись, может продолжить преследование и днем, а вот упырь с рассветом ослепнет и отстанет.

– А второй вариант?

– Выйти и надавать дракону по морде, чтобы неповадно было.

– Очень смешно, – буркнула Велька.

– Я не шучу. Будь у меня тяжелый меч и огнеупорные доспехи, можно было бы рискнуть.

– У меня в сумке есть мазь против ожогов, – вспомнила травница. – Я вчера с ее помощью картошку из углей доставала, заодно и... тьфу, меня от этого слова уже колотит! В общем, она обладает легким омолаживающим эффектом.

– «Саламандра»? Прекрасно, давай сюда. Сейчас этот гад у нас попляшет!

– Ты что, серьезно?! – ужаснулась Велька.

– Нет, просто схожу на разведку, – успокоила я подругу, открывая плотно притертую крышечку. К гари примешался резкий запах мяты. – Если что, один драконий выдох она выдержит, мы с Рычаргом как-то от нечего делать проверяли. Я потом две недели перловку после уроков перебирала, ибо додумалась провести сей эффектный эксперимент у стены общественной уборной, в результате чего вся Школа несколько дней стыдливо пользовалась окрестными кустиками... С тех пор эту крупку терпеть не могу!

Щедро намазав лицо и волосы щиплющей кожу слизью, я огляделась в поисках какой-нибудь полочки или уступа – пристроить баночку, пока буду натирать руки. И уткнулась взглядом в стену кельи, только сейчас обратив внимание на украшавший ее барельеф. Ничего особенного, грубая глиняная лепнина, изрядно выцветшая и облупленная. Такие я и в других комнатах видела. По углам – символические обозначения четырех богов: кленовая ветвь, выпрыгивающая из воды рыба, ветвистая молния и птица с распростертыми крыльями. Но посередине, вместо очередной поучительной сцены из жизни святых, красовался подробный план скита.

Мы Велькой одновременно щелкнули пальцами. По бокам барельефа вспыхнули два пульсара – золотистый и зеленоватый.

– Гляди, раньше никаких здесь елок не было – простой частокол с воротами, – изумленно заметила я.

– А озеро обозначено, причем вместе с источниками! – Велькин пульсар скользнул к самой стене. – Постой, а это что?

– Похоже на руно. – Я послонила палец и протерла сомнительный пяточок в центре барельефа. – Только какую?

– «Охота»? – предположила Велька, заглядывая через мое плечо.

– Вряд ли, вот здесь, кажется, была палочка – чуть пониже точка осталась. «Дыхание»?

– И весьма специфическое, надо заметить, – хмыкнула подруга. – Стой, а если это не дуга, а кружок, да еще перечеркнутый? Тогда получается...

– «Привратник», – опередила я. – А вот это уже похоже на правду!

Насколько я помню из курса теологии, самые ценные реликвии дайны опечатывают заклинанием... тьфу, молитвой Привратнику, духу – стражу четырех небесных скрижалей. В большинстве случаев это всего лишь зрелищный обряд, но, если боевые отшельники сподобились затопить пентаграмму, что им стоило для верности призвать настоящего демона, вселившегося в драконьи кости?

– Привратника, – машинально поправила Велька. – Но на кой им понадобился такой злющий дракон? Он же вообще никого к озеру не подпускает! Что-то наалхимичили они со своими молитвами...

Я задумчиво колупнула пальцем краешек барельефа.

– Погляди, сколько слоев краски. Ему лет тридцать, не меньше. А «выть и бухать» стало совсем недавно.

– Уходя, отшельники могли наложить на Привратника сдерживающее заклятие, – возразила Велька, – которое со временем ослабело или вообще разрушилось.

– Возможно. Но столь активно бодрствующая нежить не может долго обходиться без еды, иначе ее плоть начнет распадаться. Вряд ли дайны ежедневно бросали в озеро по корове или добровольцу, а непробудно спящий на дне Привратник им ни к чему. К тому же издохший дракон как раз и послужил причиной их... хм... спешного переезда.

Скит содрогнулся с таким гулом, словно по нему прошлось отродясь не виданное в этих краях землетрясение. Кусок обшитого досками потолка рухнул на то место, где минуту назад стояла Велька, и тут же исчез под высокой горкой земли. Барельеф в мгновение ока покрылся трещинками и с тихим шелестом осыпался на пол мельчайшей глиняной крошкой.

Мы с ужасом переглянулись.

Дракон то ли вспомнил прижизненный опыт общения с коварными отшельниками, то ли заново сообразил, что проломить макушку скита намного легче, чем раздирать укрепленный камнями и балками лаз.

* * *

Староста и детина уныло наблюдали, как Гдынь, пыхтя, выкорчевывает заклинившее весло из уключины. На кой оно ему сдалось, сотник и сам не мог объяснить, но принцип «сгодится» его еще никогда не подводил. Лодка вообще-то принадлежала старосте, но тот опрометчиво брякнул, что, мол, глаза б его больше это корыто не видели, и упустить

такую возможность загребущий сотник никак не мог.

– Были бы весла, а лодка приложится! – торжествующе пропыхтел он, скидывая на плечо наконец поддавшийся инвентарь. – Ну пошли, что ли?

– Куда? – мрачно буркнул детина. – Нам тут до рассвета куковать, покуда рыбаки на промысел не выйду!. Во тьме-то сколь не аукай, никто не подплывет. Хорошо ежели днем какого парнишку похрабрее уломаем.

– Да хотя бы вон в том леске хвороста насобираем и костерок разведем, одежду высушим. – Гдынъ беззаботно махнул веслом на березняк и осекся.

Между лесом и мужиками, возникнув буквально из ниоткуда, стояла, по-хозяйски растопырив рыжие мускулистые лапы, здоровенная черная собака с тускло мерцающими глазами.

– Х-х-хороший песик, – с кривой ухмылкой выдавил Гдынъ, оглядываясь в поисках поддержки, но дружки трусливо скучковались за его спиной, справедливо полагая, что псина бросится на ближайшего возмутителя спокойствия и, возможно, им и наестся.

Зверюга плотоядно оскалилась во все три сотни клыков (возможно, староста и обсчитался на дюжину-другую, однако на общее впечатление это не повлияло) и так же молча сорвалась с места, но не прямо вперед, а по дуге, заходя мужикам в бок.

До глубины души возмущенные таким коварством, те слаженно завопили и, ощутив вполне закономерное желание оказаться где-нибудь подальше, немедленно и весьма энергично приступили к его реализации.

Собака кидалась то вправо, то влево и, хотя уже сто раз могла тяпнуть кого-нибудь за лодыжку, не доставила себе этого культурного удовольствия, целеустремленно гоня мужиков к дыре в елках. А когда они наконец благополучно в нее вписались, резко затормозила и, осев на куцый хвост, облегченно, совсем по-человечьи вздохнула.

* * *

Дракон, ударно попрыгав по холму, сделал перерыв и снова залег напротив входа, как кот у мышинной норы, раздраженно виляя хвостом и время от времени профилактически обрабатывая коридор пламенем. Вершина холма превратилась в черную впадину, но проклятые человечешки забились в уцелевший уголок возле самого прохода, надрывно кашляя, однако не желая выходить на свежий воздух, что

приводило дракона в еще большую ярость.

Пробудивший его зов становился все громче и требовательнее, но он же повелевал в первую очередь уничтожить незваных гостей. Ведьмы очутились не в том месте и не в то время и должны были за это поплатиться. Любой ценой.

Дракон распахнул крылья, по-аистиному изогнул шею, запрокинув голову до самой спины, и разразился беззвучным визгом, всколыхнувшим листву. Но услышал его только тот, кому он предназначался.

И в этот момент в оттопыренный драконий зад с разгону врезались трое истошно вопящих мужиков.

Не сразу разобравшись что к чему, участники столкновения тупо уставились друг на друга, причем ошеломленный такой наглостью дракон ласточкой вспорхнул на полуразрушенный скит, как благородная девица при виде трех мышек, а Гдыневы вопли приобрели ультразвуковую тональность.

Сообразив, что на святое покусились всего лишь очередные проходимцы, тварь досадливо лязгнула зубами и въедливо зашипела-дохнула на обидчиков. Увы (смотря для кого, конечно), нервное потрясение помешало ей толком прицелиться, и пламя прошло верхом, осев на лопасти вертикально задранного весла. Пару мгновений Гдынь и сотоварищи с успехом изображали знаменитый златотканый гобелен «Святой Кнарий и два его ученика приносят людям божественный огонь», украшающий центральный старминский храм, но потом «святой» с треском провалил миссию по доставке пламени благодарному человечеству, выронив весло и вместе с «ученичками» бросившись куда глаза глядят.

К счастью, глаза у мужиков глядели в разные стороны, и, пока дракон лихорадочно соображал, кому отдать предпочтение, из скита, шатаясь, выскочили полузадохнувшиеся, перемазанные землей и гарью девушки. Рыжая, надрывно кашляя в рукав, мечом указала подруге на лаз в ограде. Другого выхода и впрямь не было, но травнипу он не вдохновил – между ним и девушками бушевал дракон, крутясь во все стороны, как волчок. То тут, то там тьму взрезали высокие языки пламени, но бегали мужики гораздо лучше, чем гребли, так что страдала в основном еловая изгородь, занявшаяся уже в нескольких местах.

Наконец темноволосая решила и, пригнувшись, на цыпочках начала обходить увлеченного обстрелом дракона. Рыжая напряженно наблюдала, почему-то не торопясь следовать ее примеру и опасно выдвинувшись на открытое место.

До лаза оставалось не больше пяти сажений, когда дракон резко, будто

его толкнули в бок, повернул к травнице узкую вытянутую морду, причем с таким злорадным видом, словно вся эта кутерьма была затеяна с единственной целью – выманить девушек из скита.

Травница попятилась и, споткнувшись, с коротким вскриком упала на землю.

Гад, торжествуя хлопнув крыльями, кинулся к ней и... пронзительно взревев, промчался мимо. Ведьма озадаченно опустила руку, бахромка голубоватого свечения впиталась обратно в ее тонкие пальцы.

За драконом, без видимого эффекта упираясь всеми четырьмя лапами, волочился черно-рыжий пес, стиснувший клыки на тонком перешейке между кончиком чешуйчатого хвоста и его шипастым навершием. Судя по обреченно зажмуренным собачьим глазам и вытаращенным драконьим, ни кусающая, ни кусаемая сторона не получали от сего процесса ни малейшего удовольствия.

Описав два полных круга вокруг скита, дракон наконец додумался сменить тактику и, остановившись, яростно хлестнул хвостом по ближайшей березе. Ствол разлетелся пополам, щедро брызнув щепками. Листвяная верхушка обманчиво медленно накренилась и с шелестом осела на землю. Собака, которой полагалось бы украсить оставшийся пенек живописным пятном, каким-то чудом удержалась на драконьем хвосте, но после очередного его взмаха решила, что хорошего помаленьку. Разжав челюсти, псина с кошачьей ловкостью приземлилась на все четыре лапы, досадливо мотнула башкой и, поджав остаток хвоста, юркнула в одну из келий.

Секундой позже туда же ввалилась злосчастная троица, с перепугу не сумевшая отыскать дыру в елках и, пометавшись по поляне, снова сбившаяся вместе.

Дракон клацнул зубами им вслед и, кажется, не промахнулся – раздался хруст, душераздирающий вопль и вся компания кучей повалилась на пол.

– Моя нога! – стонал Гдынь, оказавшийся сверху. – Этот гад откусил мне ногу! Да какую! Сам тесал, десять лет сносу не было!

– Вот кабы он ею подавился... – мечтательно протянул староста из-под детины.

Деревяшка и впрямь не пришлась дракону по вкусу – он с возмущенным ревом крутился на месте и царапал морду лапами, выковыривая щепки из зубов. Пока Гдынь с причитаниями изучал нанесенный ему ущерб, детина обнаружил, что ногой их потери не ограничились – вместе с малопитательной конечностью в драконьем

желудке окончила свой земной путь столь необходимая в хозяйстве козлиная голова. От мешка, в котором она болталась у сотника при поясе, осталась только неровно откушенная горловина. Сообщить об этом Гдыню детина не посмел, справедливо опасаясь, что иначе сотник вообще не даст им житья своим нытьем. Впрочем, сейчас его куда больше беспокоила черная собака, безмолвным изваянием застывшая у входа. Но та, хвала богам, словно забыла о незваных гостях, немигающими глазами уставившись в темноту лаза.

Темноволосая кое-как поднялась и, спотыкаясь, благополучно доковыляла до изгороди и исчезла в дыре.

А рыжая решительно выпрямилась и, отставив руку с мечом, пошла навстречу дракону.

* * *

Еще одно, и куда более существенное, отличие травника от практика – второй не только использует магическую силу, но и безошибочно чувствует любые ее проявления... на свою голову.

Когда тупая нежить, до сих пор обходившаяся грубой силой, излучает мощнейший, непонятно на что направленный магический всплеск, это не просто заставляет задуматься. Это заставляет задуматься о чем-то нехорошем!

За Вельку уже можно было не волноваться, неразлучная троица (кой леший ее сюда занес?! Неужели староста устыдился и решил наконец отработать пропитые кладни? Ненадолго же ему хватило трудового энтузиазма...) укрылась в ските. Я вполне могла последовать их примеру, но, увы, на первоначальном плане «кто кого пересидит» стоял жирный крест. Одно дело – укрепить заклинанием потолок и ехидно посмеиваться над тщетно скачущим по холму драконом, и совсем другое – ежесекундно ожидать от него ответной магической гадости. Уж лучше получить их оптом и раз и навсегда решить, кто на этом острове главный. Или хотя бы определить, что этот главный только что сделал.

Дракон с явным усилием что-то сглотнул, обернулся ко мне и изумленно замер, ожидая какого-то подвоха.

Я приближалась. Беззвучным, скользящим шагом, которому безуспешно пытался обучить меня Лён. Безуспешно для вампира, разумеется. Люди если и подвергали меня критике, то только за годы

жизни, отнятые моим неожиданным появлением перед самым их носом.

Тридцать шагов.

Меч начал ощутимо оттягивать правую руку, но перекинуть его в другую означало мгновенно разорвать хрупкую, почти нереальную паутину затишья в самом сердце бури. Я словно слышала, как натягиваются и одна за одной хрустально тренькают ее нити, не в силах сдержать всевозрастающий напор.

Двадцать.

Впрочем, скорее я бы его уронила. Левая рука нужна была мне свободной.

Напевные слова складывались в формулу, а та обрастала плотью заклинания, вбирая точно отмеренную силу. Так лучник делает стрелу – обстругивает древко, вставляет и приматывает зазубренный наконечник, тщательно расправляет охвостье... и спускает тетиву.

Десять.

Вряд ли он понял, что именно я сделала, но даже у мертвого дракона хватило способностей почувствовать направленную против него магию. И, естественно, это ему не понравилось.

Тварь припала к земле, раззявила пасть, и я увидела, как в ее влажной глубине закипает и разрастается мне навстречу клубящийся сгусток марева.

Но секундой раньше стрела нашла цель. Вернее, цель притянула стрелу, на мгновение полыхнув изумрудным огоньком возле драконьего затылка.

Я опустила голову и, набрав побольше воздуха, кинулась вперед. Вокруг тела алым коконом вскипело проявившееся от соприкосновения с целью пламя.

Если он успеет сделать второй выдох, я не успею вообще ничего.

Разглядеть, где кончается этот беспросветный поток и начинается собственно дракон, я не могла, оставалось только считать прикинутые на глазок шаги, чтобы с разбегу не проскочить гада насквозь.

В последнее мгновение я резко вильнула в сторону и, обеими руками уцепившись за роговые выросты по краям драконьих щек, одним отчаянным рывком оседлала чешуйчатую шею. «Саламандра» превратилась в дымящуюся копоть, ровным слоем покрывающую меня с ног до головы. Сидеть, как ни странно, оказалось довольно удобно, даже уютно – одна из пластин гребня отсутствовала, две соседние выполняли роль передней и задней лок, а под ногами обнаружились встопорщенные чешуи, вполне годящиеся для стремян. От твари исходил едва ощутимый душок разложения, ей уже давно полагалось либо подзакусить, либо

вернуться в озеро и напиться магической силой.

Дракон изумленно уставился на пустое место перед своей мордой, на всякий случай даже прихлопнул его передней лапой. Потом почувствовал что-то неладное, извернул шею и подпрыгнул от возмущения.

Я с мрачным юмором сделала ему ручкой.

Не сказать чтобы дракона обрадовал этот знак внимания. Подскочив на сажень, гад начал отплясывать по поляне, как мышь на раскаленной сковородке. Сцарапать меня лапами он не мог, хвостом тоже не доставал, а огнем под таким углом не доплевывал. Но кто сказал, что он не пытался?!

Я, не отвлекаясь, лихорадочно обшаривала глазами его затылок. Откуда-то отсюда, возможно, чуть выше и левее... Ага!

Четыре самородных кристалла размером с мизинец, оправой собранные в подобие цветка с одним выпавшим лепестком. Почти сливающиеся с чешуей, но изредка неярко пульсирующие голубоватым светом. Сапфиры? Бирюза?

Привстав на «стременах», я вполне могла дотянуться до них рукой. И почти дотянулась, но тут дракон хлопнул крыльями и взлетел.

Не сказать чтобы это оказалось для меня таким уж потрясением. Пару раз я каталась на драконах – правда, тогда меня именно катали, а не пытались стряхнуть. Верхом на таком крупном существе чувствуешь себя куда в большей безопасности, чем на той же метле, да и маневрировать со скоростью вороны оно не может. Так что трясти стало даже меньше, а размытые крылья и темнота скрывали от меня отдалившуюся землю.

Моя рука замерла в пяди от цели. Леший знает, что это за амулет! Вдруг на него наложено защитное заклинание от умников вроде меня? Или, того хуже, он не дает дракону мирно почивать на дне озера в соответствии с аксиомой Олешера? И гад немедленно воспользуется случаем булькнуть туда неизвестно с какой высоты?

Еще один всплеск. Но в обратном направлении, пришедший откуда-то извне. Внешние концы камней ярко вспыхнули, полосы огоньков сбежались к одной точке и словно всосались в центр амулета.

Дракон вздрогнул. Тряска прекратилась, тварь выровнялась и зависла в воздухе, мерно поднимая и опуская крылья. Медленно повернула ко мне голову, холодно и презрительно сощурила разумные до жути глаза.

«Опять ты, ведьма! Как же ты мне надоела...»

Я не успела удивиться, как почувствовала, что между нами начинает сгущаться уже не пламя, а магия. Сильная, темная и злая, соревноваться в которой с неуязвимым по определению драконом еще менее эффективно, чем с криком «кыш!» махать на него рукой.

Больше не раздумывая, я вцепилась в амулет и что есть силы дернула.

Она вышла неожиданно легко, с первого же рывка— тонкая спица из черного металла длиной в две пяди. Обожгла ладонь, в следующую секунду став холоднее льда.

Запах тлена резко усилился.

Чужой разум с ненавистью и отчаянием заметался в мертвом теле, но удержать его одной силой воли не смог.

Глаза угасли. Дракон конвульсивно выгнулся, чуть не сложившись пополам, потом обмяк и рухнул вниз, одновременно заваливаясь на спину. Я не пожелала составить ему компанию, предпочитая индивидуальный памятник расплывчатому определению: «А вот тут у нас дракон ведьму в лепешку раздавил, так и не откопали!» И, упершись ногами, изо все сил оттолкнулась и прыгнула куда-то вбок.

Удар пришелся по левому виску. Нанеси его земля, а не вода, вопрос о свадьбе отпал бы сам собой. А так у меня «всего лишь» потемнело в глазах, хрупнуло в шее, и я с ужасом почувствовала, что теряю сознание...

...Я не помню, как вынырнула и добралась до берега, но окончательно пришла в себя уже на нем. Рядом, сгорбившись, сидела черная кряжистая собака. С ее подбородка и опущенных кончиков ушей капала вода. Поймав мой относительно осмысленный взгляд, она неожиданно распахнула пасть в языкатой ухмылке, вскочила и с чувством выполненного долга потрусилась к воде. Остановилась на краю озерца, блаженно вздохнула, опустила морду к воде и... начала беззвучно стекать в нее, переплавляясь в черную, скользкую тварь.

Привратник вернулся на свое законное место.

Я поднесла к глазам руку с по-прежнему зажатым в кулаке амулетом, присмотрелась и с нервным смешком снова уронила ее. Одного камня не хватало, в оправе осталось пустое гнездо с разогнутыми зубцами, и я могла поклясться, что именно он отвечал за беззвучный вылет дракона из озера. Магу здорово повезло со здешними халявчиками, иначе его создание давным-давно бы обнаружили и уничтожили.

— Ты в порядке?! — Велька с размаху бросилась на колени рядом с моим предположительно живым телом.

— Д-да, — неуверенно подтвердила я, не торопясь шевелиться, чтобы не убедиться в обратном. Дракон в озеро не вписался, растянувшись на гребне холма — одно крыло подмято под бок, второе безвольно свисает с края скита. — Вель, пообещай мне одну вещь...

— Какую? — услужливо откликнулась травница, помогая мне сесть.

— Когда ты в следующий раз вздумаешь копать свои лопухи, мы

отправимся за ними на глухое, безлюдное, кишмя кишачее упырями кладбище... я так соскучилась по легкой и спокойной работе!

* * *

Староста степенно, хозяйственно обошел вокруг дракона. Деловито пнул ногой в обмякший бок, предварительно убедившись, что между ним и драконьей башкой имеются другие кандидаты на поджаривание – травница, с увесистым гольшом в руке присевшая на колени возле приоткрытой пасти, и рыжая ведьма, при свете колдовского огонька изучавшая какую-то бирюльку с камушками. «Небось из драконьих закровов хапнула, – завистливо подумал староста, – надо бы спровадить их отсюда поскорей, куда еще чего не стащили. Дракон, конечно, куда как запаслив, однако ж ведьмы еще жаднее!»

Травница отложила камень, выпрямилась и с усилием забросила на плечо туго набитую сумку.

– Что ж, Вольха, ты с лихвой отработала свои двадцать кладней! Верно, староста?

– Какие-такие кладни? – деланно изумился мужик. – Да и при чем тут ведьма? Так, подсобила нам чуток... заодно. Верно, ребята?

Гдынь с детиной вразнобой закивали и глубокомысленно захмыкали.

Травница задохнулась от возмущения:

– А вы тогда при чем, а?

– Так ведь дракон, он же того... – Староста сосредоточенно пошевелил извилинами и просиял: – Козью башку заглотнул, а она ему рогами поперек горла встала, тут гаду и смерть пришла!

– А вы говорили – не сгодится... – робко вякнул Гдынь.

Травница метнула на него такой «ласковый» взгляд, что сотник, подпрыгивая на одной ноге, поспешил спрятаться за широкой спиной детины.

– Ах вы, жулики! Да я вас...

Но ведьма невозмутимо сунула блестящую цацку в карман, тронула подругу за рукав и укоризненно покачала головой:

– Брось, Вель, не больно-то и хотелось, за несчастные двадцать кладней... Вот за шестьдесят я бы еще подумала!

Травница и мужики одинаково опешили. «Точно, полоумная», – испуганно и в то же время облегченно подумал староста.

– Ну дык мы... того... плот пойдем вязать, – попытался разрядить обстановку Гдынь. – Как раз до рассвета управимся... – И заискивающе добавил: – Особливо ежели ваша ведьминская милость колдунет чуток... заодно.

– Без проблем. – Ведьма невозмутимо пожала плечами.

Травница продолжала смотреть на нее с открытым ртом.

– Может, надо было ей хоть парочку монет дать, а? – неуверенно прогудел себе под нос совестливый детина, боком пролезая в прожженную драконом дыру в изгороди. – Башку-то она добыла, да вона как дракон ее пропек – почище мракобеса будет!

– Может, и дадим, – милостиво согласился староста. – Вы в селе-то шибко языки не распускайте, завтра поутру мы сюда вернемся, «кошками» в озере пошарим – глядишь, драконье наследство и повыудим. Вот тогда ведьме от щедрот серебрушку какую и отжалеем!

Вода в озере всколыхнулась, кружками волн пощекотала берега. Но, как всегда, промолчала.

* * *

– Вольха, что на тебя нашло?! – напустилась Велька уже на меня, когда троица скрылась из виду.

Я задумчиво рассматривала свои кровоточащие, ободренные драконьей чешуей ладони. Шея ныла, в ушибленном виске пульсировала кровь, наливаясь синяком во всю щеку.

– Вель, сможешь залечить? Голова просто жутко болит, никак не могу сконцентрироваться...

– Конечно, – спохватилась травница, потянувшись за сумкой. – Но... Вольха, неужели ты им это спустишь?! Да они же теперь целый год по селу героями расхаживать будут, всем рассказывать, как дракона голыми руками одолели и ведьму с носом оставили!

– Велька. – Я наконец подняла на подругу глаза и расплылась в широкой, с трудом сдерживаемой последние пять минут улыбке. – Двадцать кладней не стоят того, чтобы брать на себя ответственность за переименование села в Большие Духовищи. А шестьдесят он нам сам к завтрашнему вечеру поднесет, не будь я Верховная Догевская Ведьма! Гарантирую – такого «попутного» ветра и пахучего дракона это село еще не видывало и не ню-хивало...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Ведьмопродавцы

Порой человека
проще убить, чем
объяснить, почему он
тебе не нравится!

*Изречение
приписывается св.
Фендюлюю*

Шадаэль неспешно обмакнула перо в чернильницу, полюбовалась набухающей на конце каплей и, не стряхивая, дождалась, пока та сама плюхнется обратно. Тщательно, наслаждаясь самим процессом, вывела последнюю руну и завершила ее изящным росчерком, напоминающим извив ленты дриадской танцовщицы. Присыпала пергамент мелким речным песком. Выждав минутку, стряхнула, еще и помахала в воздухе, взявшись за уголок двумя наманикюренными коготками, дабы чрезвычайно важный счет о продаже некоему Заглыде Ключику двух возов муки и мешка кленового сахара в целостности и сохранности дошел до пухлой книги прихода-расхода, лежащей тут же на столе, чтобы упокоиться в ней на веки вечные.

Торопиться эльфийке было совершенно некуда, да и бухгалтерией она занялась просто от скуки. В конторе ее держали вовсе не для этого.

Девушка откинулась на спинку стула и изящно забросила на стол безупречные ноги в туфлях на таких высоких тонких каблуках, что при желании ими можно было орудовать не хуже клинков. Непринужденно дефилировать в таких по булыжным мостовым умели только эльфийки и дриады, да еще, пожалуй, вампирши. Модницы из человеческой расы, к радости зевак, намертво застревали в первой же щели между камнями, а вихляющая походка делала их похожими на перепрыгивающих с кочки на кочку лягушек.

Контора занималась мелкооптовой торговлей всем подряд, начиная от древесного угля и кончая элгарскими алмазами. С последними, правда, возникла небольшая проблема: хозяин взял задаток, пообещал еще до конца прошлого месяца осыпать клиента драгоценностями, но из-за плохой погоды отправленный к горам караван только-только тронулся в обратный

путь. И вот уже вторую неделю какие-то хмурые типы с обмотанными кожей дубинками регулярно навещали лавку отнюдь не на предмет закупки гречневой крупы, спрашивая хозяина, благоразумно отсиживающегося у свояков, такими «добрыми» голосами, что мороз драл по коже. Шадаэль невинно хлопала огромными изумрудными глазами, недоуменно разводила руками и нежным мурлычащим голоском интересовалась, чем она может помочь господам клиентам. «Господа» глядели на очаровательную среброволосую красотку, судорожно сглатывали слюну, понижали тон и обещали «зайти попозже».

За глаза и голос ей приплачивали отдельно, ибо Шадаэль так же прекрасно умела метать своими прекрасными очами молнии и визжать не хуже гарпии, требуя у хозяина надбавку за вредность.

Негромкая, но требовательная трель напомнила девушке о ее прямых обязанностях. Эльфийка, не вставая, с грацией потягивающейся кошки высвободила левую ногу из туфли и провела ею над телепатофоном. Сладко зажмурилась, вслушиваясь в нахлынувшие образы. Удовлетворенно кивнула. Ну наконец-то! Подручный хозяина, сопровождавший караван, обещал связаться с конторой, как только доберется до Витяга. Пусть Шадаэль и не слишком преуспела в чародействе, но диплом об окончании Школы Магов (факультет Пифий, кафедра телепатии) у нее имелся, и девушка, даже не прикасаясь к прибору, без труда могла определить, от кого пришел сигнал. Витягского же телепата она прекрасно знала – бывший однокурсник.

«Ну и что хорошего ты мне сообщишь?» Эльфийка одним плавным движением убрала ноги со стола и потянулась к приемному обручу.

* * *

Несмотря на ранний час и промозглую погоду, толпа зевак возле городской ратуши не расходилась. Трое мрачных чародеев – бесцветный тип с неприятными рыбьими глазами и двое пареньков-помощников – собирали оказавшиеся бесполезными талисманы и тщательно затирали вычерченную на земле пентаграмму, дабы какому-нибудь идиоту не взбрело в голову шутки ради повторить только что проделанный ими обряд. Шутки шутками, а остаточная сила в пентаграмме могла сохраниться. На какую-нибудь мелочь вроде рухнувшей ратуши вполне хватит.

Увы, порой проще разобрать башню по камушку, чем выяснить, что

произошло в ней два часа назад.

Встрепанная, зареванная толстуха-экономка уже в десятый раз с неизменным успехом у слушателей повторяла свой рассказ, «припоминая» очередные жуткие подробности вроде забрызганного кровью потолка, зловеще скрипящих ставней и мелькнувшей за окном тени («это на третьем-то этаже!»).

Маг только брезгливо морщился. На самом деле тетка ничего не видела – с того момента, как его коллега, получив вызов по телепочте (по вскользь оброненным словам – очень важный и долгожданный), усладил ее за чаем, и до тех пор, как она с этим самым чаем вернулась, обнаружив на полу неестественно скорчившийся труп.

Двое стражников, грозно покрикивая на торопливо расступающихся людей, вынесли на носилках укрытое рогожей тело. На безвольно свесившейся руке, прочерченной алой полоской крови, посверкивал серебряный перстень с яшмой. Вернее тем, что осталось от камня, – зеленоватым ободком с закопченной дырой в центре.

– Погодите.

Стражники послушно остановились. Маг подошел к носилкам и, наклонившись, стянул кольцо. Задумчиво покрутил в пальцах и перебросил подручному.

– Это тоже.

Парень кивнул и, открыв инкрустированную янтарем шкатулку, кинул испорченный амулет в кучку отобранных ранее вещей.

Возможно, Ковену Магов это и поможет. Но особо надеяться не стоило. Если сторожевая собака не сумела взять свежий след, то даже специально обученная ищейка вряд ли разберется в старом.

* * *

Остроклювая птица с алыми глазами скользнула над верхушками деревьев, как пущенный умелой рукой клинок. Узкие крылья мелко трепетали на манер стрекозиных, размывшись в дымку по бокам тела. Напрягшийся было ястреб проводил ее пристальным взглядом, но с ветки так и не снялся. Гхыр догонишь. Да и толку?

Россыпь причудливых башен и строений за высоким забором, выросшая на пути птицы, ничуть ее не смутила. Не сбавляя скорости, вестник пронесся прямо сквозь цветной витраж стрельчатого окна и,

прежде чем Ксандр успел толком его рассмотреть, растаял в воздухе сизым клоком дыма с запахом лилейных духов. На стол упал маленький, запечатанный шоколадным сургучом свиток.

Архимаг недовольно поморщился. Пробормотал:

– Позерша... телепочтой же куда быстрее, – и протянул руку к послушно подкатившемуся пергаменту.

Бисерный почерк Гатианы, магистра 3-й степени, он узнал сразу. Но, против обыкновения, рядочки прыгающих рун нервно загибались вниз, словно педантичная до тошноты магичка писала второпях, пристроив листок на первой же попавшейся поверхности. С обратной стороны свитка белели пятна известки.

По мере чтения кустистые брови архимага медленно ползли вверх, пока практически не слились с волосами. Позабыв о достоинстве, старый маг вскочил с места, с грохотом опрокинув стул. Торопливо, обеими руками начертал в воздухе сложный знак.

Не прошло и пяти секунд, как воздух посреди комнаты свернулся мерцающей воронкой, мгновение спустя искрами опавшей к ногам Алмита.

– ... оро вернись, и только посмейте у меня списать! – закончил слегка дымящийся магистр уже в директорском кабинете. Вопросительно глянул на начальника, и тот без слов протянул ему письмо.

Более эмоциональный Алмит курсирующими бровями не ограничился:

– Что?! Да такого просто не может быть! А как же защитные поля? Встроенные талисманы? Собственные блоки, на худой конец?!

– Радиус поражения – двадцать верст, – неумолимо отчеканил директор Школы Чародеев, Пифий и Травниц, словно пытаясь убедить самого себя, что это не дурной сон. – Сила воздействия возростала от краев к центру – двое камнедержских телепатов погибли на месте, один необратимо лишился способностей, геринская эльфийка и еще несколько человек отделались обмороками или носовым кровотечением. Все – одновременно. Еще хорошо, что вокруг леса и пустоши, жертв могло оказаться куда больше.

– Но это же означает...

– Да. Галиана пытается с ними связаться, но пока безуспешно. Долина закрыта для посетителей и в силу природных аномалий непроницаема для вестников. Верховная Ведьма уже несколько месяцев отсутствует на рабочем месте, причем где она находится, неизвестно.

– Вы думаете, это опять... – Сегодня архимаг и магистр понимали друг друга с полуслова, что отнюдь не доставляло им радости.

– Похоже на то. – Ксандр вздохнул и веско припечатал: – Немедленно

созываем Совет Ковена Магов!

* * *

– Вон тама оно, милка, и сидить! – категорично объявила бабка, нижним концом суковатой клюки тыча в земляной лаз шириной с ладонь. – Ты нагнись-ка, глянь получше!

Я обреченно наклонилась, хотя и так прекрасно видела полузасыпанную дыру норного типа, обрамленную цветным куриным пухом.

– Нижей, нижей! – Та же клюка требовательно уперлась мне в поясницу, чуть не повалив на колени перед задней стеной курятника. – Ну чаво? Сидить?

– Да нету там никого, – устало доложила я.

Найти комнату накануне праздника Последнего Колоса, на который съезжаются толпы народа со всей Белории и Винессы, не так-то просто. И если уж подрядилась расплатиться за ночлег своим ведьминским трудом, будь добра изображать бурную деятельность. Ну хотя бы зевать не так демонстративно.

– А ежели рукой пошуровать?

– Что ж вы сами ее туда не сунете? – не выдержав, съязвила я.

– Дык я и сувала! – Бабка гордо продемонстрировала мне забинтованный палец, размером и формой здорово смахивающий на сортовую грушу. – А оно как грызьянёт!

Я поспешно отдернула руку и выпрямилась.

– Нет уж, поверю вам на слово... то есть на палец. И что же это за «оно», по-вашему?

– Вупыр! – торжествующе объявила бабка.

Я вздохнула. Селянская классификация нежити несколько отличалась от общепринятой магической, включая всего три вида: «вупыр», «вомпэр» и «щось такэ зубасто».

– А вы его видели?

– А чаво мне на него смотреть?! – возмущенно заскрежетала старая карга. – Бона они, болезныя, ужо на-гляделися!

По правде говоря, никакие болезни курам уже не грозили. Пятнадцать хладных тушек, рядком выложенных на травке, безмолвно зывали к отмщению. Нахохленный петух скорбно взирал на безвременно усопших с

крыши низенькой, покосившейся избушки. Единственное перо в его хвосте печально обвисло. Давать ведьме свидетельские показания он явно не собирался. Да я в них и не нуждалась. Куница или хорек – поразвлеклись, передушили всех кур, а отъели и уволокли только головы. Ночью же наверняка зверек вернется за свежатинкой. В другое время я посоветовала бы бабке поставить у дыры охотничий капкан и не маяться дурью, но уже смеркалось, крапал дождь и дул пронизывающий ветер, а на постоянном дворе требовали пять из трех кладней, у меня имеющихся.

Так что я глубокомысленно покачала головой, озабоченно поцокала языком и полезла в курятник на ночное дежурство, а бабка торжественно закрыла за мной дверь на наружный крюк.

Сморщив нос, я привычным жестом сотворила пульсар и огляделась. Изнутри курятник оказался неожиданно просторным; видимо, его переделали из хлева или конюшни. К потолку лесенкой поднимались облепленные грязью насесты, рядом стояло несколько выдолбленных и застеленных свежей соломкой колод – для несушек. За перегородкой дружелюбно хрюкали лопоухие свиньи, тычась рылами в щели между перекладинами.

Сильно пахло курами и еще сильнее – ценным натуральным удобрением.

Н-да, не о таком ночлеге я мечтала последнюю неделю странствий по лесам – под непрерывным дождем, который бесполезно даже заговаривать, ибо тучи заволокли все небо на десятки верст окрест... Ладно, всего одна ночь, а там – три дня праздника и целый сеновал в моем распоряжении! Хоть оргию на пару со Смолкой устраивай.

Я уселась в одну из колод, поплотнее запахнув кожаную куртку. Из противоположного угла на меня мрачно косился петух, не уверенный в равноценности замены. По соломенной крыше шуршали капли – то чаще, то реже, но не затихая ни на минуту. Если так и дальше пойдет, за Последним Колосом опадищинскому старосте придется нырять – именно ему принадлежала честь срезать последний стебелек пшеницы, специально для этой цели оставленный посреди поля.

«Через три недели после Aernatenna!» – грозно сказала Верховная Догевская Травница мне на прощание. Вампиры тоже отмечали этот праздник, хоть и называли его по-другому.

Я задумчиво посмотрела на обручальное кольцо. Золотое, массивное, красивое... бездушное. Фамильный перстень рода Sh'aeonell который до меня носили десятки знатных, высокородных, безумно красивых вампирш. Куда уместнее он смотрелся бы на Лереене. Зачем Лён мне его дал? Зачем я

его взяла?! Не гожусь я на роль венценосной супруги, и когда-нибудь он это поймет... если уже не понял.

Да, он сделал мне предложение – официальное, торжественное и высокопарное, в присутствии Келлы и Старейшин, после чего мы оба облегченно вздохнули и преспокойно вернулись к привычным дружеским отношениям. Лён занимался своими повелительскими делами, я – ведьминскими, порой неделями пропадая на трактах или в Стармине, где под руководством Учителя писала и защищала диссертацию на звание Магистра 4-й, а теперь и 3-й степени. В Догеве мне тоже некогда было скучать – и как она только раньше без магии стояла?! По утрам у крылечка выстраивалась вереница скорбящих зубовно, желудочно и радикулитно, неизменно возглавляемая Кайелом; затем приходил черед бытовых проблем вроде изгнания обнаглевших мышей из амбара, заговора крыши от протекания, вызова дождя над чахнувшей репой или создания фантомного пугала на пшеничном поле (да такого действенного, что от него без оглядки улепетывали не только вороны, но и случайные прохожие). Даже нелюдимая Келла повадилась припрягать меня к изготовлению снадобий, с помощью магии уваривавшихся в несколько раз быстрее.

Нам оставались только редкие свободные вечера, и за них мы едва успевали, по выражению травницы, «запятнать себя недостойными Повелителя и Верховной Ведьмы выходками», то есть наперегонки, с диким гиканьем промчаться по ночной Догеве, а потом до рассвета просидеть у костра, травя байки, любуясь звездами и уплетая печеную картошку, без спросу укопанную на ближайшем поле.

И все было просто чудесно, пока не грянула эта распроклятая свадьба...

Я тряхнула головой, отгоняя мрачные мысли. В чем мне немало помогла беззвучно выскользнувшая из дыры и застывшая в шаге от нее зверушка.

Нет, не хорек. Да и на куницу любитель курятинки походил только размерами – с крупную кошку. Трепещущий под потолком пульсар его совершенно не смущал. По бокам заостренной мордочки чутко вздрагивали растопыренные вибриссы, то удлиняясь до нескольких вершков, то молниеносно втягиваясь обратно. На приподнятой передней лапке в раздумье пощелкивали коготки.

Бывало, особо суровой и голодной зимой эти твари сбивались в сотенные стаи – и тогда с их пути спешили убраться даже волки. Но одинокий упитанный экземпляр представлял опасность разве что для двухлетнего ребенка, а посему я не торопилась на него реагировать,

подпуская поближе.

Как на грех, толковых заклинаний против этой пакости не существовало – как и стопроцентно эффективных ядов против их более заурядных сородичей. Оба вида мгновенно приспособились к чему угодно, ели все подряд, а остальное портили, что, разумеется, не приводило людей в восторг.

Хитрющие глазки-бусинки скользнули по мне быстрым взглядом, но, видимо, достойным противником не сочли, ибо крысолак азартно лягнул зубами и, больше не отвлекаясь на подобную ерунду, прямиком метнулся к петуху.

Не ожидавшая такой наглости, я торопливо подхватила с места, вытягивая меч, но поскользнулась на курином помете и с задранными ногами шлепнулась обратно в колоду, намертво в ней застряв. Несчастливая птица, вытянув шею и шумно хлопая крыльями, бросилась наутек вдоль стены, то подскакивая, то подлетая на локоть-другой.

Взвыв от злости, я так рванулась, что колода распалась на две половинки, а солома взметнулась до самого потолка. Крысолак, видимо, не слишком проголодался и с восторгом принял участие в потехе, то клацая зубами у самого хвоста жертвы (вернее, того места, из которого он раньше рос), заставляя ее с истошным кудахтаньем подлетать на локоть-другой, то приотставая. За ним, потрясая обнаженным мечом, гналась я, но, увы, недостаточно быстро: на пятом или шестом круге петух меня догнал и попытался укрыться у меня на голове, но не удержался и, с потрясающей виртуозностью превратив мою прическу в украшенное грязью и перьями гнездо, скатился по моей спине. Тварь, не раздумывая, прыгнула вслед за ним, по-беличьему растопырив в полете лапы и вытянув струной длинный чешуйчатый хвост.

Откинув с глаз волосы и сплюнув перо, я с отяжкой угостила ее локтем в нос. Куртка, сшитая в Духовишах, с честью выдержала испытание. В отношении серебряных заклепок портной тоже не сжульничал. Вряд ли, конечно, использовал металл высшей пробы, но для моих целей вполне годился и технический.

Серебряные шипы одновременно укололи и обожгли хищника, и он, с визгом перевернувшись в воздухе, хлопнулся на спину. Сапогом я его достать не успела – подскочив, как пружина, гадина взбежала по вертикальной стене, на мгновение зависла на потолке, обнажив заостренные подобно клыкам резцы во въедливом шипении, и с места, наискосок через половину чердака, прыгнула в лаз. Я машинально махнула мечом ей вслед, но, естественно, не успела. Лезвие разочарованно

завибрировало и потускнело.

– Ну извини, – буркнула я. – Я все-таки не святая. А где эта гнусная птица?!

Петух оказался у меня над головой, на самом высоком насесте. Такой всклокоченный и несчастный, что вся моя злость мигом испарилась.

«Леший побери, мы ведь даже не целовались ни разу... – тоскливо подумала я, с досадой вгоняя меч в ножны. – Невеста Повелителя Догевы должна бы скакать от радости в предвкушении свадьбы, примерять платье, выбирать прическу, рассылать собственноручно подписанные приглашения и не заниматься ничем тяжелее вышивания жениху ритуальных портов для первой брачной ночи, дабы, упаси боги, не сломать перед торжеством ноготь или не посадить синяк под глазом... а я вместо этого сижу здесь по колено в...» Я мрачно посмотрела на петуха, и он ответил мне таким же неприязненным взглядом.

И самое ужасное – меня это вполне устраивало!

* * *

Праздник Последнего Колоса проводился в конце лета, когда выдавалась свободная неделька между окончанием уборки зерновых и началом копки картошки. Точной даты у него не было, жарким летом – раньше, холодным и дождливым – позже. В Винессе и Белории его отмечали одновременно, повсеместными праздниками и гуляниями.

Село Опадищи стояло ровнехонько на границе этих досточтимых государств, так что в восточном его конце жители говорили еще на белорусском языке, а в западном уже вовсю сыпали винесскими словечками. Как вскоре выяснилось, от места жительства это не зависело – стоило какому-нибудь селянину пересечь невидимую линию напротив колодца, как он машинально переходил на соответствующий язык.

Возле колодца находилась и корчма, метко поименованная «Золотой серединой». Определить, на каком языке говорят в ней, было вообще невозможно: белорусский винесский, троллий, оровичий и эльфийский сплетались в некий причудливый, но – о диво! – всем понятный диалект. Корчмарь, во всяком случае, умудрялся правильно истолковывать даже нечленораздельное мычание и тычущий в кружку палец – если, конечно, во второй руке клиента поблескивала монета.

Туда-то я в данный момент и направлялась. Злая невыспавшаяся,

голодная, пропахшая курами и вымазанная грязью. Короче, настоящая ведьма. Крысолак в курятник больше не сунулся, но шмыгал поблизости (а чем мне исправно докладывал поисковый импульс). Выжидал, пока я уберусь восвояси, чтобы без помех продолжить пиршество. Его лаз я заделала, но выгрызть в трухлявых бревнах новый с его-то зубами и когтями – дело пары часов. А еще проще – взбежать по наружной стене до отдушины под крышей. И эта тварь не успокоится, пока из чистой вредности или спортивного азарта не вырежет все куриное поголовье сарая, на данный момент представленное в лице, то бишь клюве, единственного петуха.

Будь у бабки злая собака, проблема решилась бы очень просто: на ночь запереть ее (собаку, разумеется, а не бабку) в курятнике – и радушный прием крысолаку обеспечен. Если и сумеет вырваться, носа сюда больше не покажет. Людей же эти твари ни в медяк ни ставили. Перед рассветом он наконец-то убрался, но и дураку ясно, что с темнотой опять вернется попытать счастья.

Дождь, к утру вроде стихнувший, снова повис в воздухе серой моросью чуть крупнее тумана. Я накинула капюшон и сунула руки в карманы. Без крыши над головой не обойтись, а пока я не предъявлю бабке хладную тушку «вупыра», о сеновале не может идти и речи. Можно, конечно, без спросу переночевать в чьем-нибудь стогу, но, уверена, и они уже сданы приезжим за соответствующую плату. Да и признаваться в ведьминском бессилии перед какой-то мелкой хвостатой пакостью не хотелось.

Дорогу перебежала собачья свадьба: маленькая, встрепанная рыжая дворняга с обаятельной мордашкой, лопушистыми ушками и лохматой метелкой хвоста, а за ней – с полдюжины страхолюдных кабысдохов всех мастей и размеров. «Невеста» то и дело нервно оглядывалась, каждый раз вздрагивая: «И это все ко мне?!» – но спастись бегством почему-то не спешила. Кобели, поймав ее оценивающий взгляд, подобострастно скалились и усиленно махали хвостами, пытаясь произвести на даму как можно более благоприятное впечатление.

Леший побери, а я от одного жениха удрала сломя голову!

Я с завистью посмотрела вслед собакам. Им-то не надо бросать любимую работу ради «домашнего очага», да и тонкости вроде «породистый» – «дворняга» их не волнуют...

Несмотря на непогоду, улица кишела народом в гораздо лучшем, чем у меня, настроении. Первый день праздника Последнего Колоса был всего лишь разминкой перед главным его событием, приходившимся на второй.

Встретить его именно в Опадищах мне хотелось по нескольким причинам: во-первых, там исстари, еще до образования Винессы и Белории, в день праздника Последнего Колоса проводились грандиозные ярмарки. Во-вторых, торговали на них без учета таможенной пошлины. «За что платить-то? – наигранно возмущались купцы. – Что я с одного конца села на другой телегу морковки перевез?!» Впрочем, налог на торговлю они вносили исправно, так что монархи обеих стран хоть и морщились, но смотрели на опадищинские ярмарки сквозь пальцы – казне они все равно приносили ощутимый доход.

Как говорили в народе, «если ты не сумел чего-то купить на опадищинской ярмарке, значит, этого и вовсе не существует».

Ну а в-третьих (но далеко не в последних!), мне хотелось посмотреть, как восточная и западная части села будут традиционно выяснять, кто в следующем году пасет коров на разнотравном лужке между двумя лесами. Решался сей животрепещущий вопрос очень просто – стенка на стенку, причем поучаствовать в этом достойном мероприятии могли все желающие. Мало того – сельчане, скинувшись, нанимали настоящих бойцов, которые, потрясая тупыми мечами и на всякий случай поглубже надвинув шлемы, разыгрывали яростную битву в первых рядах, картинно укладывая или укладываясь в штабеля с одного удара.

Никакими особыми достоинствами спорный луг не блистал, да и стадо, честно говоря, у опадищан давно было общее, но традиция есть традиция, да и какое удовольствие – встретить у колодца соседку из другой половины села и торжествуя заявить: «А лужок-то в этом году опять наш!»

Задумавшись, я ускорила шаг, совершенно не глядя по сторонам, и тут же налетела на здорового тролля, от неожиданности выронившего надкусанную грушу.

– Смотри, куда прешь, хвыба слепая! – гневно взревел тот, оборачиваясь. И куда дружелюбнее уточнил: – Цыпа, тебя чего – дубиной по голове треснули? Клин клином не хочешь?

– Рискни здоровьем, – усмехнулась я, вытягивая руку из кармана.

Вал от души похрустел моими косточками и довольно осклабился, когда я со стоном помахала кистью. Так вот зачем бойцы обмениваются рукопожатиями перед поединком – чтобы лишить противника возможности вообще держать меч, не говоря уж об азартном размахивании!

– Цыпа, с тебя два медяка. – Тролль с сожалением глянул в канаву с грязной водой, медленно уносившей его грушу.

– Без проблем. Сейчас выпишу тебе долговую расписку, подойдешь к

Повелителю Догевы и обналичишь в счет моей зарплаты.

Вал, видимо, представил лицо Лена по предъявлении счета, потому что его собственное заметно погрузтело. Стребовать с самого тролля хотя бы один медяк было непосильной задачей, подкопаться к предложениям неуплаты не удавалось при всем старании. Эту же черту в других существах он весьма уважал, так что заковыристое пожелание удавиться этой колоссальной суммой я выслушала с немалым интересом и удовольствием.

– Как насчет чего-нибудь посущественнее? – предложила я, кивая на корчму, до которой осталось каких-то пять саженьей.

– Давай, – охотно согласился наемник. – У них тут и пиво хорошее, варокчанское. Я вчера пробовал, вроде не разбавляют!

– Мне лучше кваса, – торопливо возразила я.

Мы с Валом частенько пересекались на трактах, а то и работали на пару, так что случайной встрече я ничуть не удивилась. Он-то и соблазнил меня Опадищами. Сам тролль регулярно участвовал в праздничных побоищах на стороне винессчан или белорцев попеременно – кто больше заплатит. Странно только, что он один, – обычно наемники съезжались на столь хлебные мероприятия шумными компаниями, которые, впрочем, так же легко переругивались и распадались.

Я приоткрыла дверь и отшатнулась. Корчма кишмя кишела народом, к столикам едва можно было даже протолкаться, не то что сесть. Похоже, здесь решила позавтракать добрая половина приезжих, а учитывая погоду – заодно и пообедать, коротая время за разговорами и выпивкой.

– Ты чего, цыпа, уснула? – Вал бесцеремонно пихнул меня в спину, заставив переступить порог.

– А толку? Все равно свободных мест нет.

– Как это нет? – искренне изумился тролль. Шагнув к ближайшему столу, Вал за шкуру приподнял сидящего там гнома и, ткнув когтем в его стул, благодушно поинтересовался: – Эй, борода, это место свободно?

Тот усиленно закивал, перебирая в воздухе ногами.

– Видишь, цыпа, надо только не стесняться спрашивать! – покровительственно заключил тролль, отпуская гнома. Сотрапезники одного дружно пришли к выводу, что уже засиделись в этом гостеприимном заведении, и стол на четверых поступил в наше полное распоряжение.

В корчме жарко пылал камин, так что первым делом я сняла и встряхнула куртку, вместе с сумкой бросив ее на соседний стул.

– Цыпа, кто тебя так? – изумленно присвистнул тролль, разглядывая длинные царапины на коже куртки, местами переходящие в дырки до

самой подкладки.

– Петух потоптался, – сдуру брякнула я.

Пару секунд Вал непонимающе пялился на меня, а потом начал так гоготать, что я запоздало сообразила, какую ошибку допустила. Ну что мне стоило приплести какую-нибудь нежить покровожаднее?!

– А ну-ка поподробнее, цыпа! Пожалуй, до Догевы не так уж и далеко, а ее Повелителю, думаю, тоже будет интересно узнать, какие такие петухи его невесту тут топчут!

– А ты что, следить за мной нанялся? – не сдержавшись, излишне грубо огрызнулась я.

– Угу, – невозмутимо подтвердил тролль. – Прямо так через пол-Белории за тобой и притащился!

Рядом с нами в вопросительном полупоклоне изогнулся хозяин корчмы. Платить полагалось вперед, и я, отсчитав ему пяток монет, заодно высыпала на стол содержимое всего кошелька, для ревизии. Н-да, не густо – медь пополам с серебром и одинокий золотой кладень.

– Плохо колдуешь, цыпа, – ехидно заметил наемник, внося свою долю.

– С работой в последнее время туговато, – со вздохом призналась я. – Правда, вчера какие-то подвыпившие на поминках мужички совали мне десять кладней за поднятие из могилы «виновника торжества», тестя обоих заказчиков. Дескать, «шоб посидел с нами за компанию, поглядел, как мы тут для него проставились...», но я такой ерундой не занимаюсь.

– У меня тоже голяк. Правда, заказали вчера одну мерзкую бабу грохнуть... – Приветливо улыбающаяся девка принесла наш заказ, и голос дорвавшегося до пива тролля утонул в торжествующем бульканье.

– Кого? – рассеянно поинтересовалась я, набрасываясь на жаренные в сметане грибочки. Если у Вала со вчерашнего вечера капли во рту не было, то у меня – крошки.

Троль, жмурясь от удовольствия, отставил ополовиненную кружку и беззастенчиво рыгнул прямо мне в лицо.

– Тебя.

Боровичок сработал не хуже бледной поганки, скользнув не в то горло. Вал, привстав и перегнувшись через стол, услужливо похлопал меня по спине.

– Что-о-о?! – наконец прохрипела я, уворачиваясь от вошедшей во вкус лапы. – И ты согласился?!

– Да ты чего, цыпа?! – обиделся Вал. – Конечно нет!

Я облегченно вздохнула.

Троль придвинул к себе тарелку с дымящейся картошкой и

возмущенно добавил:

– Это надо ж было набраться такой наглости – предложить мне бздырные сорок кладней за боевого мага! Впрочем, я сказал, что подумаю...

– Вал, я тебя сейчас сама убью, – с чувством пообещала я. – Бесплатно, по старой дружбе!

Троль невозмутимо отломил кусок от общего, выложенного на середину стола каравая и приступил к еде, предварительно выполнив необходимое санитарно-гигиеническое действие, то есть вытерев руки о штаны.

– Ну я и подумал, – продолжал он с набитым ртом. – Может, провернем это дельце на пару?

– С меня труп, с тебя посреднические услуги? – съязвила я.

– Ну можно не весь, – «утешил» меня троль. – Обойдемся какой-нибудь характерной частью!

Я гулко постучала себя по лбу костяшками пальцев, но наемник истолковал этот жест по-своему, с интересом покосившись на мою голову. Я поспешно отдернула руку.

– Рука тоже подойдет! – алчно заверил Вал. – Особенно вон та, с колечком. Его, кстати, мне тоже очень подробно описали...

– Кто? – Я машинально прокрутила кольцо на пальце, повернув печаткой внутрь.

– У меня был соблазн отдернуть ему капюшон, но, боюсь, это означало бы окончательный срыв сделки, – хмыкнул троль. – Цыпа, чего ты так дергаешься? Одолжишь колечко, выкопаем на кладбище какую-нибудь бабу посвежее, оттяпаем ей руку, сдадим клиенту, поделим денежки, а там подсмотрим, куда он ее выкинет, и подберем!

Грибочки уже не казались мне такими аппетитными. Я демонстративно стиснула окольцованную руку в кулак и с мрачным видом сунула его троллю под нос, чтобы даже не надеялся.

– Как он хоть примерно выглядел?

– Мужик, среднего роста, в длинном плаще с поясом, как у дайнов, только черным. На колдуна здорово смахивал, и повадки такие же паскудные – голос негромкий, вкрадчивый, движения плавные, но гхыр за ними уследишь. – Вал задумчиво поболтал в кружке остатки пива и добавил: – И, похоже, с ним еще двое типов сшивались, только не рядом, а чуть в сторонке. Делали вид, что между собой болтают, а сами так в нашу сторону и зыркали.

– Если еще раз их увидишь – узнаешь?

– Спрашиваешь! – оскорбленно фыркнул наемник. – А чем, по-твоему, я все утро занимаюсь? Высматриваю этих дхуров, но покуда без толку. Видать, отсиживаются где-то, не желают на людях светиться...

– Хочешь сообщить, что согласен? – съязвила я.

– Сообщить-то я им и так могу – они намекнули, что завтра сами ко мне подойдут. Нет, хотел вызнать, где они остановились. Не люблю вслепую работать: ухлопаешь клиента, а заказчик как в воду канет! И что мне тогда с твоей башкой делать?! Разве что женишку обломавшемуся со всяческими соболезнованиями подарить – пусть в гостиной над камином на память прибьет...

– Вал!!!

– Да ладно тебе, пошутить уже нельзя? – Троль продолжал невозмутимо чередовать выпивку и закуску. – Расслабься, цыпа, я напарников не продаю!

– Разве что за деньги, – с обреченным вздохом поддакнула я. – Что ж ты сразу за ними не проследил?

– Не дали, – чавкая, неохотно признался наемник. – Профессионалы, гхыр хатт в дроппу! Покуда колдун с глаз не скрылся, с места не тронулись, а потом в разные стороны разошлись. Я тоже не гблихх сопливый, чтобы за кем-то одним увязаться, – наверняка бы через пять минут по затылку схлопотал. Уверен, они друг дружку подстраховали и снова скучковались. Да и не больно-то к этим вампирам подкрадешься...

Час от часу не легче! Неужели опять ложняки?! Нет никакой гарантии, что мы переловили всех арлиссских метаморфов, а у них на меня не то что зуб – клыки в три ряда! Но после позапрошлого случая все белорские селения обвешаны защитными амулетами, ложняки к ним и на версту подойти не посмеют. Да и что это за дурацкая история с сорока кладнями?! Куда проще завладеть телом моего хорошего знакомого и, выманив меня куда-нибудь на пустырь, неожиданно пырнуть кинжалом под ребро.

– Вампиры?! Ты уверен?

– Ну один так точно. Сквозь кусты напролом полез – хоть бы веточка шелохнулась! – со смесью досады и восхищения заметил троль.

– Может, эльф? – с робкой надеждой предположила я.

– На кой элфу бороду клеить? К тому же кареглазых среди них – раз, и обчелся. – Вал помолчал и уже серьезно добавил: – Цыпа, а ты уверена, что белый наряд, в котором тебя жаждут увидеть в Догеве, – это именно свадебное платье?

– Ты на что намекаешь?!

Троль поморщился:

– Цыпа, это у тебя перед свадьбой мозги набекрень. Я не имею в виду твоего драгоценного упыря, хотя на его месте не стал бы тратиться на наемников, а придушил тебя лично. Но кого-то ты здорово достала. Уверен – эти типы знают, чья ты невеста. И при этом согласны раскошелиться за повод утереть скупую вампирью слезу.

– Но это же совсем не значит, что они из Догевы! – возмутилась я. – Мало ли кому я дорогу перебежала! И потом, ты же им в рот не заглядывал. Может, это вовсе и не вампиры! Или полукровки, которым закон не писан. Слушай, если им так уж хочется заполучить мою голову, думаю, они не будут против и всего остального? Тогда я им лично поднесу и вручу!

Троль с сомнением покачал головой, но все же пообещал:

– Как только они объявятся, я тебе сразу свистну. Но «гонорар» чур пополам!

– Можешь хоть весь забирать! – в сердцах бросила я, допивая квас.

Вал заглянул в свою, тоже опустевшую, кружку, одобрительно хмыкнул и продемонстрировал мне выжженную на дне надпись «Выпий щэ!». Торопиться было некуда, так что мы последовали хорошему совету. Вал первым бросил корчмарю монету, и тот, не разобравшись, отсчитал ему сдачу как с двух кружек, хотя до этого мы расплачивались каждый за себя. Троль гневно засопел, но, как ни странно, смолчал.

Я задумчиво отправила в рот последний грибок, почти не ощутив его вкуса. Запрокинула голову, допивая остатки кваса, но тут же поперхнулась и поспешно отставила кружку в сторону. По потолочной балке (чердачного перекрытия в корчме не было) неспешно и целеустремленно шествовала серая хвостатая тварюга, алчно поглядывая на подвешенную к брусу косичку из чеснока и колосьев пшеницы. Вряд ли ее потянуло на остренькое или мучное. Похоже, конечной целью был поднос с пирожками, опрометчиво выставленный служанкой на стойку под самой плетенкой.

Вал проследил за взглядом моих хищно сузившихся глаз и недоуменно хмыкнул. Эка невидаль, в городских трущобах эти твари как кошки средь бела дня под ногами шмыгают!

– А это, – мрачно пояснила я, – уже мой клиент!

Крысолак добрался до перекрестья балки с вертикальной опорой, попытался обойти ее по краешку, но не удержался и соскользнул с бруса. Увы, не упал, а как ни в чем не бывало продолжил путь по его нижней стороне.

Вообще-то в корчме не принято ни с того ни с сего разбрасываться боевыми пульсарами, но грех упускать такой случай!

Я постаралась слепить максимально маленький сгусток энергии, при

этом не давая ему перейти в световой. Не хватало еще подпалить или вообще напрочь снести крышу заведения! Самонаводящийся на таком расстоянии не получится, но мишень довольно крупная, да и я на глазомер вроде не жалуюсь.

Вал, затаив дыхание, увлеченно наблюдал за процессом, откинувшись на спинку стула. Сам наемник без проблем «снял» бы крысолака одним броском ножа или той же кружки, но помогать ведьме без ее просьбы (вернее, обещания поделиться гонораром) не собирался.

Я оперлась локтем о стол, покачала рукой, прицеливаясь. И резко, словно выпуская на волю трепыхающегося в скрюченных пальцах мотылька, разжала кулак.

То ли крысолак что-то почуял, то ли ему просто надоело болтаться вниз головой, но дожидаться пульсара он не стал, одним внезапным прыжком перескочив на возмущенно закачавшуюся плетенку.

Я вполголоса ругнулась. Пульсар вхолостую скользнул вдоль балки, перебив чесночную косу в основании, и крысолак вместе с дымящейся плетенкой шмякнулся прямо на вожделенные пироги.

Когда по корчме ни с того ни с сего начинают свистеть пульсары, по меньшей мере половина посетителей прекратит меланхолично двигать челюстями и заинтересуется оным фактом. Но когда вслед за этим прямо с потолка падает здоровущая серая тварь и раздается истошный визг служанки, как раз взявшейся за блюдо, всеобщее внимание обеспечено!

Крысолак льстиво прижал уши, вонзил зубы в ближайший пирожок и размашистым прыжком перемахнул на стену, опрокинув блюдо. Засиживаться там он тоже не стал, ибо при виде такой наглости о приличиях забыла не только ведьма. В бревно с хрустом воткнулось около дюжины всевозможных ножей – от изящной эльфийской «пчелки» длиной с ладонь до тяжелого орочьего ятагана. Еще столько же бесславно осыпалось на пол. Вильнув хвостом, тварь виртуозно прошмыгнула между частоколом из лезвий, соскочила на пол и, попетляв среди бестолково топчущих ног, юркнула в кошачий лаз под дверь и была такова.

– Пожалуй, цыпа, сорок кладней не такая уж и оскорбительная сумма, – оскалился тролль.

– Ты тоже не попал, – огрызнулась я.

– А мне за это платили? – парировал наемник и пошел выдирать кинжал.

В корчме потихоньку восстановился порядок. Служанка собрала раскатившиеся пироги и подмела осколки блюда. Корчмарь, пыхтя, полез на стойку – подвешивать укороченную плетенку обратно.

Троль заболтался с каким-то знакомым, и я не стала дожидаться его возвращения – прощально взмахнула рукой и, накинув куртку, вышла из корчмы. Небо оставалось равномерно серым, но вроде бы слегка посветлело. Дождь по крайней мере прекратился.

Из головы не выходили брошенные Валом слова. Красочно представлялись то Старейшины, то Келла, то почему-то Кайел, которые под покровом темноты и капюшонов сговаривались с личностями самого злодейского вида, изменив голос до гнусавого шепота. Да нет, ерунда какая, они же как раз не хотели отпускать меня из Догевы! Тогда кто? И за что?!

За спиной послышалось деликатное покашливание:

– Господня видьма, я так розумию?

Я, не отвечая, резко развернулась на каблуках, заставив говорившего испуганно отпрянуть и несколько путано представиться:

– Я-то сам головою опадищинским буду, Олдеем Похлэбатко. Точнише, винесской його частины. За порядком в ий наглядая, ну, сталбыть, и честь йоной на мэнэ. Вгледив, как вы в корчми колдували, ну и подумав, що надыть пидийты, познайомытыся...

Я задумчиво оглядела щупленького усатого мужичонку, пытаюсь определить, где именно хранится данная честь – в лаптях, высокой шапке, зауженных книзу штанах или длинном зипуне, перепоясанном традиционным, широким и красным, винесским кушаком с кисточками.

– Вольха. Познакомились. Очень приятно. И что?

Мужик еще раз кашлянул и, видя, что я не расположена к задушевной беседе о погоде, сразу взял быка за рога:

– Мэнэ ось вирни люды донэсли, шо белорцы, сталбыть, мага да сэбэ в дружину завербувалы. Так вин, собака, за десять кладнив пообицыв таку потеху винесспям организуваты, що, мов, мы и за тыждень порты не видстираймо. Ну я и подумав: мы-то чем гирше?! Невже ж десять кладнив на такс гарне дило не нашкрябаэмо? А? – Староста заискивающе заглянул мне в глаза.

– Вообще-то я тоже белорка.

На самом деле я просто искала благовидный предлог отказаться. Магистру практической магии несолидно размениваться на ярмарочные фокусы. Но с другой стороны... когда у тебя в кармане меньше двух кладней, привередничать не приходится. Конечно, можно вернуться в Догеву – благо до нее всего полтора дневных перегона – и потребовать свою верховноведьминскую зарплату за три месяца (просто так просить деньги у Лена я стеснялась, я и без того жила в Догеве на всем готовом – это не считая подношений от благодарных клиентов!). Отдать-то мне ее

отдадут, но тут же заставят отрабатывать, разгребая скопившиеся дела. А потом Келла припряжет меня к предсвадебной суете, и прости-прощай три последние недели вольной жизни. Нет уж, лучше десять кладней здесь, чем сто – там!

– Ну та шо? – неподдельно изумился Олдей и внезапно на чистейшем белорусском продолжил: – У меня вообще родной брат на этой стороне села живет, а скидывается на нашу – ежели, конечно, не разругаемся накануне. И остальные так делают, потому как село одно и все друг другу свояки!

Я огляделась и сообразила, что мы действительно прошли мимо центрального колодца, пропустив нужный мне поворот. Пришлось возвращаться.

– Что именно от меня требуется?

– А это уж вам лучше знать, госпожа ведьма. Ну, припугните их как-нить пострашнее, молниями там посверкайте, мороков каких наведите... щоб, сталбыть, аж засычало, загудило та засвыстило! – Винесчанин мимикой и руками вдохновенно изобразил требуемый объем ужаса, долженствующий обратить войско неприятеля в постыдное бегство.

Заслушавшись, я снова пропустила развилку с колодцем и, решив больше не рисковать, остановилась. Обсудив еще кой-какие организационные вопросы, мы расстались, весьма довольные друг другом. Олдей не по-скупился выдать мне три кладня аванса и даже намекнул на премиальные. Я, в свою очередь, пообещала озадачить белорцев стиркой как минимум на месяц.

Ладно, а теперь займемся серьезными делами. Я наконец-то свернула куда следует и вместе с шумной толпой прошла в ярмарочные ворота.

Опадищинская ярмарка и впрямь впечатляла. Вдаль уходили бесконечные торговые ряды, по периметру выстроились оптовые возы. Ближе к входу торговали овощами и фруктами, дальше просматривались острые верхушки палаток с кустарными товарами.

Я собиралась пройти продуктовые ряды насквозь, но задержалась, очарованная ворохами ярко-красных винесских яблок. Как водится, самые дешевые и красивые плоды оказались у самой жуликоватой с виду торговки. Пару минут мы, невинно глядя друг другу в глаза, под возмущенный скрип весов выясняли, что перетянет – магия или

привязанная к чашке весов веревочка. Победила дружба, то есть я заплатила за настоящий вес. Ссыпав яблоки в сумку, я двинулась было дальше, но тут идущий впереди грузчик споткнулся о собаку и с красочными комментариями растянулся посреди дороги, усеяв ее персиками из выроненной корзины. Народ, разумеется, кинулся подбирать, вмешался хозяин добра, а там и парочка следящих за порядком стражников, еще больше усилив суматоху.

Не дожидаясь, пока дорога расчистится, я бочком протиснулась между двумя лотками и пошла по соседнему ряду. Под ногами похрустывала ореховая скорлупа, над головой с чириканьем пронеслась воробьиная стайка. Поток покупателей медленно полз вдоль прилавков, увлекая меня за собой. Кроме одной девушки, столбом застывшей посреди прохода и потому резко выделявшейся из толпы. Толчков и ругани она как будто не замечала, сосредоточенно высматривая кого-то в соседнем ряду. Даже привстала на цыпочки, на мгновение повернувшись ко мне удивительно знакомым профилем. Я расплылась в радостной улыбке и начала интенсивно проталкиваться вперед, вызывая не меньшее возмущение народа, пока не очутилась прямо за ее спиной.

– Орсана, привет!

Реакция была, мягко сказать, странная. Вздогнув и присев, как будто я не шутливо дернула ее за косу, а неожиданно заорала в ухо или со всего маху огрела по голове пыльным мешком, подруга обернулась с выражением такого неподдельного ужаса на лице, что я поспешно глянула через плечо, недоумевая, что же ее так напугало.

– В-вольха? – с трудом выдавила Орсана, кривя губы в вымученной улыбке. – Шо ты тут робишь?!

Я сообразила, что сей «теплый» прием предназначался именно мне. Глянув на мое растерянное и помрачневшее лицо, девушка торопливо, словно опасаясь, что я развернусь и уйду,хватила меня за рукав и, мучительно пытаюсь изобразить гримасу поприветливее, сбивчиво затараторила:

– Вольха, прости, я зовсім не хотела тебя обидеть! Просто я не очікувала тебе здесь увидеть, я думала... – Орсана запнулась и смутилась еще больше.

– Что?

– Что я тебя здесь не увижу! – совсем уж бестолково закончила подруга и вдруг, просияв, с радостным воплем заключила меня в объятия: – Вольха, як же я рада тебе видеть!

Я, совсем уж ничего не понимая, машинально сомкнула руки на ее

спине. Насколько я знала, Орсана в свои двадцать четыре года умудрилась дослужиться до сотника и успешно продолжала в том же духе, умиляя такого же бравого папашу. Что она делает в Опадищах, если какой-то месяц назад сама хвасталась мне в письме, что именно ее сотне поручено охранять королевский дворец во время праздничного бала?! Удовольствие, конечно, сомнительное, зато какая честь!

– Орсана, что случилось? – Я решительно высвободилась и, взяв подругу за плечи, пытливо заглянула ей в глаза. Вернее, попробовала.

– Ничего, – торопливо возразила Орсана, изображая блуждающее косоглазие.

Я поняла – не признается, хоть ты ее режь.

Еще один неприятный сюрприз – на шее у сотницы висел какой-то амулет, защищающий от телепатии. И весьма неплохой, шпионский. При желании, конечно, я бы его пробил, заработав головную боль себе и ей, но незаметно прочесть мысли уже не получилось. Он отреагировал даже на попытку проникновения – легонько завибрировал, заставив девушку машинально прижать его рукой сквозь куртку.

– Орсана, неужели ты подалась в тайную разведку?!

– Нет, что ты! – возмутилась подруга, обрадованная, что может честно ответить хотя бы на один вопрос. – Я здесь... по личным делам.

– Ясно. – Я пожала плечами и сделала вид, будто собираюсь ее обойти. —Жалко, что ты так занята... личными делами. Ладно, поболтаем как-нибудь в другой раз...

– Нет, что ты! – Орсана уцепилась за мой локоть с такой же горячечной искренностью, с которой пять минут назад мечтала оказаться куда подальше от меня. – Я приехала на свиткуванья, развлекаться, и буду только рада компании, тым билыш твоей!

Уж не знаю, что наемница понимала под «развлечениями», но поверх неброской походной одежды на девушке серебрилась кольчужка, потом и кровью... тьфу, метлой и шваброй добытая в драконьем логове. Из-за левого плеча выглядывала рукоять раздобытого там же меча, из-за правого – туго набитый колчан. Вдоль бедра двумя плавными изгибами змеился притороченный к поясу лук со снятой тетивой.

С подругой явно творилось что-то неладное, и бросать ее в таком состоянии я, конечно, не собиралась. Ладно, захочет – расскажет, а нет – рано или поздно само всплывет.

– Ты кого-то ждешь? – на всякий случай уточнила я.

– Нет, – снова подобралась подруга. – Так... осматривалась.

– Что-нибудь насмотрела?

– Нет. Мне все равно куда идти, если ты об этом.

Мало-помалу беседа наладилась. Орсана старательно обходила тему своего появления в Опадищах, но на прочие вопросы отвечала охотно. Мы съели по пирожку со сливами и традиционно посплетничали о королях, подруга рассказала несколько легионерских баек, я – ве-дьминских.

Разумеется, в конце концов разговор свернул на предстоящую свадьбу.

– Вольха, – неожиданно серьезно и озабоченно сказала Орсана. – До весилля осталось всего три недели, мабуть, тебе стоит вернуться в Догеву и самой заняться его подготовкой? Да и Лён, наверное, переживает, куда ты запропастилась...

Теперь пришел мой черед отмалчиваться.

– Ты его не любишь?

Я досадливо пнула подвернувшийся под ногу огрызок и со вздохом призналась:

– Люблю, Орсана. И, кажется, с каждым днем все больше и больше... В том-то и дело. Я не хочу все испортить этой дурацкой свадьбой!

– Дуристь яка! – возмутилась подруга. – Мой батька до сих пор маму на руках носит! То есть носил бы, если б поднять смог...

Несмотря на то что полнота в Винессе считалась синонимом красоты, воображаемая картинка меня не вдохновила: замужняя я пудов эдак семи – и по-прежнему, молодой и стройный Лён, с ужасом примеривающийся перенести это «сокровище» через ручеек, что раньше проделывал не задумываясь. На сцене красочного плюха и сдавленного хрипа снизу я тоненько застонала вслух. Орсана удивленно покосилась на меня, но объяснений, разумеется, не дождалась.

– Погоди. – Я наконец заметила то, ради чего, собственно, и забрела на торжище. – Подождешь меня здесь?

Подруга неохотно кивнула, невесть зачем скользнув рукой к оголовью меча.

Предполагалось, что багровый полумрак и светящийся кристалл на высоком треножнике, окутанный извивающейся паутиной молний, придадут лавке таинственность. Но мне такая обстановка показалась довольно заурядной, как на кафедре теоретической магии, где готовили преподавателей, разработчиков заклинаний и мастеров амулетов. Последний-то мне и понадобился.

Сухощавый старичок в темно-синей мантии неспешно закрыл книгу и вопросительно глянул на клиентку поверх прилавка. Вкрадчиво вещать: «Подойди же ближе, о юная дева, и обрети то, что ты так долго искала, – всю мощь магии вот в этом амулете от запора всего за три с половиной

кладня», – или что-нибудь в том же рекламном духе он не стал, безошибочно распознав коллегу. Я коротко кивнула в знак приветствия и сразу перешла к делу:

– Как вы думаете, что это такое?

Маг, не выказав ни малейшего изумления, бережно принял из моих рук «ромашку» кристаллов на заостренном железном стебле. Спрятал в чашечках ладоней и прикрыл глаза, вслушиваясь. Потом размеренно, будто читая с листа, заговорил:

– Самородные аметисты. Нешлифованные, прямо из друзы [\[6\]](#). Похоже, элгарского происхождения, только там встречается такой насыщенный лиловый цвет. Магический компонент... хм... остаточные следы заклинаний, по одному на камень. Слишком слабые, так что затрудняюсь определить, каких именно. Самоделка, зачарована довольно грубо, но по всем правилам, с использованием прямого контакта с источником силы.

– Некромантия или природный источник? – на всякий случай уточнила я.

– Скорее... хм... магия крови. Добровольно отданной, вероятнее всего, своей. Хотя не гарантирую. Амулет недавно деактивирован и для повторного использования уже не годится, но вы вполне можете предложить эти камни ювелиру. Третья лавка по седьмому ряду.

– Спасибо. – Я положила на прилавок последнюю монету.

Мастер невозмутимо смахнул ее в ящик и слегка поклонился – мол, заходите еще.

Я задумчиво придержала порывавшуюся хлопнуть дверь. Н-да, пустышка. Хозяин дракона не обращался за помощью к мастерам, делал все сам от и до. А я-то надеялась вычислить его через продавца – вдруг да вспомнил бы клиента...

Впрочем, я вообще сомневалась, что копаю в правильном направлении. Прошло больше месяца, я давно успела потратить и забыть вырученные за духовитого духовищинского дракона кладни. Но за неимением других вариантов решила проверить хотя бы этот.

«Как же ты мне надоела, ведьма!»

Интересно, когда это я успела ему надоест? Выходит, мы встречались по меньшей мере дважды. И оба раза его почему-то не вдохновили.

Леший, как некстати я утопила сумку с черновиком диссертации! Конечно, большую часть материала я могла восстановить по памяти, но кое-что успело напрочь из нее стереться. Особенно малозначительные на тот момент детали, в которых, возможно, и крылась разгадка.

Я мысленно перебрала в уме всех знакомых магов, Именно

«знакомых». Друзей среди них можно было по пальцам сосчитать. Как, впрочем, и врагов. Большинство поддерживало по отношению к конкурентке вежливый нейтралитет. Враги предпочитали невежливый. Но представить, чтобы тот же Каррек Черный, у которого я из-под носа увела прибыльную работенку по сопровождению сплавного леса вниз по Вилюке (тамошние водяные повадились ставить поперек реки заторы из водорослей, требуя откупного за проезд; плотовщики решили, что разок шугануть их магом выйдет дешевле), за такую мелочь сговаривался с местным отребьем на предмет закупки моей головы?! Нет, он уже разок попытался открутить ее вручную, и с тех пор мы старательно обходили друг друга стороной...

Кому-то я должна была подгадить намного больше. Но если это давний враг, почему он развил такую бурную и в то же время дурацкую деятельность по найму убийц именно сейчас?! Это даже на месть не похоже, от меня как будто просто хотят избавиться. Любым способом. Чтобы не надоедала. Да еще вампиры эти...

– Вольха, можешь не отвечать, – не выдержала подруга, безуспешно пытаясь подстроиться к моему безоглядному движению куда-то напролом через помойку на дальнем краю рынка. – Но, здаётся мне, у тебя какие-то проблемы!

– Могу не отвечать, – рассеянно подтвердила я, останавливаясь и недоуменно оглядываясь по сторонам.

Куда это меня занесло? Вокруг громоздились кучи из плесневелых овощей, лохмотьев капустных листьев, обломков ящиков, мосластых костей с ошметками мяса, треснувших тележных колес и прочего рыночного мусора, по которому перепархивало воронье. Рыночные ряды остались сзади и сбоку, впереди щерился овраг. Н-да, здесь мы не выберемся, надо возвращаться к воротам...

Девушка обиженно фыркнула и скрестила руки на груди, но получила лишь мстительную ухмылку. Впутывать подругу в свои магические разборки я не собиралась. Если этот тип не погнушался воспользоваться услугами наемника, он не остановится и перед...

– Лягай!!! – заорала Орсана, одновременно что есть силы толкая меня в бок.

Один болт с чавканьем утонул в куче полусгнивших яблок, второй улетел куда-то вдаль. Вороны с карканьем взвились в воздух, одним глазом высматривая нарушителя спокойствия, а вторым кося в нашу сторону – не перепадет ли им чего-нибудь посущественнее плесневелого творога? К их огромному огорчению, мы торопливо уползли под прикрытие ближайшей

кучи, оставляя за собой красный след из давленных помидоров. Пока я брезгливо отряхивала с груди куски гнилого кабачка, Орсана быстро и сноровисто собрала лук. Тренькнула пальцем по тетиве, положила на нее стрелу, а на колени – еще парочку, но высматривать цель не спешила. Потому что цель, скорее всего, в это время высматривала нас.

– Как ты вообще ухитрилась его заметить?!

– Выпадкова оглянулась и вглядела высовывающийся из-за хламья арбалет. Вовремя завопила – он не успел толком прицелиться, занервничал, пальнул дублетом и промазал.

– Значит, сейчас он лихорадочно перезаряжается и его можно взять тепленьким? – оживилась я, пытаюсь осторожно выглянуть за край кучи. Без особого успеха. Все, что я увидела, – россыпь таких же куч, за некоторыми из которых можно было стоять в полный рост.

– Якщо це «он», а не «они», – охладила мой пыл подруга. – К тому же в одной из ярмарочных палаток я видела последний писк сезона – трехзарядные ороцьи арбалеты. Точность неважная, но с двадцати саженей попадет даже ребенок. И лично я бы скорее сменила позицию, краще за усе – зашла жертве в тыл, а там уж без спешки перезарядилась.

Высказав свое авторитетное мнение, Орсана пригорюнилась, и я вместе с ней. Вблизи такого большого скопища людей поисковый импульс оказался бессилён. В сторону рынка он просто не шел, рассеиваясь от эманации толпы, а по возвращении от непреодолимого для него оврага так сильно искажался, что я смогла только с огорчением констатировать: стрелявший в нас тип никуда не ушел, затаившись где-то неподалеку. Доносившийся с торжища шум мог заглушить марширующую армию, не говоря уж о парочке крадущихся к нам бандитов. Даже если бы те демонстративно топали.

Конечно, можно поставить магический щит (что я и сделала), но он, как и обычный, защитит нас только с одной стороны. Круговой же отнимает слишком много энергии и несовместим с большей частью боевых заклинаний. Да и обычный я дольше часа не продержу. Использовать же что-нибудь тщательно выплетаемое и сокрушительное вроде огненного града, испепеляющего все в радиусе сотни саженей, ближе чем в версте от человеческого поселения запрещено магическим кодексом. Сперва надо выманить этого мерзавца в чистое поле или хотя бы просто на открытое место.

– Давай высунем сапог на палке и посмотрим, откуда он пальнет.

Орсана выразительно округлила глаза:

– Вольха, где ты бачыла человека, который вылезает из-за кучи ногой

вверх?!

– Можно высунуть сбоку.

– Один гхыр. Если цей злочинець не полный идиот, он не станет стрелять по подозрительно беспечным сапогам. Ось по голове – це дило...

Пришел мой черед возмущенно коситься на подругу. Похоже, моя голова стала самым популярным товаром на нынешней ярмарке. И "как я сразу не сообразила, что Вал вряд ли единственный наемник, кому поручили миссию по ее принудительному отделению от остальной фигуры?! Не повезет одному – авось второй удачливее окажется. Сам колдун пока предпочитал не высовываться – то ли опасался оставить след своей волшбы, по которому его сможет вычислить Ковен, то ли попросту боялся сойтись со мной лицом к лицу.

– Ладно, рискнем, – решила я. – Держи лук наготове!

Я сняла мешающий щит и несколькими вдохновенными пассажами выколдовала рыжеволосый фантом в черной куртке. Представить себя со стороны довольно сложно, и результат мне определенно не польстил, но я надеялась, что стрелок не станет тратить время на детальное изучение этой жуткой морды, а, возрадовавшись, поскорее спустит курок.

Так оно и вышло. Не успел фантом даже наполовину выплыть из-за кучи, как спаренный свист дал понять, что приманка заглочена вместе с поплавком. Орсана тоже не дремала. Болты и стрела прошили иллюзию в противоположных направлениях, и она, не выдержав такого обращения, протестующе лопнула. Из-за дальней кучи раздался короткий сдавленный вскрик не то боли, не то ужаса, но предсмертного хрипа или звука падения не последовало. Но теперь, по крайней мере, мы знали направление и убедились, что он один. И, решительно сплотив ряды, под защитой щита бросились на приступ вражеской кучи.

Увы, стрелок не соизволил нас подождать, оставив в качестве трофея лишь несколько отпечатков сапог и пятно крови размером с ладонь, от которого тянулась редущая цепочка капель. Я наклонилась, задумчиво перебрала над ним пальцами. Мужчина, эльф, незнакомый. Тот, кого Вал принял за вампира, или случайный наемник?

– А вдруг он снова где-то затаился и перезаряжается?

– Сомневаюсь. Кажется, я прострелила ему плечо. – Орсана разобрала лук и приторочила к бедру. – Но предлагаю поскорее вернуться на рынок, в толпе безопаснее. И, может, все-таки объяснишь, что происходит?!

Я еще раз поглядела на пятно и зябко поежилась. Слухи о неуязвимости магов сильно преувеличены. Да, я не побоюсь выйти один на один против упыря, до того сожравшего дюжину рыцарей в полных

доспехах и даже не поперхнувшегося. Но когда я выслеживаю нежить в глухом урочище, все мои чувства напряжены до предела, а то и обострены соответствующими заклинаниями или снадобьями. Не могу же я вечно ходить по улицам на цыпочках, нервно озираясь, прислушиваясь и при малейшей опасности швыряясь пульсарами или ныряя в лопухи! А спать когда?! Вдруг неизвестный колдун этого и добивается – измотать меня наемниками, а через пару деньков заглянуть лично и взять голыми руками?! Нет, похоже, без помощи мне все-таки не обойтись...

– За мной кто-то охотится, – нехотя призналась я, уже подходя к рыночным палаткам.

– Надо же, никогда бы не догадалась! – Подруга с наигранным изумлением поцокала языком. – А ты уверена?

Я кивнула себе под ноги. Посреди дороги валялись обломки измазанной кровью стрелы.

– Надо было с зазубренным взять, – мстительно буркнула Орсана, наклоняясь за наконечником. – Чем же ты ему так насолила?

– Не знаю. Но если поймаю, еще и наперчу! – Я растопырила руки и скептически осмотрела заляпанную сверху донизу куртку.

– И совсем никаких идей?

Я медленно покачала головой, прикусив нижнюю губу. Подруга, видимо, поверила и деловито поинтересовалась:

– Где ты остановилась?

– В курятнике с перспективой на сеновал. А ты?

– Только что приехала. Сунулась было на постоялый двор, но там заняты даже лавочки под навесом. Хорошо хоть коня позволили на пару часов привязать.

– Пойдем ко мне, – предложила я. – Может, удастся договориться с моей хозяйкой. Она, правда, боится чужаков на постой пускать, но я что-нибудь придумаю...

* * *

– Ась?! – Бабка, переплетя руки на верхушке клюки, подозрительно сверлила Орсану маленькими колючими глазками

– Упырь ваш, говорю, жуть какое злобное и опасное чудище, одной мне с ним ну никак не совладать! – гаркнула я, теряя терпение. – Вот, знакомую себе на помощь позвала! Поддержит упыря, покуда я его

заколдовывать буду!

Орсана содрогнулась, но тут же взяла себя в руки и изобразила горячую готовность способствовать этому нужному и опасному делу.

– Ну ежели так... – наконец смилостивилась старуха. Скрипнула дверь, звякнул крюк, и мы очутились во мраке курятника уже втроем. Петух покосился на прибавившийся гарем еще тоскливей, сильно подозревая, что у его хозяйки на старости лет поехала крыша, если взамен кур она подсунула ему этих мерзких баб. Впрочем, долг превыше всего – петух встряхнулся, скосил на меня круглый глаз и неуверенно поинтересовался:

– Ко-ко-ко?

– Извини, но я обручена с другим. Давай останемся просто друзьями, – со смешком предложила я.

После обеда я отоспалась, Орсана покараулила. Теперь настал мой черед. Уставшая за день подруга блаженно растянулась на охапке соломы, загодя притащенной от ближайшего стога. Венки со Смолкой стояли в смежной с курятником конюшне. Через отдушину под крышей было слышно, как они хрупают овсом из общего корыта, скаречно фыркая друг на друга. Пригревшийся у меня на коленях петух распушился и задремал, изредка сонно пощелкивая клювом. Орсана тоже заснула почти мгновенно.

Сегодня я подготовилась к визиту крысолака куда основательнее: поставила обратный защитный контур, то есть пропускающий внутрь, но не дающий выйти, несколько магических капканов и – чем леший не шутит? – один обычный, одолженный у здешнего кузнеца. Торчать здесь еще одну ночь я не собиралась и была преисполнена решимости уничтожить паршивца любой ценой. Даже если от курятника останутся только щепки.

Я успела сгрызть три яблока, когда видимый лишь мне контур мигнул и пошел меленькими, быстро сгладившимися волнами. Нет, его не пересекали и не пытались тихонько взломать, скорее всего он отреагировал на общее изменение магического фона.

Где-то по соседству колдовали.

Я торопливо погасила пульсар, взамен прошептав заклинание ночного видения. Бесшумно потянула меч из ножен и вздрогнула, остановившись на середине. Клеймо в основании ярко, требовательно мерцало, как в Духовищах. Что за ерунда?! Ни до, ни после я за фендюлинским клинком такого не замечала. Ну поблескивал, чуточку разогревался, как любой артефакт при активации...

Меня прошиб холодный пот. А что, если клеймо предупреждает об

одном и том же?! Насколько я помнила из школьного курса, у каждого артефакта есть основное предназначение и (не обязательно) несколько косвенных как побочный эффект. Например, золотое кольцо Учителя позволяло ему быстро и с минимальными усилиями открывать телепорты, при этом являясь мощным накопителем магической энергии, как мой агатовый браслет. Репар Лена попутно защищал от телепатии, а с помощью кристалла двух стихий старминские маги не только управляли погодой, но и успешно исцеляли ревматизм.

Что, если отражение заклинаний и действенность против нежити – всего лишь побочные эффекты клинка? Тогда какое же предназначение отвел своему мечу жуликоватый святой?! Эх, жаль, не сообразила показать его мастеру амулетов... а теперь придется выяснять экспериментальным методом.

Я решительно вытянула клинок до конца, положив ножны возле Орсаны. На всякий случай запихнула покорившегося судьбе петуха в сумку и, не будя подругу, прошла прямо сквозь дверь.

На небе впервые за последнюю неделю проглянули звезды. С центральной улицы еще доносились редкие выкрики, пение и смех разбредаящихся по домам гуляк. Едва перевалило за полночь.

Я вытянула руку раскрытой ладонью вперед, провела слева направо и обратно.

Колдовали довольно далеко отсюда, аж за околицей. Это немного успокаивало и вместе с тем настораживало. Кому и что там понадобилось в такое время?!

«Когда все это закончится, вернусь в Вороньи Когти и плюну ему в священный саркофаг», – мрачно подумала я. Идти по освещенной факелами улице, все еще полной народу, я поостереглась, так что пришлось лезть огородами, через плетни. Спущенные на ночь цепные псы то и дело предпринимали попытки полакомиться моей филейной частью, но хватало приглушенного рыка сквозь зубы, чтобы они с визгом отступили. Кровь бывшей Хранительницы так же успешно помогала не спотыкаться в темноте на бесчисленных рытвинах.

Плетне на десятом я услышала негромкий треск и ощутила непривычную свободу движений ниже пояса. Фендюлий, а заодно и все известные мне боги, услышав столь пламенное и искреннее воззвание в свой адрес, непременно должны были устыдиться и ниспослать мне новые штаны. К счастью, этот огород оказался последним – я вышла к сельским воротам, по случаю праздника распахнутым настежь. За ними открывалось чистое поле, над которым уныло завывал ветер

Я еще раз проверила направление. Заклинание плели чуть левее, на отведенном под завтрашнюю потеху лужке. Добросовестно, неспешно, вытягивая магию из прихваченного с собой накопителя – природных источников возле Опадищ не было, я бы почувствовала. Что именно там делали, я с такого расстояния (четверть версты, не меньше) разобрать не смогла. Но, как ни странно, угрозой от этой волшбы не веяло. Какое-то рутинное заклятие, ни на кого лично не направленное. Возможно, штатный маг всего лишь заговаривает погоду перед завтрашним праздником. Неужели я ошиблась и меч отреагировал на что-то другое, не столь явное? А Орсана осталась там одна, спящая!

Я беспокойно обернулась на село и чуть не заорала от ужаса: прямо перед моим носом беззвучно трепетала крыльями летучая мышь, фосфоресцируя глазами в лунном свете. Не успела я взмахнуть рукой и отшатнуться, как она прыснула вбок и словно растворилась в темноте.

Я все-таки заорала – красочное и заковыристое напутствие в ее адрес. Стало чуть полегче, хотя сердце все равно колотилось, как бешеное. Нет, ну я просто какое-то ходячее несчастье! Крысолак, петух, свадьба, наемный убийца, вампиры, штаны – а теперь еще и мышь!

Когда эхо затерялось в темной дали, а я опомнилась, выяснилось, что маг уже завершил свою работу и тщательно затер все ее следы. Правильно, я тоже так делаю, хотя через несколько часов они и сами обычно развеиваются. Но лучше перестраховаться – порой остаточная магия самопроизвольно конденсируется и порождает леший знает что: от искривлений пространства до нежити.

Идти дальше не было смысла. Практически никаких шансов, что мне удастся найти место, с которого колдовали и где, несмотря ни на что, еще можно определить, кто это делал и зачем.

Назад я вернулась улицей, провожаемая смешками и едкими комментариями поздних прохожих. Ветер ехидно задувал в прореху штанов, но снимать и латать их магией прямо посреди дороги я тем более не рискнула.

Орсана уже не спала. Она мрачно стояла на пороге курятника, привалившись к косяку распахнутой двери.

– Ну и где ты шляешься?! – с плохо скрываемым облегчением воскликнула подруга, нервно поигрывая каким-то странным топором на длинной искривленной ручке.

– Так, померещилось что-то, вышла проверить, – виновато призналась я. – А что случилось?

Орсана демонстративно отодвинулась в сторону. В одном из капканов

сжался в комок крысолак, в двух других – два одинаково огорченных этим обстоятельством типа самой что ни есть злодейской наружности – гном и человек.

– Наемники? – тоскливо поинтересовалась я. Типы, переглянувшись, обреченно кивнули.

– За головой?

Слаженный виноватый вздох. Я резко развела руки, между которыми проскользнул золотистый разряд.

– Вон отсюда!

Наемники, бормоча что-то покаянно-благодарное, поспешили покинуть негостеприимный сарай.

– Может, топорик мой отдадите? – оглянувшись на полпути, заискивающе поинтересовался гном. – Рабочий же инструмент, без него ну никак...

– Вон!!!

Убийцы завздыхали еще печальнее и, прихрамывая на разные ноги, поковыляли к калитке. Когда я обнаружила, что в сердцах деактивировала все капканы вместе с контуром, было поздно – крысолак уже перескочил через порог. Петух, внезапно осмелев, выпорхнул из сумки и с победным кличем бросился на серую тварь, с налету долбя ее по затылку. Крысолак вжал голову в плечи и, даже не помышляя о сопротивлении, кинулся прочь со двора, на мгновение застряв между прутьями плетня и получив еще несколько клевков в хвостатый зад.

Неимоверно гордый, петух, высоко поднимая ноги, вернулся к нам и, вытянув шею, пронзительно закукарекал, вызвав ответный гвалт по всему селу.

– Вольха, как тебе не соромно?! – набросилась на меня Орсана. – Я просыпаюсь посреди ночи от жажливых воплей глубоко нецензурного змисту, в сарае кишмя кишат убывци та величэзны пацюки, дверь нараспашку, тебя нигде нет...

– Извини, – на самом деле мне было очень даже стыдно. —Я думала, быстренько гляну и вернусь...

– Ну и? – чуть сбавила тон заинтересованная подруга.

Я только вздохнула, чувствуя себя полной идиоткой.

Орсана, презрительно фыркнув, сунула мне в руки трофейный топор и соскочила с порога, встав нос к носу со мной.

– Вольха, я слишком хорошо тебя знаю, чтобы от чего-то отговаривать или просить вести себя осторожней, – с чувством заговорила она, старательно подбирая белорусские слова. – Но я буду очень тебе благодарна,

если в следующий раз, когда тебе взбредет в голову что-то проверять, ты соизволишь меня хотя бы предупредить. А не то... не то... ты мне больше не подруга! Ясно?!

– Ясно, – поспешно согласилась я, радуясь, что легко отделалась. Ох, знать бы еще, с чего она такая добрая...

* * *

Остаток ночи мы провели на честно заработанном сеновале (думаю, крысолок до конца жизни зарекался лакомиться такой агрессивной курятиной!), назидательно воткнув в дверь топор (предварительно зачарованный – гхыр выдернешь!) и повесив на его ручку пояс с мечом, отобранный Орсаной у второго убийцы. То ли это подействовало, то ли дураки в их гильдии кончились, но до утра других желающих увеличить свое благосостояние на сорок кладней не объявилось.

За ночь распогодилось (а может, местный маг расстарался), и выглянувшее из-за горизонта солнце быстро слизало утренний туман. Стало жарко и душно, выпавшая за неделю мокрядь тягучими испарениями за клубилась в воздухе. Народ скинул куртки, облачившись в яркие кафтаны и платья. Отовсюду неслись музыка, песни и радостный гомон. Праздник начал ощущаться прямо-таки физически, подняв настроение даже нам.

– Итак, какой у нас план? – бодро поинтересовалась подруга.

– Сейчас идем на поле за околицей, там как раз начинается гулянье. До него мы все равно вряд ли что разузнаем, тем более я участвую в великой битве за луг.

– Что ж ты тогда топорик не прихватила? – хихикнула Орсана и, покосившись на колодец, торопливо поправилась: – Шо ж ты тоди соқырку не прыхопыла?

– Мой топорик всегда со мной. – Я решительно подхватила ее под локоть и завернула обратно, решив провести на поле кружным путем. – Я же – все-таки ведьма, а не зависящий от какой-то железяки наемник!

– Тем не менее этой железякой можно здорово отравить жизнь даже ведьме, – беззаботно продолжала девушка, в пылу беседы не заметив моего маневра. – Ладно, на поле так на поле. Но сейчас мне нужно будет на полчаса отлучиться. – И смущенно добавила: – Поличным Делама...

Я укоризненно хмыкнула, но сказала:

– Не беспокойся, днем я и сама могу о себе позаботиться. Хочешь,

встретимся у сельских ворот сразу после церемонии усекновения Последнего Колоса?

– Прекрасно, – с явным облегчением согласилась подруга и отстала на развилке.

За околицей уже собралась огромная и все прибывающая толпа, примерно поровну разделившаяся между двумя краями луга. Между ними то и дело сновали перебежчики, то ли расплевавшиеся с той стороной, то ли воспылавшие патриотизмом к этой. Зрители полукругом рассаживались по низкому пологому склону.

Я покрутила головой, выискивая Олдея, но безуспешно. Удалось только определить, что слева – «наши» винессцы.

Возле амбара наемникам уже раздавали праздничное оружие – ледащие мечи и громоздкие старинные кольчуги, чтобы, не приведи боги, на самом деле кого не покалечили. Чуть в стороне стоял бледный светловолосый эльф с угрюмой физиономией, что без труда объяснялось висящей на перевязи рукой. Из-под темно-серого плаща выглядывал краешек двухзарядного арбалета.

Я послала ему ехидную улыбку. Эльф мрачно использовал здоровую руку для неприличного жеста. Насколько я знала кодекс наемников, этого уже тоже можно было не опасаться.

Рядом со мной, лузгая семечки из одного подсолнуха, громко болтали два мужика. Я невольно прислушалась. «Слыхал, Грась? Якись-то гады, шоб их родимчик хватил, по жнивью ночью шлялись и Последний Колос вусмерть растоптали, пришлось скоренько другой втыкать и подвязывать, шоб праздник не сорвать». Конечно, скорее всего урон местной достопримечательности нанесли местные же пьянчуги, но по моей спине скользнул неприятный холодок прошлой ночи, заставив окинуть поле еще одним бдительным взглядом. Староста по-прежнему где-то скрывался, зато я заметила вразвалочку бредущего ко мне Вала. Троль, к моему огромному удивлению, тащил на плече не излюбленный одноручный меч, а здоровенную, тупую и ржавую насквозь алебарду на длинной ручке.

– Мечами только дураки в первом ряду рубятся, – презрительно отмахнулся троль на мой немой вопрос. – А ты из-за их спин алебардой врагам по голове – тюк, тюк! Дешево и сердито.

Я, зная Вала, только хмыкнула. В настоящем бою он не отсиживался за чужими спинами, но расшибать лоб ради чужой потехи не собирался. Он ему еще для серьезного дела пригодится.

– Так, цыпа, с клиентом я договорился, – неожиданно сменил тему троль. – Встречаюсь с ним как стемнеет, в «Золотой середине». Передаю

трофеей и требую денежки, а потом объявляешься ты и закатываешь скандал. Только не раньше чем он расплатится, иначе я тебя на самом деле пристукну!

– Ты их заработай сначала, – съязвила я.

– Уже. На, покарауль, покуда я тюкать буду. – Троль сунул мне в руки какой-то замызганный мешок.

– А что там?

– Твоя башка, – хмыкнул наемник, для разминки взмахивая алебардой. – Хошь, полюбуйся напоследок...

– Что?! – Я с опаской расправила горловину мешка. На дне лежала недозревшая, желтовато-зеленая тыква с пупырчатой кожурой – похоже, выдолбленная изнутри, иначе весила бы намного больше. В принципе ею можно было бы и ограничиться, но Вал, видимо, решил хоть немного скрасить возможную (и весьма вероятную!) печаль клиента от столь оригинальной замены. В результате у тыквы появились два огромных раскосых глаза, нама-леваных углем и укомплектованных непотребно длинными ресницами, нос из кривой морковки, клыкастая ухмылка и белый, по-старушечьи завязанный платочек, из-под которого торчала соломенная челка.

– Похожа, а? – хохотнул троль, ловко подхватывая мешок, выпавший из моих ослабевших пальцев. – Издалека так и вовсе не отличишь!

– Ты что, издеваешься?! Ужас какой!

– Не ужас, а элемент неожиданности, – снисходительно пояснил наемник, завязывая мешок и снова всучивая его мне. – Тебя проняло, и его, дай боги, удар хватит! А нет – хоть на пару секунд обомлеет, все меньше хлопот!

– Зачем ты вообще эту канитель с мешком затеял?

– Ну не с пустыми же руками к нему идти, – пожал плечами Вал, – еще заподозрит чего, сбежит раньше времени.

– Но он же маг, а то и телепат!

Троль только хохотнул:

– Цыпа, помнишь, как мы с твоим упырем, не к ночи будь помянут, в Молтудир по моей наводке мотались? Гхыр бы он мне что заплатил, если б бесплатно мог в башке подглядеть! А та история с арлиским похищением? Не зря же ему для выкупа троль-посредник понадобился, вампира или человека та хвыба белобрыса с первого взгляда бы раскусила!

Посреди луга пропели трубы, прерывая наш разговор. Вал вскинул алебарду на плечо, надвинул забрало шлема и поспешил на свой край луга. То есть и мой. Магам традиционно полагалось находиться позади войска и

первыми наносить удар, так что я пристроилась чуть в сторонке, чтобы видеть все поле.

Движение между «армиями» прекратилось, и я наконец-то увидела Олдея и его белорусского коллегу, вышедших на середину поля. Рослый пшеничноусый мужик богатырского сложения снисходительно поглядывал на нахохлившегося Олдея, рядом с ним казавшегося еще мельче. Винесская половина проигрывала третий год подряд, так что честь вступительной речи принадлежала белорусцу. Он приветственно потряс над головой сцепленными руками, вызвав ответный одобрительный рев толпы, и радостно проорал:

– Ну, сталбыть, снова мы тут собрались по такому полезному поводу, как винечанам бока намять, то есть в благородном бою показать им лешеву мать и ракову зимовку! А раз такое дело, то нечего на меня с развешенными ушами глазеть, раньше начнем – раньше выпьем!

И старосты быстренько ретировались из опасной зоны.

Я, хоть и относилась к порученному мне заданию весьма скептически, халтурить не собиралась. Да и работать с иллюзиями всегда любила.

Первым на ум пришел, разумеется, дракон, но это слишком объемный фантом, чтобы долго его поддерживать. Начнет еще мигать или исчезать кусками в самый разгар боя, вызывая нездоровый смех публики... Грифон–избито, жерпага – мелковата...

Поразмыслив, я остановилась на горном мраскане. Это близкий родственник василиска, только раз в десять крупнее, да и выглядит внушительно: шипастая чешуя, длиннющий хвост с зазубренным наверху, навывлет пробивающим панцирь доспехов, хищно вытянутая морда с ярко-алыми глазами и две пары кожистых крыльев. У себя в горах он охотится преимущественно на коз, но не брезгует и пастухами. Хотя первым, если его не разозлить, никогда не нападает.

Естественно, я и не подумала карабкаться по элгарским ущельям, выискивая логово мраскана и устанавливая там телепорт, чтобы в нужный момент активировать его с помощью талисмана, как порой поступали в настоящих войнах. Но фантом постаралась сделать как можно красочнее, даже телепортационный переход изобразила.

И досадливо поморщилась: над противоположной стороной луга распахнулась точно такая же воронка, откуда вырвался второй мраскан. Что-либо переделывать было поздно – твари, испуская заказанные «гулы та свисты», рванулись друг к другу. Народ с оханьем приседал, хватаясь за шапки, мальчишки восторженно прыгали и орали, дети помладше с писком откнулись матерям в юбки, а то и заревели от страха. Пожалуй, я зря

расстраивалась – получилось как раз очень зрелищно и реалистично: две практически одинаковые крылатые твари, серо-стальная и песочно-желтая, по воле боевых магов схлестнувшиеся в воздухе.

Практически. Кроме одной малюсенькой детали.

Белорский мраскан оказался настоящим.

Он прошел через мой фантом, как ястреб сквозь облако, и камнем упал вниз, растопырив когтистые лапы и вывернув задние крылья усеянной шипами стороной.

Толпа вокруг меня хоть и жаждала зрелищ, но предпочитала наслаждаться ими на расстоянии, а посему торопливо отхлынула в стороны, оставив меня в подобающем герою одиночестве. И, не разочаровавшись, восхищенно охнула: я в мгновение ока очутилась в классической боевой стойке мага-практика, с пульсаром в одной руке и отражающим его свет мечом – в другой.

Тварь быстро приближалась, хлопая крыльями, как огромный нетопырь. Я прикрыла глаза узкой полоской лезвия – для обзора вполне хватало кусочков сверху и снизу. Мраскан не василиск, благоустроить площадь живописными скульптурными композициями не сможет, но прямым взглядом вполне способен ослепить на несколько часов. И любоваться окрестностями он почему-то не желал, без колебаний выбрав из тысячной толпы именно меня.

В последний момент я отшатнулась назад, одновременно взмахнув мечом. Перед глазами мелькнуло шипастое крыло, судорожно сжавшиеся когти. Пахло приторной змеиной вонью.

Я задела его самым кончиком клинка, прочертившим на песочном боку полоску длиной с ладонь, разом набрякшую черными каплями. Меч принял на себя взмах хвоста, на какую-то пядь не дотянувшегося до моего глаза, но погасить удар не сумел, и я хлопнулась спиной на утоптанную землю. Встать не было времени, я выпустила меч и выставила вперед обе руки, успев перехватить мраскана на развороте, спиной ко мне. Тварь с визгом забила в дымной спирали, полосуя ее когтями и шумно хлопая крыльями. Поднатужившись, я отшвырнула ее назад, туда, где пульсировал, смыкаясь, видимый только мне канал телепорта. Еще одно усилие – и он, полыхнув дополнительно влитой силой, завертел и гостеприимно сглотнул верещащего гада.

Я подобрала меч и, опираясь на него, встала. Ошалело огляделась. Народ восторженно рукоплескал, свистел и улюлюкал, к моим ногам серебристым дождем сыпались монетки. Живо представилась не менее озадаченная морда мраскана, в запале кружащего над горными пиками и

безуспешно пытающегося понять, откуда все взялось и куда опять сгнуло. Ох, попадись нам только этот колдун!!!

Но в этот момент потрясающие мечами и алебардами наемники ринулись вперед, и на лугу воцарилось такое столпотворение, что пробраться через него удалось бы только по головам. Скорее всего, этот мерзавец, как и я, стоял позади «войска» и, сообразив, что запахло жареным, поспешил откланяться. Пока я обегу эту толпень, его и след простынет.

Мне оставалось только в сердцах топнуть ногой и злобно выругаться. Леший, я же ночью почувствовала, как он настраивал телепорт! Если бы не та проклятая мышь и спугнувший мерзавца вопль!

Стоп. Мышь! Будь я в Догеве, я бы подумала...

Толпа взревела пуще прежнего, зрители повскакивали с мест. Победили винечане. Неизвестно, как они это определили, ибо «благородный бой» очень быстро перешел в грандиозную свалку, овеванную славой и пылью. Но когда первая достигла апогея, а вторая осела, белорцы досадливо покидали на землю шапки, а винечане с радостными воплями бросились качать Олдея. Попытались и меня, но я поспешила отвести им глаза и затеряться в толпе.

В довесок к лугу старосте победившей половины доставалась великая честь по усекновению Последнего Колоса, и народ радостно повалил на общинное поле, посреди которого сиротливо торчала единственная соломина (во избежание повторения ночного инцидента охраняемая парочкой вооруженных вилами селян).

Торжественно спущенный на землю Олдей звонко пощелкал ножницами и подступил к колосу. Увы, подвязывая оный, местные умельцы перестарались, присобачив к хлипкой соломине – «шоб наворачка!» – толстый стальной прут. Пару минут староста честно пыхтел и скрипел ножницами об уникальную растительность, высекая искры, потом воровато оглянулся и – а! была не была! – выдернул колос вместе с прутком.

Праздник состоялся. После продолжительной овации народ расползся по лужку, где уже шмыгачи торговли со всевозможными лакомствами, зазывали на представление владельцы бродячих цирков, приглашали померяться силой заезжие силачи и тренькали, настраивая струны, гусяры-сказители. Ничего из этого меня не интересовало, и я, вспомнив уговор с Орсаной, стала потихоньку выбираться из толпы.

Подруга уже ждала меня возле ворот, нетерпеливо прохаживаясь взад-вперед.

– Ну кто победил?

– Наши, – лаконично ответила я. – Ага, а вон и Вал.

Рядом с троллем шел какой-то бородатый мужчина в ржавой кольчуге явно опадищинского разлива, с таким же раритетным мечом времен Девятой войны. По излишне оживленной беседе можно было догадаться, по кому прошло Валово «тюк-тюк».

– Вольха, привет! – Мужчина жизнерадостно помахал мне рукой, и я с изумлением опознала в нем Ролара, не стригшегося, похоже, с нашей последней встречи. Собранные в низкий хвостик волосы и несколько редких прядок челки придавали ему еще более разгильдяйский вид, чем обычно. Даже мне не верилось, что этот задорно ухмыляющийся тип лет тридцати – полторасотлетний арлиссский советник.

Потом Ролар заметил Орсану, и настал его черед удивляться. Впрочем, недолго. Оба просияли и рванулись было навстречу, но в последний момент передумали и, остановившись в двух шагах, степенно протянули друг другу руки. Вампир, правда, рукопожатием не ограничился, после одного ловко повернув Орсанину лапку ладонью вверх и смачно чмокнув наемницу в запястье. Девушка зарделась, что, впрочем, не помешало ей с возмущенным воплем выдернуть руку, ибо вампир, покончив с лобзанием, уже выразительно облизывался на голубоватые ниточки вен под загорелой кожей.

– Прекрасно поработала, цыпа! – Троль на радостях так хлопнул меня по плечу, что у меня чуть колени не подломились. Видимо, премиальные за победу были столь же весомыми. – Говорят, белорский колдун как тебя в деле увидел, тут же наутек кинулся и весь боевой дух с собой прихватил, так что мы их одной левой уделали!

– Да уж, поработала... – проворчала я, не вдаваясь в детали. – Ролар?!

Вампир подбоченился:

– Я здесь...

– По личным делам, – саркастически закончила я.

– Как ты догадалась? – куда талантливее Орсаны изумился арлиссский советник. – А ты-то почему не в Догеве? Кстати, когда ты в последний раз с ней связывалась?

– Месяц назад. А что? – насторожилась я.

– Да так, ничего. – Ролар через голову стянул кольчугу и бросил ее у забора, рядом с мечом и алебардой Вала. – Лён волнуется. Завтра я как раз поеду в Догеву, может, составишь мне компанию?

– Нет, спасибо, у меня еще здесь кой-какие дела остались, – торопливо отказалась я.

– Сваливаем отсюда, покуда нас вместе не засеки, – бесцеремонно

перебил нас тролль. – Надо подыскать какое-нибудь укромное местечко и сговориться, как цыпину башку сбывать будем.

– Вал мне все рассказал, – пояснил вампир. – Я в команде, если ты не против... и даже если против!

– Я тоже! – решительно заявила Орсана, еще не зная, в чем дело, но безошибочно доверяя интуиции.

– Ладно, идите за мной, – вздохнула я, представив, как буду втолковывать бабке, что это – авторитетнейшие мировые специалисты по отлову упырей, с которыми я собираюсь устроить научный консилиум на ее сеновале...

* * *

Кусты сирени, так привлекательно выглядевшие в темноте, оказались пополам с крапивой. Злобное шипение и остервенелое почесывание не стихали ни на минуту, но признаваться в тактическом промахе никто не желал. К тому же это был единственный способ незаметно подобраться к корчме.

– Постарайся максимально экранироваться, – наставлял меня Ролар. – Сдерживай эмоции, закройся от телепатии, не смотри на них в упор. В корчме сейчас полно людей, есть шанс среди них затеряться, но помни: если там действительно вампир, причем непрерывно тебя вынюхивающий, достаточно одной ошибки – и он тебя засечет.

– Да помню, помню, – обиженно проворчала я. – Не учи Верховную Ведьму колдовать, иначе я тоже примусь тебе советовать!

– Ладно, извини. Ну что, все готовы?

– Угу. Как договорились – ждете, покуда клиент хай не подымет, а потом все разом!

Ролар и Орсана беззвучно обошли корчму с двух сторон, затаившись возле окон. Я подкралась к крыльцу и прислонилась к стене рядом с распахнутой настежь дверью, как будто возжелала подышать свежим воздухом.

А Вал напрямик попер через порог, демонстративно помахивая мешком.

Подсматривать в щелку я не рискнула, да и так все понятно было. Колдун с дружками засели в самом дальнем углу, в отдельном эркере, куда я еще днем предусмотрительно подложила кусочек горного хрусталя (на

который очень удобно ориентироваться при подслушивании, особенно если хочешь сделать это как можно магически незаметнее), рассудив, что лучшего места для преступных сговоров не сыскать.

Пока что все развивалось по плану. Головодобытчика приняли без проволочек, с плохо скрываемым нетерпением. Голос «заказчика» показался мне отдаленно знакомым, хотя он намеренно его искажал и вообще старался отделаться словами типа «да», «ну» или невнятным хмыканьем.

– Деньги вперед! – нахально потребовал наемник. Глухо звякнуло. Потом ответно плюхнуло. Элемент неожиданности проявил себя во всей красе.

Удар клиента, к сожалению, не хватил, хотя хрип, последовавший за осмотром трофея, был очень похож на предсмертный.

– Ты что, издеваешься нао мной, наемник? – клопочущим от ярости голосом поинтересовался колдун.

– А чего? – кося под дурачка, изумился Вал. – Ну помялась чуток, пока нес...

– Помялась?! Это же тыква, идиот!

Видимо, клиент извлек «заказ» из мешка и швырнул его наемнику в руки. Тролль не отказал себе в удовольствии парочку секунд полюбоваться на свое творение:

– Ты глянь, и впрямь – тыква! А как похожа, видать, перепутал в потемках...

Сразу после этого глубокомысленного замечания раздался сочный хруст и гневный вопль, перешедший в негодующее бульканье. Ролар и Орсана одновременно запрыгнули в окна, я – в дверь. И наперегонки рванулись к эркеру, из которого как раз спиной вперед выскакивал Вал, на ходу вытаскивая меч. Легкие резные дверцы распахнулись во всю ширину, вслед за троллем пропуская четырех невероятно злощих мужиков с уже обнаженными клинками. За ними маячила шатающаяся фигура в черном плаще почти до самого пола. Голова у нее была моя. Вернее, тыквенная.

В следующее мгновение дверки схлопнулись, а когда снова разошлись, обломки тыквенной кожуры валялись на полу, а из-под капюшона виднелся только подбородок.

– За этих – еще по десятке! – сорванным голосом заорал так и не опознанный заказчик. Поскольку указующий на моих друзей жест оказался весьма неопределенным, прочие посетители корчмы решили не рисковать и поскорее покинули ее всеми доступными путями. На боевом посту остался только владелец «Золотой середины», нырнувший за стойку вместе с

торопливо прихваченным свитком и чернильницей, дабы потом предъявить каждому из дебоширов (или их безутешным родственниками) точный счет за нанесенные заведению убытки.

Оные не замедлили последовать. Судя по воплю колдуна, по крайней мере один из его спутников был очередным наемником, подбиваемым на предмет обогащения сорока кладнями. Оказалось, двое. Возможно, в другое время они и стали бы кочевряжиться, требуя надбавки, но драка уже началась, а десять золотых всяк лучше, чем ничего.

Первым пострадал один из стульев, раздраженно отброшенный с дороги подступающим к Орсане мужчиной. Этот, судя по мрачному блеску глаз, наемником не был и, пожалуй, сам бы приплатил за удовольствие кого-нибудь прирезать.

Девушка попятилась, заставив противника несколько ослабить бдительность, а потом неожиданно нырнула под стол и, выскользнув с другого конца, подпрыгнула, словно собиралась вскочить на столешницу, но вместо этого что есть силы долбанула ногами по ее краю.

Стол встал на дыбы, противоположным краем доски закатив наглицу лихой хук в челюсть. Орсана извернулась в воздухе, словно кошка, приземлившись в локте от шумно рухнувшего стола. В противоположную от него сторону не менее эффектно рухнул бандит.

Дальше наблюдать за дракой у меня не было времени: маг уже что-то бормотал себе под нос, а между его пальцами искрило формирующееся заклятие. Я присмотрелась и возмущенно фыркнула. Атаковать меня, мага огненной стихии, банальным «ледяным вихрем»?! Ха! Я вскинула руки, небрежно и на первый взгляд беспорядочно всплеснула ими в воздухе, создавая отражающий щит Вереса. Одно из моих любимых заклинаний давно уже перешло в разряд автоматических, требуя только подкрепленного силой жеста, выверенного до такой степени, что разве что архимаг перебьет.

Ощущения были такие, словно я скрестила изящный эльфийский клинок с кованой кочергой. Меня отшвырнуло назад и познакомило со стеной всеми выпуклыми местами. Стать вогнутыми им помешал только щит, немного смягчивший удар. Колдун казался не менее ошарашенным, но куда более довольным. Прежде чем его ухмылка стала совсем уж невыносимой, я распрямила пальцы в формуле Декка. Результат опять оказался совершенно непредсказуемым: маг, только что чуть не размазавший меня по бревнам, скрючился от простейшего заклятия. Пока мы оба лихорадочно пытались вдохнуть и сказать друг другу еще что-нибудь столь же сердечное, битва в корчме набирала обороты. Наемники

горели желанием заработать обещанные кладни, вдвоем насеив на Вала. Троль весьма отрицательно относился к этой идее, одинаково ловко орудуя обеими руками – с мечом и тяжелым охотничьим ножом. Царапина поперек щеки его только раззадорила.

Орсана гоняла своего противника вокруг стойки, как козла хворостиной. Учитывая, что «хворостинка» была шести пядей в длину и обоюдоострая, дело спорилось – бандит еще не успел оправиться от атаки стола и лишь вяло парировал.

У Ролара дела шли не столь успешно. Его соперник действительно оказался вампиром, выскалившим клыки и с шелестом развернувшим крылья. Арлисского советника хватило только на то, чтобы заблокировать и пятиться. В вампирьем исполнении сие выглядело весьма колоритно – по-звериному рычащая и хлопающая крыльями парочка вихрем прошлась по корчме, превращая столы и стулья в деревянное крошево. Досталось даже потолочной балке, рассеченной почти пополам.

Корчмарь, то и дело выглядывая из-за стойки, как пугливая белочка из дупла, строчил со скоростью маслобойки.

Я наконец сумела подняться, маг тоже выпрямился, но, кажется, начал плести заклятие чуть раньше. Распознать его мне не удалось – просто ощутила нечто приближающееся, липко вязнущее на зубах и отдающееся в груди, словно вибрацию земли под ногами за минуту до того, как по ней промчится табун диких лошадей.

И вдруг заметила, что противник с таким же напряженным вниманием и подозрением присматривается ко мне.

Шум, теперь слышный даже сквозь грохот схватки, шел откуда-то снаружи, нарастая с каждым ударом сердца. Не то стук градин, не то шелест листьев, не то... хлопанье тысяч крыльев.

Летучие мыши хлынули в корчму из всех щелей одновременно. Камин словно задымил в обратном направлении, из окон и двери вообще струился сплошной клубящийся поток черно-серого цвета, маревом расползаясь по комнате. Судя по нашей с колдуном реакции, столь массовый визит «на огонек» оказался сюрпризом для обоих. Сходные заклинания, срикошетив друг от друга, так сотрясли корчму, что ее владельцу пришлось сделать вылазку за вторым свитком, а результат оказался весьма далек от задуманного. Потерявшие ориентацию зверьки заметались по корчме, натываясь на все и всех подряд. Одна острыми коготками впиалась мне в волосы, еще штук пять, не прекращая хлопать крыльями, повисли на куртке. Орсана, которая и обычных-то мышей на дух не переносила, с пронзительным девчачьим визгом выскочила из корчмы, а за ней – оба

наемника, наконец-то сообразившие, что деньги в жизни – не главное. Больше всех почему-то досталось Валу (видимо, из-за размеров или повышенной волосатости). Троль даже бросил меч и попятился к стене, закрывая лицо руками. Я стряхнула мышь с рукава, но на нем тут же повисли две другие. От верещания и писка закладывало уши.

Я уже собиралась плюнуть на все и последовать Орсаниному примеру, но тут колдун вскинул руки к потолку и посреди корчмы вырос столб синего пламени. Капюшон соскользнул ему за плечи, что, увы, мало мне помогло – из-за мышинной круговерти я видела только смутные очертания фигуры в голубоватых отблесках. Прежде чем я успела сообразить, какую гадость он замыслил на этот раз, пришибленный столом разбойник оглянулся и без колебаний нырнул в пламя. Его дружок-вампир одним звериным прыжком через полкорчмы последовал за ним, оставив свой меч в Роларе. Вернее, у него под мышкой – арлиссский советник в последний миг уклонился от колющего удара в подреберье, и вражеский клинок лишь вспорол рубашку на боку, глубоко засев в стене.

Последним в пламени исчез колдун, и оно искрами прыснуло в стороны, оставив после себя едкий запах жженой шерсти.

В то же мгновение мыши, словно опомнившись, на секунду ошалело зависли в воздухе или замерли где сидели, а потом дружно бросились врассыпную. Через пару минут в корчме осталось лишь несколько раскиданных по полу безжизненных комочков.

Мы с Валом недоверчиво выпрямились, с опаской прислушиваясь и оглядываясь.

– Ну что? Опознала хвыбника? – невозмутимо поинтересовался троль, носком сапога эдак невинно тюкая единственный уцелевший стол в надломленную ножку. Тот с грохотом рухнул, и в разнесенной корчме воцарился идеальный беспорядок.

– Заметила только, что на меня похож, – угрюмо буркнула я, массируя запястье.

Ролар задумчиво щелкнул пальцами по оголовью недовольно загудевшего меча, потом обеими руками ухватился за крестовину и дернул. Противник постарался на славу, высвободиться удалось только со второй попытки.

В дверь робко заглянула Орсана, перепуганная и смущенная донельзя. Не успела она облегченно вздохнуть, увидев нас в живом, хоть и несколько потрепанном виде, как вампир, мигом воспользовавшись ситуацией, с всхлипом осел на колени, придерживая вражеский меч локтем. Недоуменно уставился на торчащую «из груди» рукоять, запрокинул голову и надрывно

простонал:

– Ну вот и пробил мой смертный час...

Округлившись глаза девушки были достойной наградой павшему герою.

– Хочешь, добьем, чтобы не мучился? – великодушно предложил тролль.

Ролар сделал вялый протестующий жест и угасающим голосом продолжил: – И только глоток крови из горла непорочной девы может спасти меня от неминуемой гибели...

Орсана без колебаний бросилась к нему, с треском раздирая ворот рубашки. Вампир охотно распахнул ей объятия, и меч со звоном упал на пол.

Как выяснилось, от неминуемой гибели также хорошо помогает обыкновенная оплеуха. Подруга на всякий случай заставила Ролара принять двойную порцию этого чудодейственного снадобья, живо поставив его на ноги, а для закрепления результата наградила улепетывающего вампира пинком под зад. Немалую лепту в столь быстрое исцеление также внесли несколько слов, которые непорочным девам вообще-то и знать не положено.

– Вот махабр вшивый! – возмутился Вал, пересчитав «гонорар». – Три монеты не доложил! И как теперь людям верить?

Я наклонилась и подняла с пола маленькое обугленное колечко. Не верилось, что оно смогло дать такой столб пламени, но тем не менее. Колдун лишь активировал амулет экстренной телепортации. Очень опасная и ненадежная штука, радиус действия полверсты от силы, зато быстрая и эффективная. И не отслеживаемая. Ищи их теперь! Еще и по разным местам небось раскидало...

Вампир, убедившись, что Орсана уже не настаивает на его немедленном усекновении, облокотился на подоконник, предусмотрительно оставаясь снаружи корчмы.

– Где-то я этого типа видел... – Ролар, хмурясь, покрутил в руках трофейный меч. – Но убей не помню, когда и при каких обстоятельствах...

– Если это тебе хоть немного поможет, то я к твоим услугам, – ехидно предложила девушка, поигрывая своим клинком. – Вольха, а у тебя как дела?

– Точно так же.

Колечко я тем не менее не выбросила. Схожу завтра к мастеру амулетов, попрошу сравнить его магию с аметистовой.

Орсана брезгливо ткнула одну мышку ногой и с визгом отшатнулась,

когда та внезапно затрепыхалась и взлетела. Вал взмахнул мечом, номышь ловко увернулась, а Ролар, наоборот, посторонился, давая ей дорогу.

– Я, пожалуй, на улице вас подожду, – отдышавшись, пробормотала девушка. И выскочила из комнаты, на этот раз старательно обходя распластанных зверьков.

Ролар остался улаживать дела в корчме (вернее, ее жалких остатках). Корчмарь, категорически отказавшись вылезать к вампиру из-под стойки, в вопросах коммерции проявил завидную твердость, загробным голосом вещая из своего убежища: «...а тако ж кафтан рабочий, нетопырями до полного непотребства изгаженный, – одна штука...» Вал и Орсана бурно доказывали пятерым стражникам и обоим старостам, что в корчме происходила всего лишь дружеская потасовка и ее владелец ничуть не против покосившейся крыши и разъехавшихся венцов. Толпа любопытных росла как на дрожжах.

Я вышла из корчмы последней и особого внимания не привлекла. Толкаться среди зевак, пожалуй, нет смысла, а друзья знают, где меня искать.

До бабкиного дома оставалось двора три, когда меня окликнул круглощекий, дородный купец лет сорока, сжимающий в руках маленького сизого голубка:

– Эва, госпожа ведьма, как удачно мы с вами стакнулись! Дельце у меня к вам небольшое.

– Какое?

– Вот письмецо надо срочно с голубком отправить, а он, лентяй, ночью летать не желает! – в шутку посетовал мужик. – Не вразумите ли пташку?

Просьба меня ничуть не удивила. В темноте голуби, как и все дневные птицы, видят плохо и, отлетев на пару верст, норовят скоротать ночь где-нибудь в лесу на ветке. Поэтому, если дело не терпит отлагательств, на птицу накладывают специальные чары, позволяющие ей без усталости мчаться к цели даже в кромешной мгле.

Мы отошли в сторонку, я быстро сотворила нужное заклинание, вернула купцу голубя и больше для поддержания разговора поинтересовалась:

– Неужели в таком большом селе нет телепатофона? Или это настолько секретные сведения?

– Да какие там секреты! – со смешком махнул рукой купец. – Помощник мой завтра утром с обозом в Витяг отбывать собирался, а я уже здесь двадцать связок лисьих шкурок по дешевке прикупил, так пусть не едет. Телепатией-то оно и впрямь быстрее да надежнее вышло бы, да нынче

запрет на ней, вот и выкручиваемся как можем.

– Какой запрет? Чей? – уже на самом деле удивилась я.

– Да ваш же, – охотно сообщил болтливый мужик. – Магиков из Ковена. Мол, какое-то жуткое колдовство у них через это дело приключилось – кто разума лишился, а кто и на месте помер, даже пикнуть не успел. В Камнедержце, сказывают, вообще ни одного телепата не осталось. Так покуда старминские маги не разберутся, кто, что да откуда, шоб никаких депеш. Они-то там разбираются, а у меня торговля простаивает! Не могу же я ежедневно по десятку голубей рассылать, да еще гадай потом: долетят – не долетят... одни убытки от вашей братии!

Мужик шутливо подмигнул, протягивая мне обещанную серебрушку. Я машинально стиснула монету в кулаке, тут же о ней забыв.

– Когда это случилось?!

– Да уж больше двух недель минуло. – Купец подбросил голубя в воздух, отряхнул руки и невозмутимо добавил: – Ну да нет худа без добра. Столичные власти о том молчат, а людишки все одно шепчутся – в долине вампирьей, Догеве богопротивной, тоже убыток. На следующий же день королевских послов оттуда со свистом погнали – мол, не до вас сейчас, своих проблем хватает. Архимаг старминский самолично к упырям на поклон ходил – не иначе как заверять, что Ковен ихний тут ни при чем, – и того не пустили. Хорошо хоть вообще не заели... а может, и заели – кто ж признается?

– Как туда проехать?! – перебила я.

– А вам-то оно зачем? – опешил мужик.

– Затем!!! – рявкнула я, и струхнувший купец зачастил:

– Ну, есть Заборищенский тракт, что напротив Герина в Витягский переходит. Верст десять по нему проедете и на второй развилке на Упырий свернете. Там дорога хорошая, наезженная, А есть короткая дорога, Мракобесьи Овражки. Селяне по ней порой овец гонят да возы тягают. Она хоть среди буераков и петляет, но часов шесть точно выгадаете... эй, госпожа ведьма, куда ж вы?!

Туда, откуда вообще не должна была уезжать.

* * *

Только когда кобыла прыгнула, я поняла, что это была саженная яма, а не тень от холма. Огибать ее Смолка поленилась, хотя уже больше часа

мчалась сумасшедшим галопом. Обычная кобыла давно бы покрылась пеной, эта же лишь чуть громче стучала копытами, но по-прежнему словно играючи взвивалась над препятствиями.

Мракобесьи Овражки полностью оправдывали свое название. Проселочная дорога судорожно пыталась втиснуться между многочисленными лесками, буераками, балками, затхлыми прудиками и холмами, то расширяясь до нескольких саженей, то сужаясь до трех локтей от силы. Видимость спереди и сзади ограничивалась тремя-четырьмя сотнями саженей, до очередного поворота.

Что брошенные без предупреждения друзья наверняка будут волноваться и кинутся меня искать, я сообразила только в пяти верстах от Опадищ. Седлая Смолку, я думала только об одном: за к'ярдом, даже полукровкой, не угонятся самые лучшие кони. Они наверняка захотят поехать за мной, но только задержат. Да и чем бы они мне помогли?!

Но записку-то черкануть могла! Ох и влетит мне от них...

Мысль мелькнула и бесследно исчезла под ворохом куда более серьезных. Да леший с ними, пусть хоть на кусочки разорвут, лишь бы слухи оказались просто слухами! А если нет... мне уже будет все равно.

Я машинально подхлестнула кобылу. Смолка фыркнула и раздраженно взбрыкнула: я же не учу тебя ездить, так не учи меня скакать!

«Не уезжай».

Боги, какой же я была идиоткой! Почему я его не послушалась?! В конце концов от свадьбы с вампиром еще никто не умирал! Что, свет клином сошелся на боевой магии?! Написала бы диссертацию по заклинанию погоды в условиях эффекта черновика – уникальная тема, защитила бы за милую душу! Зато постоянно была бы рядом с ним и в случае чего встала плечом к плечу, до последнего вздоха... а не фальшиво закатывала глазки перед подругами: «Ах, я так его люблю!»

Подумаешь, свадьба! Да хоть завтра замуж выйду!

Если еще будет за кого...

Вконец разобиженная кобыла попыталась укусить меня за ногу.

– Все, все, я больше не буду! Под копыта давай смотри!

Дорога нырнула в песчаный карьер. То ли здесь и впрямь когда-то вели разработку, то ли трещина в огромном холме появилась благодаря землетрясению, но выглядел он так: полверсты тянувшихся вдоль дороги склонов, до середины пологих, а выше отвесных, из более твердой глины, испещренной норками ласточек-береговушек. Расползаться вширь карьеру не давал толстый слой дерна и растущие по краю деревца, добротню пронизавшие корнями верхний слой земли.

Звонкий топот сменился шуршащим чавканьем. Лошадь по бабки увязала в осыпавшемся со склонов песке, резко сбавив скорость. «Короткая дорога», чтоб ее! Впрочем, следов здесь хватало – от широких копыт селянских тяжеловозов, полозьев всепроходных волокуш и собачьих лап. И волчьих. Я даже свесилась с седла, чтобы убедиться наверняка. Точно, волчьи – отпечатки передних лап крупнее и не так утоплены в песок; они хорошо держат зверя даже на рыхлом снежном насте. Только волков мне для полного счастья не хватало, лес-то рядом...

Безоблачное полнолуние затопило карьер мертвенно-белым светом, резко очертив все изломы склонов. Отброшенные кустами тени казались узкими бойницами в крепостных стенах. Я поежилась. Такое ощущение, словно еще шаг – и оттуда полетят стрелы, с пронзительным свистом рассекая холодный осенний воздух.

Прищурившись, я обвела взглядом края карьера – и вздрогнула. Слева что-то мелькнуло. То ли ветка колыхнулась, то ли кто-то – или что-то? – на мгновение выглянуло из кустов и юркнуло обратно.

– Ты видела? – согнувшись над передней лукой, шепотом поинтересовалась я.

Смолка согласно фыркнула и ускорила шаг.

Воспользоваться поисковым импульсом я не могла – карьер был слишком глубок, чтобы заклинание, достигнув края, перевалило через него и пошло дальше. Лучше всего оно действовало на ровной поверхности, огибая холмы в основании, на что нередко покупались неопытные маги, когда им на голову «откуда ни возьмись» прыгала затаившаяся на верхушке каменной глыбы зверюга.

Еще один едва уловимый промельк. По склону с вкрадчивым шелестом зазмеилась тонкая струйка песка.

Подгонять кобылу, что сделал бы любой нормальный человек, я не стала. Напротив – слегка осадила, ободряюще потрепав по шее. Смолка недовольно прижала ушки, но подчинилась. Колдовать на скачущей во весь опор лошади – не лучший вариант, а если мы внезапно рванем вперед, это только спровоцирует хищника. А так есть шанс ошеломить его своей наглостью – возможно, посчитает, что настолько самоуверенная всадница ему не по зубам, и пропустит. Вот за карьером стоит прибавить скорости, там хоть будет место для маневров. По песку же особо не разбежишься, взобраться по склону тоже не получится, зато и не спрыгнешь – слишком высоко, саженой двадцать.

Может, оно тоже ждет, пока мы выедем на ровное место? За карьером продолжается холмистое редколесье, куда охотно заходят и лесные, и

степные твари. Те же волки. Но преследующая добычу стая обычно воет, сверху же не доносилось ни звука. Обычные упыри?

Я на всякий случай потянулась проверить, как ходит в ножнах меч. И ощутила неестественное тепло рукояти.

Я просчиталась – оно-таки прыгнуло, быстро и ловко спланировав на коротких недоразвитых крыльях, предназначенных именно для такой атаки, а не полета. Длинные когти всех четырех лап глубоко впились в лошадиный круп, над моим ухом щелкнули зубы. Смолка взвизгнула и, не раздумывая, кубарем покатились по земле, подминая под себя неведомую тварь. Я успела соскочить и даже худо-бедно сгруппироваться. Будь дорога потверже, я бы отделшлась парочкой синяков, но правая нога увязла в проклятом песке, застряв в щели между скрывавшимися под ним камнями, в то время как инерция продолжала увлекать тело вперед.

Раздался громкий хруст, спустя мгновение сменившийся нестерпимой болью в правой голени. Мне еще ни разу не доводилось ломать ногу, и новизна впечатлений выразилась в жутком вопле, многократно усиленном карьером и вознагражденном парочкой оползней. Впрочем, я себе льстила – звук тут был ни при чем. В карьер соскользнули еще несколько тварей, то прыгая вниз по склону, то с громким хлопаньем крыльев подъезжая на песчаной лавине. Три с разных сторон атаковали едва вскочившую на ноги Смолку; первая, бессильно щелкая зубами, трепыхалась на земле с переломанным хребтом. Пятая прямоиком кинулась ко мне.

Ничего подобного я в жизни не видела – мохнатое тело на длинных пружинистых лапах, огромная пасть сплошь из клыков и неподвижные, как у зомби, фосфоресцирующие глаза, а за этой впечатляющей композицией – очаровательные лохматые ушки, которые так и хотелось потрепать.

Кобыла звучно лягнула когтистыми копытами одну из тварей, щелкнула клыками перед носом у второй, а когда та с визгом отпрянула, проскочила мимо нее и понеслась к выходу из карьера, так что третья приземлилась уже на пустое место. И с яростным рявканьем бросилась в погоню вместе с остальными, медленно, но верно настигая добычу.

Стиснув зубы, я кое-как приподнялась на здоровое колено, неловко рванула меч из ножен. Под таким углом он неизбежно должен был застрять на полдороге, но в последнюю секунду словно извернулся, торопясь оказаться на свободе. Сияние клейма заставило тварь отпрянуть, но она тут же напала сбоку, рванув зубами рукав. Серебряные шипы ее ничуть не впечатлили, разве что помешали как следует всадить клыки – они лишь скользнули по локтю, выдрав по клоку моей и курточной кожи. Развернуть меч для удара я не успевала, так что по простому саданула ей оголовьем по

лбу. Гадина тоненько, совсем по-щенячьи взвизгнула и отскочила, мотая башкой и скребя ее лапами, как цапнутая шершнем.

Шум крыльев вовремя заставил меня оглянуться. Пульсар впечатался прямо в распахнутую пасть, отшвырнув тварь на добрую сотню локтей. Еще одна ловко развернулась в воздухе, приземлившись двумя саженьями дальше, у меня за спиной, и тут же, нацелившись на мою шею, прыгнула. Меч, почти не встретив сопротивления, располосовал ее от грудины до паха. Кровь верткими ртутными шариками осыпалась с лезвия, не оставив на холодно блеснувшей стали даже пятнышка. Гадина рухнула на бок рядом со мной, судорожно взбила лапами песок и затихла.

Лопухая оклемалась и атаковала снова. Уже умнее короткими быстрыми выпадами, припадая на передние лапы и тут же отскакивая, как лайка вокруг затравленного волка. Задерживая до прихода охотника и в то же время прикидывая, не подвернется ли удобный случай самой запустить клыки в случайно открывшееся горло.

Я плавно выписывала мечом восьмерки, не подпуская ее слишком близко и не поддаваясь на провокации. Левая рука с разорванным рукавом дрожала все сильнее, гадина с легкостью увернулась от хиленького пульсара. Больше рисковать я не стала. Чтобы сплести заклятие, достаточно пары секунд. Чтобы с трех локтей поднырнуть под замерший меч, хватит и одной.

Мы ошиблись одновременно – я, когда услышала вдалеке истошный лошадиный взвизг и, вздрогнув, чуть повернула голову, и она, когда решила, что успеет.

Не успела.

Помедлив, я разжала пальцы, и лопухая с утробным стоном осела на землю. Вместе с засаженным по самую рукоять мечом.

И наступила тишина. Тяжелая, нехорошая, отдающаяся в ушах гулкой пульсацией крови.

Что-то было не так. Куда более не так, чем может быть в полночь на залитом кровью песке, со сломанной ногой, в окружении мертвой и издыхающей нежити.

От оцарапанного локтя расползались ледяные стрелы, покалывая уже в подмышке. А потом вонзились еще глубже.

Луна резко потускнела, уплывая в сторону. Я пошатнулась и рухнула на песок лицом впритык к уродливой звериной морде с влажными проблесками ядовитых клыков.

Нижняя челюсть медленно поползла вниз, словно пытаюсь что-то сказать. Светящиеся глаза внезапно ожили и сфокусировались на мне, но не

с бессознательной звериной яростью, а разумно, торжествующе, откровенно упиваясь этим зрелищем.

«Я все-таки достал тебя, ведьма!»

Мне почудился раскатистый, удаляющийся смех, и ощущение чужого присутствия исчезло.

– Я все-таки тебя вспомнила.

...Ползущие с востока тучи прорвались над рекой, почуяв родственную душу в ее широком илистом разливе. Частые капли зашуршали по соломенным крышам, застучали по новенькой черепице корчмы, расписали переплетающимися кругами маленькое озерцо в центре острова.

Он вырвался из воды с пятым или шестым раскатом грома, взмахнул мощными крыльями и, вытянув шею, в потоке ливня понесся на запад вместе с тучами к восьми закогтившим небо башням. Полупрозрачной тенью скользнул у самой кладки, описал широкий круг и полетел обратно.

Уже с седоком...

Пасть так и не закрылась. Глаза угасли, медленно подернулись полупрозрачными третьими веками... и почти сразу же крылья и когти начали втягиваться, а тело съеживаться, как комок брошенного на угли снега. Спустя пару секунд передо мною лежала обыкновенная дворняга – рыжая, лохматая, с обаятельной лопухой мордашкой, на которой застыло изумление и обида. Рядом вытянулся пегий кобель, чуть подальше – еще дымящийся собачий скелет.

– Да, здорово мы с тобой друг дружке свадьбы подпортили... – прошептала я.

Какой же ерундой кажутся все наши проблемы перед лицом самой последней. Когда важным становится лишь то, что ты не сделал и не досказал...

И в этой жуткой, опустошающей, неумолимо надвигающейся темноте я ощутила чье-то незримое присутствие – и страх схлынул, сменившись невероятным облегчением, уверенностью, что я не буду в ней одинока.

Уже растворяясь в ней, я последними остатками сознания разомкнула немеющие губы – или мне только показалось, что разомкнула, – и выдохнула единственное, самое главное в моей жизни слово:

– Лён...

* * *

– Цэ я в усим вынувата! – По прерывающемся, сокрушенному голосу и частому шмыганью можно было догадаться, что Орсана глотает слова пополам со слезами. И, похоже, у кого-то на груди, изредка от нее отрываясь, потому что всхлипы звучали то тише, то громче. – Я же обицала, що не спущу с ии очей!

«Левая половина села» – отстраненно подумала я.

Послышался глухой звякающий звук, словно кого-то ободряюще похлопывали по спине поверх кольчуги. Потом смущенное покашливание Ролара.

Лба коснулась чуткая холодная рука, и Велька преувеличенно бодро объявила:

– Противоядие вроде бы подействовало; легкий жар, но это даже хорошо. Думаю, все будет в порядке. Верно, коллега?

Лаконичное хмыканье Келлы ни с чем нельзя было спутать. Догевская Травница доводила некоторых особо мнительных больных до полуобморочного состояния, так скептически глядя на жертву обыкновенной простуды, словно снимала мерку на гроб.

– Ну а если она все-таки окочурится, я, так уж и быть, верну тебе задаток. – Вал подумал и добавил: – Половину, надо ж мне хоть транспортные расходы возместить! К тому же она вчера шесть кружек кваса за мой счет вылакала, тоже денюжка...

«Что?!» – не на шутку возмутилась я, начиная потихоньку соображать, что на панихиду сии прочувственные речи как-то не похожи. Хотя от такого «напутствия» даже мертвый выскочит из гроба, чтобы проучить рано обрадовавшихся друзей и близких. Так что не помешало бы и мне вмешаться...

Последней каплей стал мирный, чуть усталый баритон над самым ухом:

– Да ладно вам, я же никого не обвиняю. Главное, что все обошлось.

Узнать-то я его узнала сразу, но чтобы поверить, пришлось открыть глаза и рывком сесть на кровати. Нога отозвалась резкой болью, но такие мелочи меня уже не волновали.

– Ну как ты себя чувствуешь? – как ни в чем не бывало поинтересовался Лён, с комфортом, руки за голову, поверх одеяла растянувшийся на широкой постели рядом со мной.

Я глядела на него сверху вниз и думала, что сейчас либо брошусь его целовать – без разбора, куда попаду, – либо придушу, чтобы неповадно было так меня пугать.

– Еще неизвестно, кто кого больше напугал! – парировал Лён,

сядась. – Две недели назад я получаю сообщение по телепочте якобы от тебя – по счастью, я так рванулся к телепатофону, что он свалился на пол и разлетелся вдребезги, – а потом выясняется, что более аккуратные телепаты скоропостижно отбыли на тот свет! Что я мог подумать?! Разумеется, что тебя прикопали где-нибудь под кустиком, раз осмелились так открыто выступить от твоего имени! Естественно, я бросаю все дела...

Келла неодобрительно фыркнула и скрестила руки на груди. Вампир, привычно не обращая на нее внимания, продолжал:

– ...подключаю к твоим поискам наших общих друзей, и мы начинаем прочесывать Белорию с четырех сторон, в каждом попавшемся селении расспрашивая о рыжей ведьме на черной кобыле, пока...

– Тихие Россохи, – усмехнувшись, перебил Ролар. – Тамошний дайн был весьма огорчен твоим нежеланием осчастливить благочестивых селян своим личным присутствием на весело потрескивающим костерке посреди площади...

– А я проследила тебя от самого Перекрестья! – похвасталась Орсана. – Но догнала только в Опадищах. Показалось, что заметила тебя в рыночной толпе, а пока высматривала, ты сама ко мне подошла! Я так растерялась, что сначала даже не поверила!

– От Духовищ мы вместе догоняли, – ревниво поправила Велька. – Не могла же я остаться в стороне, когда какая-то незнакомая, вооруженная до зубов девушка расспрашивает меня о лучшей подруге, которой угрожает смертельная опасность!

Вал живописать свою розыскную деятельность не торопился, но при этом так многозначительно ухмылялся, словно и в самом деле притащился за мной через пол-Белории.

– Погодите! – Я схватилась за голову, пытаюсь разобраться в потоке обрушившейся на меня информации. – С чего вы решили, что покушения на меня и Лена как-то взаимосвязаны? Я очень сомневаюсь, чтобы паршивый колдунишка из Вороньих Когтей посмел замахнуться на Повелителя Догевы, лишь бы испортить мне настроение! То есть испортил бы, конечно, но какой ценой!

– Вот это мы и пытались узнать, отправляясь с тобой в корчму, – вздохнул Рол ар.

– Несмотря на мою... просьбу, – не удержавшись, укоризненно повернул Лён. Темноволосый покаянно склонил голову.

– И что?

– Ну не такой уж он и паршивый, – уклончиво заметил Ролар.

– Обвешался амулетами, только и всего! – возмутилась я. – Ничего,

теперь я знаю, кто он, и отыскать его в Опадищах с помощью магии будет раз плюнуть!

– Мы уже не в Опадищах, – возразила Велька. – Это Зарницы, небольшая деревенька в полуверсте от карьера. Тут моя троюродная тетка живет, но она сейчас в отъезде. Меня здесь знают, так что соседка без особых вопросов отдала ключи от ее избы.

– А цих поганцив и след простыл, – разочарованно доложила Орсана. – В село они так и не вернулись, даже лошадей у корчмы бросили...

– Ничего, от нас не уйдут, – мрачно пообещал Лён. – Вольха, ты же когда-то мечтала, чтобы у тебя были верные друзья и безутешный возлюбленный, которые отомстят за твою гибель? Пожалуй, мы доставим тебе это удовольствие еще при жизни!

Я снова повернулась к нему, растерянная, смущенная, огорошенная, безумно счастливая и возмущенная одновременно:

– Но зачем ты устроил этот спектакль с изгнанием послов?

– Не изгнанием, а вежливой просьбой заехать в другой раз, – поправил Повелитель Догевы. – Посол – это непременно еще и шпион, а мне не хотелось, чтобы мое отсутствие в долине заметили. Или знали, что я жив. Пусть лучше теряются в догадках и распускают слухи о моей гибели – нам это только на руку.

– Но если колдун уверен, что мы оба мертвы, почему он так поспешно удрал из села?

– Я себя выдал, – неохотно признался вампир. – Вчера, в корчме.

– Так это были твои мыши?! – сообразила я.

Лён угрюмо кивнул:

– Я уже подъезжал к Опадищам и не удержался. Сначала хотел просто убедиться, что с тобой все в порядке, но увидел, что происходит, и решил вмешаться...

– Зачем?! Мы уже почти победили, а ты помог им сбежать!

– Вы почти проиграли, а я их прогнал! – не меньше моего возмутился Повелитель Догевы. – Вольха, ты бы с ним не справилась!

– Это еще почему? Ты что, сомневаешься в моих способностях?!

– Просто я не сомневаюсь в его!

– Так ты его знаешь?! – опешила я.

– Нет. Но скоро познакомлюсь. – Лён резко встал с кровати. – Ладно, собираемся! Мы и так потеряли много времени, теперь придется ехать в потемках.

– Погоди, так вчера ночью ты тоже за мной шпионил?! Та мышь, что помешала мне выйти за околицу и прищучить этого гада?

По лицу вампира скользнула какая-то тень, но он промолчал. Помрачнел и Ролар.

– А куда мы едем? – запоздало спохватилась я.

– Вот именно, мы, – подчеркнул Лён. – А ты со своей ногой – вернее, без нее – остаешься здесь!

– Что-о-о?! – Я попыталась изобразить гневное вставание, но тут же со стоном повалилась обратно. Проклятая нога едва шевельнулась, но ощущения были такие, словно ее сломали заново.

– То, – невозмутимо парировал вампир. – Велеена и Келла за тобой присмотрят.

– Но я могу срастить кости магией!

– Чтобы через пару дней они снова разлетелись на куски, как твоя разорванная и наспех зачарованная куртка?

Я насупилась. Вот гхыров телепат – знает, что по-настоящему нога срастется в лучшем случае через неделю, заклинание же просто зафиксирует ее в нужном положении, как обычный лубок. Очень качественный, позволяющий передвигаться по дому без помощи костылей или сидеть в седле, но о карабканье по оврагам или битве на мечах можно забыть. С другой стороны, разве друзьям помешает магическая помощь со стороны прохлаждающейся в тенечке ведьмы? Колдую-то я не ногами, а Смолка везде пройдет...

Лён внезапно смутился и, кашлянув, уставился в пол, как будто размышляя, с чего начать неприятный, но важный разговор.

– В чем дело? – настороженно спросила я.

– Вольха, боюсь, у тебя больше нет лошади. Судя по следам, она ускакала в лес, а нам некогда было ее разыскивать. И... кажется, ее тоже пару раз цапнули.

– К'яарды устойчивы к большинству ядов, возможно, все и обойдется, – поспешила добавить Келла, глянув на мое изменившееся лицо.

– Но в лесу полно волков, а она ранена и не сможет отбиться! Как вы могли ее там бросить?!

– Вольха, – жестко оборвал Лен. – У нас не было времени спасти вас обеих, и мы выбрали тебя. Уж извини.

Иногда я просто ненавижу этого вампира. Особенно когда он прав.

– Ну хорошо, – сглотнув подступивший к горлу комок, неестественно спокойно сказала я. – Я могу взять... другую лошадь.

Другую! После моей вредной, упрямой, наглой, бесценной Смолки!

– У нас их всего четыре. Вдвоем в одном седле долго не усидеть, а

лошадь не сможет быстро скакать с таким грузом, особенно если за нами увяжется погоня или придется с разгону брать препятствия. А тебе по твоему нынешнему состоянию вообще нужна телега, но, даже будь она у нас, мы бы тебя все равно не взяли.

– Почему?!

– Потому что я так сказал, – отрезал вампир, поворачиваясь к Келле. –
Tha w'errin dou sha?

– F'essp tkerr, – серьезно кивнула травница.

– С какой это стати ты за меня решаешь?! – Вторая попытка утвердиться в более достойном положении привела к тому же плачевному результату.

– Может, ее привязать? – задумчиво прикинула Велька.

Я метнула на предательницу такой огненный взгляд, что, не щелкнув она вовремя пальцами, от ее роскошной косы остался бы только обугленный хвостик.

– Потому что я не хочу становиться вдовцом, минуя стадию мужа. – Лён, не обращая внимания на мой праведный гнев, сосредоточенно похлопывал себя по карманам – от нагрудных до брючных, – проверяя, на месте ли все необходимые для похода мелочи вроде кресала и складного ножа.

– Цыпа, если тебя это утешит – мы привезем тебе голову этого лабарра, – с ухмылкой пообещал тролль, натягивая черные кожаные перчатки с отрезанными пальцами.

– Пойдите, – неожиданно опомнилась я. —А почему вы раньше мне ничего не рассказали? Ни про покушение на Лена, ни что уже две недели разыскиваете меня по всей Белории?!

Повисла нехорошая тишина. Орсана и Вал покосились на Ролара, а тот вместе с Келлой и Велькой – на Повелителя Догевы. Поскольку Лён, закусив губу, продолжал торопливо застегивать куртку, крайний был найден.

– Лён? Лё-о-он! – Я резко провела ладонью сверху вниз.

– Да потому и не сказали, – буркнул тролль, ибо вампир оторопело уставился на застучавшие по полу пуговицы, – что тебе непременно понадобилось бы в это свой нос сунуть. Вот кое-кто предусмотрительный и заплат... то есть попросил нас держать язык за зубами.

– Так вы меня просто продали, – потрясенно прошептала я. – Продали этому подлому типу! Ну ладно еще Вал, о Роларе с Келлой вообще не говорю – вампиры, что с них возьмешь! Но ты, Орсана! Велька! Мои лучшие подруги! Как же вы могли?!

«Ведьмопродавцы» слаженно засопели и зашмыгали носами. Зато Лён, который до этого еще кое-как умудрялся изображать виноватый и покаянный вид мне на радость, не выдержал:

– Этот подлый тип, между прочим, твой муж, и оберегает тебя как может!

– Ничего подобного, у меня свадьба только через три недели!

– Я помню, – саркастически подтвердил Лён. – У меня тоже! Но что это меняет?

– Это меняет все! Все мои планы, всю мою жизнь! Ты что, после свадьбы так и будешь меня постоянно... «оберегать»?!

– Если понадобится, – не моргнув глазом уточнил вампир.

– Нет уж, спасибо, мне такого счастья даром не надо! – окончательно взбеленилась я. – Забирай тогда свое кольцо и ищи для него более покладистую руку, моя – уж извини! – нужна мне для работы, а не для штопки твоих носков!

– Ну и заберу, – неожиданно холодно сказал Лён, протягивая ладонь. – Отдавай. Я, Arr'akk-tur T'or ardWeist Sh'aeonell, разрываю помолвку. Все слышали? Теперь, надеюсь, ты довольна?

У меня внутри что-то екнуло и оборвалось. В глазах потемнело, и я медленно, на ощупь, стащила обдирающее кожу кольцо. С трудом, чудом не сорвавшись на всхлип, выдавила:

– Вполне.

И, не отдавая, с размаху вышвырнула печатку в распахнутое окно.

– Прекрасно. – Лён, даже не глянув, куда она полетела, развернулся и вышел из комнаты. Друзья, виновато отводя глаза и бормоча оставшиеся без ответа прощальные слова, поскорее выскочили следом за ним.

Похоже, белорусским стрыгам и вурдалакам не удалось отделаться от меня диссертацией на соискание Магистра 3-й степени. Ибо за ней последует защита 2-й и 1-й, а то и научный труд Архимага на сорок свитков, от которых уже ничто не будет меня отвлекать.

Но неделю назад я и подумать не могла, что стану так из-за этого плакать...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Сезон погони

Лучше гор могут
быть только горы!

*Строка из гномьего
гимна*

Местность становилась все холмистее. Если три дня назад на все четыре стороны расстилалась унылая равнина, мерно колыхавшая пожелтевшим ковылем, то с некоторых пор земля пошла волнами, ощерилась лесками и растрескалась худосочными речушками коню по колено. С каждой верстой «волны» раздавались ввысь и вширь, так что дорога в конце концов устала на них взбираться и предпочла обегать. Хвойные леса сменились лиственными, из неизвестных Орсане деревьев, разлапистых, с огромными, в ладонь, листьями. Вал обозвал их «вагурцными жбыррами», Ролар смягчил приговор до «волчьих орехов», неядовитых, но малосъедобных. Местами стволы полностью скрывались под плющами, усеянными гроздьями мелких цветов. С наступлением темноты они начинали источать нектар и приторный аромат, от которого ломило в висках. Орсана как-то не удержалась, подставила ладонь и слизнула несколько сладких капелек. Отравиться не отравилась, но пошла такими колоритными ярко-синими пятнами, что увидевшие ее поутру Ролар и Вал спросонья в ужасе схватились за мечи, а Лён – за живот.

Девушка обиделась на всех троих и не разговаривала с ними до обеда, делая вид, что не замечает их лукавых взглядов и последующих сдавленных смешков.

У подножия холмов частенько попадались деревеньки – маленькие домики кучно толпились в низине, а вверх по склону тянулись потоски возделанных полей и садов, при взгляде на которые складывалось впечатление, что местные садоводы привязывают каждое яблочко веревочкой, дабы потом не разыскивать его в крапиве верстой ниже. Жили здесь преимущественно гномы, а то и оседлые орки – эти предпочитали земледелие стадам истошно блеющих овец, иногда перегораживающих дорогу на четверть часа. Впрочем, встречались и человеческие поселения, и смешанные. Отличить их можно было по тем же садам и скоту – гномы

высаживали плодовые деревья длинными узкими полосами, а сами яблоньки больше напоминали кусты, едва достигавшие пешему человеку макушки. Мелкие темно-рыжие козы алчно косились на них из-за добротной ограды. Люди предпочитали более солидную живность вроде коров и лошадей, пасущихся прямо среди кряжистых деревьев.

А потом горизонт затянуло сизой дымкой, спустя еще десяток верст уплотнившейся в полоску с зубчатым верхом.

– Элгар.

Ролар приподнялся на стремянах, хотя лишняя пара вершков вряд ли могла что-то изменить – путники и так стояли на верхушке высоченного холма. Вернее, Лён на Вольте и Ролар на Повилике, изящной кобылке-к'ярде оригинального золотистого окраса с темно-рыжими подпалинами на ногах и морде. Орсанин Венок, упрямо наклонив морду, карабкался в гору, а очередная Валова дохлятина с отвращением взирала на холм, не желая начинать восхождение даже под угрозой перекрутки на колбасу, в подробностях описываемой троллем.

– Далеко до него?

– Расстояние обманчиво. Если по прямой – два дневных перегона. А нам надо проехать еще не меньше трех. Может, сделаем привал и перекусим?

Лён оглянулся на запыхавшуюся, но довольную Орсану, последние сорок саженой тащившую коня под уздцы, и в который раз едва удержался от смеха. К вечеру девушка несколько облиняла, но все равно производила потрясающее впечатление.

– Давай. Потом спустимся по противоположному склону, Вал как раз успеет объехать.

Троль уже и сам отчаялся пробудить в своей животине дух горного козла, направив ее влево по дороге. Грязно-бурая кляча на поверку оказалась двуужильной, отставая от к'ярдов и Венка во время галопа, но неизменно настигая, когда те выдыхались и переходили на трусцу.

Орсана повалилась на траву, нашарила и отвязала от пояса флягу, сделала несколько жадных глотков.

– Уф... хорошо, что Вольха с нами не поехала – тут и здоровый ноги переломает! Похоже, тебе действительно удалось крепко ее разозлить...

Лён только вздохнул, спешиваясь.

– Но, – продолжала девушка, затыкая флягу, – ты уверен, что настолько крепко?

– Зная Вольху? – Повелитель Догевы почесал лаптящегося жеребца за ухом, еще раз глянул на горы и удрученно покачал головой. – Нет.

* * *

Я мрачно поглядела в кружку, с верхом наполненную некой киселеобразной жидкостью зеленоватого цвета, издававшей ни с чем не сравнимый аромат помойного ведра.

– Выпей, малышка, – с видом матерой отравительницы проворковала Келла. – Тебе сразу же полегчает!

– В смысле пронесет?

Вампирка обиженно фыркнула и уже без особых церемоний впихнула кружку мне в руки.

Вкус ничем не уступал запаху, но, зная Келлу, дальше капризничать было опасно. Забинтованная нога, устроенная на высокой подушке, вела себя хорошо – пока ее не пытались использовать по назначению. А для украшения кровати она очень даже годилась. Велька взирала на объемистое дело своих рук с плохо скрываемой гордостью. Магический лубок она накладывать не стала и мне не позволила – мол, чтобы чувствовала серьезность своего состояния.

Убедившись, что кружка опустела, Келла с усмешкой щелкнула меня по подбородку, заставив от неожиданности проглотить оставшееся во рту зелье (я как раз прикидывала, куда бы его понезаметнее сплюнуть). Игнорируя возмущенное сопение пациентки, травница прихватила свечу и вышла на кухню, прикрыв за собой дверь.

Я устало откинулась на подушку, глядя в серый квадрат окна. На улице с момента отъезда друзей не утихала непогода. Ветер обрывал с деревьев остатки листвы, с волчьим подвыванием гнал на запад низкие лохматые тучи, то и дело разражавшиеся дождем в знак протеста. Голова была тяжелая, познабливало, но о сне я даже не думала.

Ну куда их понесло?! Первая неистовая злость на Лена (чтоб ты провалился, мерзавец!) сменилась обычной (ну погоди ж ты у меня!), потом тревогой (а вдруг и в самом деле провалится?), потом настоящей паникой (а вдруг уже провалился?!). Леший с ней, с помолвкой, не больно-то и хотелось! Мои друзья где-то там продираются сквозь ураган, мокнут под дождем, сражаются за меня, а может, и погибают, а я валяюсь в постели, разобидевшись из-за какого-то дурацкого кольца! Не дождетесь!

Травницы тихонько шушукались на кухне, изредка сдержанно подхихикивая и позвякивая флаконами – видимо, делились опытом, не подозревая, какой черной неблагодарностью планирует отплатить им их подопечная.

Правда, планировалось пока что-то не очень. Уйти из дома незаметно от Келлы –дохлый номер, вампирша засечет меня уже на пороге. Можно, конечно, усыпить ее заклинанием, но тогда на меня немедленно накинется Велька. Не боевыми пульсарами же в нее швыряться!

Не то чтобы стыдно (лучшая подруга все-таки!), но ведь как засветит в ответ – мало не покажется! И что потом? Сумка лежала на стуле, меч висел на его спинке, одежда, скорее всего, в шкафу, но как быть с лошадьё? Пешком я далеко не уйду, а деревенька глухая, вряд ли здесь вообще можно раздобыть скакового коня, тем более ночью. Я живо представила себя верхом на пузатой кляче, в темпе пахоты бредущей по редколесью, и возмущенных травниц, легкой трусцой бегущих по обе стороны и наперебой читающих мне морали. Брр... Я поежилась и повыше натянула одеяло. Нет, надо все тщательно продумать! Попытка у меня будет только одна, потом эти гарпии не постесняются приковать меня к кровати в самом прямом смысле – колодезной цепью, на которую Келла с вожделением покосилась при словах Лена, но, видимо, решила оставить этот радикальный метод на крайний случай.

И тут в дверь забарабанили, да так громко и отчаянно, словно вознамерились долбить ее насквозь, если хозяева не пошевелятся. Разговор мгновенно оборвался. Скрипнул стул, а за ним – щеколда. Шум дождя резко усилился, из-под двери потянуло сыростью и запахами мокрой земли.

– Девоньки, милые, спасайте! – затараторил плачущий мужской голос, то и дело срываясь на всхлипы. – У меня там жена рожает, целные сутки минули, да что-то никак, измучилась уж вся... не соизволите ли взглянуть? Я заплачу, не сомневайтесь!

Послышалось приглушенное звяканье. Одна монетка, видимо, выскользнула из трясущихся рук и упала на пол, прокатившись через всю кухню.

– Там – это где? – с холодной деловитостью уточнила Келла.

– На другом конце села, домов через двадцать! Мне свояченица сказала – мол, остановились у ее соседки две знахарки, хучь и молоденькие, да справные, за пять минут ее от ячменя исцелили, вот я и подумал – может, соблаговолят...

– Ясно, – оборвала трехсотлетняя вампирша. – Подождите минутку на улице, мы посоветуемся.

Мужик беспрекословно выскользнул во двор. Монета, похоже, так и осталась лежать где-то под столом.

Судя по воцарившейся тишине, совещание травниц заключалось в

обмене многозначительными взглядами.

– Я пойду, – наконец решила Келла. – Мне приходилось принимать роды у человеческих женщин – немного сложнее, но принцип в общем-то один. А ты не спускай глаз с нашей рыжей вредины (я мысленно погрозила травнице кулаком). У меня такое ощущение, что она что-то замышляет.

– После десяти капель «Медовой сновидицы»? – скептически фыркнула Велька.

– Она бывшая Хранительница, а на вампиров человеческие зелья действуют слабее. Мне бы понадобилось не меньше сорока.

«Запомним», – мстительно подумала я.

– По крайней мере сейчас она еще не спит, – продолжала Келла, утверждая меня в мысли, что с такими друзьями и врагов не надо. – Так что на всякий случай не выходи из комнаты до моего возвращения.

– Хорошо. Возьми пару полотенец и вот эти флаконы, в темном настойка... —Травницы перебросились еще парочкой профессиональных фраз и наскоро распрощались.

Обе двери – входная и внутренняя – хлопнули одновременно.

Я поскорее закрыла глаза и выровняла дыхание. Велька подошла к постели. Наклонилась, разглядывая мою подозрительно умиротворенную физиономию. Я хотела всхрапнуть для достоверности, но подумала, что это будет перебор. Удовлетворенная осмотром, травница устроилась на стуле возле окна, спиной к нему, поставив на подоконник блюдечко с горящей свечой и положив на колени толстенный фолиант.

Я коварно наблюдала за подругой из-под полуприкрытых век. Тень от ресниц давала прекрасную маскировку. Келла вернется не раньше чем через час, а то и на всю ночь застрянет. Посмотрим, насколько Вельки хватит! Помнится, когда мы по ночам вместе к экзаменам готовились, то и дело друг друга в бока пихали – один вид мелко исписанных страниц вызывал неукротимую зевоту.

– Вольха, – негромко позвала девушка, отрываясь от книги и в упор глядя на меня.

Мне понадобилось огромное усилие, чтобы не вздрогнуть. Зато травница, выждав, облегченно вздохнула и расслабилась, закинув ногу за ногу. Повыше приподняла книгу, и я чуть не застонала от злости – в руках у Вельки был любовный эльфийский роман, еще и с гравюрами. Над таким она запросто могла просидеть до рассвета.

Прошло около получаса. Зелье начало действовать, но, как Келла и предполагала, не столь сокрушительно, и я упрямо боролась со сном. Травница тихо рыдала в платок, изредка выныривая из него, чтобы

прочесть еще парочку душещипательных строк и начать истекать слезами с новой силой. Учитывая, что все порядочные любовные истории заканчиваются либо свадьбой, либо смертью, дело явно шло ко второму.

Дождь превратился в косой ливень, сердито тарабанивший по крыше. Небо прорезала ветвистая молния, где-то на западе ворчливо отозвался гром. Велька зябко передернула плечами и, не отрывая взгляда от книги, отодвинулась от окна. Не прошло и пяти минут, как из него снова плеснуло холодным белым светом, в котором мелькнула и тут же растворилась во тьме черная, жуткая, выщеренная морда с горящими глазами.

Пожалуй, даже ведро ледяной воды не оказало бы на меня столь бодрящего эффекта. Сонливость как ветром сдуло, я судорожно впилась пальцами в тюфяк. Уходи!!! Хотя бы шагни в сторонку, за угол дома, пока она тебя не заметила!

Свеча затрещала и вильнула огоньком, всколыхнув тени. Травница мельком глянула в окно и, успокоенная, снова погрузилась в чтение.

Так, теперь главное – взять себя в руки и сосредоточиться. Вопрос не в том, сумею ли я это сделать, а удастся ли провернуть задуманное незаметно от Вельки? Хоть она и прекрасно владеет практической магией, такого чутья на нее у травницы нет... и если ме-э-эдленно, осторожно сконцентрировать на крыше вон той сараюшки за огородом разряд достаточной силы...

Сердцевина тучи полыхнула грязно-багровым. В следующее мгновение оттуда стрельнула изломанная, раздвоенная книзу молния, которая разъяренной гадюкой с грохотом и треском впилась в сарай обоими зубьями. Сноп искр взметнулся выше деревьев, горящая солома брызнула во все стороны. Невзирая на дождь, пламя охватило сарай сверху донизу. Внутри истошно замычала корова, заблеяли овцы.

Не будь Велька так ошеломлена, она бы сообразила, что соседка непременно предупредила бы ее о запертой в хлеве скотине. Да и кто станет держать коров в дощатом сарае посреди огорода?! Выронив книгу, травница вскочила и метнулась к двери, потом обратно, растерянно уставившись на меня. Я, не открывая глаз, пробормотала что-то неразборчиво-жалобное и отвернулась к стене, натянув одеяло до самой макушки.

Не успела лязгнуть щеколда, как я уже сидела на кровати, скороговоркой нашептывая заклинание. Одним взмахом скользнувшего в руку меча вспорола и содрала ворох бинтов вместе с лубками, спустила ноги на пол и рванулась к стулу с одеждой.

Зараза!!!

Добавила обезболивающий компонент. Потрогала прикушенную губу, слизнула кровь с пальцев, уцепилась за спинку кровати и кое-как встала. Опухшая, веселенькой синюшной расцветки нога с трудом протиснулась в штанину, наотрез отказавшись ради этого сгибаться. Подковыляв к окну, я распахнула ставни. Науськанный ветром дождь хлестнул по лицу, как мокрый веник. Несмотря на спешку, Велька, скорее всего, зачаровала дверь, а мне некогда разбираться, как именно. Травница очень скоро сообразит, что большая часть пламени – иллюзорная, да и взывающих о помощи буренок в сарае не наблюдается...

Стиснув зубы, я полезла в проем. До середины процесс шел довольно успешно, но потом моя здоровая часть закончилась и началась негнущаяся. Мысль, что побег сорвется только из-за того, что я застряла в окне, придала мне сил все-таки из него выкарабкаться и плюхнуться в какие-то цветы под подоконником, и до меня имевшие весьма пожеванный вид.

– Смолка!!! – надрывным шепотом возопила я.

Только шум дождя по листве и далекий треск затухающего пожара. Я застыла на коленях, чувствуя, как меня с новой силой захлестывает отчаяние. Неужели померещилось? Что еще Келла подмешала в свое снадобье?! И что же мне теперь делать?!

А потом кобыла беззвучно выскользнула из темноты за моей спиной, доверчиво ткнувшись мне в щеку бархатистым храпом. Мокрая, всклоченная, с выхваченным из гривы клоком, но живая и такая родная, что я чуть не расплакалась.

– Ты уж прости меня, девочка, – пробормотала я, дрожащей рукой нащупывая конскую холку. – Я тоже не в лучшей форме, но мы должны это сделать... Гхыр ёпп курат!!! Смолка, ты не могла бы присесть? Я и с двумя-то ногами еле до твоей спины допрыгивала...

Лошадка шумно вздохнула и, помедлив, согнула колени. Я кое-как вскарабкалась в седло, уцепилась за переднюю луку и легонько ткнула кобылу левой пяткой. Смолка с явным трудом выпрямилась, по-старушечьи закряхтела, но все же тронулась с места. Я нашарила левое стремя и тоскливо посмотрела на правое. Надо было сразу ногу вдеть, в висячем положении она еле шевелилась. Ладно, пусть болтается, все равно я ее почти не чувствую...

Мы уже наполовину выехали из ворот, когда очередная молния на мгновение выбелила округу, очертив в проеме огородной калитки силуэт страшнее упыря, злее василиска и опаснее дракона.

– Вольха!!!

Я вздрогнула и прижалась к седлу, как нашкодившая кошка. Впрочем,

в появлении разгневанной травницы были и положительные моменты: от страха я каким-то чудом ухитрилась подтянуть и запихнуть сломанную ногу в стремя. Смолка, сообразив, что вряд ли хозяйка таким оригинальным способом выказывает радость от встречи с этим дивным видением, поспешно ускорила – вниз по улице, куда легче драпать. Пару раз споткнулась, потом вроде бы оклемалась и пошла тяжелым галопом.

Гром бухнул с большим опозданием, где-то далеко за лесом. Гроза уходила. В тучах наметились просветы, но пока что даже из них сыпал редкий дождь. Село тонуло во мраке. Окошки светились только в нашей и еще одной избе, к воротам которой мы как раз подъезжали. Привлеченная скрипом двери, я, не удержавшись, бросила взгляд во двор и впервые всерьез задумалась, за что же боги меня так невзлюбили: на крыльце показалась Келла. За ней, непрестанно кланяясь и бормоча: «Да благословят тебя боги, деточка!» – семенил давешний мужик, пытаюсь всучить вампирше если не кошель, то хотя бы холщовую торбу, из которой торчали две хладные утиные лапы. На заднем плане возмущенно, на два голоса орали новорожденные. Травница сухо отнекивалась, но вид у нее был довольный.

Именно что «был». Потом она увидела нас со Смолкой.

Как на грех, вдоль длиннющей улицы сплошной стеной тянулись двухаршинные заборы. В другое время кобыла играючи взяла бы такую преграду, но сегодня был определенно не наш день (я бы даже сказала, месяц). Обратный путь перегораживала Велька, и я логично рассудила, что хрен редьки не слаще. Хотя...

– Вольха-а-а!!! – Голос Келлы перешел в ультразвук.

Увы, я слишком хорошо знала, что это означает, а посему любоваться на дальнейшее развитие событий не имела ни малейшего желания. И, малодушно надвинув капюшон по самый нос, что есть силы саданула лошадь здоровой ногой.

Возможно, я пропустила самое увлекательное – например, отца заметно прибавившегося семейства, картинно падающего в обморок отнюдь не от счастья, – но ничуть об этом не сожалела. Мы едва успели пролететь мимо ворот, как из них (точнее, уже над ними) наперерез нам вырвался клыкастый сгусток мглы, шумно хлопающий крыльями. Не успел, пронесся за спиной, обдав ветром, и с разочарованным воем пошел на разворот, вверх и влево.

Смолку он тоже впечатлил. Если раньше доски заборов просто мелькали перед глазами, то теперь слились в сплошную полосу, в которой темными пятнами проскакивали ворота под широкими козырьками.

Задремавшая посреди дороги собака в последнюю секунду с визгом вывернулась из-под лошадиных копыт; кобыла, споткнувшись, вильнула в сторону, а над нами прошелестел и, далеко обогнав, впечатался в дерево ярко-зеленый пульсар. Не взорвался, а словно размазался по стволу, в считанные мгновения опутав его мерцающими нитями ловчей сети.

Я мотнула головой, капюшон упал за плечи. Следующий пульсар сделал изящную петлю и отправился по обратному адресу. Естественно, не долетел, но по крайней мере помешал Вельке сотворить еще один. Да когда же эта улица наконец свернет или кончится?! Мы тут как на ладони, травнице даже не обязательно видеть нас, чтобы сыпать заклинаниями!

Визг неумолимо приближался. Мои волосы, не выдержав противоборства между ним и встречным ветром, встали дыбом. С трудом удержавшись от соблазна бросить поводья и зажать уши ладонями, я выкрикнула несколько слов, не услышав собственного голоса. Вампиршу отбросило в сторону и несколько раз перевернуло в воздухе, но отказаться от погони не заставило. Впереди наконец показался частокол околицы, а за ним – темное поле с совсем уж непроглядными комьями перетекающих друг в друга перелесков. Створки ворот медленно поползли нараспашку, натужно скрипя окутанными дымкой скобами. Открылись примерно на треть, вздрогнули, замерли и, подумав, качнулись обратно. Я стиснула зубы. Несмотря на ночной холод, по виску скользнула капля пота.

Ворота одним рывком распахнулись во всю ширину и так же охотно захлопнулись. Да кто из нас Магистр практической магии в конце-то концов?!

Я усилила нажим. Велька тоже не сдавалась. Ворота приближались с угрожающей скоростью, клацая створками, как дракон пастью. Смолка обреченно прижала ушки и, похоже, зажмурилась, не сбавляя хода, ибо сзади снова нарастал не менее многообещающий вопль.

Последний, отчаянный всплеск силы – и створки сомкнулись на самом кончике конского хвоста, оставив себе на память клочок волос. Вопль оборвался глухим ударом, ворота прогнулись и спружинили обратно. Стало слышно, как захлебываются лаем собаки. В хатках один за другим вспыхивали огоньки.

Кобыла арбалетным болтом влетела в лесок, напролом прошуршала по кустам и, только оставив позади саженей триста чащобы, перешла на рысь, а затем и на шаг. Над головой, в просветах между кронами деревьев и клоками туч, мерцали звезды. Мокро хрупали сучья под копытами, в глубине леса уныло переухивались совы. Осыпаящиеся с веток капли стучали по куртке и охладили неприкрытую макушку. Капюшон казался

чем-то далеким и недоступным.

Я обессилена привалилась к лошадиной шее и закрыла глаза.

* * *

– Не было тут таких, господин хороший. – Мужик нервно облизнул губы. – Уже две недели никто этой дорогой не проезжал, ага!

– Брэшэ, – безжалостно прокомментировала девушка, казалось бы целиком поглощенная заплетением длинной русой косы.

– И изба небось сама собой сгорела? – Второй разбойник кивнул на еще дымящийся сруб посреди деревеньки.

В соседних домах слышалась приглушенная возня но, кроме трясущегося от страха местного пьянчуги, ни кто к путникам выйти не отважился. Да и того, скорее всего, просто-напросто вытолкали на заклание.

– Ага. – Пьянчужка как замороженный тарасился на светловолосого главаря шайки. Выбор был невелик, зато впечатляющ: рассеянно поигрывающий ножом тролль, неприкрыто ухмыляющийся вампир и хмурая пятнистая девушка, вооруженная не хуже иного наемника. – Вьюшку на ночь неплотно прикрыли, уголек и выпал...

– И прямо в солому, – с фальшивым сочувствием поддакнул вампир.

– Ага... для завтревой растопки. Тут оно и запылало...

– Какое несчастье, – с каменным лицом посочувствовала девушка.

– Нет, – спокойно сказал светловолосый, тоже в упор глядя на мужика, но разговаривая словно сам с собой. – Через Заячий Гай мы не поедем, и не упрашивайте. Там овраг на овраге и наверняка обжитые какой-нибудь плотоядной пакостью. Да и крюк по восточной дороге нам тоже ни к чему...

Злосчастный «собеседник» почувствовал, а остальные услышали, как клацают у него зубы. Темноволосый продолжал задумчиво изучать останки избы. Вокруг прогоревшего насквозь сруба не было даже ободка пожухлой травы, а на соседних крышах – ни единой черной точки от искр, как будто пепелище откуда-то принесли и плюхнули посреди нетронутого огородика. Гасить его тоже не пытались. Скорее всего, не успели даже глазом моргнуть, как магическое пламя поглотило все, что могло гореть.

– И что же нам, бедным, остается? – задумчиво продолжал незнакомец, негромко похлопывая себя ладонью по бедру. Выходило буднично и оттого невыразимо жутко. Черный жеребец под ним стоял как

вкопанный, недобро посверкивая змеиными глазами. – Самая удобная и короткая тропка через клеверную лощину, по которой мы бы и поехали, кабы не ваш дружеский совет. Которым я, мерзкий выродок, паскудное исчадие тьмы, чтоб мне провалиться, пожалуй, пренебрегу...

– П-п-простите... – только и сумел выдавить мужик, чувствуя, что душа вот-вот сама вылетит из онемевшего тела, не дождавшись логического окончания «беседы».

– За что? – Светловолосый недоуменно изогнул бровь. – Вы же мне ничего подобного не сказали. Бывайте здоровы, добрый человек! И спасибо за помощь.

В воздухе сверкнула серебряная монета, шлепнувшись в пыль. Черный жеребец всхрапнул и круто развернулся на задних ногах. Всадник даже не шелохнулся, как будто составлял с ним единое целое. Золотистая кобыла беззвучно, с кошачьей грацией повторила полуоборот, подчиняясь едва заметному движению седока. Остальные по-простому прикрикнули на лошадей, дергая за поводья.

– Н-н-не за что, – искренне проблеял мужик и, чуть всадники скрылись за холмом, сел прямо на дорогу, тупо таращась на блестящий кругляшок с чеканным королевским профилем.

Такого стоящего повода напиться ему уже давно не подворачивалось. Пожалуй, на целый месяц хватит, и не ему одному...

* * *

– Орсана, погоди. Ты не туда свернула.

Девушка осадил проскочившего развилку жеребца и сдала назад. Еще раз глянула на указатель, потом, удивленно – на вампира:

– Но ты же сказал...

Лён отрицательно покачал головой, делая друзьям знак подъехать поближе.

– Он знает, что мы за ним гонимся. Иначе не стал бы так демонстративно запугивать селян, чтобы те с прямо-таки выписанным на лицах враньем указали нам неправильное направление. Да еще эта изба. Любой дурак догадается, что дело нечисто, тут даже телепатом быть не надо. На это он и рассчитывал. А еще – что ни один нормальный человек и так не сунется в овражистое урочище.

– И угораздило же меня связаться с ненормальными вампирами, –

вздохнула Орсана, вслед за друзьями разворачивая коня к Заячьему Гаю. – Но зачем им понадобились такие хлопоты? Неужели нельзя было просто проехать мимо деревни лесками?

– «Просто» не получилось. Под одним из них пала лошадь, и они отобрали верхового коня у здешнего старосты, а когда тот попытался протестовать, сожгли его избу. – Лён покосился на сизую нитку дымка, струящегося словно бы из макушки холма, и, помедлив, неохотно добавил: – Вместе с ним и его женой.

Девушка зябко передернула плечами. Вампир продолжал:

– А поскольку такое не скроешь, негодяи решили извлечь из ситуации дополнительную выгоду – направить нас по ложному следу... или устроить засаду. Толковых дорог здесь две – прямая и объездная. Видимо, обе им перекрыть не удалось, и они хотели быть уверены, что мы выберем первую.

– Но почему бы нам тогда не выбрать вторую? – жалобно поинтересовалась Орсана, когда Венок споткнулся на первой колдобине, чуть не оставив лязгнувшую зубами девушку без языка.

– Потому что она втрое длиннее, хоть и безопаснее, а мы торопимся. Впрочем, – Повелитель Догевы окинул винчанку, а за ней и остальных испытующим взглядом, – разве я кого-то заставляю с собой ехать?

– Но и прогнать не можешь! – дерзко парировала сотница.

Ролар и Вал только заухмылялись – мол, даже не надейся, голубчик, никуда ты от нас не денешься. Возразить, как и в предыдущие сто тридцать два раза, было нечего. Настояв на соблюдении старинного обычая, Лён сам поймал себя в ловушку, и теперь ему осталось лишь досадливо подогнать жеребца каблуками.

Заячий Гай оказался хмурым еловым бором, опоясанным проселочной дорогой, каковая и носила гордое название объездной. От нее под прямым углом ответвлялась ведущая в чащу тропка, не сказать чтобы утоптанная, но вполне заметная. Видимо, сюда частенько захаживали дровосеки и охотники, привлеченные многообещающим названием.

Орсана не любила такие леса. Вроде бы не слишком и дремучие, но мрачные и неприветливые, с постоянным ощущением недоброго взгляда в спину. В конце лета из птичьих голосов в макушках деревьев осталось только редкое воронье карканье, по жизнерадостности не уступавшее разве что волчьему вою.

Друзья деликатно сделали вид, будто Венок «случайно» перестроился из конца в середину цепочки.

В первый овраг они уперлись спустя четверть часа. Спуститься по пологому склону удалось довольно легко, Лён и Ролар даже не

спешивались. За широкой мшистой котловиной поднималась практически отвесная стена с угрожающе выпущенными когтями рыжих еловых корней. Тропинка, даже не пытаясь к ней приблизиться, уверенно заворачивала вправо. Путники не стали с ней спорить.

– Хоть бы она нас в болото не завела, – забеспокоился Ролар, заметив на кочках мелколистные нити только начинавшей розоветь клюквы.

– Просто низинка. Настоящих трясин здесь нет. – Лён, не удержавшись, рискованно свесился с седла и выдернул из пышного мха крепенький пузатый боровичок. Дорога шла под горку, но склон не рос, постепенно сглаживаясь, и вскоре Вольту удалось на него заскочить. Конь гордо вышагивал по самому краю, пока к нему не присоединилась Повилика, а за ней и остальные лошади.

Тропа снова уводила в чащобу, возвращаясь на прежний курс. Орсана ожесточенно воевала с клещом, проявившим повышенный интерес к ее шее. Ролару, заикнувшемуся было, что «на его месте должен был быть я...», выразительно продемонстрировали постигшее кровопийцу возмездие.

Повилика поравнялась с Вольтом и попыталась играючи цапнуть его за холку.

– Знаешь, что меня беспокоит больше всего? Он нас постоянно опережает. – Ролар дернул за правый повод, и кобыльи клыки вхолостую щелкнули в пяди от цели. Жеребец ехидно фыркнул, но даже морды к нахалке не повернул, зная, что дело закончится тем же. – И я не о расстоянии.

Лён хмуро кивнул. Им еще ни разу не удалось предотвратить удар – лишь свести к минимуму его последствия. Даже сейчас, пробираясь оврагами и упиваясь своей прозорливостью, они играли по навязанным им правилам и на вражеском поле.

– Верно. И у меня такое ощущение, что они не только знают о погоне... но и рассчитывают на нее.

– Предлагаешь вернуться?

– Предлагаю. Вам.

Арлиссец смиренно склонил голову и с изысканнейшей учтивостью осведомился:

– А не пошли бы вы... лесом, Повелитель?

– Уже иду, – усмехнулся Лён, направляя Вольта в разлом следующего оврага, по дну которого неспешно струился широкий темный ручей. – У меня нет выбора, Ролар. Мне надоело сидеть и ждать очередного удара в спину. Добро бы в свою. Но ее я им не отдам. Даже если для меня она будет

потеряна навсегда.

Копыта поехали по рыхлой иглице, и Вольт, распахав широкую борозду, с разгону влетел в ручей по самое брюхо. Лён торопливо поджал ноги, но тут конь поскользнулся уже на иле и припал на круп, макнув седло до края луки. Сверху захихикали и не менее злорадно заржали. Повелитель Догевы, героически удержавшись от первого пришедшего на ум комментария на тролльем языке, погрозил насмешникам кулаком, а Вольт, сердито всхрипнув, поднапрягся и со звучным плюхом выскочил из воды.

Пока отыскивали более надежный и пологий спуск, свели и втолкали коней на противоположную сторону, вымотались так, что, наткнувшись на полянку с кострищем, решили сделать привал. Собранные по пути грибы почистили и ссыпали в общий котел, Лён вылил воду из сапог и подсел к костру присматривать за процессом варки, а заодно сушиться. Вал, по воинской привычке использовать для отдыха каждую спокойную минуту, растянулся по другую сторону костра и тут же гнусаво захрапел. Ролар отправился на разведку, с трудом отделавшись от увязавшейся за ним Повилики – лошадь непременно хотела составить компанию обожаемому хозяину, фыркая и кусаясь на попытки повернуть ее назойливую морду обратно к стоянке.

Орсана, подвязав Венку торбу с овсом, попыталась незаметно отлучиться в кусты, но Лён, не оборачиваясь, махнул рукой в противоположную сторону.

– Лучше вон в те.

Девушка залилась краской по самые уши, но тем не менее с вызовом поинтересовалась:

– А эти ты уже для себя застолбил?

– Нет, просто в них упырь сидит, – беззаботно пояснил вампир, пробуя выуженный из кипящего хлеба боровик. Грибы сильно уварились, но высыпанная в котелок крупа поправила дело.

– Шо-о? – Орсана шарахнулась от такого уютного с виду орешника. Оглядевшись, подобрала с земли увесистый обломок сука и запустила им в гущу ветвей. Кусты недовольно заурчали, в просвете мелькнуло что-то серое и безволосое.

– Теперь порядок, – прислушавшись, объявил Лён. – Можешь идти, он удрал!

– Спасибо, щосьвже не хочется, – буркнула девушка, подозрительно присматриваясь к колышущимся от ветерка листьям. – А раньше не мог попередыты?!

– Зачем? Он один, а нас много, к тому же нежить обычно не рискует

связываться с вампирами. Не хотелось беспокоить тебя по такой ерунде.

– И правда, яка дрибнѣця – всего-навсего упырь, истекающий слюной в ожидании первого, кому приспичит... прогуляться! – съязвила винчанка. – А... он точно ушел?

– Точно. Честное повелительское.

Верховная Ведьма, услышав это словосочетание, мигом принимала охотничью стойку, но не столь искушенная в общении с Повелителями Орсана, помявшись, все-таки решилась отлучиться с полянки. Очень недалеко и ненадолго.

Лѐн тихо порадовался, что не проговорился ей о голодной выверне, уже давно крадущейся следом за путниками, но тоже все никак не решающейся подзакусить. По сравнению с тем, что поджидало их на короткой дороге, это и в самом деле было мелочью.

Ролар вернулся с обнадеживающими вестями – до опушки осталось меньше четверти версты и всего один овраг, да и тот неглубокий. Все то же чутье бывалого наемника разбудило тролля за секунду до того, как Лѐн попробовал кашу и счел ее готовой. За неимением мисок сомнительное темно-коричневое варево разложили по кружкам и, обжигаясь, слопали прежде, чем оно успело остыть. Быстро собрались, запили костер и снова тронулись в путь.

По сравнению с двумя предыдущими третий овраг показался канавкой. В него без возражений соизволила спуститься даже упрямая кляча Вала, при подъеме всего пару раз лягнув подпихивающего ее в круп Ролара. Орсана лично обнаружила выверну, причем неизвестно, кто испугался больше; во всяком случае, нежить драпанула со всех восьми ног, искренне сожалея, что ей нечем зажать уши.

Из леса они выбрались как раз в том месте, где от объездной дороги словно по заказу отходила ведущая на юго-восток тропа. Шутливо поздравили друг друга с успехом, вытрясли из волос иголки и снова направили коней чуть наискось к голубоватой кромке на горизонте.

Они проехали не больше полуверсты, когда Орсана случайно оглянулась и охнула:

– Вы тилькы подывытєся!

Над оставленным позади лесом поднялся высокий столб пламени, красно-багровыми разводами расплескавшись по изнанке облаков. Понять, где он возник – над прямой или объездной дорогой, – с такого расстояния было невозможно. Как и представить, что осталось от неосторожного путника. Кем бы он ни был.

Друзья, не сговариваясь, подхлестнули лошадей.

* * *

Все оказалось не так уж плохо. Кобылка прямо на глазах оживала под моими пальцами, чутко ощупывающими ее с ног до головы и попутно залечивающими мелкие порезы и ссадины. Глубоких ран оказалось всего три или четыре – на холке, за которую, видимо, хватанули зубами. Они слегка нагноились, но более серьезных последствий укуса я не обнаружила. Правда, глаза у Смолки были какие-то диковатые, с неестественно расширенными зрачками, но, судя по повышенному интересу, проявленному кобылой к моему завтраку в виде мятой краюхи, скоропостижная кончина ей не грозила. Рассвет застал нас неподалеку от какой-то деревеньки. Я тоскливо покосилась на дымящиеся трубы, сулившие тепло и горячий завтрак, но въехать в селение не решилась. Вдруг меня там уже поджидают с распростертыми руками или, хуже того, крыльями? А посемя я кое-как сползла с кобылы возле самого дальнего стога на сжатом поле за околицей и зарылась поглубже в солому, то ли проснувшись, то ли очнувшись ближе к полудню.

Смолка благодарно ткнула мордой мне в ухо, чуть не свалив с ног. Вернее, с одной ноги – на сломанную я старалась не опираться, держа ее слегка отставленной в сторону. Магия успешно сдерживала боль и воспаление, отек вполовину спал, так что чувствовала я себя хоть и неважно, но терпимо. В любом случае жалеть себя некогда – пора заниматься делами. Из-за Келлиного зелья и так уйма времени упущено.

Отпустив лошадиную холку, я села прямо на землю возле стога. Подтянула к себе сумку и, расчистив пяточок земли, начала сосредоточенно корябать на нем острием короткого ритуального ножика.

Смолка наклонила голову, скептически обнюхала мое творение и чихнула. Я досадливо отпихнула ее локтем. Тоже мне, нашелся критик! Четырехлучевая звезда и в самом деле вышла кривовато, но сориентировала и подписала я ее правильно: север—восток—юг—запад.

Я переплела пальцы на рукояти ножа и занесла его над центром рисунка.

Так, на кого будем «удить»? Лена можно сразу отбросить, его даже поисковый импульс не берет. С Роларом тоже вряд ли что получится, Вала я не так хорошо знаю, а вот Орсана... если не ошибаюсь, она до сих пор носит мой подарок – кулон-капельку из кошачьего глаза? Мой вам совет: если вы сами не маг, никогда не берите принадлежащих нашей братии вещей (или хотя бы пару часов побывавших у них в руках)! А уж если

взяли, торопитесь отбежать не меньше чем на тридцать верст. Вряд ли друзья успели столько проехать – им же тоже отдышаться надо.

Конечно, кулон я Орсане дарила без всякой задней мысли, на день рождения, но сейчас он пришелся весьма кстати. Закрыв глаза, я постаралась как можно отчетливее представить полупрозрачный двухцветный камушек, и в самом деле напоминающий желто-зеленый глаз нахального бродячего кота. Оправа – серебро, цепочка – вычурного гномьего плетения, «змейка». Создав четкий мысленный образ украшения, я переключилась на его хозяйку. Что-что, а припомнить бойкую винчанку не составило никакого труда – мне даже показалось, будто она стоит рядом.

Выбросив из головы все посторонние мысли и ощущения, я нараспев прошептала заклинание поиска. Лезвие задрожало и, потянув за собой послушно расслабленные руки, клюнуло вниз.

Я задумчиво выдернула нож. Воткнула в оставшуюся щель соломинку с обмолоченным колоском. Посидела, поглядывая на небо. Будем надеяться, они уже в пути, а не дрыхнут возле костра. Сегодняшний денек не слишком располагал к увеселительным прогулкам, но дождя вроде бы не предвиделось. Может, попозже и солнышко выглянет. Ну и бестолковое же в этом году лето: то жарит, то льет! Хоть бы осень не подвела. Я так живо представила насквозь промокших гостей, побитый дождем торт и первую брачную ночь под непрерывный аккомпанемент чихания, что не сразу вспомнила – мне это уже не грозит. Ну и ладно, жених с возу – невесте легче! А вот с поста Верховной Ведьмы меня никто не увольнял, и охранять Повелителя Догевы – долг куда важнее супружеского. Разве я могу перепоручить его друзьям, пусть даже самым верным и надежным?! К тому же ума не приложу, как они собираются ловить колдуна без помощи ведьмы! Если он меня чуть по стенке не размазал, то их вообще в порошок сотрет!

Кстати, а что я о нем знаю? Маг-самоучка, специализируется по воздуху. Прекрасно разбирается в ядах и амулетах, расшвыривается огромной силой, но в защите и боевых заклинаниях, требующих мгновенной реакции, значительно мне уступает. Вполне возможно, что несколько курсов отучился в Школе Чародеев, а потом его за что-то оттуда выгнали. Он лет на десять старше меня, так что вряд ли мы сталкивались в коридорах. Тогда директором Школы был Питрим, но вопросы об отчислении адептов всегда решались на общем совете, Учитель вполне мог бы его вспомнить. Увы, телепочта не работает, а вестника ждать некогда, хотя магическое создание летает в два раза быстрее голубя и в отличие от него не привязано к голубятне – достаточно знать примерное

местонахождение адресата. Впрочем, это не так уж и важно, Учитель сможет опознать его и потом – по, как выразился Вал, «характерной части». Главное – догнать друзей до того, как они догонят этого мерзавца.

Я снова взялась за нож. Прекрасно! В двух вершках от соломинки, более чем достоверный результат. Они движутся вперед, на юго-восток, причем довольно быстро, опережая меня от силы на двадцать верст. Ну хоть с направлением бегства нам со Смолкой повезло – не придется возвращаться назад. Достаточно чуть отклониться к востоку.

Я расстелила рядом с рисунком карту, сориентировав стрелку в ее верхнем левому углу по северу на своей звезде.

Так, и что у нас на юго-востоке? Крупных городов нет, по практически безлесной степи разбросаны редкие селения. Чуть южнее – Витягский тракт, но, похоже, друзья его проигнорировали. Ехать по утоптанной дороге, конечно, и быстрее, и безопаснее, но в это время года тракт запружен торговыми подводками, там особо не поскачешь – если, конечно, не хочешь привлекать внимания орошенных пылью купцов, злобно бранящихся вслед торопыге. А привлекать его вампиры, естественно, не хотят... Но куда же они так спешат?

Я мысленно продлила линию еще дальше, и она, к моему немалому удовольствию, уперлась в схематическое изображение двух соединенных дугой башенок, на манер ворот встроенных в сплошной частокол горных пиков, отгораживающих Белорию от моря.

Значит, Корт-огл-Элгар, знаменитый гномий тоннель, единственный выход к порту и верфям на берегу Сребро-водного моря. Вот вы мне и попались, голубчики! Очень сомневаюсь, что вы преследуете колдуна (который, судя по столь внушительной демонстрации молодецкой, тьфу, магической силушки, способен вместе с лошадьми и спутниками телепортироваться на десяток-другой верст в любую сторону) по горячим следам; скорее всего, как-то ухитрились разузнать, где у него логово, и напрямик мчитесь туда. А приморский городишко Власток – самое то для всяких разбойников и проходимцев. Постоянных жителей там немного, улицы заполняют приезжие, точнее, приплывшие островные купцы, моряки с торговых, военных, контрабандных и пиратских (поди докажи!) судов, и наоборот – только готовящиеся к отплытию белорусские торговцы или желающие наняться на корабль авантюристы, на прощание отводящие душу в многочисленных корчмах. Затеряться среди них – раз плюнуть!

Решено, еду к Элгарскому тоннелю. На дорогу уйдет не меньше пяти дней, но и они вряд ли быстрее уложатся. С телепортацией в незнакомом месте лучше не рисковать, да и не везет мне что-то с ней – то недолет, то

перелет. Ничего, своим ходом доберемся. Парочка тонизирующих заклинаний – и можно скакать сутки напролет, потом найдем время отоспаться.

Нет, ну чем бы им помешал маг в команде?! И была бы еще команда...

За время работы Верховной Ведьмой я достаточно поднаторела в вампирьем этикете, чтобы знать: за пределами долины Повелителя должны сопровождать как минимум два Стража из элитной сотни.

Почему же он отправился в дорогу только с Келлой, после Старейшин – самой яркой блюстительницей одного этикета? Не слишком довольной положением дел, но в целом не протестующей? И она так легко отпустила его одного вообще леший знает куда? Троль, человек и обычный вампир не в счет, они не защитят его ни от чего такого, с чем он не мог бы справиться и сам.

Тогда зачем он взял их с собой? За компанию, чтобы в пути нескучно было? Зная Лена...

Я резким движением руки стерла рисунок.

Нет.

* * *

Корт-огл-Элгар встретил их дымом, ветром, гвалтом и кошками.

Больше всего гора (точнее, один из сотен кряжистых элгарских пиков, цепочкой расходившихся на запад и восток) напоминала гигантский муравейник, который медленно тлеет изнутри и вот-вот вспыхнет целиком. Из многочисленных отверстий, служивших вытяжками для гномьих кузниц и плавилен, струились черные струйки дымок, собираясь в колечко облака вокруг горной макушки. Изредка, затесавшись в низкие тучи, оно за компанию пускалось в путь вместе с ними, но на его месте тут же начинало расти новое.

Здесьняя толщина Элгара не превышала шестиста саженей, в то время как некоторые плоскогорья раздавались вширь на десятки верст. Самое подходящее место для сквозного тоннеля – огромной полукруглой арки двадцати локтей в высоту и около сорока – в ширину. Из Корт-огл-Элгара то сплошняком, то порывами хлестал довольно сильный ветер, заставляя местных жителей совершенно машинальным жестом придерживать шляпы, а нерасторопных приезжих – с руганью гнаться за оными по сотне саженей.

В официальных документах Корт-огл-Элгар именовался «жестом

доброй воли, дружбы и взаимопонимания между нашими братскими народами». Но злые языки болтали, будто самим братским гномам этот дружественный тоннель на гхыр не был нужен, просто у них обвалилось несколько штолен по ходу золотой жилы, от жадности пробитых слишком близко друг к другу, и продолжить ее разработку, не разобрав завал до последнего камушка, не представлялось никакой возможности. А поскольку укреплять шаткое нагромождение каменных глыб – пустая трата балок и времени, быстрее и надежнее оказалось продлить штольни в обе стороны, заодно и вопрос с отходами решился: по эту сторону гор выброшенный гномами камень разбирали на мощение дорог и возведение замков, по ту – использовали для строительства города, мола и волнорезов, а также как балласт для кораблей.

Так или иначе, но выгоду от этой «досадной неприятности» гномы просекли очень быстро. Сотни лет они и в самом деле прекрасно обходились без тоннеля, в случае надобности пересекая гору по своим извилистым лазам с доброй тысячью выходов по обе стороны. Был у них и небольшой порт с пятком-другим кораблей. Больше не требовалось: гномы не питали особой любви к морским прогулкам и отваживались на них только в целях коммерции, а островитянам они могли предложить разве что драгоценные камни и оружие, которые много места не занимали.

И тут появились люди: обедневшие селяне, решившие податься в рыбаки, купцы, весьма в этих самых рыбаках заинтересованные, островные жители, зачавшие в порт на своих груженых тропическими фруктами кораблях, ибо прямой выход к Белории прекрасно решал проблему доставки столь нежной и скоропортящейся продукции...

Пару месяцев гномы задумчиво чесали маковки, глядя на всевозрастающий поток ходок в обе стороны, а потом, не иначе как в целях налаживания еще более тесного межрасового сотрудничества, перегородили взаимопонимающую дыру жердью на рогатинах и стали вести с приезжими душевные беседы на предмет ответного добровольного жеста в виде пары-тройки медяков. Со временем жердь сменили трехсаженные кованые ворота, со зловещим скрипом хитроумного механизма закрывающиеся на ночь и распаивающиеся с первым лучом солнца. Естественно, сие благоустройство не могло не отразиться на стоимости оказываемых им услуг, и братский народ вконец обнаглел, требуя по кладню с пешего, два – с конного и от трех до десяти за провоз телеги. Впрочем, все дешевле, чем тащить товары в обход гор или по перевалам, к тому же намного легче и быстрее, так что путники хоть и ворчали, но платили.

А уж когда очередной белорусский король возжелал обзавестись морским портом и флотом (побережье официально относилось к его владениям, только поди-ка туда доберись!), гномы окончательно утвердились в мысли, что идея пробить тоннель была ниспослана им свыше, ибо теперь им пользовалось до тысячи представителей всех рас ежедневно, исправно доказывая горному народцу свою дружбу.

Самым ходовым товаром в здешних местах были, разумеется, морепродукты – от деликатесных устриц и пряных водорослей до практически бросовой кильки, которой летом кормили свиней и уток, а зимой по морозцу довозили аж до Стармина и продавали на развес, заламывая десятикратную цену. Впрочем, торговля здесь кипела в любое время года. А поскольку было проще и дешевле уплатить гномам за провоз купеческой телеги, чем за вход и выход сотни покупателей, прямо возле туннеля шумел и благоухал рынок. Здесь помимо людей так же вольготно себя чувствовали эльфы, орки, тролли, лешаки, гоблины, дриады и даже – ужас-то какой! – вампиры, которые внаглую раскатывали вдоль рядов на к'ярдах, демонстративно помахивая крыльями и ухмыляясь во все клыки. Впрочем, купцы не были бы купцами, если бы не сумели договориться с кем угодно, и, хотя под прилавком на всякий случай лежала головка-другая чеснока, на оживленность и результат торгов это не влияло.

Кошек же в округе водилось такое множество, что опрометчиво выглянувшую из норы мышь должен был хватить удар от одного вида разномастного полчища, с урчанием копошившегося вокруг мусорных куч, на три четверти состоявших из рыбных отбросов. Пронзительные вопли кошаков заменяли привычное для городских рынков карканье и чириканье, да и вообще Орсана пока не заметила здесь ни одной птицы, кроме кружащего в недостижимой выси орла и дракона, разминающего крылья над горным хребтом.

Лён накиннул капюшон на голову и намеренно ссутулился. Вампиры хоть и были здесь обычным делом – неподалеку как раз беседовали двое купцов, догевский и арлиссский, оживленно жестикулируя руками и крыльями, – но Повелитель, да к тому же с золотым обручем, привлек бы к себе совершенно нежелательное внимание. Возле ворот сходилась пять крупных дорог и бессчетное количество тропок, по которым даже сейчас, прохладной вечерней порой с затопившими предгорье тенями, продолжалось оживленное движение – путники спешили попасть в порт или Белорию до темноты, чтобы потом не пришлось ждать до рассвета.

Вал, не спешиваясь, купил у горластой торговки здоровенную воблу и теперь энергично колотил ею по передней луке седла, заставляя свою клячу

нервно вздрагивать и прижимать уши. Орсана, не выдержав, украдкой грызла выуженный из сумки сухарь. Одолевая последний по их расчетам перегон, друзья решили не тратить времени на приготовление обеда, и неизвестно было, когда удастся поужинать. Да и удастся ли вообще.

Ролар, больше для виду поторговавшись с флегматичным, но непреклонным стражником при входе в Корт-огл-Элгар, упорно отказывающимся признавать запрошенную с путников сумму «бессовестным грабежом и обдираловкой», вместе с Леном (молча стоявшим рядом) вернулся к нетерпеливо ожидавшим в сторонке друзьям.

– Ну шо? – поинтересовалась Орсана, чуть не подавившись поспешно проглоченным куском.

– Они проехали через ворота. Все. Вчера вечером. – Лён обеими руками придержал то и дело порывающийся отлететь капюшон. Его спутники не удержались от разочарованного стога. Похоже, сбылись их худшие опасения – колдун воспользовался-таки телепортом и опередил их на целые сутки.

– Думаешь, они еще во Властоке? – Ролар покосился на Корт-огл-Элгар.

Очередной купец с обозом тончайших эльфийских тканей пытался если не пробудить в стражнике совесть, то хотя бы известить его о существовании столь нужного и полезного для ближних чувства. Гном внимал сим пылким речам все с тем же философским равнодушием, прекрасно понимая, что единственным уважительным поводом сбить цену является здоровая конкуренция, каковой и в помине не наблюдалось.

– У нас только один способ это узнать. – Лён взял Вольта под уздцы. – Через несколько часов тоннель закроют, а телепортироваться сквозь Элгар невозможно, так что если они скрываются где-то в порту, то в нашем распоряжении будет целая ночь на поиски.

Стражник благосклонно взирал на приближающихся путников, как доярка на возвращающихся с пастбища коров.

– Десять кладней, – лениво сообщил он, подкрепив слова широким зевком.

– Как это десять?! – опешил Ролар. – Нас четверо, по две монеты с каждого, получается восемь!

– Получается восемь, – флегматично подтвердил гном. – А платить надобно десять, потому как по две со всадников и отдельно за ввоз конины!

Вольт возмущенно фыркнул, а Повилика даже полезла кусаться, но привычный ко всему стражник метко стукнул ее по храпу кончиком копья, вынудив попятиться. Ролар, чья советничья душа не выдержала такого

экономического произвола, ехидно поинтересовался о размере штрафа за придушенного гнома, но Лён остановил его властным взмахом ладони и сам полез в карман. На виду у стражника отсчитав десять кладней серебром и золотом, вампир неожиданно стряхнул часть монет на другую ладонь и протянул к гному обе руки.

– Это чтобы вам не пришлось утруждать себя дележом, – любезно пояснил он. – Как вы обычно и делаете: восемь вон в тот сундук с печатью гномьей кассы, а две в мешочек на вашем поясе. Кстати, как ваше имя, доблестный страж? Я непременно постараюсь замолвить за вас словечко перед вашим начальником, досточтимым Агором-э-Ноком, и, надеюсь, он по заслугам вознаградит ваш тяжкий труд на благо Элгара!

Похоже, официальная оплата за «тяжкий труд» производилась несколько иным, не столь эффективным и продуктивным способом. Гном, мигом растеряв всю важность, шарханул от денег, как дайн от искушающего его мракобеса, только что не осенив себя крестным знаменем.

– Да что вы, уважаемые, какой из меня стражник?! Меня тут просто... э-э-э... копье попросили подержать, пока владелец в канцелярию сбегает! Так что езжайте себе, покуда он не вернулся, и пусть это останется только между нами!

– Договорились, – усмехнулся Лён, пряча деньги.

Что-что, а мастерами гномы были превосходными. Порой высеченные в стенах фигуры казались живыми и чудилось, будто идешь сквозь застывшее время. И стоит одним неосторожным словом спустить его, как курок взведенного арбалета, – и оно сорвется в стремительный полет, продолжив схваченные искусными резчиками движения: конь загарцует на задних ногах, с хрипом грызя удила, раздастся заунывный вой волчицы с тоскливыми человеческими глазами, а пущенный магом пульсар поднимется алым заревом над зубцами крепостной стены. Лён чуть не свалился с коня, пытаясь получше рассмотреть проступающий из толщи гранита женский силуэт с вздетыми руками и длинными развевающимися волосами, показавшийся ему странно знакомым. Но возвращаться и проверять не стал. Уж слишком это казалось невероятным.

Большинство барельефов было посвящено Противостоянию, самой великой битве прошлого столетия. Как ни странно, не межгосударственной и даже не межрасовой, а в виде исключения – действительно между добром и злом, как любят петь менестрели. В ней, опять-таки не иначе как для подтверждения обратного правила, добро победило – ценой огромных потерь и не меньшего героизма. С гномьей стороны в том числе, что

позволило им окончательно увериться в своем величии (впрочем, они и раньше не особо в этом сомневались).

Присмирившие кони осторожно ступали по каменной дороге, освещенной призрачно-голубоватым мерцанием особых рудничных грибов в горшочках на тонких цепях, развешанных между барельефами. Судя по явственным надгрызам по краям шляпок, встопорщенную стопку блинов они напомнили не только Орсане. Сама девушка благоразумно воздержалась от дегустации – злосчастные пятна и без того приобрели нежный трупный оттенок, заставляющий встречные телеги поспешно уступать всадникам дорогу, хотя полагалось бы наоборот. А если они еще и засветятся... Винчанка, содрогнувшись, заставила себя отвести взгляд от наиболее аппетитного грибочка.

По мере того как белое пятнышко впереди росло, потихоньку начиная разделяться на голубое и бирюзовое, грибы тускнели, пока не угасли совсем. Еще несколько сажений – и путники жадно вдохнули свежий солоноватый воздух с привкусом водорослей. Как будто из склепа выбрались.

Голубое оказалось небом, а бирюзовое – морем, граница между которыми терялась в затянувшей горизонт дымке с белыми перышками парусов. От садящегося далеко справа солнца расползлось яркое закатное пятно, на фоне которого порт казался черным, а стоящие у причала корабли – резкими тенями. Слева располагалась верфь, напоминая огромную паутину из дощатых настилов, лесов и тросов, в которой запуталось несколько остовов кораблей. Вокруг них маленькими деловитыми паучками суетились рабочие, слышался стук молотков, скрип лебедок, повизгивание пил и деловитая перебранка строителей.

Сам Власток полукругом лепился к горам, норовя взобраться повыше, чтобы уберечь себя от загребущих штормовых валов. У самого берега стоял лишь высоченный каменный маяк, над которым с криками кружили чайки. Сейчас море едва шевелило волнами, не покушаясь даже на четверть укатанного ими пляжа. Песок уже успел подсохнуть и, как на всем морском побережье, приобрел нежный серебристый оттенок без малейшей желтизны.

– Ну куда теперь? – Троль, не раз бывавший во Властоке, удостоил город лишь беглым взглядом и смачным плевком. И сам же предложил: – Можно на постоянный двор заскочить, там народишко ушлый, небось кто-нибудь что-нибудь да слышал. А можем по порту прошвырнуться, у меня там пара знакомых должна сыскаться.

Оба варианта вызвали бурное обсуждение «за» и «против»,

закончившееся решением разделиться. «Самые голодные», как съязвил Вал, то есть Ролар и Орсана, прихватив всех лошадей, отправлялись на разведку, а заодно и на закупку провизии на постоянный двор, где, если не возникнет никаких проблем, должны были до темноты ждать возвращения друзей из порта.

– А если не вернетесь? – обеспокоенно уточнила девушка.

– Значит, не дождетесь, – философски пожал плечами Лён и, что-то шепнув на ухо Вольту, передал поводья понурившегося жеребца Ролару.

– Только посмей... без нас, – выразительно напомнил тот.

Повелитель Догевы скривился, но промолчал.

* * *

Я поняла, что если мы сейчас не остановимся, не поедем и не выспимся, то просто рухнем от усталости.

Поняла я это очень просто – мы рухнули. Правда, кобыла тут же снова вскочила на ноги, досадливо хлестнув себя хвостом по взмокшим бокам, но мы, переглянувшись, единогласно решили считать подвернувшийся ей под копыта сук перстом судьбы, недвусмысленно указывающим на расположенное поблизости селение.

Как и сук, перст оказался весьма корявым. А вдобавок – злорадно оттопыренным средним.

Не будь я так измучена дорогой и непрерывной ноющей болью в ноге, уже не поддающейся заговорам, я бы ни за что не стала звонить в колокол у массивных, окованных железом ворот, от которых за несколько саженей разило мощной охранной магией. Да и вообще издалека заметила бы, что на два десятка домов за добротным, ровнехоньким как гребенка частоколом приходится всего лишь пять-шесть огородов, а в середине торчит сторожевая вышка.

Но было уже поздно – растревоженный колокол загудел низко и въедливо, как орочий гонг. Легионерский форт? Мелковат, да и на кой он сдался в такой глуши? До ближайшей границы несколько сот верст, а гномы и так вражескую армию через Корт-огл-Элгар не пропустят – «по их расценкам» ни у одного агрессора денег не хватит.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы предъявить мне рослого детину в пыльных доспехах.

– Стезя и стихия? – заискивающе, больше для порядка

поинтересовался он, опуская алебарду.

– Клинок и пламя, – машинально отрапортовала я, демонстрируя приколотый к изнанке воротника цеховой знак мага-практика.

Ворота распахнулись на всю ширину, чья-то услужливая рука без спросу цапнула кобылу под уздцы, заводя внутрь. Стражник, и без того подозрительно вежливый, откровенно залебезил:

– Проезжайте, госпожа магистр, проезжайте, со вчерашнего вечера вас ждем! Небось из самого Стармина к нам припожаловали?

– Д-да, – с запинкой подтвердила я, не уточняя, что последний раз была в столице зимой.

– То-то я вижу, кобылка вся в пене... а красавица-то какая, под стать хозяйке! Ну да ничего, сейчас мы ее оботрем, овса отборного насыплем... Пожалуйте ножку, госпожа!

Я совсем уж ошеломленно позволила мужику ссадить себя с кобылы. Смолка слишком устала, чтобы щелкать на нахала клыками, а услышав про овес и красавицу, безропотно потрусил за конюшим.

«Не легионерский, а магический», осенило меня. После Противостояния Ковен расставил подобные форты по всей Белории, чтобы избежать нового прорыва. Обычно в них размещались три-четыре мага-практика разных рангов, один-два теоретика и около дюжины легионеров для охраны.

Хорошо это или плохо, я еще не решила. С одной стороны, у коллег всегда можно рассчитывать на помощь, бесплатный стол и ночлег, что ввиду моего уныло вытянувшегося кошеля было весьма актуально. С другой, – меня явно приняли за какую-то важную шишку. А, ладно, на месте разберемся!

Снаружи выглядевшее как обычная селянская изба «место» внутри оказалось трехэтажными каменными хоромами. Я охотно подтвердила согнувшемуся в поклоне камердинеру, что желаю все – и ужин, и постель, и ванну с чистым бельем. В конце концов взносы в Ковен я плачу регулярно, так почему бы хоть разок не получить что-то взамен? Пусть и по ошибке.

Комнату и ванну в виде тридцативедерной бадьи с горячей водой мне предоставили немедленно, а ужин пообещали чуть попозже, в компании коменданта форта. Я милостиво согласилась на эту ложку дегтя, отослала служанку и, постанывая от боли и наслаждения, полезла в бадью. По самый нос упаковавшись в пахнущую розами и можжевельником воду, осторожно согнула и рассмотрела сломанную ногу. Выглядела она неважно. Не отваливалась, конечно, но и срастаться не собиралась, решительно

протестуя против такого жестокого обхождения, как круглосуточная скачка с перерывами в лучшем случае на часок-другой, да и то лишь чтобы обновить заклинания.

Я закрыла глаза и со вздохом откинулась на край бадьи. Поднимающийся от воды пар приятно щекотал лицо, все здание ненавязчиво окутывала чистая природная магия – форты ставились на ее источниках, чтобы в случае чего магам не пришлось ограничивать себя в заклинаниях. Здесь ее даже вбирать не нужно, достаточно расслабиться и позволить энергии свободно течь сквозь тело, а уж она сама разберется, где нужнее – в ауре или резерве...

Через пару часов меня разбудил требовательный стук в дверь, напомнив об изнывающем от голода коменданте. Вода успела остыть, так что я без особого сожаления выкарабкалась из бадьи. Чувствовала я себя сравнительно неплохо, другое дело – с кем сравнивать. Для зомби я очень даже неплохо сохранилась!

Судя по чванливо висящему на шее ордену, комендант, как и я, был Магистром 4-й степени по боевой магии. Но напоминал скорее простоватого, выслужившегося из селян тысячника – кряжистый, лысеющий (вернее, долысевающий) мужчина с круглым добродушным лицом, в уголках губ которого затаились жесткие складки. Но со знатной гостью (вот бы еще узнать какой!) он был сама любезность. Выдвинул стул, осыпал комплиментами и, наполнив бокал вином, с чувством выполненного долга сел напротив, нетерпеливо заправив за воротник белоснежную салфетку.

Я, не удержавшись от болезненной гримасы, выпрямила сломанную ногу. Комендант истолковал это по-своему:

– Да уж, большую часть пути на лошади проскакать – удовольствие маленькое. Простите, что доставили вам это неудобство с «паутинкой»... но распоряжение Ковена, сами понимаете...

Я с умным видом покивала головой. Значит, «паутинка». Тонкие как бритва полоски магического вакуума, в которых прерывается любая телепортация. Вот почему в форте так мало людей, остальные, видимо, поддерживают невидимую «границу» или патрулируют ее на предмет обнаружения бесчувственных тел – выйти из телепорта целым и невредимым и без того нелегкая задача, а уж если тебя выдергивают оттуда насильно... Интересно, на кого же ее «сплели»?

– Уважаемая коллега, – моего предполагаемого имени комендант так и не назвал, да и сам не спешил представляться, наивно полагая, что я в курсе, – позвольте узнать, чему я обязан столь приятному, но, не скрою,

несколько таинственному визиту? Мне сообщили о нем лишь в самых общих чертах, с оговоркой, что вы объясните все по прибытии.

– После ужина, с глазу на глаз, – многозначительно пообещала я, нацелившись вилкой в фаршированного кальмара. Гхыр бы они для обычной ведьмы так расстарались, кружка простокваши и миска каши с требухой в лучшем случае! Я мстительно выгребла к себе на тарелку еще и добрую половину красной икры из миниатюрного блюдечка.

– Не смею настаивать. – Видимо, коменданту и самому не хотелось портить аппетит деловыми разговорами. На него, кстати, он тоже не жаловался, наперегонки со мной уминая все блюда подряд.

Но спокойно поесть нам все равно не дали. Живая стрела, трепеща дымчатыми крыльями, пронзила каменную стену, как воду, – та лишь чуть заметно колыхнулась в месте вылета вестника. Опечатанный сургучом свиток плюхнулся прямо коменданту в тарелку.

– Так-так-так... што тут у наш? – Магистр, продолжая ритмично двигать челюстями, сломал прекрасно известную мне печать с драконом и посохом. Неровные половинки распустились красноватым дымком, уведолив далекого отправителя, что его послание доставлено точно по назначению. – Ну разумеется, очередной приказ! Видимо, как раз насчет вашего приезда... хе-хе, нет бы наградной лист! И что же Ковен на этот раз от нас хочет?

Комендант не спеша расправил свиток, оказавшийся длиной по меньшей мере в локоть, и, подслеповато щурясь, повернулся боком к окну.

– Нет, ну вы только послушайте! – поперхнувшись, возмущенно воскликнул он спустя несколько секунд. – «В открытое столкновение не вступать, но попытаться их разделить и захватить поодиночке». Гениально! И как они себе это представляют? Я, махая руками и вопя «кыш!», буду разгонять банду из вампиров, магов и наемников?! Ладно еще «немедленно поставить в известность»...

Комендант углубился в чтение, хмуря брови и все больше багровея лысиной. Я сидела как на иголках, еле сдерживаясь, чтобы не вскочить, вырвать у него свиток и поспешно пробежать его глазами.

– Хм... особые приметы... ага... Ну надо же! Крупная рыбка... ему-то что здесь понадобилось? Некая В. Ред-ная... н-да, подходящее имя для ведьмы.... Ого! Еще и Верховной Догевской Ведьмы... тогда понятно, что он осмелился... та-а-ак, для полного счастья нам только конфликта с Винессой не хватало... Да вы, госпожа магистр, не обращайтесь на меня внимания, кушайте, прошу вас! – спохватился магистр, глянув на мою так и не донесенную до рта вилку. И продолжил чтение уже про себя, беззвучно

шевели губами.

Я с огромным трудом заставила себя проглотить оставшийся на тарелке салат, скомкала салфетку и, обворожительно улыбаясь, попросила позволения отлучиться на пару минут. Комендант лишь рассеянно махнул рукой. Как опытная, закаленная в странствиях и боях с нежитью ведьма, я прекрасно знала, когда пора драпать. Чем, собственно, и занялась, причем немедленно и с превеликим энтузиазмом. Прикрыв дверь отведенной мне комнаты, я поспешно накинула куртку, поверх бросила ремень пожен, наклонилась за стоящей на полу сумкой... и замерла, глядя в распахнутое окно.

У ворот, ожесточенно споря со сникающим на глазах стражником, гарцевача на вороной лошади женщина средних лет с роскошными кудрями каштаново-рыжего цвета. Вернее, в роскошном парике, копию которого я еще на третьем курсе щедро намазала сапожным клеем, пропустив ради этого увлекательного мероприятия торжественный ужин по случаю окончания сессии. В итоге мы (Енька стоял на стреме) остались еще и без завтрака с обедом, а если бы не заступничество Учителя – то и без Школы. Зато получили три воистину бесценных урока: 1) с Магистром 1-й степени до получения хотя бы 2-й лучше не связываться; 2) качественный клей лучше всякой магии и 3) клей в лавке «Два лепрекона» ОЧЕНЬ качественный.

Женщина, раздраженная дурацкими препирательствами, попросту смела лошадью шарахнувшегося стражника, подскакала к самому крыльцу и, сощурившись, пристально глянула вверх. Я, хоть и сомневалась, что она способна увидеть меня сквозь окружающую здание иллюзию, торопливо шлепнулась на четвереньки, втянув голову в плечи. От Катиссы Лабской, преподавательницы боевой магии, на редкость злоющей и каверзной тетки, можно было ожидать чего угодно. И уж она-то прекрасно знала, как выглядит «некая В. Редная»!

Я услышала, как зачастили по ступенькам высокие тонкие каблуки, наводившие такой ужас на сидящих в экзаменационной аудитории адептов. Хлопнула дверь. Единственная в здании. Если я не выберусь из форта прежде, чем Катисса перебросится парой слов с комендантом, мне конец – ей ничего не стоит так зачаровать выход, что я даже не сумею его найти. Но для этого надо выйти Магистру навстречу и как-то с ней разминуться по единственному коридору. Нечего и думать пропустить ее мимо комнаты и выждать, пока она скроется в столовой – тревога поднимется прежде, чем я успею добежать до лестницы.

Волновали меня, естественно, отнюдь не принятая на халяву ванна и

съеденная икра. Да и вряд ли Катисса станет превращать меня в ворону и оципывать по перышку, как обещала под впечатлением чудесным образом приросших волос. Но позволить себя «разделить и захватить» я тоже никак не могла. Не знаю, на кой я понадобилась Ковену, но мне сейчас совершенно не до него!

Каблуки уже чуть слышно простукивали первую порцию застланных ковром ступеней. Пролет, коридор, пролет, коридор и – комендант. Я на мягких носках сапог (не дриадские, но тоже ничего!) скользнула вниз по лестнице, нещадно терзая больную ногу. Впрочем, она, проникшись важностью момента, перестала ощущать что-либо вообще. На второй пролет я уже не успевала, коридор же второго этажа посередине расширялся в небольшой холл с длинным банкетным столом. Кружевная скатерть свисала до двух третей ножек, сверху стояло несколько подсвечников и корзина с фруктами.

Так, а теперь – в сторону, прижаться к стене, соединить ладони и сосредоточиться на формуле маскировки...

Но при виде кошмарной бабы, показавшейся из-за поворота, все заклинания мигом вылетели у меня из головы, и я, как десятилетняя адептка, очертя голову нырнула под стол и затаила дыхание, чувствуя, как сердце отчаянно ломится в грудную клетку, требуя выпустить его из этого страшного места.

Ну я и влипла! А еще говорят, дураков в магии не берут! Вдруг она тоже успела меня заметить?!

Катисса замедлила шаг. Остановилась возле стола, задумчиво побарабанила по нему пальцами. Каблуки очутились возле самого моего лица, оказавшись выточенными из черных клыков костеца-трупоеда. Я закусила рукав куртки, чтобы не заскулить от ужаса. Честное слово, лучше бы там бродила настоящая баньши [\[7\]](#), а не обладательница этой клички (с закономерной приставкой, намекающей на прискорбное отсутствие собственной шевелюры), шепотом и с оглядкой поминаемой адептами! Убедить себя, что сейчас это всего лишь одна из моих коллег, никак не получалось.

Женщина наклонилась. Стянула левую туфлю, вытряхнула из нее камушек. Снова надела, качнулась с пятки на носок и, удовлетворенно хмыкнув, пошла дальше. От схлынувшего напряжения у меня потемнело в глазах, пришлось выждать несколько секунд, прежде чем выкарабкаться из-под стола и опрометью кинуться к двери. Магистр как раз успела скрыться за поворотом, каблуки, удаляясь, бренчали по второй лестнице. Может, и к лучшему, что я не стала колдовать. Магически замаскироваться от (надо

отдать Лысой Баньши должное) специалистки такого уровня чрезвычайно сложно, но она все-таки человек, а не оборотень, чтобы почуять мой запах или услышать стук сердца.

Я выскочила на крыльцо, захлопнула дверь и недолго думая свистнула в два пальца, спугнув дремлющих на крыше голубей. Где-то за сараями раздался сочный треск, и Смолка галопом подлетела ко мне, словно не замечая волочащегося за ней конюха.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила я, принимая у него поводья.

Парень пробормотал что-то нечленораздельно-ругательное, разжал руки и окончательно рухнул в пыль. Перебраться с крыльца в седло было секундным делом. Стражник, увидев наш энергичный старт, с похвальным рвением отскочил в сторону, иначе распахнувшиеся ворота припечатали бы его к частоколу.

Я успела отъехать довольно далеко, когда сзади послышались какие-то звуки, подозрительно напоминающие гневные вопли, однако ни отголосков магии, ни топота погони за ними не последовало. Но, зная Катиссу, обольщаться не стоило, как и останавливаться до самого Корт-огл-Элгара, уже обозначившегося на горизонте неподвижным колечком темной тучки.

«Бесплатная икра только в ведьмоловке», – мрачно подумала я, поудобнее устраиваясь в опостылевшем седле.

* * *

– А-а-а-а! Упы-ы-ырь!!!

Ролар было попятился, нащупывая спрятанный под плащом гворд, но неожиданно сообразил, что эти крики относятся вовсе не к нему. Да и вообще, что здесь, вампиров не видали?! Две из двенадцати долин расположены на островах, откуда частенько приходят торговые корабли, а гномам и троллям, преобладавшим в харчевне при постоянном дворе, до вампиров вообще не должно было быть дела. Разве что на троих сообразить. Не младую деву, разумеется, а бутылку крепчайшего контрабандного рома.

Не видали здесь, как оказалось, разукрашенных под живых покойников винечанок. Ролар, поспешно заслонив собой девушку, заверил вскочивших с мест моряков, что, дескать, это всего лишь наложенное злобным колдуном проклятие, в просторечии именуемое венцом безбрачия, но если кто-нибудь рискнет и...

Разгневанная «упырица» так смачно заехала вампиру локтем в бок, что добровольные целители решили не торопиться с посильной помощью.

Под снова заполнивший харчевню гомон Ролар негромко побеседовал с пышнотелой хозяйкой заведения, но ничего интересного не узнал. Колдун с сообщниками сюда не заходили – она бы запомнила. А сейчас здесь гуляют команды с двух пришедших днем кораблей, так что о портовых сплетнях у них выспрашивать бесполезно.

Ролар разочарованно расплатился и, прихватив поднос с заказом, вернулся к занятому Орсаной столу. Телепатией он, к сожалению, не владел, но, как и все вампиры (а уж тем более советники!), прекрасно чувствовал, когда люди лгут.

– Если они не остановились на постоялом дворе, – задумчиво сказала девушка, утолив первый голод, – значит, у них чи то е друзи в городе, чи они прямиком отправились в порт. И оттуда уже не вернулись.

– В городе мы их рано или поздно разыщем. – Ролар отхлебнул из кружки, скривился и отставил ее подальше. Пиво то ли щедро разбавили морской водой, то ли, не мороча себе голову, начерпали прямо из моря. – Но они не из тех, кто позволят загнать себя в угол и, боюсь, давным-давно смылись из порта...

– Вот только куда? – Орсана уныло подперла подбородок кулаком, уставившись на дверь харчевни. Как будто ожидала, что сейчас она распахнется и на пороге со злорадным: «А вот он я!» – появится неуловимый колдун.

Дверь и в самом деле распахнулась. Хозяйка харчевни, разглядев клиента, согнала с лица дежурную улыбку и продолжила распекать ленивую служанку. Дряхлый дедок, ничуть не обидевшись, бодро застучал клюкой по направлению к ближайшей шумной компании и, втершись на краешек скамьи, неожиданно громким и пронзительным голосом заверещал:

– Эх, молодешь, молодешь, да што вы жнаете о на-стоящих путешшештвиях? Ражок-другой на оштрова с торговым караваном шплавали и думаете – моршками волками жаделалишь? Вот я жа швою жижнь вше это море вдоль и поперек ишборошдил, шего только не навидался! Пошалуй, мог бы и вам рашшкажать... да што-то в горле перешохло...

Моряки только ухмылялись, не устаивая дедка вниманием и – для чего он, собственно, это и затеял, – бесплатной выпивкой.

– Вы што, думаете, я вам ярмарошный враль какой-то? – не сдавался тот. – Да меня в этом порту вшакая шобака жнает, а я ее и подавно! Вот,

шкажем, в пожап-рошлом году...

– А шо, дидусь, – раздался на всю харчевню звонкий девичий голос, – чи слабо вам перечислить все корабли, ушедшие из Элгарского порта... ну хотя бы за последние сутки? Бутылку ставлю, что и половины не вспомните!

Старикашка поперхнулся от возмущения и, позабыв про клюку, как молоденький засеменял к столику нахалки с явным намерением посрамить ее описанием каждой заклепки всех судов – от величественных эльфийских галер до самых распоследних орочьих лодчонок, – перебивавших в порту за последние десять лет.

Друзья с усмешками переглянулись и призывно замахали разносчице рома.

* * *

Илька негромко присвистнул, подзывая приятелей полюбоваться своей находкой. Небрежно брошенная прямо на песок одежда, кошель, сапоги, а поверх – какая-то трость с янтарной рукоятью. Явно очень дорогая, старинная.

– Видать, купаться полез, – заключил рыжий долговязый мальчишка, самый старший и главный в шайке «мастеров на все руки», как иронично называли себя портовые оборванцы-беспризорники. И куда только они эти руки не запускали! – Илька, глянь!

Подручный послушно сбегал к краю причала. На ближайшем корабле о чем-то то ли оживленно беседовали, то ли ругались два тролля, но в воде никого не было.

– Что ж, утопцу они ни к чему, а раззяву и проучить не грех, – рассудительно заключил рыжий.

Они уже радостно расхватывали бесхозные вещички, когда из тени между доками выскользнула здоровенная собака. Поджарая, длинномордая, с висячим, но отнюдь не трусливо опущенным хвостом. Уж неизвестно, как это у нее получалось, но с тенями она сливалась накрепко, проявившись из них только на свету. Как будто встрепанная бризом шерсть в мгновение ока переменила цвет с мглисто-серого на белоснежный.

Воришки застыли в нелепых позах, не решаясь ни броситься наутек, ни выронить краденое. Ошейника на собаке не было, но у ребят почему-то не возникло никаких сомнений, что к их деятельности она относится оч-

чень неодобрительно.

Рыжий попробовал посвистеть, но дрожащие губы не послушались. Собака остановилась сама. В шести локтях или одном прыжке... когда сочтет нужным. Поудобнее расставила лапы, неестественно низко опустила голову, выпятив горбину загривка.

Илька не мог объяснить почему, но на причале она смотрелась на удивление чуждо. Куда уместнее было бы встретить ее в глухом лесу... а лучше не встречать нигде и никогда.

– Во-о-олк! – первой взвизгнула Настая, единственная девчонка в компании.

А еще говорят, никакого от баб толку! Гхыр бы они без ее вопля от земли отмерзли и, побросав добычу, задали стрекача!

Зверь, не двигаясь с места, неотрывно смотрел им вслед. Спокойный серый взгляд охлаждал Ильке лопатки, придавая ногам невиданную живость.

Как будто мысли читал.

* * *

Лён не стал заходить внутрь. Присел на перила переделанной из двухмачтового суденьшка харчевни, возле носа которой очень натурально журчала сточная канава, и долго, молча смотрел на охвативший небо и море закат. Потом, не оборачиваясь, поинтересовался у вроде бы неслышно подошедшего Ролара:

– Что-нибудь узнали?

– Со вчерашнего дня из порта вышло семь кораблей. Все в разные стороны, так что, боюсь... – развести руками арлиссец не успел.

– «Черный Лис». Портовая шпана видела, как они уже за полночь поднимались на его борт.

Пауза затянулась. Лён удивленно оглянулся на друга и, догадавшись, невесело пошутил:

– Говори, чего уж там. Хуже, чем я думаю, все равно не будет.

– Сегодня после обеда он ушел... – Ролар запнулся и виновато отвел глаза. – ...в Леск.

Повелитель чуть заметно вздрогнул. Хотя другого ответа и не ожидал.

– Лён, может...

– Могу. Мы едем, Ролар. – Светловолосый устало потер рукой лоб, поправляя обруч. – Такое не прощают.

– Такое тоже. – Ролар выразительно поглядел на море. – У тебя же до сих пор нет Хранителя.

Арлиссский советник не отговаривал, а словно напоминал – тактично, ненавязчиво. Как будто об этом можно забыть...

– Там бы он мне все равно не помог. До моего Круга мы добраться не успеем, а о Лескском, ясное дело, не стоит и мечтать. – Лён машинально коснулся груди, нащупав реар сквозь тонкую ткань рубашки. Верховная Догевская Ведьма не раз выразительно намекала – мол, опыт у нее имеется, так почему бы не...

Нет. Он предпочел бы умереть, чем еще раз подвергнуть ее такому риску.

– Ты думаешь о ней? – Ролар облокотился о поручни рядом с Повелителем, делая вид, что увлечен плывущим по канаве мусором. Кстати, одно яблочко было очень даже ничего, жаль, подцепить нечем.

– Так заметно? – краем губ улыбнулся светловолосый.

– Заметно. И по тебе, и по ней. Лён, какого гхыра вы до сих пор не поженились?

– Она не хочет. Боится, напридумывала себе всяких ужасов, а я не хочу ее заставлять. Келла зря затеяла эту историю со свадьбой... а уж теперь... – Повелитель обреченно махнул рукой.

– А ты?

Лён, не отвечая, смотрел вдаль. Заходящее солнце окрасило песчаную косу в золотисто-рыжий цвет, от которого невозможно было оторвать взгляд. Точно так же искрились, переливались под закатными лучами короткие встрепанные волосы, когда он впервые увидел ее – восемнадцатилетнюю, отчаянно трусющую девчонку, под уздцы ведущую к воде белую лошадь...

Он тоже боялся. Но и понимал, что если они не сделают этот шаг вместе, то дальше им придется идти в одиночестве. До конца жизни, потому что ничего подобного с ними уже никогда не произойдет, а на меньшее они не согласятся...

– Надо идти к начальнику порта, – решительно сказал Повелитель Догевы, поворачиваясь к морю спиной. – Это быстрее, чем обходить все корабли и выспрашивать, куда и когда они поплывут. А мы не можем себе позволить терять ни минуты.

* * *

– Эй, куда-а?! – запоздало опомнился стражник, когда лошадиные копыта, даже не приостановившись, невозмутимо процокали мимо поста. Одной рукой придерживая слегка великоватый шлем, а второй – выставив вперед копьё, гном со всех ног пустился вдогонку за злостным нарушителем. Точнее, нарушительницей. – А тоннельный сбор кто платить будет?!

Рыжеволосая всадница безропотно осадил кобылу. Сдала назад и с легким удивлением возразила:

– Так у вас же написано – для ведьм вход бесплатный!

– Где? – опешил гном.

– Да вон там! – Девушка взмахнула рукой. Из сложенных щепотью пальцев вырвалась голубоватая струя света, при соприкосновении со стеной брызнувшая гранитной крошкой. Когда так и севший от неожиданности гном опасливо приподнял сползший на глаза шлем, над входом в тоннель красовалась слабо дымящаяся надпись, выполненная в затейливой эльфийской манере – с завитушками и сильным наклоном вправо.

Черная кобыла нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, но ведьма, не отпуская натянутых поводьев, спокойно ждала ответа, невинно хлопая безупречно честными глазами. «Прям как у вампиров научилась», – с досадой подумал стражник.

– А, да-да, – пролепетал он, – совсем запомнил! Конечно же бесплатный! Проезжайте, госпожа, извините за задержку!

Девушка философски пожала плечами – мол, никаких претензий, лучше перебдеть, чем недобдеть! – и тронула кобылу каблуками.

Дождавшись, пока они сгинут в полумраке тоннеля, гном стянул шлем и утер ладонью взмокший лоб. Нет, нынешнее дежурство определенно не задалось...

* * *

Начальник порта обретался на четвертом этаже смотровой башни, выше которой был только маяк. Из обращенного к морю окна – на полстены, от пола и до самого потолка, – открывался прекрасный вид на весь порт, верфь и даже на часть города с корчмой. Рядом стоял телескоп, почему-то направленный не в величественную даль моря или к судьбоносным звездам, а на скромное здание с красным фонарем при

входе. Вал недолго думая наклонился к глазку и мерзко заухмылялся, заставив начальника порта слегка смутиться. Но только слегка. Гномов вообще очень сложно устыдить, так что задранные на стол ноги и не подумали перекочевать вниз, а их владелец неодобрительно глянул на незваных гостей поверх развернутого свитка.

– Ну и вам того же, – буркнул он в ответ на вежливое приветствие. – Чего надо-то?

– Попасть в Леск, и как можно быстрее. – Лён небрежно прокрутил в пальцах золотую монету, которую гном почтил куда большим вниманием. – Сегодня туда идет какой-нибудь корабль?

– Не-а. – Начальник порта поменял ноги местами и, многозначительно глядя на вампира, добавил: – Но есть корабль, который туда НЕ идет. Во-он тот, «Голубок». Хозяин на борту, днем я видел, как его туда заносили, предварительно выкинув из харчевни. Можете с ним договориться, и завтра утром он вас никуда не повезет...

Вал и Орсана недоуменно переглянулись, но Лён спокойно кивнул и, бросив на стол монету, направился к выходу. Ролар, тоже не выказав изумления, последовал за ним.

– Лескских судов в порту сейчас нет, – пояснил Лён уже по пути к причалу. – Они разгружаются, загружаются и сразу уходят. Но здесь полно контрабандистов, которые покидают порт под видом развлекательной морской прогулки, не указывая на таможне истинную цель путешествия, чтобы не платить вывозную торговую пошлину. В конце концов никто же не запрещает кататься по морю, забив трюмы связками мехов или мешками с картошкой. Мало ли что – боялись сбиться с курса и помереть от голода и холода, а когда начался ураган, покидали добро за борт.

– А как же островная таможня?

– Ввозную они платят, тут уж не отвертишься, – подхватил знакомый со здешними обычаями арлиссец. – Лескские Стражи не подпустят к берегу ни одного незнакомого корабля, будь то днем или ночью. Но все равно выходит выгоднее.

Если плата за стоянку у причала начислялась исходя из внешнего вида судна, то «Голубку» порт наверняка еще и приплачивал. Когда заспанный юнга, привлеченный воплями потенциальных клиентов, наконец соизволил облокотиться о борт, раздался явственный треск, перетекший в заунывный скрежет где-то в трюмных недрах. Вбитое в корму кольцо и пенек причала соединял толстый растрепанный канат, по которому деловито мигрировали на берег облезлые корабельные крысы.

– Надеюсь, мнение владельца об этом судне отличается от моего в

лучшую сторону, – с сомнением шепнул Ролар, наклоняясь к Орсане. – Потому что мне как непрофессионалу оно больше всего напоминает корыто с двумя швабрами и пятком развешанных на них половых тряпок.

– В худшую, – мрачно буркнул Лён, глядя на показавшегося на палубе капитана. – У него еще и в трюме течь, и этот тип прикидывает, законопатить ее или так сойдет...

– Может, сядем на бревно и погребем руками? – уныло предложила Орсана.

Но было уже поздно – гнилой борт явственно прогнулся под хозяином судна. Юнга поспешил почтительно придержать капитана за ремень, дабы не лишиться его вместе с частью оснастки.

Капитан «Голубка» походил на гнома и орка одновременно и, скорее всего, являлся их общим потомком – низкорослый, смуглый, с черными выпуклыми глазами, редкой рыжеватой бородой и длинными волосами, собранными в пучок на затылке. Среди мореходов, разбойников и наемников вообще было много полукровок, толком не принятых ни одной расой и избравших ремесло вольных охотников за удачей.

– Пассажи-ы-ыры?! – недоверчиво протянул он, словно не веря своим ушам. – Даже и не знаю... раньше как-то не доводилось... а тут еще и ба... то есть женщина, а они на корабле вообще-то к беде!

– На земле не лучше, – «утешил» его Ролар. – Ну так что, беретесь? Сорок кладней. Если быстро доставите, еще пяток накинem.

Капитан запустил лапу в прорезь грубой рубахи и задумчиво поскреб волосатую грудь.

– А на кой вам в Леск? Там же того... вампиры. Долина ихняя.

Лён невозмутимо отбросил капюшон, предъявив улыбчивый оскал. Как ни странно, на капитана это произвело весьма положительное впечатление. Он даже жуликовато заухмылялся в ответ:

– Ладно, тогда никаких проблем. Приходите на рассвете, но учтите – больше часа ждать не будем!

Полуорк-полугном отодвинулся от борта (юнга разжал руки и с облегченным вздохом привалился к мачте – тоже, кстати, как-то подозрительно заскрипевшей) и вразвалочку пошел обратно в каюту.

«Будете как миленькие, – про себя усмехнулся Лён. – Но мы вернемся даже раньше».

* * *

– Ушел с полчаса назад, – зевнул начальник порта, не отрываясь от свитка. «Ну и суматошные же эти люди. Влетела – чуть дверь с разгону не пробила, ни здравствуйте, ни пожалуйста, одни вопросы: заходили? Куда? Когда?»

– Точно?! – с отчаянием выдохнула рыжеволосая.

– Угу. Да вон он, под самым горизонтом, еще из окошка видать...

Горизонтом девушка не ограничилась – лихорадочно окинула взглядом весь порт, задержавшись на распахнутых дверях пустого дока. Судорожно сглотнула, сжимая кулаки до четко проступивших костяшек.

– Вы не будете возражать, – незнакомка с трудом подбирала слова, ее явно знобило, – если я на минутку воспользуюсь вон тем помещением?

– Да мне-то что... – начал было гном, но девчонки уже и след простыл.

Начальник порта поерзал на стуле, однако сосредоточиться на подсчетах так и не удалось. Не удержавшись, гном подошел к окну, с любопытством отвел занавеску.

Рыжеволосая выскочила из двери, чуть не сбив с ног поднимавшегося по ступеням эльфа, и, прихрамывая, побежала к докам. Черная кобыла оставила в покое треснувший ящик с рыбой и потрусил следом за хозяйкой, на ходу дожевывая серебристый селедочный хвост.

У дверей дока девушка остановилась, воровато огляделась по сторонам. Расседлала и разнуздала кобылу, побросав сбрую с чересседельными сумками прямо на землю. Себе оставила только меч и котомку. Обхватила лошадиную морду ладонями, на минутку прижалась к ней лбом, словно что-то нашептывая, потом выпрямилась и повелительно взмахнула рукой. Кобыла развернулась и уверенно поскакала к Корт-огл-Элгару.

Девушка скользнула внутрь, с усилием прикрыла за собой тяжелую дверь. Гном подождал минутку. Вторую. Десяток. Потом не утерпел и свистнул мальчишке-подручному:

– Слетай погляди, что она там делает?

Мальчишка вернулся изрядно струхнувшим и озадаченным:

– Нема там никого, господин, тока на полу каракули какие-то дымятся, да шерстью паленой ужась как смердит. И кровью вроде как покапано...

Гном вполголоса помянул Коврюжью Матерь. Подумал и для компании добавил к ней Колченогого Сухорука и Подземного Цмока. Ведьма!

– Поди-ка вещи ее подбери да в выгребную яму кинь, чтобы на глаза портовому магу не попались, – велел он.

Только проблем с Ковеном ему не хватало! Поди потом докажи, что

никто ее под руку не толкал...

– А что ж вы ей-то скажете, когда вернется? – не понял подручный.

Телепортироваться на плывущий корабль, от которого осталось только смутное пятнышко на горизонте? Да на это даже архимаг не отважится – вон давеча покрутился на берегу, в сердцах за бороду себя подергал, да так несолоно хлебавши и убрался.

– Не вернется. Выкидывай.

* * *

«Успели» – с невыразимым облегчением осознал Лён, на всякий случай держась на некотором отдалении от борта. За кормой шумно пенилась вода, попутный ветер охотно впрягся в паруса. «А может, я все-таки плохо ее знаю? Или... что-нибудь случилось?!» Леший побери, в Вольхином случае отсутствие ожидаемой пакости пугало еще больше ее благополучного осуществления! Вампир досадливо тряхнул головой и, отвернувшись, пошел на нос корабля. Смотреть уже и так было не на что. Порт скрылся из виду.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ Бессмертный бой

Бывает, что и
кобыла летает!

Селянская поговорка

– Что вампиру хорошо, то человеку смерть, – философски изрек Ролар, глядя на «умирающую» Орсану.

Девушка с усилием повернулась к нему, но придумать и огласить что-нибудь столь же язвительное не успела, снова поспешно перегнувшись через борт.

– Может, водички тебе принести? – сжалился вампир. Водички девушке вполне хватало за бортом. И напоминать об этом совершенно не стоило.

– Ведро, – прохрипела она, как только снова смогла поднять голову. – Я тебя туда умочу та буду трыматы, пока не заткнешься!

Ролар обиженно фыркнул и замолчал. Но далеко уходить не стал, краем глаза на всякий случай присматривая за несчастной страдальницей (не сказать чтобы безропотно, но стойко переносившей тяготы пути). Ночью слегка штормило, укачав не только Орсану, но и добрую половину команды, так что корабль казался вымершим. Капитан дремал в гамаке между двумя мачтами, Лён и Вал негромко беседовали, склонившись над картой. До Леска оставалось около трех суток плавания – если, конечно, ветер не спадет или переменится. Некоторые опасения вызывал только витающий в воздухе ромовый дух, ощутимо усиливающийся при приближении к подозрительно жизнерадостному штурману, но «Голубок», как старая ломовая лошадка, уверенно шел привычным курсом, не давая сбить себя с толку вдохновенными рывками штурвала. У Ролара было такое нехорошее подозрение, что он вообще не работал. Но подойти и проверить вампир не отважился...

Когда весь съеденный Орсаной завтрак демонстративно удалился в синие глубины, девушке немного полегчало. От борта она на всякий случай отходить не торопилась, но различить небо и море уже смогла. Больше ничего интересного с подветренной стороны не было. Ни облачков, ни птиц – только слепящее глаза солнце. И так все сегодняшнее утро и большую часть вчерашнего дня.

От волн рябило в глазах. Девушка сморгнула, но самая назойливая точка не исчезла. Более того – начала потихоньку разрастаться в черный треугольничек, спустя еще четверть часа разделившийся на квадратики парусов и язычок вымпела. Изможденная девушка вяло наблюдала за его приближением, пока внезапно не сообразила, что не помешало бы как-нибудь отреагировать.

– Эй, там какое-то судно! – Орсана, отступив к гамаку, взволнованно потрянула капитана за плечо.

– А? – Тот наполовину разлепил левый глаз, скосил его на море, широко зевнул и, безразлично махнув рукой, перевернулся на другой бок. – Кажись, пираты...

Винчанка недоуменно уставилась на раскачивающийся гамак. Потом снова перевела взгляд на черную шхуну, на борту которой уже отчетливо проступила надпись «Хапуга».

– Но... они же, кажется, собираются нас атаковать!

– Похоже на то, – флегматично подтвердил капитан. Пираты и в самом деле очень старались, чтобы их намерения ни в коем случае не перепутали с мирными и дружественными. Облепив снасти с наветренной стороны (несчастное суденышко сильно накренилось вправо, чуть не черпая бортом воду), морские разбойники потрясали длинными кривыми клинками, свободными конечностями изображая что-то не слишком понятное, но чрезвычайно обидное, при этом свистя, гикая и улюлюкая.

На «Голубке» ими заинтересовались только Орсана и кок, лущающий семечки у борта (причем складывалось впечатление, что для наслаждения медитативным процессом их обработки и поглощения ему подошел бы любой другой пейзаж, лишь бы ветер не мешал сплевывать шелуху за борт).

Тем временем корабли сошлись так близко, что вытряхнутый коком мусор с шелестом оросил палубу пиратского корабля, а заодно и его капитана. Несколько недовольный этим обстоятельством, тот во всю глотку проревел: «На абордаж!» – и в борта «Голубка» с лязганьем впились около полудюжины крючьев с длинными хвостами веревок. Цепочкой ухватившись за их концы, пираты с похвальным рвением уперлись ногами в палубу, подтягивая корабли друг к другу. Спустя несколько секунд те гулко стукнулись бортами, и морские разбойники в количестве около полутора дюжин хлынули на «Голубок», ухитряясь издавать громкие и устрашающие звуки даже сквозь зажатые в зубах кинжалы.

Контрабандисты продолжали наблюдать за ними с весьма умеренным интересом, не отрываясь от повседневных хлопот вроде лущанья семечек,

полуденной дремоты или игры в кости.

Абордаж, смущенный таким холодным приемом, захлебнулся в сажени от борта. Пираты растерянно выстроились в кривой рядочек, в недоумении толкая друг друга локтями и перемикиваясь сквозь стиснутые на клинках зубы.

Наконец вперед выступил франтовато разодетый человек неопределенного возраста, с явной примесью тролльей и эльфийской кровей, наградивших его здоровенным тощим носом и раскосыми глазами. Картинно отставив левую ногу, он приосанился и гнусаво объявил:

– Сдавайтесь и живо выкладывайте наличность, господа, ибо мы – да-да, вы не ошиблись! – пресловутые пираты, страх и ужас здешних вод!

На палубе показался мрачный юнга с ведром плещущей через край воды. Поразмыслив, парень широким жестом шваркнул ее прямо под ноги новоприбывшим, опустил на четвереньки и начал энергично драить доски широкой щеткой. Пираты, окончательно сбитые с толку, послушно попятнулись.

– А мы, – Лён и Ролар одновременно распахнули крылья, лучезарно демонстрируя характерный прикус, – вампиры!

– Не знаю, как насчет здешних вод, – добавил Ролар, – но в наших краях про нас тоже почему-то рассказывают всякие гадости...

Главарь удостоверился, что «клиенты» не шутят, и заметно погрузтел. Кое-кто попрacticalнее без лишних разговоров полез обратно на «Халугу», остальные смущенно сплевывали кинжалы, прятали их за спинами и начинали переминаясь с ноги на ногу, с невинным видом посвистывая и поглядывая на небо.

– И мы вас очень внимательно слушаем! – искренне заверил Лён, поигрывая гвордом, как тросточкой. Сухие щелчки то выскакивающих, то молниеносно исчезающих в рукояти лезвий заставляли пиратов нервно вздрагивать и в удвоенном темпе ретироваться обратно на шхуну.

– Ну... э-э-э... – Главарь нервно дернул щекой, но тут же нашелся: – Вот и познакомились!

– Очень приятно! – льстиво добавил кто-то из абордажной команды.

Вампиры переглянулись и заулыбались еще многозначительнее. Главарь с трудом сглотнул и изобразил ответный оскал.

– Кто ж знал, что вы с этими жуликами свяжетесь? – вырвался у него настоящий крик души. – Вы ж обычно только на лескских судах путешествуете!

– Простите, что ввели вас в заблуждение, – иронично развел руками Ролар. – Мы вовсе не хотели доставлять вам такое беспокойство!

– Да никаких проблем! – живо откликнулся пират. – Рады были вас навестить! Ну так мы, пожалуй, дальше поплывем?

– Плывите! – величественно разрешил Лён. – Только...

– Д-да?! – затравленно прохрипел главарь, на данный момент оставшийся единственным представителем «пресловутых пиратов» на «Голубке». Черная шхуна уже переложила паруса, и полоса разделяющей корабли воды росла на глазах.

– Инвентарь свой заберите, пожалуйста... – Вампир ткнул пальцем в абордажные крючья, сиротливо покачивавшиеся на борту «Голубка».

Главарь, не веря своему счастью, поспешно пробежался вдоль края палубы, выдергивая и сгребая пиратское имущество в бренчащую связку. С льстивой ухмылочкой пригладил торчащие из досок щепки, потоптался у борта, раскланиваясь еще раз, бормоча извинения, пропустил юнгу со щеткой и «ласточкой» сиганул в воду.

Вслед ему грохнул дикий хохот. Лён с размаху сел на палубу, уткнувшись лицом в ладони, Ролар обнялся с мачтой. Орсану даже мутить перестало.

– А я-то все башку ломал, с чего бы это капитанишка так легко вас везти согласился! – хмыкнул Вал. – Может, наняться к нему на корабль штатным вампиром? А что, всего-то делов – клыки нацепить и морду понаглее!

– С мордой у тебя и так полный порядок, – успокоил его Ролар. – Но ведь можно нарваться и на более морально устойчивых пиратов, которые рискнут-таки потерять половину команды, дабы выяснить, что же такое ценное везут под охраной вампира!

– И не только пиратов, – посерьезнев, добавил Лён, как ножом отрезав общее веселье.

* * *

К вечеру ветер снова усилился. Сначала просто угрюмо посвистывал в снастях, потом начал как-то подозрительно потрескивать парусами, заставив капитана отдать приказ свернуть несколько полотниц. В воздухе разлилось нехорошее выжидательное напряжение.

Первым это заметил Лён. Но промолчал, предоставив право изумленного возгласа Орсане.

На контрабандном корыте поднялась невиданная доселе суета. Экипаж

«Голубка» заметался по палубе, как десяток застигнутых в пустом сундуке мышей, то хватаясь за снасти, то поспешно опутывая веревками сваленный у бортов груз; вахтенный гном то блохой подскакивал в своей бочке на верхушке мачты, то опасно перегибался через ее край, отчаянно жестикулируя и гримасничая. Внизу с неменьшим энтузиазмом отплясывал капитан, чередуя команды с красочным описанием кар за их невыполнение, заставлявшим Вала одобрительно хмыкать.

Море на горизонте потемнело, подернулось рябью, как будто в него тонкой струйкой вливали быстро расходящуюся в воде краску. Не прошло и пяти минут, как корабль заплясал на подкатывавших к левому боку валах, кокетливо раскачиваясь из стороны в сторону. Орсана сглотнула подступивший к горлу комок и покрепче обхватила мачту. Вампиры остались невозмутимо стоять у борта, без видимых усилий сохраняя равновесие, хотя мимо то и дело с грохотом катились незакрепленные бочки, а за ними (или от них) с воплями носились (а то и катились) моряки.

А потом они увидели и саму «струйку» – вибрирующий жгут смерча, воронкой присосавшийся к небосводу. Слегка размытый снизу, где воздушный поток переходил в тянущийся ему навстречу водный, он напомнил Орсане нитку, свиваемую из кудели низких туч с белыми пушистыми макушками и иссиня-черным сводом. А за нею начиналась такая беспросветная, клубящаяся хмарь, словно море обрывалось с края земли огромным водопадом – с утробным, непрерывным стоном, тщетно пытаясь уцепиться за воздух пенными гребнями.

– Он идет прямо на корабль, – одними губами шепнул Ролар.

Слепых или заядлых спорщиков не нашлось.

Он не просто шел. Он целеустремленно настигал суденышко, как самонаводящийся пульсар, уже два раза вслед за ним изменив направление.

– Вольху бы сюда, – помимо воли вырвалось у Орсаны.

– Честно говоря, я до последнего момента был уверен, что она за нами увяжется, – признался Ролар, видя, что Повелитель не поддерживает, но и не обрывает разговор на щекотливую тему. – Но мы уже больше суток в пути, а следующий корабль выйдет из порта только через два дня – я спрашивал.

– Н-да, на верфи цыпа упустила свой последний шанс, – поддакнул Вал. – Хотя у меня был огромный соблазн спуститься в трюм и на всякий случай простучать бочонки с солониной!

– Брось. Сколько там того «Голубка» – Лён бы ее мигом засек.

– О нет! – неожиданно простонал Повелитель, и поручни заскрипели, сминаясь под его пальцами. – Нет, только не это!!!

* * *

Я очнулась оттого, что мое лицо с интересом обнюхивала сидящая на груди крыса. Когда до меня дошел этот факт, несчастную зверюшку просто снесло звуковой волной! Выровняв дыхание, я с опаской прислушалась и услышала так много, что могла не опасаться за последствия: если вопль и пробился наружу, вряд ли кто-то обратил на него внимание. Там своих хватало. Здесь же скрипели потолок и переборки, по полу перекатывались какие-то бочки, а в стены непрерывно били чем-то тяжелым, так что все помещение гудело и содрогалось.

«Я на корабле, – с облегчением подумала я. – Похоже, в трюме и снаружи неважная погодка». Интересно, сколько времени прошло? Часов двенадцать, не меньше, я здорово успела отлежать бока на груди туго набитых, вроде бы горохом, мешков. Что ж, так даже лучше – пока я валялась без сознания, Лён не мог обнаружить меня с помощью телепатии, а сейчас надо поскорее поставить блок и выбираться отсюда. Если и заметит, решит, что померещилось. А нет, так не выкинут же они меня за борт!

Уцепившись за какую-то доску, я попыталась встать и разразилась еще одним воплем: после телепортации проклятая нога вернулась в прежнее разломанное состояние. Блок тоже как ветром сдуло. Сцепив зубы, я последовательно повторила все три заклинания. В висках зашумело, по телу разлилось уже ставшее привычным ощущение отчужденности и заторможенности, но повиновалось оно безупречно. Как зомбированное. Да так оно, собственно, и было, только управляла им я сама.

Оглядевшись, я увидела ведущую вверх лестницу, а над ней – серый квадрат открытого люка, откуда то и дело сыпались крупные брызги. Ладно, как-нибудь справлюсь...

Я уже схватилась за последнюю перекладину, когда чья-то рука бесцеремонно цапнула меня за шиворот и одним рывком выдернула из трюма.

Встреча Верховной Ведьмы и Повелителя Догевы состоялась на более чем неофициальном уровне. Выше уровня палубы – это точно, потому что разжимать руку Лён не торопился.

– Какого гхыра ты здесь делаешь?!

– Наслаждаюсь целебным морским воздухом! – Я попыталась брыкнуть его здоровой ногой. Промазала, но вампир от греха подальше выпустил разъяренную ведьму и попятился.

– Что ж, – рыкнул он, кивая куда-то мне за спину. – Наслаждайся!

Я оглянулась – и оцепенела.

Непосвященным оно казалось «всего лишь» яростным переплетением воды и ветра, но ведьминское зрение мгновенно вычленило третий компонент, точнее, стержень, создающий и направляющий. Магию воздуха, сплетенную в мощное, но, как всегда, довольно-таки примитивное заклинание. Перебить или разрушить его не стоило и надеяться.

Выбившиеся из-под обруча волосы белым пламенем трепетали на ветру. Откидывать их с лица было бесполезно, да Лён и не пытался. Серые глаза полыхали гневом и таким отчаянием, что я, кажется, отдала и сделала бы все что угодно, лишь бы не видеть его в таком состоянии. Кроме идиотского приказа просто не смотреть, оставшись валяться в постели.

– Отойди.

Наверное, у меня вид был не лучше, потому что он стиснул зубы и подчинился.

Я глубоко вздохнула и переплела пальцы. Поднесла их к губам и начала негромко нашептывать послушно всплывающие в памяти слова. Затверженные до такого автоматизма, что стоит в них вдуматься – и тут же собьешься.

Смерч двинулся быстрее. Словно собака, бегущая по следу и наконец-то увидевшая дичь. Я с огромным трудом удержалась от соблазна ускорить напевный речитатив. В принципе определенной скорости чтения магических формул не существует, но изначально выбранный ритм должен оставаться неизменным, а выплетаемое заклятие необходимо прочувствовать от начала и до конца. Тут не потараторишь. Особенно – тут.

... – Не нравится мне этот удар, – проворчала я, неохотно выходя на середину тренировочной площадки. Будущие коллеги ехидно хихикали в спину. Судя по только что показанному приему, преподавательница фехтования изобрела особо изощренный способ отсева адептов, и ей не терпелось опробовать его на практике.

– Не нравится – не отбивай! – невозмутимо заметила Магистр, вскидывая тренировочный, но оттого не менее грозный двуручный меч для удара, отбить который не удалось бы и взрослому мужчине.

Но уклониться от него, спустив вражеский меч по лезвию своего клинка, сумела даже адептка-пятикурсница...

Я упрямо нагнула голову и резко выбросила руки вперед, не разжимая пальцев. По волнам расходящимся клином прошла рябь, как будто навстречу смерчу устремился легкий ветерок. Изящно прошмыгнул слева острым углом... и словно невзначай зацепил косым «боком».

Короткий деревянный клинок скрестился с двухаршинным стальным.

...Не сломаться, выдержать первый миг, пока столкнувшийся с преградой меч размышляет – скользнуть ли ему вдоль нее или рассечь пополам. Когда легкая деревяшка словно наливается свинцом, выворачиваясь из рук, но если выпустить или поддаться, – сталь безжалостно завершит размах...

«Держи, ведьма!»

Черная воронка изогнулась в мою сторону. Потoki противоборствующих сил схлестнулись и переплелись, как разъяренные змеи, запустившие друг в друга ядовитые клыки.

«Держи-ы-ы...»

Мне почудился скрежет снимаемой стружки, боль в запястьях стала невыносимой... а потом разом схлынула.

Смерч прошел краем ряби и, оказавшись далеко позади корабля, неожиданно разорвался посередине. Прихваченная вихрем вода шумно осыпалась в море, верхняя часть жгута втянулась обратно в облако, начавшее быстро светлеть и прямо на глазах распадаться на тающие клоки. Волны, словно застигнутые у прогрызенного мешка крысы, смущенно разбежались в стороны, и на месте смерча осталось только расплзающееся пятно зеленоватой пены.

Да!!!

Я опустила руки, дрожащие, казалось, каждой мышцей по отдельности. Торжествующе повернулась к друзьям, готовясь принимать заслуженные поздравления и благодарности... и почувствовала себя упитанной мышью под взглядами четырех голодных гадюк. Нет, плохо скрываемая радость от встречи в них определенно присутствовала... но какая-то очень нехорошая, я бы даже сказала зловещая!

– Ну все, – устало сказал Лён, вытягивая меч из ножен. – Сейчас я ее сам убью. По крайней мере, будет хоть какая-то гарантия, что она спокойно лежит на месте!

Я попятилась, озираясь в поисках поддержки, но тщетно. Друзья с одобрительным интересом наблюдали за сценой ведьмоубийства. Вал даже уткнул в палубу свой двуручник и облокотился на крестовину, предвкушая долгое и красочное зрелище.

«Голубок» качнуло. Лён ловко спружинил, но моя свежесобранная нога оказалась неспособна на такие подвиги, и я болезненно плюхнулась на пятую точку. Наблюдать разгневанного вампира снизу вверх оказалось еще более тяжким испытанием для нервов.

– Ой, как у меня нога болит! – прибегла я к последнему средству,

закатывая глаза.

– Врешь, – безжалостно отрезал Лён, но меч опустил. Нагнулся, подхватил меня под мышки и поставил на ноги. Отступив на шаг, критически оглядел пошатывающийся результат, бесцеремонно сгреб в охапку и куда-то понес. Вроде бы не к борту, так что ругалась и отбивалась я больше для приличия.

Вампир поднырнул под нижний край паруса, пинком ноги распахнул низкую дверь, наклонился и, не спуская меня с рук, боком протиснулся в крохотную каюту. Предельно аккуратно и равнодушно сгрузил ношу на постель, все так же молча развернулся и вышел, по пути прихватив стоящую у порога сумку. Я сообразила, что это была его каюта. И куда же он теперь денется? Прямо на палубе спать будет?

Я села и мрачно подтянула здоровое колено к подбородку, обхватив согнутую ногу руками. Друзья называется – хоть бы спасибо сказали! И даже не вступились, когда этот гнусный вампир уволок меня с палубы! Может, я еще погулять хотела, осмотреться, свежим воздухом подышать!

Но, сказать по правде, морские пейзажи в тот момент интересовали меня меньше всего. Забиться бы в какое-нибудь укромное местечко, отлежаться в тепле и тишине, с головой укутавшись в одеяло... И самое обидное – Лён это прекрасно понял. Так что даже ругаться на него не за что, а так хочется!

Впрочем, запал боя и азарт скандала быстро прошли. По телу снова начала разливаться предательская слабость. Прибегать к магическим стимуляторам я не рискнула – они действовали на меня все слабее, и я предпочла расплатиться за их использование сейчас, пока долг не стал совсем уж неподъемным. Но, бессильно вытянувшись на койке, растворяться в горячечном беспомыслии – удовольствие все равно ниже среднего...

* * *

Следующие два (или три?) дня я провалялась в постели в малопригодном как для магических схваток, так и для прочих радостей жизни состоянии. Кажется, даже бредила, от кого-то отбивалась, за кого-то отчаянно цеплялась, звала...

Но когда я наконец пришла в себя, рядом никого не было, хотя мокрая тряпка на лбу еще не успела нагреться, а остатки травяного отвара в кружке

– остыть. Покорно лежать и ждать, пока мной снова соизволят заинтересоваться, я, разумеется, не стала. И, обновив заклинания (кроме стимулятора – ничего, как-нибудь и сама справлюсь!), выкарабкалась из койки, а там и из каюты.

Как мне вообще удалось выколдовать что-то путное во время шторма – ума не приложу. Сейчас, даже при относительно спокойном море, мне пришлось судорожно уцепиться за первую попавшуюся снасть и двигаться вдоль нее. Разумеется, друзья меня тут же заметили, но демонстративно проигнорировали, не подходя и замолкая при моем приближении. Увы, если таким образом мне надеялись выразить общественное порицание, то общество здорово просчиталось. Потому что стоило мне пошатнуться или испустить мученический стон, как порицающие товарищи мигом бросали свои конспиративные сбрища и кидались мне на помощь, неизменно отвергаемую с видом «так-вам-же-все-равно-жива-я-или-отдаю-концы-в-страшных-муках». Пару раз, когда я не симулировала, купился даже Лён. Так что еще неизвестно, кто кого бойкотировал!

Как оказалось, очнулась я очень вовремя. Спустя полчаса команда деловито закопошилась возле снастей, то и дело поглядывая на ничем не примечательное облачко у самого горизонта. С места оно не двигалось, но потихоньку росло и словно бы зеленело, а вода под ним окрашивалась в густой синий цвет.

«Леск», – наконец-то сообразила я. Слева показался еще один остров. Несмотря на почти такое же расстояние – с прекрасно различимым пляжем, деревьями и домиками. Видимо, в Леске, как и в Догеве, действовал искажающий «эффект черновика».

Ради такого случая осуждающие и осуждаемая согласились немножко потерпеть друг друга и столпились на носу «Голубка», с интересом и опаской разглядывая вождевленную землю.

Я с удивлением заметила, что моряки не торопятся поскорее причалить, а, напротив, сворачивают паруса. Судно постепенно замедлило ход и остановилось.

– Пограничный контроль, – негромко пояснил Ролар задавшейся тем же вопросом Орсане.

Из окутывающего остров тумана вынырнули три чайки, по спирали набрали высоту и, словно соскользнув с ледяной горки, по нисходящей понеслись к кораблю.

– Это не чайки, – неестественно спокойным голосом возразил Повелитель Догевы, расстегивая пояс с ножнами и вместе со своим гвордом перебрасывая Валу.

– А что?

Над морем раскатился пронзительный крик, напоминавший ястребиный. Орсана вздрогнула и потянулась к висящему за плечами луку, но Ролар перехватил ее запястье:

– Tha'arshie. Островные к'яарды.

Светлые пятнышки быстро приближались, превратившись сначала в птиц, а затем – в длиннокрылых коней с львиными хвостами и прилизанными ветром гривами.

– Впереди белый, – шепнул Ролар.

– Вижу. – Лён с застывшим, непроницаемым лицом наблюдал за их снижением.

Мы с Орсаной притихли, почуяв что-то неладное. Капитан нервно вытер о штаны вспотевшие ладони, команда попыталась притвориться элементами оснастки.

Белоснежный конь звонко цокнул копытами по палубе, помахал крыльями и аккуратно сложил их по бокам, приподняв плавно закругленные сгибы. Седла на нем не было, только тонкая узда из ременных косичек. Всадник мягко, бесшумно соскочил на палубу. Тряхнул головой, отбрасывая за плечи молочно-белые волосы, на лбу прижатые золотым обручем с треугольным рубином в центре.

Чуть поодаль, ловко лавируя между снастями, опустились рыжекрылые, рыжегривые. «Стражи», – сообразила я, глядя на непроницаемые лица седоков. Они не стали спешиваться – осадили рвущихся вперед коней, и те застыли как изваяния.

А беловолосый уже шел к нам – хищной, пружинистой походкой рыси, трусящей к попавшему в силочку зайцу. Открыто и неспешно, зная, что добыча уже никуда не денется. И глаза у него были соответственные – бесстрастные, прозрачно-зеленые, как морская вода. Легкий близ трепал свободную белую рубашку с распушенным воротом и закатанными рукавами.

Он остановился в двух шагах от Лена, словно не заметив всех остальных. Повелитель Догевы и Повелитель Леска скрестились взглядами, как клинками.

– Arr'akk-turT'or ardWeist Sh'aeonell, – издевательски растягивая слова, произнес беловолосый. На вид он казался старше Лена, более жилистый, с резкими, чертами лица. – Reassten k'atar? Di kann't shere lerd?

– Sia-werden T'or ardLPael Virr'ta? – едва заметно поклонился Лён, не отрывая глаз от лица коллеги. – Tesh derena, all'ka nerfs lekk.

– Lekk? – иронично уточнил беловолосый, и в ту же секунду перед

носом Лена выстрелило и раскрылось трехлепестное лезвие. Мы с Орсаной только охнули, не успев заметить, как висящий за плечами у чужака гворд скользнул к нему в руки. – \Уепп па га, 1а\$к, йаКкага каззЧа!

– Sheitt. – Лён и бровью не повел.

– Olle tta'ka?

– Sheitt, – Повелитель Догевы непреклонно скрестил руки на груди.

– Darre-ta kor?

Лён только пожал плечами. Будь вампиры магами, между ними бы искрило.

Повелитель Леска резко отдернул гворд, одновременно смыкая клинки. Перекинул за спину безобидную с виду трость. И, уже вскакивая на коня, презрительно бросил через плечо, словно сплюнул:

– V'a ka ferr shain. Takk renny, Arr'akk-tur!

Белоснежный и рыжекрылые одновременно поднялись в воздух, описали круг над мачтами и, поймав ветер, понеслись к берегу.

– Ты глянь, даже въездной пошлины не потребовали... – разинул рот капитан. – Огрень, Рыжий, живо к парусам! Заруливаем в гавань, покуда Стражи не спохватились! Поскорее разгружаемся – и на склады, потом гхыр кто что докажет!

На палубе засуетились, забегали. «Голубок», снова раздув паруса, тронулся с места, быстро набирая скорость. Лён молча забрал у Ролара свое оружие и скрылся в одной из кают. Я украдкой смахнула пот со лба, более непосредственная наемница испустила облегченное «уффф...» и привалилась спиной к мачте.

Ролар посмотрел на нас с откровенным недоумением:

– Что с вами, девушки? Никакой опасности не было... в данный момент, по крайней мере. Раскрытый гворд означает: «Ты мой враг, но сейчас не время и не место». И он не стал бы нападать на безоружного, это ниже его достоинства.

– Раньше не мог сказать? – возмутилась я. – У меня душа в пятки ушла и чуть в трюм не провалилась!

– Прямо у Вэрда перед носом? – хмыкнул Ролар. – Мол, не обращай внимания на этого типа, сейчас он попрыгает вокруг нас, помашет гвордом и уберется восвояси?

– Так. Уже Вэрд, – обреченно вздохнула я. – Только не говори, что это еще один успешно похищенный жених твоей сестрички!

Вампир слегка смутился:

– Я же Советник, время от времени мне приходится общаться со всеми Повелителями. Арлисс и Леск в хороших отношениях, они экспортируют

морепродукты – якобы гномьего производства, разумеется, а мы...

– ...эльфийские сыры, – закончила я. – Помню. О чем они говорили?

– Ну, Вэрд поинтересовался... зачем мы приехали, – запнулся Ролар, и я догадалась, что Повелитель Леска использовал другое выражение. – Лён ответил – он очень извиняется, что вынужден нарушить границы Леска, но у него нет выбора, он здесь по очень важному делу. Дальше пошел обычный обмен любезностями...

– Ничего соби любезности! – саркастически фыркнула Орсана. – Ледве нос Лёну не оттяпал!

– По-моему, он нам не обрадовался, – поддержала я подругу.

– Естественно, – невозмутимо, как само собой разумеющееся, подтвердил вампир. – Между родами Sh'aeonell и Virr'ta кровная вражда, и если кто-то из них вступает на чужую территорию, он автоматически объявляется вне закона. «Takк renny, – сказал Вэрд. – Береги спину».

– Что?! – Моя душа снова попыталась дезертировать в трюм. – И что теперь будет?

Ролар пожал плечами:

– Война многое изменила. После нее в Леске осталось всего трое светловолосых... а с некоторых пор вообще один, Вэрд. По-моему, крови и так пролилось больше чем достаточно, вряд ли...

– Вряд ли?! – перебила я. – Да он только и ждет, пока мы отвернемся, прямым текстом сказал!

– Вольха, не ерунди. Из-за угла никто нам в спину стрелять не будет. В худшем случае Вэрд вызовет Лёна на поединок и, если ему повезет, рассыплется перед нами в извинениях. Даже памятник за свой счет поставит и ежегодно венки присылать будет. Это же не абы какой враг, а кровник, причем последний в роду!

– И ты так спокойно об этом говоришь?! – возмутилась я. – А я-то думала – Лён твой друг!

Вампир усмехнулся:

– Они оба мои друзья. Потому и не беспокоюсь. Вольха, я прекрасно знаю их обоих. Лён не задира, а Вэрд не дурак. Он отлично понимает, что извиниться перед безутешными родственниками может и Лён, и не станет рисковать благополучием своей долины. Это ритуальная фраза, она всего лишь означает, что мы не найдем в Леске поддержки. Но он дал нам три дня, чтобы обстряпать свои дела и убраться отсюда, иначе нас выкинут с куда меньшими почестями... – Ролар задумчиво почесал за ухом. – А учитывая, что они изначально были не ахти...

Мы обеспокоенно переглянулись и сообразили, что как-то незаметно

помирились.

– Горе ты наше! – только и сказала Орсана. – И шо нам теперь с тобой робыты?

Я не слишком-то покаянно ухмыльнулась:

– С собой я и сама превосходно разберусь. Лучше расскажите, что я пропустила?

– Сдается мне, – не без одобрения хмыкнул Вал, – что мы пропустили не меньше. Выкладывай, цыпа! А там решим, так тебя за борт выкидывать или с раскачкой.

* * *

Штурман уверенно направил судно прямо в прибрежный туман, но, когда «Голубок» практически коснулся его носом, дымку как корова языком слизала. Перед нами открылась тихая гавань, по краям заросшая ярко-пунцовыми морскими лотосами, а в ее глубине – небольшой причал, рассчитанный от силы на полдюжины кораблей. Возле него стояли всего два парусника и с десятков лодок. «Черного Лиса» среди них не было.

– Может, разгрузился и стоит где-нибудь на рейде за островом? – предположил Вал.

– Я расспрошу знакомых Стражей, как только причалим, – пообещал Ролар. И тут же скептически поправился: – Если причалим.

Результат слаженных усилий шкипера, капитана и команды больше всего напоминал швартовку по слуху. Наконец корабль с грехом пополам вписался в отведенное ему гнездо и прозвучало долгожданное «бросить якорь!». Между бортом и причалом легла широкая доска (здорово смахивающая на насквозь гнилую, но высказать это предположение вслух никто не осмелился, дабы не сглазить). Первой по ней, пошатываясь, сбежала единственная замеченная мною в трюме крыса (похоже, искренне жалеющая, что не сошла на берег еще в Белорском порту). Ролар, не рискуя, с разбегу перепрыгнул на причал и по очереди подал руку нам с Орсаной. Вал на всякий случай сначала перебросил меч, а потом уж перешел сам.

Лён задержался, рассчитываясь с капитаном, и мы продолжили разговор уже на пристани.

– А вдруг вы ошиблись и «Черный Лис» плыл вовсе не в Леск? В этой части моря полно островов – и человеческих, и эльфийских, и вообще

необитаемых. Что ему стоило изменить курс?

– Возможно. Но я сомневаюсь, чтобы Повелитель лично вылетал к каждому торговому суденышку. – Одна из рей с пронзительным скрипом перекосилась и рухнула на палубу, накрыв парусиной парочку не успевших разбежаться моряков. Ролар философски проводил ее взглядом и добавил: – Тем более к корыту со швабрами. И ни он, ни Стражи не могли почуять другого Повелителя, да еще с такого расстояния. Значит, кто-то сообщил ему о нашем приезде.

– Похоже, ты прав. Но вряд ли Вэрд окажет нам подобную любезность и выдаст своего осведомителя, – вздохнула я. – А Леск большая долина?

– Немногим меньше Догевы. Укромных местечек там хватает, если ты об этом. Даже для человека, тем более – мага.

– Зато и деваться ему с острова некуда, – заметила Орсана.

– Сперва надо убедиться, что этот мздркж вообще сюда высадился, – скептически буркнул тролль, подбирая и пристраивая за спину меч. – Письмо для главного упыря он мог и с подручным передать, а то и вовсе с мышью, как...

– Вы, – сообразила-закончила я. – Ну конечно! А я-то еще гадала, как вы умудрились так быстро собраться в Опاديщах...

Громкий злорадный треск сменился таким же плеском – к счастью, уже за Леном. Вампир оглянулся на плавающие в воде обломки и зябко передернул плечами.

– Пошли, – коротко бросил он, проходя мимо. Выражение его лица не понравилось не только мне, потому что разговор тут же оборвался и мы послушно потопали следом – по широкой, ведущей в гору мощеной дороге. Сразу за портом начинался город – вернее, типичная для вампирьих долин россыпь домиков, тонувших в лесной зелени. Осень еще не успела коснуться здешней травы и листьев, хотя на яблонях уже не осталось ни единого плода, а рябины щеголяли алыми гроздьями. Ухоженные дворики притягивали взгляд яркими плетистыми цветами всех оттенков красного – от почти черного до светло-розового, стелющимися по клумбам или свисающими из стоящих на подоконниках горшков. Рыжая черепица и выбеленные стены делали домики похожими на игрушечные.

Вот только любоваться ими совершенно не было настроения.

– О-о... – пришибленно выдохнул Ролар.

О немедленном расспросе Стражей и речи не шло, ибо те пребывали настолько «при исполнении», что мы с тем же успехом могли вести дружескую беседу с ощеренными каменными гаргульями при входе в музей не-естествознания. Нет, в официальный рядок вдоль дороги они не

выстраивались, но в то же время были повсюду – в переулке, падающей от дома тени, среди толпы... напряженно застывшие, с хищно развернутыми крыльями и взятыми на изготовку гвордами, не спуская с нас глаз.

То ли почетный караул, то ли... конвой по дороге к эшафоту.

В Догеве на Лена смотрели если не как на самого бога, то по меньшей мере на одного из его особо доверенных святых – с благоговейным трепетом, в исполнении излишне впечатлительных девиц переходящим в щенячий восторг с томными придыханиями.

В Леске – как на прокаженного. Даже меня, ведьму, никогда в жизни не обливали подобной ненавистью и презрением, перемешанными с ужасом. Даже Вал, столкнувшись с одним таким взглядом, споткнулся и в дальнейшем предпочел смотреть себе под ноги.

А Лён шел. Высоко подняв голову, с совершенно отсутствующим видом, как будто не замечая расступающихся перед ним вампиров. Мы, не сговариваясь, сплотились возле него, словно приготовившись защищать от готовых вот-вот посыпаться со всех сторон камней и плевков. Но от этой гробовой тишины мы защитить его не могли. Потому что для него никакой тишины не было.

Я легонько коснулась его руки, но он, судя по всему, даже не почувствовал.

Казалось, этой улице не будет конца, и, когда Лён неожиданно свернул в одну из калиток, я чуть было не проскочила мимо. Вампир уверенно пересек дворик и остановился перед немолодой вампиршей, чем-то неуловимо напоминавшей Крину, – если, конечно, той вздумается встать на пороге своего дома с гордо выпрямленной спиной и скрещенными на груди руками, готовой скорее погибнуть, чем пустить внутрь нагло разгуливающих по ее родной долине захватчиков.

Но вламываться Лён не стал. Помедлив, негромко, но твердо сказал:

– Только если у меня не останется выбора.

Несколько секунд вампирша бесстрастно, пристально смотрела ему прямо в лицо, потом почтительно склонила голову и посторонилась:

– Принимать вас в моем доме – большая честь для меня, Повелитель.

Лён на мгновение прикрыл глаза, переводя дух, и, снова взяв себя в руки, шагнул через порог:

– Благодарю вас, Taiell'in.

Насколько я помнила, так страстно мне хотелось захлопнуть за собой дверь только во время практикума по некромантии (дверь была окована серебром и вела в освященный фамильный склеп, а практикум проходил на образцово показательном беспокойном кладбище, и тамошняя нежить

охотно продемонстрировала адептам свое разнообразие и возможности; такого изобилия не ожидал и сам преподаватель, первым добежавший до склепа...).

Изнутри домик оказался довольно просторным и уютным. Нашлось по комнате для Лена, меня с Орсаной и Вала с Роларом, а также столовая, где мы, обустроившись на новом месте, и собрались. Кроме Лена. Ролар сунулся было его поторопить, но тут же смущенно, стараясь не шуметь, прикрыл дверь:

– Ладно, пусть отдохнет, а то за последние трое суток почти глаз не сомкнул.

– Почему? – заикнулась было я и тут же смущенно осеклась. Нет, ну как будто я его о чем-то просила! Мчись тут сломя голову (и ногу!) на выручку, со смерчем из последних сил воюй, так еще и виноватой тебя выставят!

Мы пообедали вчетвером. Хозяйка нам компанию не составила – накрыла на стол, учтиво пожелала приятного аппетита и ушла к себе. После стряпни корабельного кока даже вареная картошка казалась изысканнейшим яством, а Орсана при виде копченого сала чуть не прослезилась. Чтобы урвать себе ломтик этого лакомого продукта, пришлось воспользоваться телекинезом, ибо подруга бессовестно утянула на свой край стола все блюдо.

– Ну и объясните мне, как вы собирались сражаться с магом, чьи возможности отнюдь не ограничиваются хищением сала? – поинтересовалась я, поспешно, под негодующим взглядом винечанки запихивая в рот свою добычу.

– Не мы, – неохотно признался Ролар после затянувшейся паузы. – Лён. Большая часть заклинаний на него не действует, главное – подойти на длину клинка.

– В том-то и дело, что есть и меньшая – вроде того же смерча! Ну ладно, допустим, ему повезет, но вас-то он зачем с собой взял?!

– Честно говоря, – Ролар смущенно переглянулся с Орсаной, а Вал откинулся на спинку стула и довольно осклабился во всю пасть, – нас никто не брал. Даже совсем наоборот. В случае успеха нам пообещаны такие радости жизни, что лучше самим пойти и повеситься!

– Тогда почему вы...

– А ты? – не моргнув глазом перебил вампир.

– Ну... я же Верховная Догевская Ведьма... это мой священный долг перед выплаченной за полтора года зарплатой! – начала лихорадочно выкручиваться я. – И вообще, Магистр практической магии не может

стоять в стороне, когда по его родному краю нагло разгуливает банда злодеев, не дающая житья честным людям и вампирам!

– Ты в зеркало на себя посмотри, Магистр, – вздохнул Ролар.

Я сдуру посмотрела. Н-да... Для полноты картины не хватало только полуистлевшего савана. Впрочем, его вполне заменяла облезлая куртка, еще два месяца назад бывшая совершенно новой. Но это же не повод меня закапывать!

– Ерунда, – буркнула я. – Просто немного устала.

– А еще слегка сломала ногу и чуть-чуть осунулась до костей, – поддакнула Орсана, а Вал с убийственной прямоотой подытожил:

– Нет, цыпа, мы вляпались в одну и ту же здрыбу тхая [8], причем, в отличие от этого дурного упыря, прекрасно видя, куда лезем!

– Между прочим, кто-то говорил мне, что бесплатно только упыри воют, – подколола я. – А это дело сугубо добровольное, на общественных началах! Откуда бы такой энтузиазм?

– Цыпа, – Вал снисходительно хлопнул меня по плечу, – сугубо добровольных заварушек, где победителю бы хоть что-нибудь да не перепало, просто не бывает! А упырь пусть и хорохорится, но рад-радехонек, что мы за ним увязались, хоть бы и только для моральной поддержки, за которую мы потом с него и слупим!

Поскольку для троллей-наемников самым близким к понятию «бескорыстно» было согласие работать без аванса, мы уважительно протянули «о-о-о-о...», а я под шумок стянула еще ломтик сала.

– Да уж, – вздохнула Орсана, на всяких случай прикрывая блюдо руками, – здаецца, окрим нас, Лена здесь никто поддерживать не збыраэцца. И за шо они так на него ополчились?

Ролар чисто машинально пожал плечами – ответ он знал:

– Видимо, решили, что Лён приехал в Леск ради сведения счетов с их Повелителем. До войны такое случалось и порой даже втихомолку приветствовалось, однако тогда исход поединка не определял судьбу целой долины. Сомневаюсь, что в Догеве Вэрда ждала бы более сердечная встреча.

– А Стражи-то ушли! – с облегчением заметила я, случайно глянув в окно.

– Прекрасно! – Ролар оставил тарелку и поднялся из-за стола. – Пойду тогда прогуляюсь по долине.

– А це не опасно? – встревожилась Орсана, на мгновение оставив сало без присмотра и тут же лишившись еще нескольких ломтиков, на сей раз по-простому цапнутых Валом.

– Нет. Как только нас пустили в один из домов, мы перестали считаться чужаками. По крайней мере, требующими постоянного надзора.

Винечанка поймала его задумчивый взгляд «чего бы еще на посошок...» и демонстративно переставила блюдо на колени.

– А могли не пустить? – удивилась я.

– Запросто. – Ролар понизил голос, косясь на закрытую дверь хозяйкиной комнаты. – Честно говоря, я был уверен, что не пустят. Но Лён ухитрился-таки отыскать и уговорить чуть ли не единственную отзывчивую жительницу Леска. Ума не приложу, как ему это удалось среди настолько... хм... прохладно настроенной толпы, при этом не сломавшись и не рехнувшись. Нет, все-таки хорошо, что я не Повелитель... а в юности еще сестре завидовал, дурачок!

– Но что такого он ей сказал?

– Пообещал, что не возьмется за гврд, если Вэрд сам не бросит ему вызов. А тот вообще-то имеет право сделать это в любой момент, если решит, что враг злоупотребил его терпением. Но, как я уже говорил, Вэрд не дурак и три дня как-нибудь нас потерпит.

– А чому вона назвала его Повелителем, да еще так почтительно? – вспомнила Орсана. – У нее ведь свой есть.

– На самом деле беловолосых испокон веков именуют Повелителями Смерти, – откликнулся Ролар уже от дверей. – И из них же выбирают Повелителей Долин. А поскольку после войны выбирать приходится в лучшем случае из двух, эти титулы стали практически синонимами. Ладно, девушки, мы пошли, не ругайтесь тут без нас!

В последнюю минуту к вампиру присоединился Вал, решивший размять ноги и поглядеть на Леск, считавшийся красивейшей из вампирьих долин. Мне осталось только уныло посопеть им вслед, поудобнее пристраивая ногу на втором стуле.

* * *

Пока мы с Орсаной болтали о всяких пустяках, попутно пытаюсь вернуть ей естественный окрас (но добились лишь равномерно-голубоватого; правда, я, покопавшись в памяти, утешила ее, что через парутройку недель упыревидный лик выцветет сам собой), стемнело. Хозяйка дома, ненавязчивой тенью скользя по столовой, развела огонь в камине и убрала пустую посуду, взамен водрузив в центр стола блюдо с горячими

пирожками.

Аппетитный запах и стук кружек наконец-то выманил из комнаты Лена – заспанного, взлохмаченного и с виду еще более усталого. Подсев к столу, он на минуту застыл, спрятав лицо в ладонях, потом решительно потряхнул головой, налил себе молока из кувшина, потянулся за пирожком и, вскользь глянув на меня, заметил:

– И не надо на меня так сердито молчать!

Я замолчала еще сердитее. Возможно, это послужило бы началом оживленного обсуждения дел сугубо личного характера (то бишь желанного скандала), но тут вернулись Вал с Роларом.

– «Черный Лис» в гавань вообще не входил, – прямо с порога огорошил нас арлиссец. – И к берегу нигде не приставал, а на рейде сейчас нет ни одного корабля.

– И где же нам его теперь шукаты? – разочарованно протянула Орсана.

Арлиссец беспомощно развел руками. Я в сердцах грохнула кулаком по столу:

– Выходит, мы напрасно сюда приплыли?

– Смотря с чьей точки зрения. – Лён спокойно допил молоко, поднялся и под нашими недоуменными взглядами подошел к двери – как раз в тот момент, когда в нее коротко и резко постучали.

Я поежилась от впущенного в комнату ветра. Стоящий у порога Страж подчеркнуто официально опустился на одно колено и протянул Лену перетянутый черной лентой свиток, скрепленный черным же сургучом с печатью.

– Wr'aest tharn, – сухо обронил Повелитель Догевы.

Посыльный встал, поклонился и так же молча затерялся во тьме. Лён закрыл дверь, но на нас словно продолжало тянуть холодом и щемящим предчувствием очередной пакости со стороны вконец обнаглевшей судьбы. Никто не шелохнулся, пока вампир, чуть помедлив, со зловеще прозвучавшим в полной тишине хрустом не сломал печать, потом еще одну, и бегло, словно для проформы, не пробежался глазами по развернутому листу. То ли иронично, то ли согласно хмыкнул.

– Ну шо там? – не выдержала Орсана.

Повелитель Догевы медленно скомкал бумагу и бросил ее в очаг. Пергамент почернел и ярко вспыхнул, осветив изрезанное тенями, словно высеченное из гранита лицо вампира.

– Повелитель Леска, Sia-werden Tor ardLFael Virr'ta, вызвал меня на поединок. Сегодня в полночь, на ритуальном оружии.

* * *

– Ты не можешь с ним драться!

– Ролар, убери ее от меня. – Лён, стоя у окна, левой рукой сосредоточенно затягивал пряжки правого наручья.

С остальной экипировкой он уже управился: черная облегающая безрукавка под горло, с прорезями для крыльев, на ногах – такие же штаны и высокие сапоги на частой шнуровке. Волосы заплетены в короткую – от силы на три пальца – косицу, из которой по бокам выбилось по прядке более короткой челки. И гворд, пока небрежно прислоненный к стене.

Ролар убрал меня в буквальном смысле слова – обхватил со спины, прижав руки к бокам, под гневные вопли отнес к двери, аккуратно выставил за порог и захлопнул дверь. Я хотела пнуть ее ногой, но вовремя вспомнила, что их у меня не так уж много и лишаться последней из-за какого-то вампира не стоит. Ладно, покараулю на крылечке – не через трубу же они вылетят!

Ждать пришлось недолго, десять минут от силы. Если Лён надеялся, что я соскучусь и уйду или меня сожрет какой-нибудь опрометчивый вурдалак, то он жестоко разочаровался, но даже бровью не повел, пройдя мимо меня, как мимо пустого места.

– Вольха, может, ты нас здесь почэкаэш? – робко спросила Орсана. Я так выразительно на нее посмотрела, что подруга только вздохнула и предложила мне руку, но я демонстративно проигнорировала.

В итоге процессия (по-другому назвать это унылое шествие язык не поворачивался) выглядела так: возглавлял ее Лён, в черной одежде казавшийся мертвенно-бледным; по бокам, отставая на шаг, шли Ролар и Орсана. За ними, закинув на плечо двуручник, вразвалочку топал Вал, с помощью щепки вдумчиво разрабатывая залежи ценных ископаемых между зубами.

Сзади, на некотором отдалении, ковыляла я (с таким пышущим нездоровьем видом, что впору нести впереди под печальную музыку), со злорадством отмечая, что друзья то и дело обеспокоенно оглядываются. Кроме Лена. Впрочем, я не сомневалась, что действую ему на нервы не меньше.

То ли мы опоздали, то ли Вэрду не терпелось поскорее начать и закончить, но он (в сопровождении парочки Стражей) уже стоял на уговоренном месте. Правда, лицо у него было хмурое и недовольное, как будто не он, а мы выдернули его из постели и заставили, как идиота,

топтаться на маленькой полянке посреди леса. Но пенять нам за задержку Повелитель Леска не стал и, едва удостоив противника кивком, снял и небрежно бросил свою куртку одному из Стражей. Второй почтительно подал ему гворд.

Лён нес свое оружие сам и лишь перехватил его обеими руками, но выпускать клинок не спешил, ожидая, пока Вэрд займет боевую позицию на противоположном краю поляны.

Ритуальный гворд напоминал двухаршинную трость из твердой, чем-то пропитанной древесины красноватого оттенка, в средней трети обшитой железом. Никаких узоров, кистей, гравировки – только отполированное ладонями дерево и внушительная сетка царапин на оковке. Весил он немногим больше обычного меча, но держать его полагалось обеими руками, на две пяди отступив от концов. Внутри скрывался клинок – три плотно прижатых друг к другу лезвия, уравновешенных тяжелой рукоятью в виде волчьей морды – у Лена и орлиной головы – у Вэрда. Если в обычном гворде клинок выскакивал и расходился автоматически, при ударе, то здесь боец мог сам регулировать длину и степень его раскрытия, ограничившись колотой раной или буквально выпотрошив противника. Лён однажды показывал мне, как это делается, но я с обычным-то мечом не шибко ладила, а уж точно рассчитать наклон, скорость и вращательный момент гворда в любой момент удара не смогла бы и подавно.

Полянку освещала только ущербная луна да частые страденские [\[9\]](#) звезды. Трава под ногами, короткая и мягкая, казалась высаженной специально, но, похоже, ее давно уже не тревожили, дав сплестись в густую и плотную дернину.

Кроме нас и Стражей, на поляне никого не было. Мне подумалось, что жители Леска и не подозревают, что творится в заповедном леске за городом. Что ж, надо отдать Вэрду должное – этим преимуществом он не воспользовался. Попробуй-ка сразиться с противником, которого поддерживает многотысячная толпа, готовая в случае его поражения разорвать победителя на куски!

Ролар потянул меня за рукав, заставив отступить в тень под деревьями.

Вэрд наконец-то добрал до нужного места (я бы и то быстрее доковыляла!). Перемялся с ноги на ногу, наклонился, подтянул голенище сапога. Выпрямился. Гворд в правой руке сделал медленный полуоборот и с негромким шлепком лег на вторую ладонь. Вэрд задумчиво поглядел на исцарапанную оковку и... нет, не принял, а беззвучно, молниеносно перетек в боевую стойку. Лён зеркальным отображением повторил неуловимый для человеческого глаза маневр.

Мне резко поплохело. Конечно, я и раньше понимала, что мы идем не на увеселительную прогулку, но одно дело – знать и совсем другое – своими глазами увидеть, что шутить здесь и впрямь никто не собирается! В обморок, что ли, хлопнуться? Нет, с вампирами этот фокус не пройдет... только высмеют или вообще молча за ноги куда-нибудь в кусты оттащат, чтобы не мешала.

– Tekkst er? – то ли поинтересовался, то ли уточнил Повелитель Леска.

– Wei'kk, – кивнул Лён.

Я уже видела, как сражаются вампиры... но не светловолосые. Не было ни какого-то сигнала, ни оценочных ударов-выпадов – только обманчивое затишье «до» и сумасшедший вихрь «после». Понять, где Лён, а где Вэрд, было невозможно – по поляне метался, сдавленно рычал, хлопал крыльями единый комок тьмы, проблескивающий молниями лезвий.

Деревья вокруг поляны стояли довольно редко, но ни один из вампиров не пересекал воображаемую границу даже краешком одежды, словно бойцов и зрителей разделяла магическая стена. Казалось: высунь за нее подобранную с земли ветку – и она тут же разлетится в мелкие щепки.

Напряжение нарастало. Чем дальше ничего не происходило, тем яснее становилось, что вот-вот неотвратимо произойдет. И когда с чьего-то гворда дробящейся на лету дугой сорвались и звездочками расплескались по моей куртке темные капли, я не выдержала. И, зажмурив глаза, бросилась в самую гущу схватки, красочно представляя себя в закрытом гробу.

Они остановились немедленно, в таких непринужденных позах, словно еще не начинали поединок. Оба смотрели на меня, как благородные дамы на таракана, во время дипломатического приема хлопнувшегося с потолка на середину стола. Кто кого зацепил, я так и не поняла.

– Arr'akk-tur, tokkin wa shainn, – сучающим голосом попросил Вэрд.

От злости мне даже перевод не понадобился.

– Я ему не невеста! Но я его друг и не позволю...

– Друзья, – издевательски перебил Повелитель Леска, – не суют нос в чужие дела, если не хотят до конца жизни носить его в кармане. Он сам сделал выбор и теперь получит по заслугам. Убирайся из круга, девчонка!

– Вольха, уйди!

Я не удостоила Лена даже беглым взглядом и уж тем более не подумала слушаться Вэрда.

– Гхыр с два! Это из-за меня он приехал в твою паршивую долину, хотя я его тоже ни о чем не просила! И если тебе так уж не терпится его

убить, то начни с меня!

На бесстрастном лице Повелителя Леска впервые проскользнуло что-то человеческое. Вернее, нормально вампирье.

– Он прислал мне вызов, – медленно проговорил он, глядя мне прямо в глаза. Я поежилась, хоть и знала, что прочитать мои мысли он не может – не единожды опробованный на Лёне магический блок выдерживал минут двадцать. – По-твоему, я должен был отказаться?

– Я?! – так искренне опешил Лён, а вместе с ним и мы, что Повелитель Леска наконец-то распрощался с саркастической усмешкой и недоуменно сдвинул брови. – *Sia-werden*, при всем уважении, ваша отрубленная голова интересует меня куда меньше, чем кое-чья – целая!

Я выразительно фыркнула и скрестила руки на груди. Ошеломленное переглядывание всех со всеми заняло минут пять. Особенно старалась Орсана.

– Покажите свиток, – неожиданно мирно попросил Вэрд, разворачивая гврд остриями вверх и опираясь на него, как на копье.

– Я сжег его, – смущенно признался Лён. Повелитель Леска согласно кивнул:

– Я тоже. Это традиция. Ролар?

Арлиссец почтительно склонил голову:

– Я видел посланца и вызов собственными глазами.

– Вы же теперь не будете драться, правда? – жалобно протянула я, чувствуя, что сейчас расплачусь. Светловолосые переглянулись.

– *T'ta melli karr'st, Arr'akk-tur*, – иронично заметил Вэрд. Мазнул по сомкнутому лезвию кончиками пальцев, потом выразительно коснулся их языком. – *K'kan allaen*.

– *Shenn ta*, – досадливо бросил Повелитель Догевы, опуская гврд и выходя из круга.

Вэрд только усмехнулся, но не издевательски, как раньше, а словно бы сочувственно. Хотя разобрать что-либо в темноте было трудновато. Повелитель Леска защелкнул гврд и пошел прочь, не оглядываясь. Крылатая свита, так и не проронив ни слова, бесшумно скользнула вслед за ним. Лён, не обращая внимания ни на них, ни на нас, таким же быстрым шагом направился обратно к дому. Что-то подсказало нам, что окликать или догонять его не следует.

– Кто нанес тот удар? – шепнула я, надеясь, что Ролар разглядел больше нас с Орсаной. Помедлив, вампир неохотно признался:

– Вэрд. Он намного старше и... хм... опытнее. Лёну же еще никогда не приходилось сражаться со светловолосым. Впрочем, для первого раза он

держался совсем неплохо, – поспешил добавить вампир, глянув на наши с Орсаной лица.

– Но у него не было шансов, да? – похолодев, уточнила я.

Арлиссец промолчал, ковыряя землю носком сапога и пристально изучая результат.

– Ну почему, один к пяти я бы на него пару медяков поставил, – хмыкнул более циничный тролль. – Ладно, сваливаем отсюда, а то меня уже комары до дыр прогрызли!

До нас наконец-то дошло, что стоять посреди сырого темного леса, когда с тем же успехом можно поговорить по дороге, и в самом деле глупо.

– Ты же говорил, что прекрасно их знаешь! – не сдержавшись, упрекнула я Ролара. – Но поединок чуть было не состоялся, а ты даже пальцем не шевельнул, чтобы этому помешать!

– Видишь ли, Вольха... – Вампир на всякий случай отгородился от меня Валом и только тогда, сдавленно хихикнув, закончил: – Я так же прекрасно знаю тебя.

– Ссс... советник, – только и смогла выдохнуть я. Сил обегать тролля не было, я и так плелась наравне с друзьями из последних сил, вернее, гордости.

– Зато, – оптимистично заметила Орсана, – теперь мы знаем, що якась тварюка по Леску вси ж гойсае! Вызов-то нам принесла зовсим не мышка. Якщо це и не сам колдун чи его вомпэр, то он наворачья знает, где его шукаты!

Мы значительно приободрились. После оживленного обсуждения было решено, что искать вампира впотьмах – гиблый номер, придется подождать до утра (по этому поводу как раз никто не переживал, спать или дхотя бы просто прилечь хотелось зверски), а там уж развить бурную деятельность с применением магии, телепатии, красноречия и пристального наблюдения (что порой оказывается самым действенным), благо специалисты во всех этих областях у нас имелись.

Увлеченные разговором, мы с приятным удивлением обнаружили свой дом, только когда уперлись в дверь. Да и то, если бы опять-таки не славный своей практичностью тролль, проторчали бы на пороге битый час, бурно жестикулируя в такт составлению плана.

Дрова в камине уже прогорели, в доме было темно и тихо. Мы невольно понизили голоса и тут же дружно зазевали. Пожелав друг другу спокойной ночи, друзья разошлись по комнатам, а я, поленившись сотворить пульсар, на ощупь отправилась искать ведро с водой и очень даже звучно нашла. Жадно напившись и смочив виски (усталость, вместо

того чтобы отступить, накатила с удвоенной силой; мне даже пришлось опереться о стену, переводя дух), я поковыляла к нашей с Орсаной комнате с твердым намерением рухнуть в постель прямо в сапогах, и пусть только кто-нибудь посмеет меня побеспокоить!

Но вместо этого зачем-то приоткрыла дверь в соседнюю комнату.

Лён, по-прежнему одетый во все черное, лежал на кровати поверх одеяла, заложив руки за голову и уставившись в потолок. Я робко кашлянула:

– Он тебя сильно задел?

– Царапина.

Этот упырь даже головы не повернул!

«Ну все, – мрачно подумала я, – мое терпение лопнуло!». И со злостью захлопнула дверь... оставшись внутри комнаты.

Игнорировать агрессивно настроенную ведьму в замкнутом пространстве полторы на две сажени оказалось намного труднее. Лёну пришлось хотя бы скосить на меня глаза – видимо, чтобы в случае чего знать, в какую сторону драпать.

В принципе можно было ограничиться и мыслями, но мне хотелось услышать хоть один голос в свою поддержку. Пусть бы и свой собственный. Так что я набрала побольше воздуха и с патетическим надрывом (ох, переборщила... непроизвольно пробившиеся в голосе подвывания смутили меня саму, а Лён так и вовсе в ужасе подскочил на кровати, наконец-то повернувшись ко мне лицом) начала:

– Вынуждена вас разочаровать, Повелитель: хотите вы этого или нет, но я уже здесь! А с ногой или без ноги – вас не касается, потому что я сама решаю, что и как мне дел...

Вдохновенная речь была рассчитана минут на пять, но проклятая нога не пожелала выслушать ее до конца, подломившись в самый неподходящий момент. Когда магия в очередной раз отогнала застилающую глаза боль, Лён сидел на полу рядом со мной.

– Я в порядке, – сквозь зубы процедила я. – Забыла анестезирующее заклятие обновить...

Повелитель Догевы молчал, упрямо глядя в пол, как будто обладал еще и способностью видеть сквозь предметы, а в подвале стояла бочка с медовухой. Догадаться, о чем он думает, было невозможно. Я, оробев, чуть сбавила тон:

– Ну ладно еще ты не хочешь на мне жениться... понятно по крайней мере... – Произнести это оказалось невероятно сложно, зато дальше пошло куда легче и увереннее: – Но какого гхыра ты отказываешь мне в

праве быть твоим другом? За что?!

Вампир наконец-то поднял голову, и я с изумлением поняла, что он не только не сердится, а, кажется, удручен и растерян не меньше меня.

– Вольха, я хочу этого больше всего в жизни. С того самого мига, как впервые тебя увидел. – Лён взял мои руки в свои, нежно погладил белую незагорелую полосочку на моем безымянном пальце, коснулся ее губами. Потом твердо взглянул мне в глаза. – Но пусть лучше у меня не будет никакой жены, чем мертвая. Пусть даже лучше не будет меня.

У меня перехватило дыхание, но я все-таки нашла в себе силы задиристо возразить:

– А тебе не приходило в голову, что мертвый муж меня тоже не вдохновляет?! Конечно, ради свадьбы я могу сделать из тебя очень даже бодренького зомби... – Я так живо представила жениха в фате (во избежание несчастных случаев среди слабонервных гостей) и невесту на костылях, что вампир не выдержал и рассмеялся. – Но Лён, я волнуюсь за тебя не меньше! Я тоже предпочитаю с чувством выполненного долга величаво проехаться в белых тапочках на тройке Старейшин, с Келлой для полного комплекта, а не усердно рыдать над свежей могилой! Причем до этого ее еще копать, а потом всю жизнь полоть! Ну уж нет!

Рыдать Лён соглашался и сам, причем уже начал тренироваться. Выходило неплохо, только излишне оптимистично.

– Короче, – приободрившись, заключила я, – уступать тебе эту честь я не собираюсь, и не надеюсь! Так что либо мы решаем проблему полоумного колдуна вместе, либо я берусь за нее в одиночку, и пусть тебе будет стыдно!

– Ладно. Сдаюсь. – Вампир просунул одну руку под мои колени, а второй обхватил поперек спины. – Хватайся!

– Что ты делаешь?! – Я не успела опомниться, как он уже выпрямился, словно не чувствуя моего веса.

– Хочу отнести тебя в постель. Предпочитаешь, чтобы оттащил за ноги? – Лён сделал вид, что охотно подчинится, и я инстинктивно уцепилась за его шею. – У нас завтра много дел, так что будь добра выпастись как следует, Верховная Ведьма! И если мы каким-то чудом – а для чего же еще нам нужны маги? – вернемся в Догеву, можешь рассчитывать на премию в размере половины оклада!

– А почему только половины?! – с огромным трудом изображая праведный гнев, возопила я. – А надбавка за сверхурочную работу? А больничные?!

– Ты еще командировочные припомни! – хмыкнул вампир, опуская меня на кровать.

– Эксплуататор!

– Вымогательница!

– Жадина!

– Ведьма!

– Упырь!!! Лён?

– Да? – Он так же внезапно и безо всякого удивления перешел на спокойный внимательный тон.

– Не уходи, – тихо попросила я, придерживая его за рукав. – Посиди со мной хотя бы пока я не засну...

– Не уйду. – Лён осторожно, чтобы не задеть мою больную ногу, пристроился на краешке кровати. И уже спустя несколько минут, в сгустившейся, чуткой тишине еле слышно добавил: – Никогда.

* * *

Кажется, я неловко повернулась во сне, проснувшись от ноющей боли в голени. С ней-то я разобралась быстро, куда сложнее оказалось призвать к порядку бурлящие в голове мысли. Я с четверть часа посидела на кровати, глядя в затопленное лунным светом окошко, потом не выдержала и начала решительно тормошить прикорнувшего рядом вампира:

– Лён... ну Лё-о-он! Ну пожалуйста, проснись! Не спи! У меня к тебе очень важное дело!

– Какое? – сонно пробормотал вампир, делая вялую попытку укрыться от меня под подушкой, но я на всякий случай отобрала и одеяло. Разговор действительно предстоял серьезный, и отвлекающих факторов должно было быть как можно меньше.

– Лён, слушай... ты это... может, все-таки выйдешь за меня замуж? Тьфу, женишься! А?

– Ладно, выйду... – буркнул Повелитель Догевы, поворачиваясь ко мне спиной.

Я озадаченно уставилась на два сложенных крыла, не зная, считать ли это заявление официальным ответом или попыткой избавиться от ночного кошмара в моем лице, как вдруг Лён начал сдавленно подхихикивать, а потом захохотал в голос и, резко перевернувшись, сгреб меня в охапку.

– Вольха, я тебя обожаю! Ну конечно же я на тебе женюсь! Ты вредная, ехидная, упрямая рыжая ведьма, и я не представляю, что бы я без тебя делал. Я не разлюблю тебя ни через пятьдесят, ни через сто лет, и мне

плевать, что у тебя драная куртка, потому что моя еще хуже. Мы вместе съездим в Ясневый Град к лучшему эльфийскому ювелиру и выберем тебе новое кольцо – какое пожелаешь, хоть в нос, как у орков, и оно будет только твоим, а о нашей свадьбе сложат легенды, потому что вспомнить подробности недельной гулянки не смогут даже самые закаленные и медовухоустойчивые менестрели! Но... только если ты сама этого захочешь. Договорились?

Я не ответила. Потому что этот момент был для действий, а не для слов. Он растянулся на часы, года, века – или просто остановил время, и оно перестало что-то значить, как и мои глупые страхи...

...зря я когда-то беспокоилась – клыки совершенно не мешали!..

Но первое, что я сделаю на посту Повелительницы До-гевы, – введу смертную казнь за неурочный стук в дверь!!!

Я и не подозревала, что Лён знает такие слова. Наверное, мои мысли прочитал. Потом он вскочил с кровати и пошел к двери, а я поспешно натянула одеяло до самых подмышек и вытянула руки вверх, дабы никто не усомнился, что я нахожусь на последнем издыхании, а Лён самоотверженно скрашивает мои последние часы.

На пороге стоял хмурый Ролар, из-за его плеча встре-воженно выглядывала Орсана. В сумраке на заднем плане маячила темная троллеподобная масса.

– У нас проблемы, Лён, – без обиняков брякнул вампир.

– Кто бы сомневался, – вздохнул Повелитель Догевы, пропуская друзей в комнату.

Увидев меня, они не только не удивились, но даже не подумали соболезновать испускающей дух подруге. Вал вообще так небрежно плюхнулся на кровать у меня в ногах, словно я располагала их неисчерпаемым запасом. Орсана закрыла дверь и захлопнула ставень, сперва подозрительно выглянув в окно. Эти приготовления мне очень не понравились, заставив на всякий случай внести свою лепту в виде магической защиты от подслушивания.

Лён кивнул, побуждая Рол ара начать рассказ.

– В кустах возле площади найден мертвый Страж. Обезглавленный, как положено... – Арлиссец осекся и смущенно поправился: – То есть окончательно мертвый. Посланец, который принес тебе свиток.

Новости и в самом деле мигом заставили нас забыть обо всем остальном.

– Откуда ты знаешь?! – в один голос выпалили мы.

– Орсана услышала какую-то подозрительную возню на улице и

разбудила нас. Мы сходили на площадь и глянули на труп, а потом отправились в гости к Вэрду. Разумеется, клятвенно заверив его, что это не Лён нас послал! – торопливо уточнил Ролар.

Повелитель Догевы все равно прожег его негодующим взглядом, а я жадно поинтересовалась:

– И что?

– Сначала нам точно так же изобразили оскорбленного василиска, но потом мы довольно мирно побеседовали и пришли к выводу, что кто-то от имени Вэрда поручил Стражу вручить Лёну вызов, а когда тот шел докладывать о выполнении задания, его заманили в укромное место и убили.

– А как получил свиток сам Повелитель Леска? – не сдержал-таки любопытства Лён.

– Какой-то вампир передал его одному из охранников Дома Советаний и тут же ушел. Вообще-то такие вещи полагается отдавать лично в руки, – пояснил Ролар для нас с Орсаной, – но Вэрд, естественно, подумал на меня и решил, что я просто не захотел становиться «черным вестником». Кстати, сообщение о приезде Лёна ему просто-напросто подкинули на стол, и охранники до сих пор теряются в догадках, как неизвестный «доброжелатель» сумел проникнуть в Дом, да еще незамеченным.

– Влез в окно, всего-то делов, – пожал плечами тролль. – Я глядел, не так уж и высоко – подпрыгнуть и подтянуться.

– А Стражи на что? – забраковал идею Ролар. – Туда даже мышке не проскочить!

– Надо пойти и обследовать место преступления! – загорелась я. – Вдруг там остались магические отпечатки убийцы?!

– Вампира? – скептически поднял брови Лён, поумерив мой пыл. Вампира с помощью магии и в самом деле гхыр выследишь, а человек не сумел бы застать Стража врасплох.

– Там хватало и обычных, – успокоил меня Ролар. – Вэрд поднял по тревоге весь Лескский гарнизон и вдвое усилил охрану границы. Стражи уже начали прочесывать долину, так что нам остается только ждать, пока мышеловка захлопнется.

– А вдруг вместо мышки в нее попадет здоровенная, хитрая и злющая крыса? – встревожилась я. – Сомневаюсь, что прищемленный хвост сделает ее более сговорчивой!

– Если колдун где-то в Леске, то настроение у него и впрямь неважное, – со злорадством в голосе поддержала меня Орсана. – Из-за Вольхи его план травиты вомпэров провалился (я приосанилась) и,

видповидно, спихнуть убийство на павшего в поединке Повелителя тоже не удалось (Лён смутился). Теперь, напэвно, гнусный кол-дунишка мечется по своему убежищу, думая, как бы поскорее сделать с острова ноги! А тут еще Стражи...

– Не волнуйтесь, они не станут сами к нему соваться. Просто все разнюхают и сообщат Повелителю, а он нам.

У меня возникло сильное подозрение, что слово «разнюхают» Ролар употребил в прямом его смысле. Что ж, на волчью стаю и в самом деле можно положиться. Даже при розыске колдунов и вампиров.

Лён задумчиво взъерошил волосы, так что золотой обруч сполз ему на глаза и чуть не свалился на пол. Вампир еле успел его подхватить.

– Интересно, откуда этот мерзавец взял мою печать?

– Любую печать можно подделать.

– Вольха, это клановая печать, а не догевская, которой ты украдкой колешь орехи. Да-да, не отводи глаза, я все знаю! Честно говоря, и сам грешен... Так вот, она передается из поколения в поколение и используется только в подобных случаях. Раздобыть ее образец по-просту невозможно, ибо ее присутствие на письме означает, что оно подлежит немедленному сожжению.

– Немедленному? – ехидно уточнила я.

– По прочтении. Не вредничай, Верховная Ведьма. Снаружи на свиток ставится обычная печать и, не взломав ее, до клановой добраться невозможно. Логически рассуждая, подделать ее мог только Вэрд, который как... хм... кровно заинтересованное лицо, прекрасно знает ее по описанию, а то и видел на присланном одному из его родичей вызове.

– Или какой-нибудь другой Повелитель, хоть раз получивший подобное письмо! – осенило меня.

Лён вздрогнул, но, подумав, отрицательно покачал головой:

– Насколько я знаю, последние триста лет мой род ни с кем, кроме Virr'ta, не враждовал.

– А сам Virr'ta? – не сдавалась я. – Ведь его печать тоже подделали!

– Общих врагов у нас нет. Но кто сказал, – нахмурился Повелитель, – что ее подделывали?

– Печать Вэрда на месте, – возразил Ролар. – И ею не пользовались. Сказать по правде, он сам ее едва нашел, причем в сильно подпорченном мышьями состоянии.

– У него могла быть и запасная.

– А у тебя она есть? – саркастически поинтересовался арлиссец.

Лён уже и сам сообразил, что валяет дурака, и бурчать в адрес

кровника прекратил. Мы еще немножко посоветовались, но без особого успеха. Помочь Стражам мы никак не могли, оставалось только ждать их донесений. А сидеть для этого впятером на одной кровати было совсем необязательно.

Мне пришлось выйти вместе со всеми – друзья, само собой разумеется, остановились на пороге, поджидая меня.

Утешало меня только то, что вернуться я теперь могу в любое время.

* * *

Я уже смирилась, что нормально поспать этой ночью мне не удастся, и прилегла буквально на минутку, с приятным удивлением проснувшись поздним утром. Из столовой доносились то постепенно повышающиеся, то резко падающие до шепота голоса. Так бывает, когда не хотят кого-то разбудить, но периодически забывают. Сонно щурящуюся ведьму встретили приветственными возгласами и с облегчением продолжили разговор уже в полную силу, хотя одно место за столом еще пустовало.

– А где Лён?

– Пошел опять комарье на поляну кормить. – Вал обгрыз куриную кость, метко швырнул ее в помойное ведро и со смешком добавил: – А если кой-кому повезет, то и ворон!

– Что?! – Я торопливо заглянула в пустую комнату. Гворда в углу не было.

– Они просто тренируются, – успокоил меня Ро-лар. – Лён попросил Вэрда дать ему пару уроков.

– И тот согласился?!

– Конечно. – Вампир отправил в рот огромную ложку салата, едва вписавшуюся между клыками.

Я вздохнула. Ничего не понимаю – обучать своего врага своим же приемам? Ролар глянул на мое озадаченное лицо и, прожевав, пояснил:

– Вольха, смысл не в том, насколько хорошо ты владеешь гвордом. Куда большее значение имеет ловкость и скорость, а чем опаснее твой противник, тем почетнее принять от него смерть. Не говоря уж о том, чтобы победить. И потом, – вампир понизил голос, – пусть лучше Повелители спустят пар сейчас и больше не будут маяться ерундой по ночам. А то по этикету неприлично как-то получается – встретиться и не сразиться! Для очистки совести хоть так надо.

– Этикет ваш... – Я махнула рукой, предоставляя Ролару самому догадаться, куда я рекомендую засунуть вышеозначенное. – Что слышно?

– Пока ничего. Сидим как на иголках, Стражам осталось проверить только окраину острова. В течение часа-другого все должно решиться.

Я подумала и начала сооружать бутерброд с копченой рыбой. Хоть чем-то себя занять, а там, глядишь, и пригодится.

Вернулся Лён – тяжело дышащий, в промокшей от пота рубашке, как будто Вэрд проскакал на нем несколько верст. Но, к моему огромному облегчению, живее не бывает.

– Пока ничего, – лаконично ответил он раньше хорового вопроса. – О, спасибо!

Я открыла рот, чтобы возмущенно завопить, но было поздно – Лён уже оприходовал мой бутерброд и, промычав нечто одобрительное, начал с фырканьем плескаться над стоящей в углу бадейкой. Пришлось досадливо закрыть рот и делать второй бутерброд – мне и в самом деле захотелось есть.

Увы, с ним мне повезло не намного больше – не успела я прожевать первый кусок, как дверь снова без предупреждения распахнулась. Вэрд, видимо, тоже только-только успел привести себя в порядок, застегивая рубашку уже по дороге. Уверенности, что эта дорога правильная, на его лице не было. Мы полностью разделяли его сомнения, настороженно воззрившись на гостя. Вампир, видя такое единодушие, подался было назад, но вовремя вспомнил, что он вообще-то Повелитель этой долины, включая данную комнату, и решительно шагнул через порог.

Впрочем, первые же его слова заставили нас примириться с взаимным присутствием.

– Я только что получил донесение от последнего Стража. – Вэрд мстительно выдержат эффектную паузу.

Продлись она еще пару секунд – и мы бы кинулись вытрясать из него информацию вручную. – В Леске убийцы нет.

– Шо?!

– Не может быть!

– Куда же он делся?!

Комментарий Вала переводу не поддавался, хотя со смыслом никаких проблем не возникло.

– Выходит, ваши Стражи упустили его, Sia-werden? – холодно констатировал Лён.

– Почти, – многозначительно возразил Повелитель Леска, снова завоевав общее внимание. – На рассвете пограничный патруль почуял что-

то неладное, как будто чье-то присутствие – смазанное и неопределенное, – но Стражи никого не увидели. На всякий случай они тщательно прочесали подозрительный участок, проследили источник своего беспокойства до морской границы Леска и уже собирались лететь обратно, как вдруг он буквально вынырнул из пустоты в тридцати верстах от берега. Парусник без названия и опознавательных флагов. Похоже, он под прикрытием невидимости стоял на якоре в заброшенной гавани на другом конце острова, а когда начал двигаться, его засекли.

– И что? Стражи пригнали его обратно в гавань?!

– Нет, он был слишком далеко, почти на горизонте, а время этой смены уже истекало, и Стражи повернули к берегу. Они сменяются через каждые три часа – тха'арши с всадниками устают и не могут дольше держаться в воздухе. Поэтому мы патрулируем примерно десять верст моря вокруг острова, Стражи как раз успевают неспешно облететь свой участок и вернуться обратно.

«И хвала богам, что не догнали» – запоздало спохватилась я. Спрятать целый корабль с экипажем, причем не только визуально, но и от вампирьего чутья, под силу разве что архимагу. От Стражей бы и перышка не осталось!

Что-то мне это напомнило... настойчиво толкнулось из подсознания, но, когда я попыталась на нем сосредоточиться, застеснялось и нырнуло обратно.

Повелитель Леска сухо продолжал:

– Несмотря на слабый ветер, корабль шел очень быстро. По нашим расчетам, сейчас он верстах в пятидесяти от Леска. Тха'арши летят со скоростью примерно сорок верст в час; пока мы домчимся до корабля, он отойдет еще на двадцать – тридцать, если не больше.

Я быстренько прикинула в уме перспективы. Блестели они что-то не очень.

– На дорогу уйдет два – два с половиной часа, но ведь их надо не только догнать, но и найти. Отделавшись от Стражей, корабль вполне мог сменить курс, а то и снова стать невидимым!

Вэрд ответил мне прямым требовательным взглядом.

– Вот для этого мне и нужна помощь ведьмы. У крыльца ждут самые быстрые и выносливые кони. Только для нас. С расчетом, что либо мы отдохнем на палубе, либо... не вернемся.

– Korr'ki lein ta igra shainn? – недобро прищурившись, с вызовом поинтересовался Лён.

– Так все-таки – друг или невеста? – иронично уточнил Вэрд на всеобщем языке, демонстративно пропуская мимо ушей остальную часть

фразы.

Мы с Ленем переглянулись и скорчили одинаково скептические гримасы. Естественно, ничего хорошего из этого не вышло – друзья, да и мы сами покатались со смеху.

– Скажем так: дружественно настроенная невеста, – сделал вывод Рол ар.

– Ясно. – Вэрд посерьезнел. – Я имел в виду ВСЕХ нас. Включая... Арр'актура.

Повелитель Догевы молча поклонился.

«Он мог бы взять Стражей, как и Лён, – с тревогой подумалось мне. – А берет чужаков, вдобавок кровного врага. Почему?!»

Но возражать и расспрашивать не было времени – Вэрд уже вышел из дома. Мы наскоро похватали свои пожитки и поспешили за ним, дожевывая на ходу.

У крыльца, по-собачьи подогнув задние ноги, сидела ярко-рыжая тха'арши, скрестив над крестцом кончики сложенных по бокам крыльев. Встрепанная гривка – короткая, как у Смолки, но не жесткая, а словно из тонюсеньких нежных перышек, непрерывно трепещущих на едва ощутимом ветерке, – придавала ее узкой морде несколько озадаченное выражение.

– Это Дъерри, – качнул подбородком Вэрд. Лошадка понятливо покосилась на Повелителя Леска, а тот невозмутимо продолжал, глядя уже на меня:

– Садись!

– Что?! – Мы с тха'арши весьма скептически уставились друг на друга. Кобылка была хорошо если в три раза больше козы, с такими же наглыми раскосыми глазами и привычкой мелко подрагивать хвостом.

– Не волнуйся, не раздавишь, – усмехнулся Вэрд.

– А она меня повезет?

– Тха'арши – стадные животные. Им важен не столько хозяин, сколько вожак. За моим жеребцом она полетит куда и с кем угодно.

– Но хоть управлять-то ею я смогу?

– Пока она видит вожака – да. Но если ты не избранная ею хозяйка, то увести ее от табуна не сумеешь.

Я хотела спросить, где же остальные скакуны, то есть летуны, но тут Вэрд негромко присвистнул, и в следующее мгновение чуть ли не прямо ему на голову спикировал белоснежный конь, а за ним еще четверо. Лён поймал за узду ближайшего, светло-серого, остальным достались гнедые разных оттенков.

– Откидываетесь назад – тха'арши снижаются, наклоняетесь вперед – поднимаются. Что с поводьями делать, сами знаете, – коротко проинструктировал Вэрд.

На ощупь коняга оказалась костлявой, как пересушенная вобла, а учитывая, каким местом я ее щупала, остаток недели мне предстояло ходить враскорячку. Гибкостью Смолки она не обладала и, хотя алчно облизнулась на мой бутерброд, внезапным выпадом выхватывать его из рук (чем частенько грешила ее коллега) не стала. Сжалившись, я отдала ей огрызок и правильно сделала: стоило Вэрду вскочить на коня, как тот распластался в высоком размашистом прыжке и земли уже не коснулся. Остальные тха'арши не раздумывая рванулись за ним – под вскрик судорожно уцепившейся за конскую шею Орсаны и сочные комментарии Вала, в последнюю секунду едва успевшего оседлать свою животину – хотя бы задом наперед.

Бесподобные ощущения – ты рывками, вслед за мощными взмахами крыльев поднимаешься ввысь, а желудок словно остается внизу и догонять тебя что-то не торопится.

– Смотри только вперед или вверх, пока не привыкнешь! – Светло-серый жеребец почти коснулся меня крылом и снова вильнул в сторону. Судя по зеленоватому лицу Лена, это знание досталось ему методом проб и ошибок.

Тха'арши набрали высоту и распростерли крылья в воздушном потоке, помогая ему редкими плавными взмахами. Рывки прекратились, сменившись ровным гулом бьющего в лицо и отдающегося в ушах ветра. Я с приятным удивлением обнаружила, что сидеть стало гораздо удобнее – при полете острые грани лошадиного хребта ушли куда-то внутрь, между крыльями образовалась удобная впадина.

Троль наконец-то развернулся лицом вперед и в отместку так сжал своенравную скотину коленями, что та беспрекословно признала тяжелую хозяйскую ногу и перестала метаться из стороны в сторону, путая строй.

Мы ровным клином понеслись на запад. Берег удалялся с угрожающей быстротой, но, когда он окончательно скрылся из виду, переносить скорость стало гораздо легче. Вокруг одно море, безбрежное и бликующее, хоть стой на месте, хоть делай по сто верст в час. Правда, когда мы обгоняли изумленных чаек, становилось как-то не по себе, но новый способ передвижения определенно начал мне нравиться. Приноровившись (по крайней мере, мне так показалось), я расправила плечи и молодежато дернула за левый повод. Дъерри скосила на меня сиреневый глаз: «Ну если ты действительно этого хочешь... но потом не говори, что я тебя не

предупреждала!» И так круто завалилась набок, что горизонт стал вертикальным.

Выпав из стаи, десятую саженьями ниже кобыла выровнялась и только тогда повернула влево. Но мне уже ничего не хотелось – кроме разве что небольшого ведерка. С трудом подавив это не слишком героическое желание, я с куда большей осторожностью взялась за поводья. Лошадка послушно опустилась к самой воде, потом (не хватало еще с разгону врезаться в невидимый корабль!) поднялась на прежнюю высоту.

Остальные тха'арши быстро скрылись из виду – моего, но не Дьерри. Она все чаще оборачивалась, обес-покоенно всхрапывала, но пока что слушалась узды. Я не стала издеваться над лошадкой и вернулась на прежний курс параллельно остальным. По моим прикидкам, границу Леска мы уже пересекли, и, хотя высматривать корабль было рановато, я все-таки не утерпела и сделала пару зигзагов, пристально изучая море.

Сверху, как коршун, упал белый конь. Дьерри испуганно шарахнулась, но тут же облегченно заржала и трепыхнула крыльями на месте, морда к морде зависнув с жеребцом Повелителя Леска.

– Госпожа ведьма, я попросил бы вас не изматывать лошадь раньше времени. – Вэрд натянул намотанные на кулак поводья. – Мы еще даже не долетели до того места, где Стражи повернули обратно.

Я было смутилась, но тут же торжествующе ткнула пальцем вперед:

– А это что?!

На горизонте как раз показался корабль, трехмачтовый торговый парусник. Правда, шел он не из Леска, а по касательной к нему, к западному архипелагу. Пахнуло ветром – слева завис серый, чуть повыше – тройка гнедых. Вэрд, прикрывшись ладонью от солнца, попытался разглядеть мою находку.

– Нет, это не он, – разочаровал нас Повелитель Леска. – По описанию Стражей, у того были чисто-белые паруса, а у этого с голубым рисунком и носовая фигура другая – единорог вместо льва. Хотя тип судна такой же. Впрочем, погодите здесь, я подлечу и спрошу, не встречали ли они нашего беглеца!

Белый жеребец резко нырнул вниз и вперед. Мы немножко его проводили и зависли в воздухе в ста саженьях от корабля, с такой высоты казавшегося игрушечным. Тха'арши усиленно работали крыльями, не сводя глаз с вожака и тревожно пофыркивая. Меня тоже что-то смущало. К архипелагу-то к архипелагу... но откуда?! В той стороне нет никаких островов, а ведь это не рыбацкое или прогулочное судно!

– Вэрд, стой!

Над кораблем с треньканьем и свистом взметнулось сизое облачко стрел.

Мы слишком поздно сообразили, что замаскировать корабль еще легче, чем сделать его невидимым.

Я поспешно вскинула руку. Стрелы, словно наткнувшись на невидимую стену, на мгновение зависли в воздухе, потом дружно развернулись остриями вниз и понеслись к кораблю.

Кроме одной.

Белоснежный взвизгнул, правое крыло пыхнуло перышками, надломилось и бессильно обвисло. Конь закувыркался в воздухе, как подбитая птица, всадника выдернуло из седла – вернее, просто выдернуло – и швырнуло в сторону.

Лен, не раздумывая, так круто послал серого вниз, что тха'арши сложил крылья и вошел в штопор. Стреляли, похоже, из однозарядных военных арбалетов, а не из луков – вместо второго залпа последовали редкие единичные выстрелы. Мы быстренько рассредоточились, хотя таких косоруких стрелков свет не видывал. Впрочем, они не слишком-то и старались в кого-то попасть – скорее, пытались держать на расстоянии, пока...

Корабль как будто начал вливаться в тень от облака – только не тускнея, а растворяясь. От него осталось не больше трети, когда я опомнилась и, с гиканьем тряхнув поводьями, по касательной устремила к быстро тающей палубе. У виска чиркнула стрела, но я лишь мотнула головой, словно отгоняя назойливую муху. Покрепче стиснув колени, освободила руки и не мудрствуя лукаво ударила в корму двумя копьями клубящегося пламени.

Мне еще повезло, что я впопыхах спустила заклятие полусотней сажень раньше, чем следовало. Нет, отражать его колдун не стал. Его собственное заклинание разворачивалось с такой мощью, что места для еще одного в этом кусочке пространства просто не оставалось. Мои чары буквально смяло и выплюнуло назад – в виде уже не огня, а чистой силы.

Сцена в корчме повторилась с единственным отличием: стены здесь не было.

Небо и море несколько раз поменялись местами, а когда Дьерри наконец выровнялась, на месте корабля остался только размытый след заклинания. Я застонала от бессильной ярости. Магический резерв опустел больше чем наполовину, а этому мерзавцу хоть бы хны, небось даже не заметил моих усилий!

«А если бы он тебе расписку выдал, что заметил и оценил, тебе легче

было бы?» – зло оборвала я собственные мысли. Надо думать, что делать дальше, а не опускать руки после первой же неудачи! Я не сомневалась, что через версту-другую корабль снова сменит направление, чтобы сбить нас с толку. И, скорее всего, станет видимым, потому что скрыть от другого мага такое мощное заклинание еще сложнее, чем корабль. На этом месте слишком много остаточной магии, мешающей сосредоточиться, но если отлететь немного в сторону, то определить, куда он смылся, не составит особого труда – все равно что отыскать одиночную цепочку следов на снегу за истоптанной поляной. Невидимость не щит, да и я сама вполне могу ею воспользоваться, конем среди ясного неба рухнув колдуну прямо на голову.

Не тут-то было! Дъерри, не обращая внимания на окрики и рывки поводьев, покрутила мордой туда-сюда и, приняв решение, мягко спланировала к покачивающемуся на волнах белому пятну. Распростертые крылья пока держали жеребца на плаву, но перья быстро намокали и слипались. Гнедые с протяжными криками кружились рядом, как чайки у разрушенного гнезда, откровенно игнорируя всадников. Хорошо хоть сбросить не пытались.

Светло-серый шумно хлопал крыльями над самой водой, с явным трудом удерживая двойной груз.

– Не стоило беспокойства, – сухо проронил Вэрд. – Я прекрасно плаваю.

– Не сомневаюсь, – невозмутимо заверил Лён, с интересом поглядывая вниз.

В том месте, где Повелителю Леска самым возмутительным образом помешали принять ванну, скользнула темная тень размером с добрых полпарусника. Описала широкий круг вокруг отчаянно забившегося коня, разок-другой показала из воды краешек серповидного плавника и, после пары-тройки пульсаров отказавшись от идеи подзакусить на сон грядущий, величаво ушла на глубину.

Я видела, как Вэрд смущенно прикусил губу, но оборачиваться к Лёну и что-либо добавлять не стал. Тонущий конь вздернул голову и жалобно заржал. Остальные немедленно откликнулись, спустившись еще ниже.

– Она скоро вернется. – Ролар обеспокоенно кивнул на ярко-алое пятно, расплзающееся вокруг подбитого крыла. – Эти твари чуют кровь за несколько верст.

Серый Лёна тоже был не в лучшей форме, на глазах темнея от пота. Я кое-как сумела подвести Дъерри поближе.

– Перебирайся ко мне!

Кобылка не пришла в восторг, но покорно позволила Лёну

перепрыгнуть к себе на спину. Крылья захлопали вдвое чаще и громче. Я положила ладонь на лошадиную холку, заклинанием вливая в нее силу. Рыжая благодарно фыркнула и встопырила ушки, но о дальнейшей погоне не могло идти и речи. Во-первых, далеко так все равно не улетишь, во-вторых, без жоака тха'арши никуда лететь и не собирались.

– Как только... – Вэрд глянул на белого и не смог закончить фразу. – Они развернутся к берегу. Мы их не сдержим.

– Можно попробовать их зачаровать.

Идея не нравилась мне самой, так что прозвучала неубедительно. Обычные лошади неплохо поддавались гипнозу, но двигались потом как оглушенные, на негнущихся ногах, и уставали вдвое быстрее. Как это заклинание подействует на тха'арши (и подействует ли вообще), предсказать было невозможно. Зато я точно знала, что, несмотря на магическую поддержку, до берега Дьерри с такой ношей не дотянет. И если мы в течение часа не разыщем корабль... Я запоздало спохватилась, что думаю практически вслух, не позаботившись о защите мыслей. Какая же я идиотка!!! Ведь Лён со своим самоубийственным благородством сейчас наверняка скажет...

И он, конечно, сказал:

– А вон тот не подойдет?

Вампир невозмутимо ткнул пальцем в черный на фоне солнца силуэт корабля, идущего прямо на нас. Не будь мы так увлечены обсуждением своих унылых перспектив, то заметили бы его уже давно. Хотя, надо признать, плыл он довольно быстро, в считанные минуты представ перед нами во всей красе: хищно заостренный нос с подводным тараном, три мачты, вдоль бортов – туго набитые мешки для защиты от стрел, по три баллисты с каждой стороны и раздвоенный, как змеиный язык, флаг с недвусмысленным рисунком. Солнце осталось чуть сбоку, но он так и не посветлел.

Корабль остановился в каких-то десяти сажнях от испуганно захлопавшего здоровым крылом коня. Не сворачивая парусов, не бросая якоря, почти мгновенно, как карета с резко натянувшим вожжи кучером.

– Подвезти? – с добродушной усмешкой осведомился стоявший на носу человек.

Пока я пыталась совладать с отвисшей челюстью, Дьерри без колебаний приняла приглашение. Низенько, из последних сил скользнув над бортом, рыжуха впилась когтями в палубу и тут же села, свесив усталые крылья до самых досок.

Я спрыгнула (точнее, бодро сползла) с кобылы, с невероятным

облегчением ощутив под ногами твердую поверхность.

– Что вы здесь делаете, Учитель?!

Архимаг довольно погладил бороду:

– Ну, я мог бы сказать, что моим старым костям полезен морской воздух, но ты и раньше относилась к подобным заявлениям весьма скептически, Верховная Догевская Ведьма.

Из-за его спины выступила высокая женщина в темной облегающей одежде, увешанная амулетами, с посеребренной рукоятью меча над правым плечом. Ежик коротко стриженных светлых волос прореживал белый след от ожога – чуть повыше левого уха, шириной с добрых три пальца. Я сообразила, что впервые вижу ее без парика. И вовсе даже она не...

– Приветствую вас, коллега, – холодно сказала Лысая Бань... Катисса.

Я попятилась от неожиданности, натолкнувшись на Лена. Вампир успокаивающе приобнял меня за плечи.

– Так Ковен послал вас обоих в погоню за нами?!

– Не за вами, – бесстрастно возразила магичка. И, переведя взгляд на море, кивнула в сторону исчезнувшего парусника: – За ними.

– Но откуда вы...

Учитель поднял руку, призывая чуть-чуть повременить с расспросами, и подошел к борту. Чтобы левитировать коня на корабль, директору Школы Чародеев понадобилась от силы пара минут. Со стороны могло показаться, что он вообще не колдует, а задумчиво наблюдает за изумленно перебирающим ногами по воздуху жеребцом. Как только тот благополучно приземлился на палубу, Учитель с тем же спокойным вниманием повернулся к парусам, и они послушно наполнились ветром.

Архимаг позволил себе одобрительное хмыканье и лишь тогда счел нужным возобновить разговор:

– Так уж вышло, что последние несколько недель Ковен безуспешно разыскивает злодея, уничтожившего и покалечившего несколько десятков наших собратьев. А по слухам, – архимаг так проницательно глянул на меня, что я покраснела и потупилась, еще даже не зная, в чем дело, – некая рыжая ведьма каким-то образом (еще один взгляд – и светловолосый «образ» смущенно кашлянул над моим плечом) узнала, где он скрывается, и вдобавок вообразила, что сумеет разделаться с ним в одиночку. Конечно, весьма похвальное, но не слишком-то разумное намерение: ведь стоило ей всего лишь послать в Стармин краткую весточку – и к ее услугам была бы сила всего Ковена. А так ей придется рассчитывать только на помощь одного старого мага, который, если бы не еще одна его коллега, так бы и не узнал, где искать свою непутевую ученицу...

Я неожиданно для самой себя шмыгнула носом, шагнула вперед и уткнулась магу в грудь, а он с ласковой укоризной потрепал меня по макушке, как маленькую девочку, ревущую у ворот Школы. И как ни в чем не бывало размеренным, чуть ворчливым голосом продолжил:

– Узнав, что вы покинули порт, мы разослали вестников к лучшим белорусским магам-практикам, но дожидаться их не стали. К сожалению, попасть на идущий в Леск корабль нам не удалось, так что в конце концов пришлось купить рыбацкую лодку с парусом и по очереди помогать ему заклинаниями, пока вот эти милые люди любезно не согласились нас подвезти.

Милые (как все-таки обманчива бывает внешность!) люди вымученно заулыбались. Щеголеватый тип с эль-фийскими чертами и тролльим носом робко попытался изобразить кончиками пальцев что-то приветственное.

Белый неуклюже, со второй попытки, поднялся на ноги и встряхнулся, обдав нас брызгами. Остальные тха'арши то ли снова подчинились всадникам, то ли по обоюдному согласию один за другим опустили на палубу. Только норовистая гнедая Вала по одной ей известной придури угнездилась на верхней поперечине центральной мачты, наотрез отказываясь двигаться с места, так что наемнику пришлось слезать оттуда своим ходом. Впрочем, стоило троллю ступить на палубу, как кобыла расправила крылья и слетела вниз, с откровенным ехидством скаля зубы.

– Но откуда же вы тогда знаете о другом корабле? – Я наконец взяла себя в руки и отстранилась от Учителя, недоверчиво поглядывая на Катиссу. – Начальник порта ничего не знал о колдуне, выходит, выплыли в Леск именно за нами!

– Да, но потом засекли мощный магический всплеск и, заподозрив неладное, слегка изменили курс. Распознать заклинание маскировки несложно, а что можно прятать посреди моря? Только корабль. Сомневаюсь, что контрабандистам такой трюк по карману, а их штатному магу – по силам. А вот скрывающемуся от разгневанных вампиров колдуну, наделенному сверхъестественной мощью, – вполне.

– Логично, – вынуждена была признать я, хотя легкий червячок сомнения все-таки остался. Уж больно гладко архимаг все это изложил. Словно заранее репетировал.

Учитель с достоинством кивнул, как будто получив от меня высочайшее разрешение на дальнейшие действия, и повернулся к Повелителю Леска:

– Надеюсь, досточтимый Сиа-Вэрдэн тор ард Л...л'аел, – архимаг запнулся, и я искренне ему посочувствовала. На официальных приемах в

Догеве я тоже до сих пор читала полное родовое имя Лена с бумажки, один раз тайком приколов ее Повелителю на спину между крыльями, да так там и забыв... Обнаружилось это только в конце дня – гости из вежливости молчали, а то и пользовались украдкой, – не возражает против небольшой морской прогулки, прежде чем мы доставим его в Леск?

Вэрд уже стоял возле своего жеребца и, обхватив его за шею, гладил по мокрой гриве, что-то тихонько приговаривая. Конь так же сдавленно пофыркивал, словно отвечая.

– Не возражаю, – не оборачиваясь, отрезал Повелитель Леска. – Даже наоборот. Дайте только догнать этого мерзавца...

– Догоним, – спокойно пообещал Учитель, снова поднимая глаза к парусам.

Об этом и в самом деле можно было не беспокоиться. Магия магией, но у каждого корабля есть свои пределы скорости и прочности, после которых паруса сорвет вместе с мачтами, а корпус сомнется, как яичная скорлупа. «Хапуга» был словно создан для гонок и охотно это демонстрировал. Узкий и легкий, он как будто летел над волнами, заражая нас своим азартом. Черный с черепом и костями флаг на верхушке мачты смотрелся более чем уместно. Ей-богу, я бы и сама не отказалась посидеть на бушприте, с воплями размахивая ржавой абордажной саблей!

– Наверное, ни один корабль от вас не ушел? – с невольным восхищением поинтересовалась я у капитана.

– Ну как вам сказать... – зарделся польщенный пират. – Догнать так точно никто не смог...

Дьерри неожиданно толкнула меня мордой в спину. Я, спохватившись, подошла к белому коню и, внимательно осмотрев пробитое крыло, принялась за лечение. Лён коварно использовал этот момент, чтобы в сторонке побеседовать с Учителем и Катиссой. Увы, бросить дело на середине я не могла, так что оставалось только недовольно коситься на них через плечо. Вэрд молча мне ассистировал, железной хваткой держа крыло в расправленном виде, пока я извлекала отломившийся наконечник, останавливала кровь и соединяла края раны. Конь покорно терпел, лишь изредка потряхивая головой или брыкаясь в пустоту.

Пока мы возились с летуном, маги и Повелитель наговорились и с невинными лицами разошлись в разные стороны, явно не собираясь ни о чем мне докладывать. Друзья, чтобы скрасить тягостное ожидание, тоже разбрелись по кораблю – Ролар и Орсана с горящими глазами осматривали корабельную баллисту, перебрасываясь короткими восхищенными репликами, Вал что-то оживленно втолковывал капитану, тот

заинтересованно внимал.

Я подумала, помялась и, отважившись таки, подошла к «коллеге», одиноко облокотившейся на перила левого борта.

– Э-э-э... госпожа Лабская?

– Да? – Катисса с неторопливым величием сытой, но оттого не менее опасной гарпии повернулась ко мне.

Я инстинктивно попятилась, однако нашла в себе силы задать следующий вопрос:

– Зачем вы приехали в форт?

Магистр немного побуравила меня своим знаменитым взглядом, но все-таки сообразовала ответить:

– Один из служащих там магов-практиков заподозрил, что кто-то сумел телепортироваться между «паутинками», невесть как узнав об их расположении. Ковен направил меня в форт для проверки, а в случае необходимости – и боевой помощи.

– А что было в письме для коменданта?

– Приказ о задержании убийцы и его спутников. И предписание по возможности проконсультироваться... с коллегой. Столов здесь нет, можете не оглядываться. И занавесок тоже.

Я почувствовала, как, несмотря на прохладный ветер, у меня начинают предательски гореть щеки.

– Что-нибудь еще, госпожа Редкая? – саркастически поинтересовалась женщина.

– А где ваш... ну... – сдуру лягнула я, таращась на ее голову.

– Сдуло, – с непроницаемым лицом ответила Катисса. – Забыла с утра подклеить.

Магичка глянула на мое ошарашенное лицо и, неожиданно фыркнув от смеха, покачала головой и перешла на нос корабля, встав рядом с Учителем.

Впрочем, показавшееся на горизонте белое пятнышко было прекрасно видно и отсюда; как я и предполагала, прятаться под заклинание больше часа «Черный Лис» не стал.

Перебросившись парой слов, маги отступили от борта, развернулись лицом друг к другу и протянули вперед руки. Остальные заинтересованно подтянулись поближе. Между сухими узловатыми и изящными, с наманикюренными ногтями, но одинаково профессионально чуткими пальцами сгущалась, формируясь, переливающаяся всеми цветами радуги сфера. Я мигом узнала заклятие приближения. Проще, конечно, взять подозрную трубу, но с помощью колдовства можно не только осмотреть

вражескую палубу, но и заглянуть в трюм, а в исполнении таких мощных магов – пересчитать всех корабельных крыс.

Преломленная сферой точка корабля скакнула вперед на такой крупный план, что стали видны разводы на бортовых досках. Учитель нахмурился, корректируя изображение. По выпуклому боку сферы скользнул край паруса, потом пышный бюст носовой фигуры. Не единорог и не лев – обнаженная женщина с развевающимися локонами и переходящими в хвост-волну ногами.

– «Вилея», – уверенно опознала Катисса. – Уже год считается потопленной пиратами.

– Неправда, – вякнул капитан, но на него так посмотрели, что он благоразумно поспешил вернуться на мостик.

– А как же «Черный Лис»? – изумился Ролар. – Очередной морок? На него же у начальника порта отдельная ведомость заведена была!

– Морок? – Магистр скептически покачала головой. – Нет, вряд ли. Портовый маг сразу бы заметил. Видимо, из Белории они отплыли на настоящем торговом судне, а в пути пересели на поджидающую их в открытом море «Вилею» – показаться у берега она, разумеется, не могла. Думаю, «Черного Лиса» уж точно никто не найдет...

– Ага, – удовлетворенно протянул архимаг, привлекая всеобщее внимание. Изображение, колыхнувшись, втянулось внутрь сферы, став плоским и предельно четким.

– Так я и думал, – в один голос, но с разными интонациями выдохнули Повелители. Лён – с плохо скрываемым торжеством, Вэрд – как будто увиденное поразило его в самое сердце более ритуального клинка.

На палубе «Вилеи», одной рукой придерживаясь за туго натянутый канат и пристально вглядываясь в даль, стоял колдун. А рядом, скрестив руки на груди, как будто не замечая качки, – светловолосый мужчина в неброской серой одежде. С короткой модной стрижкой, довольно красивый, но по сравнению с ним даже Лереена выглядела отзывчивой, а Вэрд добродушным. Впрочем, некоторым женщинам нравится именно такой тип мужчин – обаятельных мерзавцев себе на уме.

Колдун прищурился и шевельнул губами. Его спутник лишь усмехнулся в ответ. Скверно и презрительно, на мгновение блеснув клыками.

Я требовательно дернула обоих Повелителей за рукава:

– Вы его знаете?

– Лично – не доводилось, – признался Лён. – Но кой-какие догадки имелись.

А вот Вэрд...

– После войны нас осталось трое, – медленно сказал он, словно с болью выплескивая из себя застарелую, опротивевшую грязь, скрывать которую уже не в силах. – Данира, Кростен и я: Повелительница Долины и два ее самых доверенных советника. Мы присутствовали на всех обрядах в храме... но на один я прийти не смог. И для Даниры он оказался последним. Опытная, многожды замыкавшая Круг, Повелительница почему-то не успела выдернуть стилет, а ее Хранитель месяцем раньше исчез при загадочных обстоятельствах. Следующим Повелителем Леска избрали меня. Практически единогласно, на общем собрании жителей долины. Кростена аж перекосило, он молча развернулся и ушел с площади. Тут-то я и заподозрил... нет, ничего говорить не стал, да ничего и не докажешь... но он, видимо, сам сообразил, что прежнего доверия к нему не будет, и уплыл с острова первым же кораблем.

– Так вот откуда у него клановые печати, – пробормотал Лён. – Вашу он скопировал, а о нашей был прекрасно наслышан... да и проникнуть в комнату Повелителя ему не составило никаких проблем.

– Как и подослать к нам Стража, – добавил Ролар. – Что ж, теперь все окончательно встало на свои места! Он...

Колдун неожиданно сменил угол зрения, уставившись как будто прямо мне в глаза. И без того неприятное лицо его исказила злобная гримаса. Резкий взмах руки – и в следующее мгновение сфера лопнула, как мыльный пузырь. Мы инстинктивно отшатнулись, хотя ничего не ощутили, а легкий запах озона тут же унесло ветром.

– Силен, зараза! – вырвалось у Катиссы. Магичка потеряла лоб тыльной стороной ладони и обеспокоенно глянула на архимага. Тот неопределенно покачал головой. Обнаружить и перебить заклинание подглядывания, в сущности, не так уж сложно – при условии, что тебе противостоит маг уровнем выше. Но уложить на лопатки архимага на пару с Магистром 1-й степени смог бы разве что... смогла бы когда-то...

– Ну все, хватит! – вспылила я, не выдержав столь явно витающих в воздухе недомолвок. – Кто-нибудь толком объяснит мне, почему у меня такое ощущение, как будто вокруг меня уже месяц крутится какая-то непонятная история, но я убей не понимаю, какую роль в ней играю?!

Архимаг вздохнул и покосился на Лена. Тот согласно кивнул: мол, куда уж дальше откладывать.

– Ты ошибаешься только в одном, Вольха. Эта история тянется уже несколько лет, с твоего первого приезда в Догеву... а если быть совсем уж точным – она началась за несколько месяцев до него. Но ты права: пришло

время расставить все черточки в рунах...

– В таком случае мне лучше присесть, – перебила я и, придерживаясь за мачту, осторожно опустилась на палубу.

– Конечно, – подтвердил несколько сбитый с толку Учитель. – Подобные вести и в самом деле лучше выслушивать сидя, иначе...

– Нет, просто нога разнылась, а я собираюсь не только выяснить все до конца, но и закатить кое-кому громкий и безобразный скандал. Надо беречь силы.

– Ты же еще не знаешь, о чем пойдет речь! – возмутился Лён.

– Зато я знаю тебя. – Я подмигнула невольно усмехнувшемуся Ролару. – Итак, я внимательно вас всех слушаю! Что же такого особенного произошло три года назад?

– Нападения на людей в окрестностях Догевы. А потом и в самой долине. Помнишь?

Я саркастически фыркнула. Такое захочешь – не забудешь!

– Но мы же выяснили, что вампиры не имеют к этому никого отношения! В Догеве бесчинствовал прикинувшийся оборотнем маг, а в городах – его наемники, нарочно работавшие под вампиров!

Архимаг сокрушенно поджал губы:

– Увы, все не так просто. Дело в том, что «под вампиров» работали... вампиры. Я лично осмотрел несколько трупов и, уж поверь мне, – способен отличить укус от двух пробитых шилом дырок. Это и обеспокоило нас больше всего. Да, Арр'актур мог поручиться за каждого из своих подданных... но преступники встречаются не только среди людей.

– Вот только, – с горечью добавил Лён, – никому и в голову не придет обвинить в кровожадности человечество в целом. Хотя мы пьем кровь только в крайних случаях и испытываем от этого не больше удовольствия, чем вы.

– Убийцы и в самом деле кусали жертв только для вида, уже после смерти. Кровь их не интересовала, – подтвердил Учитель.

Винчанка мстительно сощурила глаза: похоже, Ролар лишился лучшей темы для шуточек, а Орсана ее приобрела.

– Но зачем им понадобилось очернять самих себя, даже за деньги? – не поверила я.

Вал согласно, презрительно сплюнул. Пусть кодекс наемников и состоял от силы из десяти пунктов, зато выполнялись они неукоснительно.

– А если им пообещали что-то другое? – настойчиво подталкивал меня к нужной мысли Учитель. – Куда более ценное, но не продающееся и не покупающееся? Скажем... жизнь? Ведь ни Арр'актур, ни Лереена не стали

бы замыкать Круг для изгнанных из долин преступников.

– Тот монстр и хотел заполучить Ведьмин Круг! – вспомнила я. – Когда мы сражались у фонтана, он говорил о какой-то скрытой в нем мощи...

– Сначала мы тоже так думали, – мягко, но настойчиво прервал меня Учитель. – Но Кругов, в сущности, хватает по всей Белории, а «замыкать» их могут только вампиры и только для вампиров. Человеку Круг сгодится разве для того, чтобы почерпнуть из него магических сил либо призвать какую-нибудь тварь. А для этого куда проще выкрасть необходимый для обряда комплект камней из королевской сокровищницы и обосноваться где-нибудь в лесу или горах. Почему именно Догева?

– Ну... может, ему нужен был конкретный Круг? Они ведь действуют по-разному.

– Допустим. Собственно, мы и допустили, ненадолго успокоившись. До ежегодных старминских стрельбищ.

– Полоумный некромант, возжелавший омолодиться... – Я окончательно растерялась. Он-то тут при чем?! – Но ведь ему от Лена нужно было только одно! В смысле, жертвоприношение!

– Ему – да. Но кто мог знать и подсказать магу, что бирюза из королевской сокровищницы является тринадцатым камнем догевского Круга? Опять-таки – только вампир. Тут-то мы и заподозрили в этой истории двойное дно. Кто-то, упорно оставаясь в тени, пытался избавиться от Арр'актура... точнее, от Повелителя Догевы. Зачем?

Самый напрашивающийся ответ – чтобы потом занять его место. Других-то кандидатов нет. Вот наш таинственный злодей и придумал план захвата Догевы через посредника... от которого потом можно и избавиться, а в случае неудачи свалить все на него.

– Питрима?

– Скорее всего, хоть это и не доказано, – вздохнул Учитель. – Непонятно, как они сумели сговориться – ведь бывший директор Школы терпеть не мог вампиров... зато увлекался некромантией. Особенно ее запрещенными разделами. Возможно, ему пообещали убежище и обширное поле для экспериментов. Возможно – банальное золото. Но в итоге Арр'актур начал получать сообщения с угрозами по телепочте, в которых неизвестный тип требовал от него и его подданных освободить Догеву.

– Но на кой ему сдалась пустая долина? – изумилась я. – Кем бы он там управлял? Десятком своих поделщиков?

– Нет, конечно. Скорее всего, он и не собирался провозглашать себя Повелителем Догевы. Это должны были сделать ее жители. Официально и

добровольно.

– Они бы этого не сделали! – возмутилась я.

– Да? – невесело усмехнулся архимаг. – Пару недель Догевой заправлял бы сумасшедший, по общему мнению, маг, а потом... как ты думаешь, кому подчинятся вернувшиеся в родную долину вампиры – трусливому мальчишке, который отдал ее без боя, или герою, не побоявшемуся вступить в поединок со злобным колдуном и вернувшему им Догеву? А если бы Арр'актур погиб в результате «несчастливого случая», все было бы еще проще – вампиры согласятся на что угодно, лишь бы в долине снова появился Повелитель. Любой. А злодей, в свою очередь, ради этого готов был на все. В очередном его плане решающая роль отводилась Маел-ине-Киррен, оплоту белорусского рыцарства. Под руководством нового главы ордена святого Фендюлия вполне мог объявить священный поход против «богомерзких исчадий» – храм вообще неодобрительно относится к вампирам из-за их второй ипостаси; если не ошибаюсь, в пророческих свитках есть даже отдельная притча о мракобесе в волчьем облике... то ли искусал он там кого-то из святых, то ли искусил – не помню, да и не в этом суть. Главное, что тут снова вмешалась ты, блестяще раскрыв заговор.

– Вы и об этом знаете? – удивилась я.

– Мы с Верховным магистром старые друзья, – улыбнулся архимаг. – Собственно, это я посоветовал ему к тебе обратиться.

– Значит, колдун из Вороньих Копией очередная пешка этого... Кростена, так?

– Krostean Tor ardNasht Peh'hov, – машинально поправил Вэрд.

Учитель поморщился:

– Хуже. Он его...

– Хранитель, – закончил Лён. – Мы с Роларом поняли это еще в опадищинской корчме.

Остальное я прекрасно додумала сама. Вот почему он так плохо, редко и в то же время мощно колдует! Ведь самое сложное – правильно сплести заклинание, а уж там к услугам мага вся сила крови Повелителя, текущей в его жилах.

– Но он же человек!

– Полукровка, – поправил Ролар. – Без клыков и крыльев, что не помешало ему более чем успешно пройти трансформацию в Хранителя.

– И выдернуть арбалетные болты, как простые щепки, – с досадой вспомнила я. – Но почему же он тогда не стер меня в порошок еще в замке? С такими-то возможностями?

– Потому что... – вампир осекся, решив объяснить более наглядно. –

Вольха, а когда ты сама была Хранительницей, неужели ты не замечала, как усиливаются твои магические способности рядом с Повелителем?

Честно говоря, я и хранительства-то почти не заметила. Но, как я и думала, скандал Лён уже заслужил!

– В замок Кростен сунуться не посмел, – продолжал Ролар, неверно приняв выражение задумчивого озверения на моем лице за результат понимания. – Но, когда понадобилось телепатически атаковать Догеву, оказался тут как тут! В одиночку колдун даже будучи Хранителем, не сумел бы так развернуться.

– Выходит, остальные телепаты просто подвернулись под горячую и чересчур размашистую руку?

– Нет, тут колдун как раз очень тщательно все рассчитал, – возразил Учитель. – Представь одну вылетевшую из леса стрелу – и их беспорядочный град. Мы смогли определить только направление заклятия, но не его точный источник.

До «Вилей» осталось не больше трехсот сажений. У борта уже никого не было. Странно, что они не пытаются снова колдовать... странно и очень подозрительно.

– Но что мешало Кростену просто вызвать Лена на поединок? Зачем понадобилась эта ерунда с магами, Хранителями и Леском?!

– Все не так-то просто. Помимо предъявления головы прежнего Повелителя Кростену необходимо было бы заручиться поддержкой Совета Старейшин и Верховной Травницы. Ты можешь себе представить, чтобы Келла проголосовала за убийцу Лена? Да еще такого наглого и безжалостного?! И даже если Совет скрепя сердце во благо долины даст «добро», еще неизвестно, примет ли его «облагодетельствованная» долина. Арр'актур, хоть и отбрыкивается от этого руками и ногами, – прекрасный Повелитель, и другого Догеве не надо.

Лён с ироничной усмешкой покачал головой, но было видно, что он польщен.

– А Арлиссу? – без всякой задней мысли уточнила я. – Может, как Повелительница Лереена и самое то, особенно после прошлогоднего урока, но ведь у нее тоже нет преемника.

Ролар и не подумал обижаться:

– Наша долина расположена на границе Белории и Ясневого Града, среди озер и глухих лесов, где людей мало, а эльфы с русалками относятся к вампирам куда лояльнее, и спровоцировать их практически невозможно. Не говоря уж о том, что Лереена ни за что не помчится за преступником с гвордом наголо, да и вообще без нужды не высунет носа из долины. Нет, с

Арлиссом у него бы ничего не выгорело. Хотя... да нет, с ложняками даже он не посмел бы связаться.

– Этого вы и боялись, когда я была Хранительницей? – помолчав, глухо спросила я. – Среди вампиров не бывает магов, а люди-маги ограничены резервом и привязаны к источникам силы. Но если способности объединить с возможностями...

– Боялись, – спокойно признал архимаг. – За тебя. Потому что тебе в голову не пришло бы использовать эту силу во зло и злу это бы очень не понравилось. А помимо магии есть и кинжалы, и яды...

– И наемники, – хмыкнула я, вспомнив безвинно сгинувшую тыкву. – Похоже, я ему и в натуральном виде не нравлюсь.

– А чего ж ты хотела, цыпа? – хохотнул тролль. – Эдак без всякой задней мысли, типа случайно на огонек заглянула, столько злодейских планов одному и тому же забдрьге испаскудить – это ж надо еще постараться! Он небось решил, что ты его преследуешь, какой-нить обет с целованием упыриных портянок дала! Вот и решил грохнуть от греха подальше...

– Что-то поздно он спохватился, – проворчала я. – Мог бы и сразу после Вороньих Когтей подсуетиться!

– Тогда по его следу еще не шел Ковен, связываться с которым до вхождения Хранителя в полную силу ему вовсе не хотелось. – Резкий голос Катиссы заставил меня непроизвольно вздрогнуть. Учитель, со своей стороны, многозначительно добавил:

– К тому же произошло еще кое-что, из-за чего ему пришлось поторопить события.

– То есть? – Моя голова оказалась настолько забита информацией, что места для собственных соображений в ней просто не осталось.

– Ваша свадьба, Вольха. Вернее, ее закономерный итог, – тактично намекнул архимаг.

– В смысле? – по-прежнему не понимала я. Как не понимала и то, почему все остальные захихикали, а Лён смущенно потупился.

Учитель кашлянул и уже без обиняков пояснил:

– Наследник.

Пожалуй, я и в самом деле не зря села.

– Чего?!

Архимаг, несмотря на напряженность момента, изо всех сил старался скрыть улыбку:

– Если не ошибаюсь, Верховная Догевская Травница отнеслась к вашему осеннему бракосочетанию весьма ответственно. Все мало-мальски

знакомые люди и нелюди получили приглашения, а сообщения о свадьбе расклеены чуть ли не по всем столбам, включая позорный на главной старминской площади...

Мы с Леном одинаково схватились за головы и застонали. Похоже, Келла проявила даже излишнюю инициативу!

– Разумеется, подобное событие не могло пройти мимо внимания злодея, – между тем продолжал Учитель. – Он понял, что год-другой ожидания благоприятного момента для очередной пакости может обернуться появлением нового конкурента... или конкурентки, законно претендующей на догевский престол. И допускать этого не собирался.

– Он останавливается, – неожиданно сказала Орсана. Разговор мгновенно оборвался. Все как по команде уставились на быстро приближающуюся «Вилею». Кажется, она и в самом деле ложилась в дрейф: паруса ползли вверх, волнами прижимаясь к реям, белый бурун за кормой опал и вскоре совсем исчез.

«Хапуга» тоже замедлил ход и чуть отклонился в сторону, обходя «Вилею» слева. Штурман тупо уставился на сам собой проворачивающийся штурвал.

Борта с тихим стуком соприкоснулись да так и замерли, словно слипшись.

– А как же скандал? – ехидно напомнил Лён, но мне было уже не до шуток. Ему, впрочем, тоже, и сказал он это, скорее чтобы подбодрить меня.

– Ох, не подobaзться мне это... – проворчала Орсана, выражая общее мнение. – Тикалы-тикалы, и вдруг – такой радушный прием? Как будто так и было запланировано... жаль, не нами.

На вражеской палубе было непривычно пустынно. Ни одного человека ни у снастей, ни у штурвала – только стоящий на корме колдун с парочкой известных нам по Опадищам громил и тремя незнакомыми (и желания знакомиться не вызывавшими) да вальяжно развалившийся в складном кресле Повелитель. Вставать и приветствовать нас он явно не собирался.

Пришлось стиснув зубы карабкаться через борта, чувствуя себя лезущими в чужой сад воришками. Вампиры, впрочем, перемахнули преграду, даже не сбившись с шага. И напрямик направились к врагам, обогнав нас на несколько саженей.

Кростен следил за их приближением с любопытством дремлющего на солнце кота, опрометчиво принятого воробьиной стайкой за дохлого. Но стоит птичкам приблизиться на длину когтистой лапки...

– Ты оскорбил меня, Арр'актур, – картинно, с наигранным возмущением проронил Кростен, когда Повелителей разделяло уже не

больше трех саженей. – Преследуя меня, как какого-то бандита, ты бросил тень на мое доброе имя, и простые извинения бессильны его обелить! – И с откровенным торжеством заключил: – Я желаю, чтобы нас рассудил *lesset gh'woord shaell! Varsset tehhe-ra Doh'gheva*.

Вампиры остановились, словно наткнувшись на невидимую стену. Вэрд коротко выругался, Ролар в сердцах бросил меч на палубу. Лён презрительно сплюнул под ноги, что, впрочем, вполне сходило за кивок-согласие.

– Мочить надо было гада, пока пасть не раззявил! – мрачно резюмировал Вал.

Вышепоименованный наконец-то соизволил подняться, совершенно спокойно развернулся к нам спиной и, перекинувшись парой слов со своими спутниками, пошел в каюту. Ролар отчетливо скрипнул клыками, подаваясь было вперед, но Лён тронул его за локоть и осуждающе покачал головой.

– Пусть подавится. Он еще не победил.

Арлиссец, опомнившись, наклонился и, под язвительные насмешки вражеской команды, подобрал свой меч.

– Что случилось? – налетела я на него.

– Кростен вызвал Лена на поединок. Первым, а значит, имеет право выставить дополнительное условие.

– Какое?

– Победитель получает Догеву.

– Какого гх...

Лён решительно взял меня за плечо и повернул к остальным, уже сгруппировавшимся в совещательную кучку. Как, впрочем, и наши противники. Кажется, они тоже не пришли в восторг от предстоящего мероприятия, хотя переживали куда меньше. Порой даже на редкость гнусно ухмылялись, поглядывая в нашу сторону, особенно преуспел в этом колдун. Меня так и подмывало на цыпочках подкрасться к ним и подслушать, какую гадость они нам готовят, но надо было замышлять свою.

– Ролар, ты же знаешь Повелителей всех долин! Скажи мне, что этот тип впервые видит гворд и просто хочет достойно уйти из жизни! – взмолилась я.

Темноволосый смущенно кашлянул:

– Э-э-э... рад бы, но вообще-то лет двадцать назад он считался лучшим гвордщиком долин.

– А на последнем турнире положил меня на обе лопатки за пятнадцать

минут, – мрачно поддакнул Вэрд. – И я сомневаюсь, что он собирается куда-то уходить... тем более туда, – добавил Повелитель Леска, услышав последнее замечание тролля.

– А ведь если он победит, – с бессильной злостью заметил Ролар, – Догева достанется ему самым что ни есть законным путем: оскорбленный вызвал обидчика на священный поединок и выиграл.

– Только сначала ему придется выиграть еще и у меня. – Повелитель Леска выразительно вытянул из-за спины гворд и стукнул им об палубу, как сказочный Батька Мороз посохом. Снежинки не посыпались, но впечатление это все равно произвело.

– И на основании чего ты собираешься его вызвать? – несколько саркастически поинтересовался Лён. – Кровная месть за кровного врага?

– Что-нибудь придумаю. Скажем, обвиню его в том, что лишил меня удовольствия самому тебя прикончить.

– О да, это жесточайшее оскорбление, – серьезно поддакнул Лён.

Вэрд, кажется, с трудом удержался, чтобы не отвесить ему затрещину.

– Впрочем, что-нибудь придумать и в самом деле несложно, – невозмутимо продолжал Повелитель Догевы, глядя на разом засмутившихся друзей. Ролар даже ногой старательно пошаркал, за что искомую затрещину и схлопотал – правда, уже от Лена.

– А давайте вы вообще не будете с ним сражаться? – тоскливо предложила я, абсолютно не надеясь на успех идеи. – Повяжем их именем Ковена, и вся недолга!

На меня посмотрели понимающе и сочувственно, но непреклонно.

– Колдуна с наемниками – может быть, но вину Кростена еще надо доказать, а вызов уже брошен, Вольха, – вздохнул Ролар. – И если в прошлый раз противники только и ждали повода прекратить поединок (Вэрд негромко хмыкнул, но отпираться не стал; Лён откровенно усмехнулся), то сейчас его отмена обернется для одного из них бесчестьем, а для другого – свободой и возможностью исподтишка гадить нам и дальше.

– Справжнэ безчестя – честно бытыся с оцией мер-зотою! – не выдержала Орсана, полностью разделяя мое мнение. – Давайте мы их тихесенько в капусту пошинкуем и скажем, шо так и было, кто узнает?!

– Но Агг'акк-гиг знает, – вполголоса сказал Вэрд, и я поняла, что все возражения бесполезны.

– Ты ничего не сможешь поделаться, Вольха. – Учитель сочувственно положил руку на мое плечо. – На сей раз это действительно только его битва. Все, чем мы сумеем ему помочь, – не дать Хранителю и наемникам

Кростена вмешаться в поединок... а они не дадут такой возможности нам.

Я сердито вывернулась, возразив:

– Это еще посмотрим, кто ничего не сможет поделаться!

– Давай-ка на минутку отойдем в сторону, – решительно сказал Лён и, схватив меня под локоть, утянул к борту, подальше от обеих компаний. – Вольха, возьми себя в руки. Все идет по плану.

Мне куда больше хотелось взять в руки его, причем за шею, и хорошенько потрясти.

– Какому?!

– Я с самого начала собирался бросить ему вызов. Правда, на своих условиях, но тут уж, как у вас, людей, говорится, «не все вампиру девственница». Глупо раз за разом обрывать ядовитые побеги, оставляя под землей порождающий их корень. Поэтому я отправлялся в погоню не за колдуном, а за его хозяином, чтобы вызвать его на поединок, от которого он не смог бы отказаться, каким бы трусом и мерзавцем ни был.

– Почему?

– У нас это называют *Lesset gh'woord shaell*. – Лён на пару мгновений задумался, подбирая подходящее выражение на всеобщем. – «Священный клинок небес». Старинный обычай Повелителей, когда посчитавший себя оскорбленным вампир вызывает своего обидчика на поединок, результат которого не оспаривается и не служит поводом для кровной мести.

– Ты хочешь сказать, – вообще-то я поняла это сразу, но уточнить осмелилась только сейчас, – на смертельный поединок?

– Не обязательно. В правилах это не оговаривается. Можно и пощадить. Можно и проучить, чтобы впредь осмотрительнее выбирал себе врагов. – Лён нарочито безмятежно пожал плечами, и я поняла, что об этих двух вариантах можно забыть. – Но в любом случае тот, кто откажется или проиграет, признается безоговорочно виновным – в преступлении или поклепе. Поэтому отказаться от него невозможно, как и нарушить его правила. Бойцам запрещено использовать любое оружие, кроме гвордов, а их друзьям – переступать черту до окончания поединка. Колдовать тоже, – поспешно добавил вампир, то ли прочитав мои мысли, то ли просто заметив нехороший блеск глаз.

– Если бы ты раньше мне это рассказал, я бы не позволила тебе выехать даже из Догевы, не говоря уж о Леске!

– Вот потому и не сказал, – невесело улыбнулся Лён. – Вольха, если ты вмешаешься, я проиграю. Прошу тебя, не делай этого, иначе все, что мы уже сделали и преодолели, будет напрасным.

Я, насупившись, промолчала, но он не стал настаивать. Потому что

произнести это вслух было еще труднее, чем принять.

– А что, если вмешаются они? – Кивок в сторону противника. – Лён, почему ты не взял с собой хотя бы шестерку Стражей? Нам было бы хоть немного поспокойнее...

– Не вмешаются, – уверенно сказал Лён, и я с изумлением обнаружила, что из вражеской команды на палубе остался только сам Кростен и его Хранитель. Остальные то ли закрылись в каютах, то ли попрятались в трюм. Что еще более удивительно, Учитель с Катиссой тоже вернулись на «Хапугу». – По тому же обычаю присутствовать на поединке имеют право только те, кто кровно заинтересован в восстановлении справедливости. Поэтому ни я, ни введенный в курс дела Вэрд не позвали с собой Стражей. А вот наши... друзья, – с чувством процедил Лён, – бессовестно воспользовались ситуацией, увязавшись за мной под предлогом – это надо ж было додуматься! – натравленных на них в корчме летучих мышей! Небось Ролар проболтался...

– То есть... они как бы на стороне Кростена?! – опешила я.

– Ну да, – с нервным смешком подтвердил Лён, – к нему-то у них личных претензий нет, он их и пальцем не тронул. Пособники колдуна не считаются, к тому же они их сами спровоцировали: разве есть закон, запрещающий покупать отрубленные головы рыжеволосых ведьм? А вот летучими мышами управлял лично я, и теперь эта троица якобы желает получить моральную компенсацию в виде моего красочного усекновения! И главное, – не подкопаешься! Кровь пролита? Пролита, мне торжественно продемонстрировали с десятков царапин и обгаженный кафтан корчмаря, за который Ролар уплатил из собственного кармана кровными же деньгами! Оскорбление нанесено? Да еще какое! Впрочем, думаю, если бы не было мышей, они бы придумали что-нибудь еще, такое же идиотское и законное...

Кростен наконец вышел из каюты, как полагается – весь в черном. Что-то прошептал на ухо своему Хранителю и, поигрывая твердом, неспешно прошествовал на середину палубы, откровенно скалясь мне в лицо.

– Лён... – Внизу моего живота с новой силой растекся отступивший было холод. – А может, ну его? Пусть проваливает к мракобесам собачьим, ведь даже если ты откажешься от этого дурацкого поединка, все знают, что он подлец и негодяй, и Догевы ему не видать как своих ушей!

– Ему все равно – не Догева, так Леск. Не Леск, так Арлисс, Ориква, Клаттен, где тоже по одному Повелителю. Не сегодня – так через двадцать лет, когда эта история подзабудется. Я должен остановить его здесь и

сейчас, Вольха, иначе и сам не смогу взглянуть вампирам – да и людям – в глаза. Успокойся. Все будет хорошо. Честное... хм... ладно, просто слово.

– Какое там хорошо, – не сдержавшись, всхлипнула я, – если его боится даже Вэрд!

– Не боится, – твердо поправил меня вампир. – Просто считает опасным противником. И я тоже. Но это же не значит, что мы позволим ему отравлять нам жизнь и дальше!

– Ага, лучше будет, если он тебя просто убьет! Отравлять и в самом деле будет нечего!

– Кто-то когда-то, – Лён нежно подцепил кончиками пальцев мой подбородок, чтобы взглянуть глаза в глаза, – советовал мне больше полагаться на удачу. Пришло время проверить, есть ли и я в ее списках.

Лёгкое, почти неощутимое касание губ – и я с ошеломительной, ужасающей ясностью осознала, что оно может стать моим последним воспоминанием о нем. В следующее мгновение Лён шагнул вперед и замер, как черный клинок с золотистым оголовьем, с размаху воткнувшийся в палубу.

– Vesetta k'or, Krostean.

– D'ha vesetta k'oraell... shwett.

Лён и бровью не повел, хотя паскудно усмехающийся противник явно заменил его родовое имя каким-то уничижительным прозвищем вроде «щенок».

Я торопливо пробормотала формулу и прицелкнула пальцами. На меня подозрительно покосились все, кроме колдуна. Тот лишь презрительно скривился, но ничего не возразил. Заклятие ускорения и в самом деле нельзя было отнести к боевым или защитным, зато теперь я могла следить за поединком наравне с вампирами. Увы, только следить – двигаться в три раза быстрее оно не позволяло, так что самой себе я казалась одурманенной чем-то вроде пресловутой «Медовой сновидицы».

На этот раз я увидела, как вампиры метнулись вперед. Все равно невероятно быстро, за ними даже тени не успевали. Гворды скрестились сперва оковками, потом лезвиями. Противники пока что примерялись, изучали друг друга, двигаясь по кругу, хотя для человеческого глаза это наверняка казалось яростной схваткой. Все выпады делал Кростен, Лён только парировал. Развязная ухмылочка первого жутковато оттеняла сосредоточенное внимание второго. Уверенный в себе боец против нахального мальчишки, надеющегося подменить техникой мастерство. Всего лишь один настоящий удар...

Кростен, словно не веря глазам, коснулся рассеченного рукава. Ухмылка сползала с лица вместе с окрасившей пальцы кровью.

– We kenna, er'se... – выдохнул он, до глубины души потрясенный таким кощунством. – Sha-rre kha, pasten!

И вот тут-то Лён показал клыки. Молча, в улыбочивом и оттого еще более зловещем оскале матерого волка, которому надоела брехня скачущего перед мордой пса.

Игры закончились. Кростен выщерился в ответ и, пригнувшись, уже куда более осторожно начал обходить Лена слева. Резкий выпад – и молниеносно подставленная оковка, принявшая на себя удар. Ответного опять-таки не последовало.

– Молодец, не лезет на рожон, ждет более удобного момента... – Ролар напряженно подался вперед. Орсана на всякий случай придержала его за куртку. – Но второй раз Кростен на это не купится...

Быстрая серия ударов, как будто отдающихся у меня в животе. Брызнуло искрами, но пробить защиту Лена противнику опять не удалось. Кростен вроде бы отступил – и, неожиданно развернувшись, пи широкой дуге взмахнул гвордом в локте над землей, мазнув-таки Лена по подметкам. И без перехода – резкий удар наискось вверх, в надежде, что прыжок сбил врага с ритма. Размечтался! Проще было бы попасть по перу, всегда опережающему палку на дуновение поднятого ею ветерка.

Приземлился Лён не слишком изящно, пошатнулся. Ему тут же пришлось прогнуться назад, пропуская свистнувший над грудью клинок, а потом отскочить в сторону, еле-еле спасая бок. Кажется, Кростен разозлился не на шутку, хотя ни на лице, ни на мастерстве это не отразилось – скорее наоборот. Удары стали реже, зато внезапнее и изощреннее. Отличить ложный выпад от настоящего я не могла при всем желании. К счастью, Лёну это как-то пока удавалось, но рассчитывать ему и в самом деле приходилось только на удачу – в обороне Кростена больше не возникло даже махонькой щелки. Гворд закрутился «мельницей», превратившись в охристый щит со стачной окантовкой, а потом резко, из совершенно немислимого и неудобного положения полоснул с такой силой, что противник должен был распасться на верх и низ.

Лён увернулся и заблокировал.

– Мой прием, – одобрительно пробормотал Вэрд.

Оба бойца так изумились, что даже приостановили поединок, недоверчиво и ненавидяще уставившись друг на друга. Заодно и отдышались. Через несколько секунд схватка вскипела вдвое яростнее и напряженнее. Кростен теснил Лена вдоль борта, тот едва успевал отмахиваться. Пожалуй, они бы так и обошли корабль по кругу, попутно обрубив все подвернувшиеся под гворды снасти (средний парус и так уже

как-то странно скособочился), как вдруг Лён споткнулся о «хвост» канатной бухты и упал на спину. Кростен немедленно воспользовался моментом и пырнул врага в грудь. Ошибка притянула за собой ошибку – Лён впопыхах абы как подставил гворд и удар обрушился на деревянную часть трости, перерубив ее пополам. Кусок с лезвиями улетел куда-то в сторону, оставшейся частью Лён каким-то чудом ухитрился парировать очередной удар, попутно саданув рано возликовавшего противника по колену увесистой рукоятью. Клинок, прочертив красную полосу вдоль щеки Лена, врубился в палубу по самое основание.

Мы слитно ахнули, но, прежде чем Кростен успел восстановить равновесие, высвободить оружие и замахнуться снова, Вэрд бесстрастно потянулся за своим гвордом (словно важный купец, дождавшийся своей очереди у лотка с горячими пирожками, – за кошельком), выпустил лезвие и... низенько метнул трость над досками.

Железо клацнуло о железо. Лён оковкой остановил распущенные лезвия у самого носа и от души пнул противника в пах, заставив с шипением отпрянуть. Сам же с кошачьей ловкостью вскочил на ноги прямо из лежачего положения, «меленкой» крутанул чужой гворд в правой руке, примеряясь к длине и весу, снова перехватил левой и следующую атаку встретил во всеоружии.

Кростен зарычал от ярости, но ловить упавшее прямо в руки оружие, как и брыкаться всеми конечностями в подвернувшиеся под оные места, правилами поединка, видимо, не возбранялось. Попытка достать противника прямым ударом в голову успехом не увенчалась – Лён, не оглядываясь, легко и ловко вскочил на кромку борта. Даже не пошатнулся, только крыльями взмахнул и складывать их уже не стал. Мгновением позже к нему присоединился Кростен.

Вампиры так же уверенно и яростно продолжили поединок на перекладине шириной от силы в три пальца. Выпад – отскок, лязг, высверк искр и брызги щепок. Борт иззубрился на локоть в длину, как будто его хватануло зубами морское чудище. Удар – блок, противный скрежет, и снова – удар, удар, удар, прямой, обманный, с разворота...

И тут удача решила, что хорошенького помаленьку.

Я захлебнулась криком, как будто это мою грудь пробил трехгранный клинок, скользнув мимо чуть-чуть припозднившейся оковки. Все, что Лён успел и сумел, – выпустив свой гворд, обеими руками схватиться за древко вражеского и с утробным хрипом дернуть на себя, так что окровавленные лезвия со щелчком раскрылись уже за его спиной. Кростен разжал пальцы и отшатнулся, но Лён целился не в горло. Ему хватило ворота и резкого

рывка. Противник звучно хлопнул крыльями, безуспешно пытаясь сохранить равновесие, и Повелители, сцепившись, полетели в воду.

После секундного замешательства и друзья, и выскочившие из каюты на мой вопль враги наперегонки кинулись к борту. Вэрд достиг его первым и, не раздумывая, с разбегу перемахнул, извернувшись в воздухе и почти без всплеска войдя в воду.

Ролар едва успел цапнуть меня за шиворот и рвануть назад.

– Пусти!!! – Кажется, я довольно сильно и метко засадила ему каблуком, вампир аж охнул, но рук не разжал.

Вода, только-только успокоившись, снова вскипела– карминно-алым, быстро расплзающимся пятном, в центре которого на мгновение показался и снова исчез под водой острый угол черного плавника.

Я бессильно обвисла на шивороте. Обомлели даже враги, сообразив, что им уже тоже не на что рассчитывать.

И тут за спиной послышался негромкий, но такой искренний [\[10\]](#) и торжествующий смех, что не обернуться на его источник было просто невозможно.

Колдун стоял посреди палубы. Спешить к борту ему не было никакой нужды – он и так знал, кто победил.

Он.

Непонятно, на что рассчитывал Кростен, доверяя этому мерзавцу свой реар – видимо, собирался сменить Хранителя сразу по успешном завершении дела, – но колдун даже ради приличия не подумал скрыть свое ликование. Вокруг экзальтированно воздевшей руки фигуры клубилась местами различимая даже простым глазом голубовато-сизая магическая дымка, как над энергетическим источником.

Кровь погибшего Повелителя вступала в действие. Вот только использовать ее по назначению колдун, похоже, не собирался.

Над кораблями начали прямо из ничего сгущаться тучи. К зловещим спецэффектам, без которых, судя по дешевым книжонкам, не может обойтись ни один порядочный чернокнижник, они не имели никакого отношения. Вполне закономерное природное явление, вызванное резким всплеском магического поля.

Почуввав неладное, маги не стали вторично тратить время на штурм бортов, материализовавшись прямо посреди «Вилей». Катисса со свистом втянула воздух сквозь зубы, отзывая все бытовые заклинания и сосредотачиваясь на предстоящей битве. Корабли со скрипом разъехались, оцарапав друг другу обшивку. Пираты, не будь дураки, с профессиональным проворством развернули «Хапугу» чуть ли не на месте

и кинулись наутек.

Колдун медленно опустил лицо и уставился прямо мне в глаза. Море, небо, палуба, весь корабль как будто исчезли, провалившись в другое измерение, неосязаемое и несущественное.

Остались только он и я.

Бросившуюся вперед Катиссу отшвырнуло и прокатило по палубе, последнюю сажень – в россыпи темно-красных капель. Остановившись, она так и осталась лежать на боку, неестественно подвернув под себя руку, локтем вперед. Глаза были закрыты, из носа тонкой струйкой стекала кровь.

А ведь он еще не начал колдовать. Просто отмахнулся, словно от мухи, не отрывая от меня взгляда.

– Вольха, спаренный щит, скорее!

Я даже не повернула головы. Не попыталась поднять руки, переплетая свое заклинание с учительским. Потому что слишком хорошо понимала, насколько это бесполезно. Мы не сможем ни остановить его, ни хотя бы задержать.

И потом, я все равно уже умерла. Оставалось только, как любил сказануть Вал, «расслабиться и получить удовольствие».

Это было как приливная волна, на десять саженей вздыбившаяся над причалом. Чистая сила, вырвавшаяся на волю с естественностью вопля, не нуждающегося ни в каких расчетах и заклинаниях. Сминающего все на своем пути – будь то мачта или ведьма. Золотисто-маревый купол щита разлетелся брызгами от одного лишь прикосновения, за спиной охнул и, похоже, упал архимаг.

«Ах, удовольствие? Что ж, почему бы и нет!» – с отстраненной, но оттого не менее неистовой яростью подумала я. И сделала самое глупое и геройское, что только могла.

Выхватила меч, обжигавший спину даже сквозь ножны, и выставила его перед собой.

Волна остановилась и чуть отпрянула назад, словно уткнувшись во внезапно выросшую поперек палубы плотину. На досках задымилась и начала быстро темнеть черта толщиной в ладонь. Воздух помутнел, как вокруг пламени, располовинив корабль полупрозрачной завесой. Попавшие в нее паруса разом чернели, скрючивались и распадались пополам. В воздухе, оседая, закружились хлопья пепла.

Свечение перетекло с клейма на лезвие, ярко очертив кромку. Из него, резко расширяясь, исходила встречная «волна», только не сизого, а бледно-серебристого, как лунный свет, оттенка. Там, где они схлестывались,

творилось такое, что даже самый отважный самоубийца предпочел бы поискать более уютное местечко для сведения счетов с жизнью. Хотя такой гарантии успеха ему бы уж точно никто не предложил.

Завеса короткими рывками двигалась то в одну, то в другую сторону. Темная черта достигла аршинной ширины, в обоих бортах образовались солидные прорези.

Меч тоненько тренькнул и начал осыпаться. Начиная с кончика, серебристо-серыми крупинками, вопреки ветру стекающими по обеим сторонам лезвия, рукояти, держащим ее рукам... Как песок в клепсидре, отсчитывающей последние секунды. Мне даже показалась, что я слышу размеренный, чуть слышный шелест, хотя в эпицентре столь концентрированной магии даже раскат грома прошел бы незамеченным.

Завеса поползла ко мне, грозя не просто убить – растереть в пыль вместе с душой, как будто никогда не было и уже точно не будет.

Треть лезвия. Четверть. Серединка клейма...

Я не выдержала, зажмурилась. В лицо пахнуло не то теплом, не то холодом – но одинаково противным и неестественным. Все исчезло – шелест, беззвучное клокотание пожирающих друг друга сил, шепоток неумолимо надвигающейся тьмы...

Только поскрипывали мачты, плескали о борт волны да возмущенно орала кружащая в вышине чайка.

Нерешительно приоткрыв один глаз, я успела заметить обескураженно вытянувшееся лицо колдуна, с праведным возмущением узревшего меня в добром здравии и теперь лихорадочно собирающего силы для новой атаки, а затем раздался глухой звук, больше всего напоминающий удар оголовьем меча по затылку. Собственно, так оно и было. Вал задумчиво поглядел на оседающее к его ногам тело и, сплюнув, буркнул:

– Кстати, с тебя еще три кладня, вагурц!

Я робко перевела взгляд вниз. Ровнехонько по носкам моих сапог проходила граница между целой и обугленной, слабо дымящейся палубой. Рукоять хрупнула и песком утекла сквозь судорожно сжатые пальцы.

– Ты знал... – потрясение прошептала я. – С самого начала знал, давая мне свой проклятый святой меч... но что тебе стоило меня предупредить? Хотя бы намекнуть?! Ведь тогда, быть может, Лён остался бы...

В следующее мгновение я ощутила себя сидящей на палубе, безо всякого понятия, как и когда это произошло. Тупо наблюдающей, как Учитель, кряхтя, помогает мертвенно-бледной, но, судя по изрыгаемым ругательствам, очень даже живой Катиссе подняться на ноги. Нелегкая задача, учитывая, что левой рукой магичка поддерживала и одновременно

зачаровывала то ли сломанную, то ли просто вывихнутую правую, при этом локтем пытаясь утереть все еще капающую из носа кровь.

Троль повернулся к подельникам колдуна, угрожающе наставив на них меч, но те почему-то не поддержали этого славного начинания, побросав свое оружие на палубу (чему, похоже, немало способствовало приближение пошатывающихся, но отнюдь не выглядевших слабыми и беспомощными магов). Учитель, одной рукой продолжая придерживать Катиссу за талию, второй извлек из складок мантии и бросил на палубу нечто блестящее и змеистое, проворно нащупавшее и опутавшее запястья бесчувственного колдуна.

Катисса что-то сказала, и Вал, наклонившись, без лишних церемоний содрал с шеи лежащего золотистый камушек на цепочке. Задумчиво подкинул на руке, а потом широко размахнулся и зашвырнул далеко в море.

Ролар и Орсана по-прежнему суетились у противоположного борта, занятые, видимо, куда более важным делом.

Полностью опустошенная, я не могла не только встать – даже шевельнуться и лишь беспомощно следила, как Вэрд, отфыркивая с лица мокрые пряди, уже не сдерживаемые сгнувшимся в пучине обручем, с усилием подтягивается к краю борта на левой, свободной руке, а Ролар поспешно стаскивает у него с плеча и бережно опускает на палубу безвольно распластавшееся по доскам тело.

На одно страшное мгновение мне показалось, что мое остановившееся сердце так и не забьется, разлетевшись на тысячу осколков, но тут Лён вздрогнул, судорожно выкашливая воду из легких, и попытался приподняться на руках, блуждающим взглядом обшаривая палубу. Пока не встретился с моим.

«Ты самоуверенный, бессовестный, удачливый вампирюга, – обессиленно подумала я, приваливаясь к борту. – И никого другого мне не надо...»

Этот паршивец искривил бескровные губы в ехидной, торжествующей улыбке, закатил глаза и снова обмяк. Вэрд что-то резко скомандовал, приподнимая его и переворачивая на бок, а поспешно кинувшиеся на подмогу друзья заслонили от меня обоих вампиров.

Но я и так знала, что самое страшное позади и теперь все будет очень-очень хорошо. Вот только...

– Нет уж, никакой свадьбы! – пробормотала я, глядя в прозрачно-голубое небо. – Ни за что! Иначе этот бессовестный вампир непременно сведет меня с ума... если уже не свел...

Над головой, распускаясь, хлопали немногочисленные уцелевшие

паруса.

Корабль поворачивал к Леску.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Бракозаводный процесс

Не давши слово –
крепись,
а давши слово –
женись!

Народная мудрость

– Еще? Ты уверена?

– Д-да...

– Ну гляди. – Келла сильным рывком заставила корсет ужаться еще на два пальца. – Так пойдет?

Я прохрипела что-то одобрительное. Низ платья мне нравился, даже очень – пышный ворох юбок с расшитыми жемчугом оборками, верх тоже вполне устраивал по причине его практического отсутствия – платье кончалось на уровне подмышек, во избежание конфуза цепляясь за шею тоненьким серебряным шнурком. Но вот середина...

Келла глянула в зеркало, добросовестно отражающее все переливы моего лица, и поспешно расслабила шнуровку. Я наконец-то смогла вздохнуть.

На окошко облокотилась нетерпеливо слоняющаяся по двору Орсана:

– Ну скоро вы там? Нам же еще прическу делать!

– Успеете, до церемонии осталось больше трех часов.

Я закатила глаза и тихо застонала. Всего три часа!

Келла мстительно дернула за корсетные шнуры, заставив меня подавиться очередной порцией стенаний по поводу безвременно загубленной жизни.

– А где Ролар с Ороеном? – поинтересовалась травница у Орсаны.

– Пытаются запихать Лена в черный костюм. Он утверждает, что выглядит в нем как горбатый упырь.

– Ну пусть наденет второй, светлый!

– На него кто-то нечаянно сел, и он мятый!

– Так сбегай за Криной – она сейчас на поляне, накрывает столы, – и попроси ее отгладить!

– Ладно. – Орсана исчезла, и ее место заняла Велька. Вернее, какой-то

жуткий веник.

– Ну как тебе?

– Что? – не поняла я.

– Твой букет. Как ты и хотела, тринадцать роз и побольше папоротника!

– Но я же не имела в виду, что его должно быть больше, чем роз! И что это за унылая камышина в центре? Я просила букет, а не болотную кочку!

– Вот так всегда, стараешься-стараешься... – обиделась Велька, испаряясь вместе с веником.

По идее подружки невесты и друзья жениха должны были обеспечивать моральную поддержку вышеупомянутых, но в Догеве царила такая суматоха, что усидеть на месте они просто не могли, мечась от одного дома к другому и еще больше нагнетая обстановку. А поскольку Келла опрометчиво взяла на себя роль главного распорядителя торжеств, ей с раннего утра не давали ни минуты покоя. В течение последующих десяти минут выяснилось, что: уже наряженная Смолка тихонечко удалилась в кустики и сорвала с себя все ленты, до которых дотянулась (а дотягивалась она везде), и нет ли у Келлы запасных лент, потому что эти мы получим в лучшем случае завтра утром; что с запертого на висячий замок склада таинственным образом испарилась бочка вина, зато конденсировались трое гномов в непотребном состоянии, что свадебный торт немножко просел с левой стороны – добавить крема или повернуть к гостям правой; что на границе пойман очередной подозрительный субъект с плетенкой чеснока, утверждающий, что это подарок невесте, а жениху он кое-что вручит лично, что маги задерживаются, а драконы, наоборот, уже прибыли и от нечего делать гоняют по площади какого-то упитанного типа в рыцарских доспехах, который, красуясь перед дамами, ляпнул, что знает девять способов усекновения «подобных гадов» голыми руками и еще семнадцать при помощи подручных средств, но пока что-то ни одного не вспомнил; где можно взять еще парочку ваз и у кого ключи от погреба с копченьями.

Потом появился Кайел и умирающим голосом поинтересовался у Келлы, не осмотрит ли она выскочивший у него на носу чирей, подозрительно напоминающий моровую язву.

Вампирша зарычала. Я на всякий случай втянула голову в плечи, но травница всего лишь запустила в хронический источник инфекции подвернувшейся под руку щеткой.

Под окном снова нарисовалась Орсана:

– Ну вы еще долго?!

– Долго!!! – рывкнула Келла, как раз обнаружившая, что пропустила

одну петельку. Травница начала так раздраженно расшнуровывать корсет, что я почувствовала себя одинокой сосной во время урагана. – Крину нашли?

– Нет, но я одолжила у кого-то утюг и погладила сама! У кого – не помню, так что я просто оставила его на видном месте.

– А что жених?

– По его словам – как горбатый упырь в светлом костюме...

За обладание окном завязалась небольшая драка. Победил Вал:

– Цыпа, я тут тебе подарочек припер! Забери от меня эту гадость, а то в руках держать противно!

Келла рассеянно бросила взгляд на огромную корзину цветов, довольно странно смотревшуюся в волосатых лапищах тролля:

– Неси прямо на стол, там как раз возле молодых пустое местечко. И скажи девочкам, чтобы не спешили расставлять закуски, сейчас я закончу с нашей ведьмой на выданье и приду сама!

– А может, все-таки не надо меня никуда выдавать? – безнадежно проскулила я, предпочитая, чтобы со мной закончили раз и навсегда. – Х-хэээ...

– Еще потуже? – ехидно осведомилась травница.

– Не-э-эт, – еле выдавила я, расставаясь с мечтой об осиной талии. Мне же еще есть куда-то придется!

Меня наконец упаковали в корсет и натянули платье. Оно смотрелось как-то иначе, чем во время позавчерашней примерки, – видимо, потому что оказалось наизнанку. Вторая попытка тоже не увенчалась успехом – я изумленно уставилась на огромный бант посреди живота, а Келла – на мои эффектно выпирающие из декольте лопатки. Четвертой мы бы не пережили, но, к счастью, на сей раз все налезло, сошлось, застегнулось, расправилось и одернулось.

Орсана с Велькой накинулись на меня с алчностью стервятников, еле дождавшихся конца львиной трапезы. На полочку перед зеркалом вывалили кучу баночек с косметикой, заколок и искусственных цветочков, мне в руки сунули крахмаленную фату и велели держать ее в расправленном состоянии, чтобы не потеряла форму.

Смена экзекуторов вызвала у меня новый всплеск стенательной активности:

– А ведь я еще так молода-а-а...

– Ты щэ сядь у окна и поголоси, – насмешливо предложила Орсана, – по обряду положено, заодно и любопытных отпугивать будешь.

Я, не оборачиваясь, щелкнула пальцами. Окно заволкло белесой

дымкой, прозрачной только изнутри. Любопытные разочарованно застонали и капитулировали.

– Положено накануне свадьбы, а не за два с половиной часа до ее начала, – возразила Велька, так дернув расческой спутавшуюся прядь на макушке, словно собиралась вырвать ее на память.

– Уже два?! Ы-ы-ы-ы...

– Накануне она и так наголосилась – будь здоров! Все догевские волки подвывали!

Две расчески, тянущие в разные стороны, вызывали просто неопишуемые ощущения, я сжалась в комок и только попискивала.

– Между прочим, это ты предложила «напоследок» спеть песню «Если б раньше я знала, что так замужем плохо...» Под конец даже Крина рыдала!

– Учítывая, что перед «напоследком» была где-то раздобытая тобою бочка «Золотой виноградинки», я не удивлюсь, если завтра половина долины уйдет в монастырь!

Девичник, начавшийся как унылые проводы невесты на тот брачный свет, после вышеупомянутой бочки весьма оживился, и Орсану, а за ней и нас потянуло на песнопения. Учítывая, что голоса, в отличие от слуха, были у всех, исполняемые композиции вызвали живейший интерес соседей, то и дело предпринимавших попытки разогнать бесовский шабаш. Но стоило кому-то из них «дружелюбно» замолотить кулаком по двери, как за ней раздавалось многоголосое «ааааа!», дверь распахивалась и нарушителя беспорядка в несколько пар рук затаскивали в дом, клятвенно обещая разойтись, как только он выпьет с нами за здоровье «от цей гарной дивчины, яка останню нич мае свою незалежність!». После чего Догева начинала сотрясаться еще интенсивнее. Переманить к себе всю долину не удалось только по одной причине – с противоположной ее стороны доносились не менее душераздирающие (и не более музыкальные) завывания в мужском исполнении...

Я снова попыталась привлечь внимание к своей печальной судьбе:

– Я не хочу за-а-амуж!

– Ты опять за свое? – грозно прикрикнула Велька, треснув меня расческой по затылку, чтобы не вертелась. – Сказать упырю, чтобы раздевался?

– Не-э-эт... – хлюпнула носом я.

Пусть этот негодяй тоже мучается! Боги, зачем я согласилась на эту проклятую свадьбу?! А ведь все так хорошо начиналось...

Вести со свадебных фронтов продолжали поступать непрерывно – то заглядывала пробегающая мимо Келла, каждый раз критикуя результат

совместных усилий подруг, то тщетно ищущие ее вампиры, то на минутку заскочила Крина, в чьем доме и происходило бессовестное измывательство над невестой.

Субъект с чесноком оказался Темаром и был пойман вторично при попытке поменять сахарные фигурки с тортов на такие же, но в неприличных позах. Валу, кстати, понравилось, и он горячо настаивал на, как он выразился, более реалистичном варианте, на что Келла продемонстрировала блестящее знание не только алладара, но и родного языка тролля, чем сразила его наповал, и он даже согласился двигать столы вместе со Старейшинами. Ключ от погреба так и не нашли, но какой-то мальчишка пролез в окошко и через него подает поварихам окорока и колбасы. Драконы помирились с рыцарем и теперь все вместе ехидно комментируют процесс повторного украшения Смолки, но сами не помогают.

– Кстати, кто пригласил тех трех гномов, которые пили за шестерых, и куда они потом делись? – поинтересовалась Велька.

– Це наши старинны та найлепши друзи... по крайней мере, они так уверяли. Кажется, Вольха обещала телепортировать их по домам.

Я вспомнила и содрогнулась. Нет, не везет мне с этим заклинанием! Кстати, мне почему-то казалось, что гномов было девять...

Так и не определившись с выбором подружки невесты, я свалила это дело с одной больной головы на две, предоставив Вельке с Орсаной решить данный вопрос самостоятельно. В чем теперь жестоко раскаивалась: подруги нахально объявили, что будут выполнять сию почетную миссию по очереди, но пока что разъединить этих гарпий не удавалось. Как и переговорить. Дружка жениха, Ролар, видя такое дело, запаниковал и тоже подыскал себе заместителя. Вернее, нанял. Вал торжественно пообещал, что в случае чего успокоит подружек традиционным методом, то есть кистенем...

– По крайней мере оригинально, – наконец решили девушки, разбегаясь в стороны, чтобы полюбоваться на свой шедевр издалека.

Я глянула в зеркало и подумала, что, пожалуй, свадьба все-таки не состоится. Потому что меня сейчас хватит удар, а не меня, так Лена.

– Брр... – Я потрясла головой, и достойная пара горбатому упырю – кикимора в свободном полете – превратилась в кикимору обычную. Подружки издали гневный слаженный вопль, но, к счастью, как раз в этот момент пришла Крина, которая прогнала моих мучительниц украшать дверь и крыльцо, а сама вооружилась расческой, щипцами и за какой-то час уложила мои волосы живописным каскадом из локонов и косичек. Сверху

приколола веночек из серебристых эльфийских бессмертников, а к нему прицепила фату.

Теперь я вообще боялась пошевелиться и неподвижно стояла перед зеркалом, чувствуя себя невероятно хрупкой, невесомой и какой-то чужой. Но – о ужас! – эти ощущения мне безумно нравились...

В дверь прошмыгнули загадочно хихикающие подруги и, выдав положенную порцию восхищенных вздохов и ахов, попытались снова взять меня в оборот, но от макияжа в Орсанином, а тем более Велькином исполнении (судя по устрашающему количеству баночек, травница вознамерилась обмазать меня с ног до головы) я отказалась наотрез, сама подкрасив ресницы и губы.

Не преуспев с окном, Важек и Енька не погнушались просочиться сквозь стену, дабы лично, с торжественно-скорбными лицами вручить мне здоровенный серебряный крест – «незаменимое средство при семейных скандалах».

– Хорошо хоть двухспальный гроб не сподобились притащить, – вздохнула я, когда возмущенные подруги взащей вытолкали мерзко хихикающих нахалов.

– А от кого же он тогда?! – неподдельно удивилась Велька.

Среди временно сваленных во дворе Дома Совещений подарков и в самом деле стояло нечто по наивности принятое мною за расширяющийся кверху шкаф резного дуба. Приглядевшись, я заметила змеящуюся по боку надпись: «Совет да любовь!» и с содроганием представила, как мы с Леном, злобно пыхтя, перетягиваем чересчур узкий саван.

Я поскорее отвернулась от окна, но в тот же момент прозвучало сдавленное Орсанино: «Идуть!», и в доме началось вообще леший знает что. Подруги с пискотом зашуршали по комнате, сталкиваясь друг с другом, невестой и предметами мебелировки, ушибаясь обо что покрупнее и роняя что помельче. Крина, сама едва успевшая одеться и сделать макияж, торопливо добавляла последние штрихи к моей прическе. Я тоскливо, с нарастающей паникой покосилась на заднюю дверь, но там, скрестив руки на груди и злорадно ухмыляясь, уже стояла Келла, невесть как ухитряясь делать короткие клычки очень даже заметными. Способность Верховной Догевской Травницы внезапно оказываться в самом неподходящем месте в самое неподходящее время давно стала притчей во языцах, но более неподходящих того и другого я с ходу припомнить не смогла. Причем если обычно вид у нее был просто мрачный, то свадебно-мрачный вариант в комплекте с черным развевающимся одеянием и пышно взбитыми локонами мог довести случайно столкнувшегося с ней в потемках гостя до

инфаркта или (если нервы покрепче) макушки дерева. Ярко-алые губы и ногти только усугубляли впечатление.

Наконец все как-то утряслось, платья одернули, носы напудрили, уроненное подняли или поспешно запихали ногами под стол и кровать. Все переместились в сени, Орсану, как самую боевую, вытолкали ко входной двери, а меня загнали в угол за печью, предоставив наблюдать за происходящим сквозь щель в занавесках.

В дверь громко и вызывающе постучали.

– Ой, а кто ж там так стукаэ? – с фальшивым изумлением поинтересовалась Орсана.

– То цэ ж мы, вомпэры! – тоненьким бабьим голоском в исполнении кривляющегося мужского отозвались за дверью. Остальные слова потонули в гоготе и шуме. Когда все немного успокоились, Ролар уже нормальным голосом объявил: – Прошел тут по Догеве слух, будто расцвел в здешнем палисаднике дивный цветок...

– Белена! – хором проскандировали Темар, Важек и Енька.

– ... а еше, дескать, слышали тут пение чудной пташки...

– Кар-р-р!

– ...и видали...

– Короче, – перекрыл всех ленивый троллий бас, – у нас купец, а у вас баба! Так что открывайте скорей, все равно она больше на гхыр никому не нужна!

– Чого?! – возмутилась Орсана, но дверь все-таки открыла. – Зараз мы подывымося, шо там у вас за купец! Может, ему и кривое порося продать жалко, а тут така цудова дивчына! А ну-ка покажите свойго купца... та-а-ак... а задом? И крыльями нехай помахэ – мабуть, на-клыдныя! Хм... ну даже и не знаю... якись у його прикус подозрительный...

– Так мы тогда пойдём? – неподдельно обрадовался ироничный, пробравший меня до костей баритон и, видимо, попытался улизнуть, но его с хохотом удержали.

– Ось зараз проверим, какой ты купец! – с угрозой пообещала Орсана. – А ну доставай кошель!

Поскольку задавать лукаво усмехающемуся жениху загадки было бесполезно, подружки решили ограничиться выкупом и конкурсами. Живенько расчленив невесту на «ласковый взгляд» (ну-ну!), «лебединую походку» (я не удержалась от смешка – походочка у меня с детства была мужской, размашистой, к тому же я все еще слегка прихрамывала) и «красу неписаную» (тут у меня особых претензий не возникло), девушки начали поочередно сбывать сей сомнительный товарец дружине жениха, в итоге

умудрившись выручить шесть кладней, три серебрушки, сорок восемь медяков, бутылъ самогона, стакан томатного сока, выдаваемого расшалившимся Роларом за свежесцеженную («еще тепленькая!») у одного из гостей кровь («что ты, он ничуть не возражает, лежит себе тихонько под забором – устал, наверное!»), отчаянно орущего кота в мешке и, что меня особенно возмутило, какой-то на редкость вонючий цветок на кривом стебле, при виде которого Велька мигом потеряла интерес к выкупу и вместе с Келлой углубилась в оживленное обсуждение сей дивной флоры и зелий на ее основе, пока остальные решительно не напомнили им, зачем, собственно, явились.

Наконец стороны ударили по рукам, и Орсана торжественно вручила жениху полуведерный горшок с колодезной водой.

– Что это?! – ошеломленно поинтересовался Ролар, хотя по вытянувшемуся лицу Лена и так было ясно: ничего хорошего.

– Ключ от сердца невесты, – охотно пояснила Велька, и вся женская часть присутствующих начала громко скандировать:

– Пей до дна!!!

Жених жалобно оглянулся на дружину, но та отвела глаза и малодушно попятилась. Отступать было поздно, и спустя пару минут несколько погрузневший Лён извлек из горшка огромный ржавый ключ, судя по гневному Келлиному воплю – от колбасного погреба.

Наступил торжественный момент. Меня выудили из-за печи, еще раз критически осмотрели и подпихнули к услужливо распахнутой во всю ширину двери.

Мать честная...

Радостно заоравшим при виде меня народом был забит не только наш дворик (обильно изукрашенный цветами и лентами), но и прилегающая улица с площадью включительно. По бокам последней разместились драконы, время от времени порывивая и выпуская эффектные языки пламени. Два десятка музыкантов разом грянули туш на всех инструментах подряд от гномьих барабанов до эльфийских волюнок, к которым радостно подключились волки.

Увидев такое дело, я застряла в дверном проеме, тихонько подвывая от ужаса. Потом попыталась сдать назад, но Келла и Орсана были настороже, так что номер не прошел.

Публика, и без того весьма оживленная, с восторгом отнеслась к процессу выпихивания товара к покупателю, причем я цеплялась за косяк уже обеими руками. Навстречу мне с не меньшими усилиями толкали упирающегося Лена с очередной модификацией веника, к которой только

помела не хватало.

Но тут мы увидели друг друга и, остолбенев, разом прекратили сопротивление. Какой там горбатый упырь! Да невесты всего мира сошлись бы в смертном бою за обладание таким женихом, а победительница померла бы на месте от счастья! Если бы, конечно, неделю назад не носилась за ним с конфискованным у очередного ведьмака осиновым колом по всему Дому Совещений, вопя: «Сейчас ты у меня узнаешь, как „по секрету“ врать волменским послам, что у меня степень магистра по некромантии!». А я-то гадала – чего они весь вечер так странно на меня косятся?!

Не знаю, что подумал Лён, но вампир, не отрывая от меня сияющих глаз, подошел к крыльцу и, опустившись на одно колено, церемонно и с явным облегчением всучил мне кошмарный веник, вдобавок оказавшийся жутко колючим. После чего так же молча отступил и вскочил на Вольта, а мне подвели Смолку, поспешно дожевывающую второй комплект украшений. При виде невестоподобной хозяйки бедная лошадка поперхнулась и попыталась встать на дыбы, но с Ороеном этот фокус не прошел. Впрочем, когда я подала голос и кобыла сообразила, что где-то внутри этого белого кошмара скрывается ее хозяйка, ужас на ее морде сменился выжидательным ехидством. Почему – выяснилось очень быстро. Вы когда-нибудь пробовали влезть на лошадь в туфлях на каблуках, пышном свадебном платье и с зажатым под мышкой букетом?! Число желающих попихать меня вверх росло в арифметической прогрессии с каждой попыткой, а истерически хохочущих – в геометрической. У жениха, похоже, тоже чесались руки, но по обряду больше подходить ко мне до венчания он не мог. так что охотно примкнул ко второй категории.

– Лучше бы я на телеге поехала, – проворчала я, наконец взгромоздившись в седло и пытаюсь выпутаться из фаты, пока подружки поспешно оправляли задравшееся спереди и сзади платье. Хорошо хоть о поводьях не пришлось беспокоиться, коней должны были вести под уздцы. Вольта взяла Келла, сердито сверкнувшая на меня глазами: Верховная Травница целую неделю отговаривала меня ехать к месту венчания верхом. Но мне показалось, что так будет эффектнее... впрочем, произвести на гостей впечатление и в самом деле удалось.

Толпа разделилась на три части – большая отправилась к месту бракосочетания коротким путем, по сетке черновика (как позже выяснилось, в ней разбирались далеко не все, так что Стражи выводили заплутавших гостей из догевских лесов до самого утра), а две поменьше, из самых близких друзей, увязались за разъехавшимися в разные стороны

молодыми. «Чтобы напоследок вольным воздухом подышали», – успел съязвить Ролар, прежде чем занял свое место в дружине жениха.

Бересклет ^[11] в пику холодной весне и дождливому лету выдался замечательный, теплый и сухой. Сегодняшний денек не стал исключением. По лесу еще всю порхали бабочки и, хотя под лошадиными копытами уже шелестела опавшая листва, деревья только начинали примерять золото и медь, теряющиеся в общей зелени. Светлые пятнышки пробившихся сквозь ветви солнечных лучей чередовались с лиловыми островками безвременников, нежных осенних цветов вроде крокусов.

Сзади перешептывались и хихикали, но со мной не заговаривали. Мол, последняя возможность одуматься – никто не должен отвлекать.

Я-то одумалась уже через три сажени, но попробуй теперь слезь с этой кобылы! Ну почему я не послушалась Келлу?! Сейчас бы подобрала юбки, сиганула через обрешетку – и поминай как звали!

На поляну мы с Леном выехали почти одновременно (к радости Крины – мол, хорошая примета). Гости уже давно были там, алчно косясь на накрытые столы в левой ее части. На противоположном краю возвышалась увитая плющом беседка, длинная, открытая, с низенькими перильцами и тремя входами – два узких боковых и один широкий центральный. Резной дуб опорных столбов, ступенек, дощатого помоста и деревянных кружев под черепитчатой крышей почернел от времени, вызывая благоговейный трепет и вполне закономерные опасения. Посредине стоял уют – место и в самом деле было видное.

Покрасневшая Орсана метнулась к беседке, схватила злосчастную утварь и спрятала за спину.

Смолку подвели к левому входу, Вольта – к правому. Попытка «забыть» на седле веник успехом не увенчалась, пришлось тащить эту гадость с собой, кисло изображая восторг от одного великолепия.

Первой на помост поднялась Келла и, встав в центре, торжественно воздела руки к небу, призывая к вниманию. За спиной травницы рядком выстроились Старейшины. Под медленную и проникновенную музыку я под руку с Орсаной, а Лён – с Роларом взобрались по зловеще заскрипевшим ступенькам и встали в трех шагах друг от друга. Доведа нас до места, друзья отвесили Келле церемонный поклон и ретировались.

Один из Старейшин подал Верховной Травнице маленький плоский ларец. Музыка умолкла и в тишине отчетливо прозвучал щелчок откинувшейся крышки. Внутри, на черном бархате лежало два серебряных кольца. Келла широким жестом продемонстрировала их гостям, а потом предложила нам.

Я потянулась было к большему, но Лён меня опередил. Моя рука зависла над ларцом. Я в замешательстве подняла глаза на Келлу, но та как будто не заметила ошибки Повелителя.

– Ну бери же! – поторопила Верховная Травница.

Выбора не было. Я растерянно взяла оставшееся кольцо. Я что, сама его себе на палец надевать должна?! О свадебных обрядах вампиров я имела весьма смутное представление, ибо так и не удосужилась прочитать подсунутый мне Келлой пудовый фолиант двухсотлетней давности на старовсеобщем языке, а Лён беззаботно заверил меня, что «ничего особенного, почти как у людей, по крайней мере – с тем же результатом».

– Итак, начнем церемонию! – Келла звучно захлопнула ларец. – Уважаемые догевцы и почетные гости долины, сегодня мы собрались здесь с... вполне очевидной целью (уважаемые и почетные охотно захихикали) – засвидетельствовать союз Повелителя Догевы Arr'akk-tur T'or ardWeist Sh'aepnell и Верховной Догевской Ведьмы, Вольхи Редной!

Толпа свистом и разрозненными выкриками подтвердила, что собралась именно для этого и готова приступить к своим обязанностям. После чего затаила дыхание, и над площадью повисла гнетущая тишина.

Я недоуменно огляделась. Ни вопросов, согласна ли я добровольно сойти в могилу, ни предложения обменяться надгробными плитами, тьфу, обручальными кольцами! Тем не менее все жадно глазели на меня, явно ожидая каких-то действий. Лён, почему-то заложив руки за спину, изо всех сил пытался сдержать улыбку.

– Что? – не выдержав, с досадой поинтересовалась я.

– Проси у него кольцо, – шепнул Ролар, по праву дружки стоявший у самой беседки.

– Чего?!

– Согласно нашим обычаям, вы должны убедить друг друга, а заодно и нас, в необходимости вашего брака. Если тебе удастся его уговорить, он отдаст тебе кольцо, и после ритуальной фразы ты наденешь его ему на палец. А потом он тебе.

Мне стало совсем нехорошо. Еще и уговаривать?!

– Лён, – неуверенно начала я, – отдай мне кольцо!

Вампир возвел глаза к небу и начал безмятежно насвистывать, делая вид, что он тут вообще ни при чем – так, мимо проходил. Толпа всколыхнулась смехом.

– Ну пожа-а-алуйста...

Свист поменял тональность, и я отчетливо разобрала мотив «Если б раньше я знала...». Орсана истерически всхлипнула и сползла по столбу

беседки. Остальные тоже не жаловались на плохое настроение. Я, разозлившись, сделала внезапный рывок и попыталась отобрать кольцо силой, но Лён ловко увернулся и, по-прежнему не произнося ни слова, насмешливо приподнял левую бровь.

– Учти, потом будет твоя очередь упрашивать! – ехидно припугнула я. Вампир дрогнул, но устоял.

– Ах так? Не больно-то и хотелось! – обиделась я, отворачиваясь и угрюмо скрещивая руки на груди. Ну и что я ему должна сказать? Что так уж и быть, согласна спрятать меч в кладовку, остепениться, стирать ему носки и по утрам подавать кровь в постель?!

Обернувшись, я поймала его взгляд – неожиданно серьезный, сочувственный, понимающий... и вдруг поняла, что мне плевать, отдаст он мне это проклятое кольцо или нет. Потому что даже если не отдаст, я все равно останусь с ним, а он – со мной, и – что там какая-то смерть! – даже брак не разлучит нас...

И тогда Лён шагнул вперед, протянул руку, и в мою ладонь скользнул теплый серебряный ободок.

– Есть!!! – радостно завопил Ролар, и площадь содрогнулась от жуткого воя, рева, визга, свиста и топота.

– Ну, полдела сделано, – с явным облегчением объявила Келла, когда восторг немного поутих, а запущенную Важеком шутиху со всяческими извинениями выудили у Лереены из декольте. – Arr'akk-tur?

Лён глянул на меня, улыбнулся и проникновенно спросил:

– Вольха, ты отдашь мне свое кольцо?

«Ты же знаешь, что да. И попробуй только не взять!» Несколько секунд я задумчиво глядела на него, а потом, к восторгу публики, лукаво прищурилась и ехидным голосочком объявила:

– Размечтался!

Что тут бы-ы-ыло... Лён и на колени вставал, и клялся, что не только не будет мешать мне писать диссертацию, но и собственноручно наловит для нее «практический материал» в ближайшем овраге; что за кровью он будет ходить сам, хотя лучше, конечно, разживаться ею прямо на месте; а стирку носков он доверяет только Келле («Что?!» – возопила возмущенная травница). Я «сломалась» на тройном повышении оклада плюс надбавка за вредность. Кольцо наконец-то перекочевало к Лёну, и Келла приступила к официальной части церемонии, прочувственно заговорив:

– Надеюсь, вы хорошо обдумали свое решение и впоследствии ни разу о нем не пожалеете, ибо брак – это не только...

Последующие десять минут Верховная Травница со вкусом

расписывала ожидающие нас ужасы совместной жизни вроде «разделенных тягот, горестей и обязанностей», а гости любовались постепенно вытягивающимися лицами брачующихся. Лена, кажется, больше всего устрашило требование «не скрывать пред ней ни деяний своих, ни помыслов», а я окончательно уверилась, что достойной «хранительницей семейного очага» мне никогда не стать. Хранительницей Повелителя и то легче!

– Итак, – в конце концов торжественно провозгласила Келла тоном выше, дабы придать вопросу подобающую значительность, – несмотря ни на что, согласна ли ты, Вольха Редная...

Толпа зачарованно притихла, внимая каждому слову, а темноволосый рыцарь в последнем ряду с умиленной улыбкой поднял руку и сотворил в воздухе знак храмового благословения.

Келла осеклась на полуслове, ибо невеста рванулась вперед с таким плотоядным выражением на лице, что неизвестно было, кто из молодых вампир. Причем очень голодный.

Лён в последнюю секунду успел изловить меня за бант, оказавшийся, к счастью, фальшивым, то есть пришитым намертво.

– Вольха! – умоляюще прошипел он. – Никуда он от нас не денется, а в случае чего мы знаем, где он закопан!

Я глянула на вытаращенные глаза присутствующих, опомнилась и вернулась «в строй». По площади прокатился облегченный и одновременно разочарованный вздох – видимо, половина гостей до последнего сомневалась в моей свадебной решимости и по этому случаю заключила со второй половиной пари.

Травница, откашлявшись, повторила вопрос.

– Да, – рассеянно отмахнулась я, продолжая выискивать глазами нахального святого.

– Согласен ли ты...

– Да, – поспешно подтвердил Лён, пока я снова не попыталась улизнуть.

Келла с трудом сдержала вздох облечения и, окинув нас удовлетворенным взглядом, изрекла кульминационную фразу:

– В таком случае – властью, данной мне Советом Долины, я объявляю вас мужем и женой! И в знак сего знаменательного события прошу вас на виду у всех собравшихся обменяться обручальными кольцами.

У меня тряслись руки, у Лена, хоть и не так заметно, – тоже, но мы все-таки каким-то чудом умудрились прицелиться и попасть – то ли кольцами на пальцы, то ли пальцами в кольца.

Снова грянул туш, и Келле пришлось очень постараться, чтобы его перекричать:

– Молодой, теперь вы можете поцеловать свою супругу!

Мы смущенно и неловко потянулись друг к другу. Толпа умиленно заахала, Крина полезла в карман за носовым платком.

В следующее мгновение раздался громкий треск, и все действующие лица в облаке пыли исчезли с глаз изумленных гостей. Музыка оборвалась надрывными взвизгами и хрипами, друзья, чихая, кинулись к помосту, веночком нависнув над рваным проломом.

– Эй, вы там целы?

– Хотя бы живы?

– Ну хоть кто-нибудь?!

– Да гхыр с ними, главное – поцеловать успел?!

Снизу донеслось мое неуверенное: «Вроде бы да...» и сдавленный голос Лена: «А если уважаемые Старейшины и Верховная Травница наконец соизволят с меня слезть, то я точно узнаю, кого именно!»

– О боги... – Келла, ухватившись за одну из дюжины услужливо протянутых рук, выкарабкалась на остатки помоста. Вслед за ней коллективными усилиями извлекли Старейшин. – Этих двоих вместе даже дубовые доски не выдержали!

Лён, усмехнувшись, привлек к себе несколько потрепанную невесту.

– Для верности, – пояснил он минуту спустя. Вверху заплодировали и по цепочке передали остальным радостную весть о состоявшемся-таки браке.

Когда все оказались на свободе и отряхнулись от пыли и паутины, Келла наконец дала команду садиться за столы. Оголодавшие гости не заставили себя дважды упрашивать. Несмотря на очень теплую и дружескую обстановку, люди сели вместе с людьми, вампиры с вампирами, а гномы с гномами (часа через два, впрочем, все расы благополучно перемешались и стали заверять друг друга в вечной любви). Целый стол заняли тролли, из которых вообще-то звали одного только Вала, но прогнать остальных не посмели.

И начался пир!

Такого изобилия и разнообразия я в жизни не видывала, ибо каждая догевская хозяйка сочла своим долгом приготовить для свадьбы обожаемого Повелителя что-нибудь эдакое. Конечно, далеко не все, критически продегустированное Келлой, оказалось на столе, но на скатерти и так едва осталось место для тарелок и цветов, а также выпивки на любой вкус – от ядреного гномьего самогона, вышибавшего слезу даже у

вампиров, до человеческих вин и травяных медов практически непьющих эльфов (бутылки периодически путали, а отказываться было невежливо, так что вскоре веселье забило ключом).

Нам толком поесть так и не удалось – уже после второй ложки салата я услышала зловещее потрескивание корсета и решила не рисковать, а Лену все еще аукался амбарный ключ, и первые два часа были слегка подпорчены его частыми отлучками. К тому же нас постоянно отвлекали знакомые с поздравлениями и (куда чаще) ироничными соболезнованиями (причем тем более искренними, чем лучше эти знакомые нас знали) или подло кричали: «Горько!»

С каждым разом получалось все профессиональнее, мы определенно входили во вкус.

Под покровом длинной скатерти то и дело предпринимались попытки похитить невестину туфельку, но я была настроена агрессивно и возжелавшие обувки незамедлительно ею получали. Тогда мерзавцы сменили тактику. После очередного слаженного вопля о возмутительно горьком вине Лён остался сидеть, мрачно и в то же время виновато поглядывая на меня.

– Я не могу встать! – трагически прошипел он в ответ на мой изумленный взгляд.

– Почему? – опешила я.

– Потому что какая-то сволочь только что сперла у меня сапог!

– И ты не заметил?!

– Все мои мысли были только о тебе, – с убийственной честностью признался вампир, заставив меня вспыхнуть до ушей.

Вор не замедлил явиться – правда, отнюдь не с повинной.

– Вы тильки подывитесь, яки гарны чаровик! Орсана, вскочив на лавку, торжествующе потрясала над головой своей добычей. На салатовом платье наемницы отчетливо проступал отпечаток моей туфли, точно такой же украшал воротник Ролара. Внимание уже заморивших червячка гостей охотно переключилось на подругу и ее боевой трофей.

– Ну, кто желает, – девушка задумчиво принялась к голенищу, вызвав дикий взрыв хохота за столом (Лён возмущенно прошипел: «Неправда, он совершенно новый!»), – за здоровье молодых осушить до дна эту по-чэсную чарку?

Гости с уважением прикинули размер «чарки», и между троллями завязалась небольшая потасовка. Победил Вал, не то чтобы выпивший, а скорее выливший добрую бутылку содержимого в свою бездонную глотку. Лён печально, двумя пальцами, взял истекающий вином сапог за краешек и

поставил под стол, рядом с босой ногой. Его незамедлительно сперли снова, а дальше он вообще пошел у троллей по кругу, и Келла, сжалившись, принесла молодому новые сапоги.

Попутно Верховная Травница с негодованием обнаружила, что стоящую возле нас троллю корзину с цветами изящно обвивает черная лента с золотой надписью «От безутешной вдовы». Похоже, бесовестный наемник просто-напросто спер ее на ближайшем кладбище. После недолгой, но выразительной (в смысле богатой на выражения) перепалки корзину унесли с глаз долой.

На выкупе «чаровика» Орсана не остановилась и при горячем участии Вельки организовала еще несколько веселых конкурсов – к огромному удовольствию зрителей и смущению участников. Нам с Леном досталось больше всего, ибо жених с невестой были слишком заметными фигурами, чтобы нырять под столы, опережая хищные взгляды подружек, высматривающих жертву для очередного издевательства.

Когда окончательно стемнело, на столах зажгли свечи, а к деревьям прикрепили ярко пылающие факелы. Кое-где посверкивали и пульсары, хотя живое пламя было не в пример уютнее. Музыканты, до сих пор изображавшие ненавязчивый фон на заднем плане, встряхнулись и для разминки грянули белорусскую народную «Ой несут меня ножки!», а потом – разудалый гномий танец, в который ухитрились втянуть даже Старейшин и Келлу, и совсем уж разухабистый винесский гопак, в котором только и требовалось, что скакать побыстрее и вопить погромче «Гоп, гоп, э-гэ-гэй!».

Когда ножки отказались не только нести, но и держать, гости разбрелись по полянке и окружающему лесу, наслаждаясь праздником и наконец-то оставив молодых в покое. Музыканты перешли с плясовых на душевные, красивый девичий голос выплетал песню о золотых драконах. Рычарг и Герета, разлегшись рядышком, щурились от удовольствия и время от времени ностальгически вздыхали.

Возле фонтана Смолка в сползшем на одно ухо венке дружелюбно перефыркивалась с мантихорой. Манька, узнав нас, выгнула спину и с урчанием полезла здороваться, чуть не свалив меня с ног. Кузьмая с Магистром Травником поблизости не было, и от рыжей кистеухой морды подозрительно пахло копченой рыбой.

Вэрд и Лереена, забыв про недопитые бокалы, оживленно о чем-то беседовали. Повелительница Арлисса заметно покраснелась и совсем уж непривычно хихикала, как девчонка. Повелитель Леска явился на свадьбу совершенно неожиданно для нас и, похоже, для себя, хотя приглашение

ему, поколебавшись, все-таки отправили. С обычной печатью, разумеется. В Догеве на Вэрда, как и на Лена в Леске, сначала опасливо косились, но после дружеского рукопожатия Повелителей приняли более чем гостеприимно. И, судя по все более увлеченному разговору, о своем приезде (вернее, прилете) он ничуть не жалел.

В двух местах видели Тивалия, а в трех – Фендюлия (одному из выпущенных из винного погреба гномов они явились одновременно), который, подлец, под шумок успел прочитать несколько прочувственных проповедей, возложить руки на всех подвернувшихся больных (Кайел на всякий случай подходил два раза), перевербовать в дайны одного из магов и довести до покаянных рыданий случайно затесавшегося среди гостей вора. На счастье деятельного святого, мне он так и не попался, хотя под конец свадьбы поисками конкурента занималась уже добрая половина магистров с Учителем во главе.

В полночь пришла пора резать свадебный торт, и о молодых снова вспомнили. Нам вручили здоровенный нож, и гости с тарелками наготове выстроились в очередь. Возникла небольшая заминка – на торте опять красовались похабные фигурки. Темар сделал торжествующий жест сжатой в кулак рукой и поспешил затеряться в толпе.

Получив взамен каждого кусочка поздравление и подарок (кто «осчастливил» нас гробом, так и осталось загадкой), я вышла на середину поляны и с громадным облегчением подбросила букет, мстительно целясь в Вельку, но он пролетел над ее головой и свалился прямо в руки Лереене. Повелительница поморщилась, но смолчала.

Радовалась я недолго, ибо пришло время заключительного, самого важного и ответственного свадебного мероприятия.

Проводить нас короткой дорогой до Дома Советаний (левая половина которого служила жильем для самого Повелителя Догевы) вызвалась бы добрая половина гостей. «Бы», потому что их никто не звал, но они все равно радостно повалили следом, не желая пропускать такое развлечение!

У порога Лён под шумные аплодисменты подхватил меня на руки, внес в дом и метко пнул ногой хлопнувшуюся дверь. Спущенная на пол, я на цыпочках подкралась к окну, отодвинула краешек занавески и содрогнулась. Провожающие и не думали расходиться, рассевшись прямо на травке возле дома. Вокруг медленно прогуливалась Келла, изображая деловитое оздоровление свежим воздухом. Важек с Темаром и Енькой, не преуспев в магических средствах подслушивания (зря я, что ли, накануне битый час заговаривала дом от всего подряд, вампирьего чутья включительно, ожидая чего-то подобного?!), по-простому прильнули

ушами к двери, с нетерпением ожидая вожделенной постельной сцены. Впрочем, осуществить ее под доносящиеся с улицы взрывы хохота и ободрительные вопли не смогли бы даже тролли (кстати, сами тролли не только ободряли, но и давали подробные инструкции).

Я посмотрела... послушала... покосилась на Лена... на мужественные и упоительно прекрасные черты лица, золотистые волосы, ниспадающие на обнаженные плечи, широкую грудь и мускулистый живот... особое внимание уделила неспешно расстегиваемому ремню... и подумала, что сейчас завою в голос и полезу под кровать, и гхыр он меня оттуда достанет!

– Раздевайся, – решительно велел муж.

– Н-не могу... – обреченно зажмурившись, выдавила я, имея в виду как недоступность шнуровки, так и охвативший меня столбняк.

– Повернись.

Я с замиранием сердца ощутила, как пальцы Лена ловко пробежались по петелькам платья, а потом и корсета. Пышные юбки прошуршали мимо лица и осели на стуле. Стало легко, холодно и жутко, как на первом рабочем кладбище.

«Живой не дамся», – мрачно подумала я.

В следующий момент Лён так же бесцеремонно... напялил на меня рубашку. От неожиданности я запуталась в рукавах и вороте, а когда протиснулась куда следует, вампир уже застегивал свою старую куртку. Костюм «горбатого упыря» небрежно висел на спинке кровати.

– Что ты делаешь? – ошеломленно поинтересовалась я.

Лён, не отвечая, сосредоточенно осмотрел кладку вокруг камина, постучал по одному камню, второму... а потом налег всем весом на правый край камина, и тот с легким гулом провернулся вокруг оси. За узким темным лазом просматривались задворки дома.

– Как насчет небольшой прогулки? – подмигнул вампир.

– С улицы увидят, – робко возразила я, тем не менее стряхивая туфли и влезая в штаны.

Лён плутовато усмехнулся и боком шагнул в проем, мгновенно растворившись в нем, аки легендарный вампир в ночи. Поскольку за обычными вампирами я таких штук пока не замечала, оставить сей феномен без внимания было выше моих сил. Подпрыгивая на одной ноге и пытаясь на весу зашнуровать сапог на второй, я вслед за Леном протиснулась в лаз и...

Очутилась посреди глухого леса. Озадаченно покрутила головой, неизменно натываясь взглядом на деревья и кусты, пока не сообразила, что, судя по всему, впритык к задней стене Дома находится узловая точка

«эффекта черновика», мгновенно перенесшая нас вампир знает куда. Снисходительно подождав, пока я справлюсь со шнуровкой, Лён уверенно пошел вперед. После свадебной кутерьмы мрачная лесная тишина казалась величественной и таинственной. Только шуршала листва под ногами, словно перешептываясь с покинутыми кронами.

– А куда мы идем? – не выдержала я.

– Как это куда? – бесцветным юлосом, не поворачиваясь ко мне, оюзвапся Лён. – Подальше в лес для заключительного жуткого и кровавого ритуала – пожирания наивной девицы кровожадным вампиром. А ты думаешь, для чего вся эта история затевалась? Ритуал уходит корнями в глубокую древность, проводится ежегодно осенью, маскируясь под свадьбу, дабы не шокировать остальные расы...

Я рассмеялась и пихнула его в бок:

– Врешь!

– ...между прочим, очень выгодный обычай, – уже и сам даваясь от смеха, продолжал Лён. – И Повелитель долины сыт, и традиции соблюдены, и жители на свадьбе погуляли, и никаких претензий – сама вызвалась, еще и слезно упрашивала...

– Я?!

Догнать злодейски хохочущего мерзавца, как всегда, не удалось, но я честно старалась, пока не выдохлась. Лён, убедившись, что опасность миновала, вернулся и прислонился спиной к тому же дереву, только с другой стороны ствола.

– А может, давай наоборот? Я и в самом деле есть хочу... – жалобно призналась я.

– Я тоже. Только, в отличие от тебя, догадался прихватить со стола кольцо колбасы и хлеб.

– Лён! – Я мигом воспрянула духом и с надеждой поинтересовалась: – Ты же меня любишь, правда?

– Разумеется. Но эту милую колбасу, – Лён соорудил глазки вытасченному из кармана свертку, – я люблю определенно больше... Эй, ладно, ладно, поделюсь! Давай только на опушку выйдем, тут уже рядышком.

Я узнала местность, только когда передо мной открылся широкий луг под косогором. В центре, по колено в поднимающемся тумане, паслись единороги. Даже отсюда было слышно, как они щиплют траву и пофыркивают. Лён галантно постелил на землю свою куртку, я великодушно оставила ему краешек. После короткой перепалки колбаса и хлеб были поделены на относительно равные куски, и я со вздохом

облегчения наконец-то запустила зубы во что-то существенное.

– А они пусть торчат себе у дверей, голубчики, – мстительно проворчала я с набитым ртом. – Даже если Енька в конце концов взломает защиту...

– Угу, – злорадно откликнулся Лён. – Зря надеются!

– А откуда ты узнал о потайном ходе?

– Разбирал оставшиеся от предшественников документы и наткнулся на план Дома. Похоже, этот лаз выручал не одно поколение Повелителей Догевы – по крайней мере, по нему очень удобно удирать от надоедливых посетителей вроде Кайела.

– Так ты уже им пользовался?

– Изредка, – со смешком признался вампир. – Иначе Старейшины догадались бы, что что-то тут неладно.

– погоди, – встрепенулась я. – Но ведь «эффект черновика» работает в обе стороны! Значит, любой так же легко может проникнуть из леса прямо к нам в спальню?! Хорошо, если парочка комаров или заяц, а вдруг какой-нибудь шальной ведьмак? Потом доказывай ему, что вампир – это вон он, а я только на минутку в гости зашла!

Лён шутливо погрозил мне огрызком колбасы:

– Не волнуйся, через несколько минут камин встанет на место и закроет как обычный лаз, так и пространственный.

– А как же мы сами вернемся?

– Проще простого – кружной дорогой, – философски пожал плечами вампир. – Надеюсь, за это время все шутники разойдутся и мы спокойно войдем в Дом через заднюю дверь.

Мы надолго замолчали, отчасти поглощенные своими мыслями, а отчасти – колбасой. Два единорога, встав на дыбы, в шутку мерялись силой, перебирая копытами и скрещивая рога. Звездный свет играл на кончиках шерстинок и просвечивал развевающиеся хвосты, создавая впечатление, как будто они слабо фосфоресцируют. Над лугом черными трепещущими клочьями носились летучие мыши.

Я запихнула в рот последний кусок... и неожиданно осознала, что в свою первую и, скорее всего, единственную брачную ночь сижу на краю обрыва, зябко кутаюсь в куртку, кормлю комаров, жадно, вместе со шкуркой поедаю с боем вырванную у вампира колбасу, болтаю с ним о всякой ерунде, люблюсь ночной долиной... и чувствую себя совершенно счастливой!

– Ну что, – вкрадчиво поинтересовался Лён, – плохо тебе замужем?

Я непреклонно фыркнула и скрестила руки на груди.

С ним мне было хорошо даже замужем.
Но гхыр он от меня дождется этого признания!!!
...а первое брачное утро получилось как-то само собой...

notes

Примечания

1

Золотая монета.

2

Священнослужители.

3

Колосень – второй летний месяц (белорск.).

4

Травород – май.

5

Кто не в курсе – гребец в лодке сидит спиной к ее носу.

6

Скопище (розетка) свободно растущих кристаллов

7

Баньши – нежить средних размеров, семейства упыриных, известная характерными пронзительными воплями в ночное время суток. По легенде, вой баньши, несущийся преимущественно с естественных возвышенностей или (за неимением оных) с крепостных стен, предвещает чью-то скорую смерть, что неудивительно, поскольку баньши плотоядны и весьма прожорливы (см.: Учебник по неестествознанию под ред. К. Д. Перлова за 5-й курс)

8

Буквально (с третьего): очень большое количество свежего драконьего помета.

9

Страдень (белорск.) – последний месяц лета.

10

Как известно, самый искренний смех – злорадный, – Примеч. автора.

11

Первый осенний месяц (белорск)

Содержание

Ольга Громько Верховная Ведьма	
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Житие святого Фендюлия	
ЧАСТЬ ВТОРАЯ Отпускные СКИТания	
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ Ведьмопродавцы	
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ Сезон погони	
ЧАСТЬ ПЯТАЯ Бессмертный бой	
ПОСЛЕСЛОВИЕ Бракозаводный процесс	
Примечания	
1	
2	
3	
4	
5	
6	
7	
8	
9	
10	
11	